М.М. МАММАЕВ

ЗИРИХГЕРАН — КУБАЧИ

очерки по истории и культуре

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

М. М. МАММАЕВ

ЗИРИХГЕРАН – КУБАЧИ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала 2005

Издается по решению Ученого совета
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра Российской Академии наук

Научный редактор:
доктор исторических наук *М.С. Гаджиев*

Маммаев М.М. Зирихгеран – Кубачи: Очерки по истории и культуре. Махачкала, 2005. – 252 с.

В работе на основе археологических материалов, сведений восточных письменных источников и с использованием специальной литературы по теме, произведений искусства, памятников эпиграфики, а также топонимического, лингвистического и фольклорного материала освещаются узловые проблемы древней и средневековой истории и культуры одного из ранних государственных (политических) образований Дагестана – Зирихгерана и его центра Кубачи, сыгравших важную роль в экономической, политической и культурной жизни Северо-Восточного Кавказа. В ней раскрываются вопросы, касающиеся общественного строя, идеологических представлений, искусства и культуры жителей Зирихгерана – Кубачи периода средневековья. Подробно исследуется проблема происхождения кубачинцев и истоков их художественной культуры в отечественной и зарубежной историко-этнографической литературе XVIII-XX веков. В специальном разделе излагаются вопросы формирования этнической специфики искусства кубачинцев в процессе их этногенеза как малого этноса.

Рассчитана на историков, этнографов, искусствоведов и всех тех, кто интересуется вопросами истории и культуры дагестанских народов, и в частности жителей Зирихгерана – Кубачи.

ISBN 978-5-905784-69-9

instituteofhistory.ru

© М.М.Маммаев, 2005
© Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2005

Посвящаю памяти
видного этнографа-кавказоведа
Евгения Михайловича Шиллинга

ВВЕДЕНИЕ

Знаменитый центр оружейников и златокузнецов селение Кубачи (рис. 1) относится к числу древнейших населенных пунктов Дагестана. Об этом свидетельствуют археологические данные, сведения средневековых арабских, персидских и турецких письменных источников, дагестанских исторических

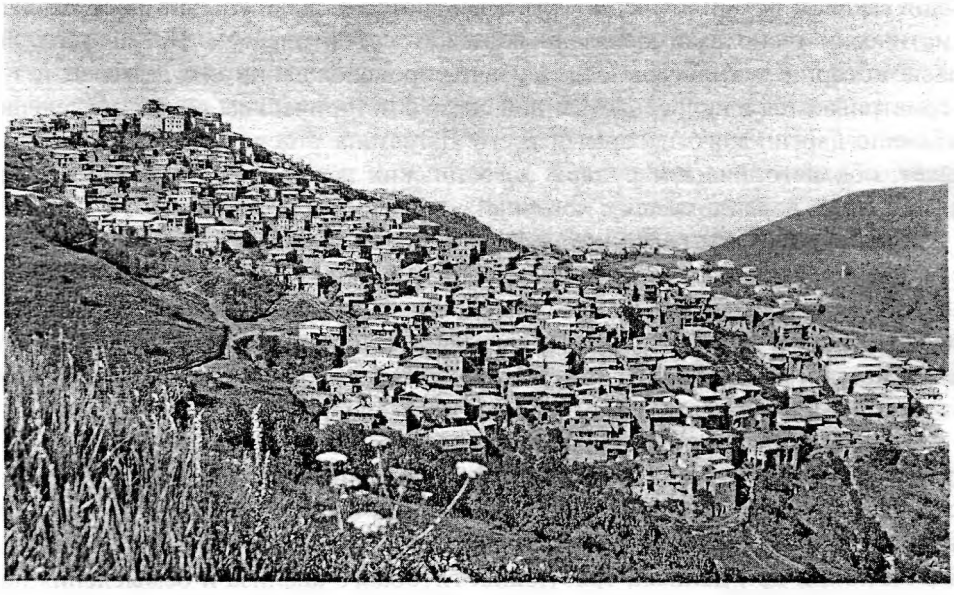

Рис.1. Пос. Кубачи. Старая часть. Вид с юга. Фото начала 90-х годов XX в.

сочинений, исторические предания и легенды, памятники искусства и эпиграфики кубачинцев, их традиционный фольклор и т.д. Возникнув еще в глубокой древности в довольно выгодной в стратегическом отношении горной местности, в раннем средневековье благодаря своему географическому положению и высокому экономическому развитию оно стало центром государственного (политического) образования Зирихгеран, игравшего важную роль в экономической, политической и культурной жизни Дагестана.

В средневековых восточных письменных источниках и дагестанских ис-

торических хрониках Зирихгеран фигурирует наряду с такими известными раннефеодальными государственными образованиями, как Лакз, Кайтаг, Табасаран, Гумик, Серир, Филан, Шандан и другие. При этом под названием Зирихгеран подразумевается как столица, так и «царство» («владение») – государственное образование, включающее кроме собственно сел. Кубачи и окружающих его небольших родовых поселков еще ряд селений Кубачино-даргинского нагорья[1].

История сел. Кубачи и государственного образования Зирихгеран в целом остается еще очень слабо изученной, а интерес к их прошлому, проявляемый не только кубачинцами и их ближайшими соседями, а также учеными разных специальностей, но и широкими кругами читателей огромен.

Особенно слабо изученным является древний период истории сел. Кубачи. Поэтому, чтобы в какой-то степени восполнить этот пробел, в данной работе по мере возможности освещаются вопросы, касающиеся преимущественно древнего и средневекового периодов истории и культуры Кубачи.

Из-за малочисленности фактических данных последовательно изложить историю сел. Кубачи невозможно. Ввиду этого разные аспекты его древней и средневековой истории и культуры освещаются в сравнительно небольших и тематически тесно взаимосвязанных между собой очерках. Кроме того, вопросы истории и культуры сел. Кубачи, происхождения его жителей и т.д. рассматриваются в непосредственной связи с историческим прошлым селений Кубачино-даргинского нагорья и всего Дагестана в целом. Иначе и быть не может, ибо исторические судьбы дагестанских народов едины, история сел. Кубачи тесно переплетается с историей окружающих его селений.

Хронологические рамки исследования охватывают в основном период от древности до эпохи зрелого или развитого средневековья (до XV-XVI вв.), за исключением раздела, касающегося проблемы происхождения кубачинцев в отечественной и зарубежной историографии. В этом разделе (глава VII) изложение мнений различных ученых и путешественников об этногенезе кубачинцев и истоков их искусства доведено до современности.

В пределах указанных хронологических рамок вопросы истории и культуры сел. Кубачи и государственного образования Зирихгеран изложены неравномерно, что связано, как уже отмечалось, с состоянием источниковой базы и изученностью письменных источников и других (археологических, эпиграфических и др.) данных, требующих глубокого анализа и осмысления под углом зрения исторического прошлого Кубачино-даргинского нагорья.

Следует отметить, что в изучение истории, материальной и духовной культуры, общественного быта и социального строя, а также искусства кубачинцев большой вклад внес выдающийся этнограф-кавказовед, крупный и признанный ученый Евгений Михайлович Шиллинг (1892-1953). Его основополагающий труд «Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды»[2], по праву названный исследователями «фундаментальным монографическим исследованием»[3], «капитальной работой»[4] и давно ставший библиографической редкостью, по сей день остается образцом для исследовате-

лей в точности фиксации этнографического материала и эталоном изучения малых этносов.

Этот неутомимый исследователь, человек редкого обаяния, острого ума и большого таланта, стоявший у истоков дагестанской этнографической науки, основанной на современной методологии, заложил прочные основы дальнейшего, подлинно научного изучения истории, материальной и духовной культуры кубачинцев и других народов Дагестана. Без его оригинального труда «Кубачинцы и их культура» и других научных работ не обходится ни один исследователь-дагестановед, занимающийся историко-этнографическим изучением не только кубачинцев, но и других дагестанских народов. Рассматривая устные исторические предания кубачинцев, проф. Р.М. Магомедов очень высоко отзывается о «прекрасной работе Е.М. Шиллинга «Кубачинцы и их культура», где дан исключительно добросовестный и тщательный анализ этих преданий». Далее он пишет, что «лет 60 тому назад, будучи тогда еще молодым аспирантом в Москве, я участвовал в одной из его экспедиций в Кубачи – на меня произвели сильное впечатление его добросовестность, тщательность работы, многосторонний анализ материала. Участие в работе моего учителя Е.М. Шиллинга в аспирантуре теперь помогает мне в разборе зафиксированных тогда кубачинских преданий»[5].

Названию своего основного научного труда Е.М. Шиллинг дал подзаголовок «Историко-этнографические этюды» И это не случайно. Сам он, по мнению тех, кто с ним работал, знал его, сотрудничал с ним (Р.М. Магомедов, А.И. Алиев, З.А. Никольская, Г..Я. Мовчан, Я.А. Федоров и другие), по натуре своей был человеком исключительно скромным. К работам своим он относился более чем серьезно, даже «слишком сурово»[6]. Поэтому и подзаголовком своего исследования выбрал не «историко-этнографическое исследование», не «очерки», а именно «этюды». Кроме того, он отлично понимал, что всестороннее изучение многовековой истории, материальной и духовной культуры, традиционного искусства кубачинцев – дело весьма трудное, сложное, требующее усилий не одного исследователя, а ряда ученых разных специальностей – историков, археологов, этнографов, филологов, искусствоведов и т.д.

В сел. Кубачи старшее поколение жителей до сих пор хорошо помнит Е.М. Шиллинга и очень тепло и с большим уважением отзывается о нем. Память об этом замечательном исследователе, «человеке редкой душевной цельности и чистоты, который относился с подлинным уважением и любовью к изучаемому им народу»[7], особенно бережно хранят в семье Канаева Муталима Алигаджиевича. Евгений Михайлович во время приездов в сел. Кубачи жил у его дяди Канаева Гаджи-Маммы. С первого же приезда в Кубачи он стал близким, дорогим и почитаемым кунаком (гостем) Канаевых. И в научных кругах, и среди кубачинцев Е.М. Шиллинг в вопросах исторического прошлого сел. Кубачи был признанным авторитетом, прекрасно знающим и восточные письменные источники, и специальную литературу об этом селении – отечественную и зарубежную, систематизированный и аннотированный свод которой приводится в конце книги «Кубачинцы и их культура»[8].

Говоря о заслугах Е.М. Шиллинга в исследовании культуры, быта, соци-

ального строя кубачинцев, нельзя особо не отметить его большой вклад и в изучение, пропаганду, популяризацию и возрождение традиционного искусства кубачинских мастеров. По верной оценке Г.Я. Мовчана и Я.А. Федорова, «исследования Шиллинга, по сути дела, открыли заново и в новом аспекте всемирно известное искусство кубачинских мастеров»[9]. Обладая отличным вкусом и редким пониманием искусства[10], он обстоятельно и с восхищением описал художественные промыслы Кубачи, а также Сулевкента, Балхара, Унцукуля и ковровщиц южного Дагестана. Выдающийся исследователь истории народов Северного Кавказа, лауреат Ленинской премии, проф. Е.И. Крупнов отмечал, что «Кубачинцы и их культура» Е.М. Шиллинга является ценным вкладом в кавказоведческую науку. Вместе с тем книга отражает и неподдельное уважение автора к маленькому талантливому народу Кавказа, чье изумительное художественно-прикладное искусство он так любовно изучил и популяризировал»[11].

Евгений Михайлович был крупнейшим знатоком традиционного народного искусства горного края, изучением которого он занимался на протяжении всей творческой жизни. Собранные его усилиями во время экспедиционных поездок в Дагестан многочисленные предметы прикладного искусства и материальной культуры кубачинцев и других дагестанских народов пополнили и обогатили коллекции ряда центральных и республиканских музеев (Музея народов СССР, экспонаты которого впоследствии были переданы в Российский этнографический музей; Музея антропологии и этнографии РАН, Музея истории религии, Государственного исторического музея, Музея искусства народов Востока, Музея НИИ художественной промышленности, Дагестанского государственного объединенного музея и других), сохранив тем самым для науки бесценные образцы предметов народного быта, культуры и искусства.

Исследования Е.М. Шиллинга, посвященные кубачинцам, не ограничиваются, конечно, рассмотренной выше монографией[12]. Еще в 1937 г. в г. Пятигорске была издана его небольшая по объему, но содержательная книга «Кубачи»[13], в которой освещаются вопросы истории, культуры и искусства кубачинцев, описаны металлообрабатывающие производства, рассмотрен орнамент.

В том же году была опубликована статья Е.М. Шиллинга «Мастера резца и наковальни»[14], посвященная кубачинским мастерам-ювелирам, описанию их изделий из серебра и проблемам развития искусства сел. Кубачи.

Специально орнаментальному творчеству кубачинских мастеров-ювелиров посвящена вышедшая годом раньше объемная и содержательная статья «Ювелирный орнамент Кубачей»[15].

Художественному творчеству мастеров и мастериц селений Кубачи, Балхар и Унцукуль посвящена статья Е.М. Шиллинга «Орнаментальное искусство Дагестана»[16], опубликованная в альманахе «Творчестве народов СССР». В статье подробно исследуются специфические особенности орнаментальных композиций кубачинских ювелиров, керамических изделий балхарских мастериц и деревянных изделий с металлической насечкой (инкрустацией) унцукульских мастеров.

В работе «Кубачинское чернение, гравировка и литье»[17] им детально рассмотрены приемы нанесения черни на серебряные изделия, описаны различные виды гравировок и процесс художественного литья.

В 1947 г. вышла солидная его статья «Кубачинцы и их культура»[18], представляющая собой краткое изложение части содержания 3-й главы его книги «Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды», вышедшей в Москве в 1949 г. В статье речь идет в основном о пережитках мужских союзов у кубачинцев и их социальном строе.

Интересная и информативная статья «Изобразительное искусство народов горного Дагестана»[19] была издана Е.М. Шиллингом в 1950 г., в ней освещены вопросы художественного творчества ряда народностей Дагестана – андо-дидойской группы, арчинцев, лакцев, даргинцев, кубачинцев, лезгин.

Хотя в перечисленных выше статьях освещаются преимущественно вопросы традиционного народного искусства, тем не менее, в этих работах можно найти ценные сведения, касающиеся истории и художественной культуры сел. Кубачи изучаемого нами периода.

Значительное количество работ Е.М. Шиллинга оставалось неопубликованным и хранилось в архивах Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН) и исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, «где он наряду с научной деятельностью долгое время вел большую педагогическую работу, подготовив большое число специалистов по этнографии Кавказа»[20].

В 1993 г. Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н Миклухо-Маклая РАН была издана хранящаяся в архиве этого Института оригинальная работа Е.М. Шиллинга под названием «Народы Кавказа. Малые народы Дагестана»[21] с прекрасной вступительной статьей Ю.Д. Анчабадзе и под научной редакцией известных российских этнографов Н.Г. Волковой и Г.А. Сергеевой. Но полиграфическое исполнение ее оставляло желать лучшего. В этой книге даны этнографические очерки о малочисленных народах Дагестана – андийцах, ботлихцах, каратинцах, годоберинцах, багулалах, ахвахцах, бежтинцах, гунзибцах, арчинцах, кайтагцах и кубачинцах. Очерки охватывают практически все стороны этнографического бытия этих народов: хозяйство, поселения, жилище, одежда, пища, духовная культура, обрядность.

Ценные этнографические исследования Е.М. Шиллинга оставались неопубликованными и хранились не только в центральных научных учреждениях и высших учебных заведениях, но и в научных учреждениях Республики Дагестан, в частности, в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. В 1996 г. была издана хранящаяся в этом Институте совместная работа Л.Б. Панек и Е.М. Шиллинга «Сборник очерков по этнографии Дагестана»[22] под научной редакцией канд. ист. наук Р.И. Сефербекова. В этой работе представлены этнографические очерки о лакцах, народах андоцезской группы, арчинцах, рутулах, цахурах, агулах, кубачинцах, кайтагцах и табасаранцах, написанные по результатам нескольких этнографических экспедиций авторов в Дагестан в 1940, 1945-1947 гг. Как справедливо отмечено Р.И. Сефербековым в предисловии к «Сборнику очерков», «этнографическая

и историческая ценность данного сборника очерков состоит в том, что авторы зафиксировали срез культуры и быта значительного числа дагестанских этносов в 40-х годах XX столетия, когда культура в целом оставалась еще традиционной, а инновации были незначительны»[23]. Исследуя хозяйство, материальную и духовную культуру малочисленных дагестанских народов, авторы очерков делают краткие экскурсы в их историческое прошлое. Очерки данного сборника дополняют этнографические очерки о малых народах Дагестана, помещенные в книге «Народы Кавказа. Малые народы Дагестана». Сравнительное изучение малых народов Дагестана «позволило Е.М. Шиллингу показать черты общности и выявить специфические особенности культуры каждого из этих народов, составляющие их вклад в общедагестанскую сокровищницу культуры»[24].

Существует еще значительное количество работ Е.М. Шиллинга, посвященных исследованию хозяйства, одежды, религиозных представлений, различных видов народных художественных промыслов дагестанских и северокавказских народов (в том числе и кубачинцев), опубликованных в различных журналах, тематических сборниках, обобщающих трудах или в виде отдельных брошюр. Роботы эти вносят существенный вклад в дагестановедение и в этнографическую науку Кавказа в целом.

Вклад Е.М. Шиллинга в дагестановедение, в изучение народного искусства и малых народностей Дагестана, в становление дагестанской этнографической науки – тема специального исследования. Здесь же хотим привести слова Ю.Д. Анчабадзе, сказанные им о Е.М. Шиллинге: «Его творческое наследие выдержало испытание временем. Оно осталось в ряду самых ценных приобретений отечественного кавказоведения, во многом определив последующие направления исследовательской работы по изучению быта и культуры народов Кавказа»[25].

Без той основы, которая была заложена Е.М. Шиллингом по изучению истории, культуры, быта и традиционного искусства кубачинцев, вряд ли могла быть написана эта работа. Пусть она будет данью глубокого уважения его светлой памяти.

Помимо работ Е.М. Шиллинга, посвященных Кубачи, издано немало трудов историков, филологов, искусствоведов, этнографов, в которых освещаются важные и малоизученные вопросы исторического прошлого кубачинцев, их языка, искусства, фольклора, быта и традиционной культуры. Мы не ставили себе целью дать здесь подробный историографический обзор, так как в работе Е.М. Шиллинга «Кубачинцы и их культура», как отмечали выше, приведен обстоятельный аннотированный обзор источников и литературы по истории, материальной и духовной культуре кубачинцев. Имеется еще специальная работа доктора филологических наук, проф. А.А. Магометова[26], в которой дан подробный анализ источников и литературы, содержащих ценные исторические сведения о кубачинцах. Историографический обзор литературы, где освещаются вопросы художественной культуры и искусства сел. Кубачи периода средневековья, приводится в нашей монографии «Декоративно-прикладное искусство Дагестана»[27]. В ней рассмотрены труды Б.А. Дорна, Д.Н. Анучина,

Н.Б. Бакланова, А.С. Башкирова, И.А. Орбели, А. Салмони, Э.В. Кильчевской, П.М. Дебирова, Л.И. Лаврова, А.Р. Шихсаидова, А.А. Иванова, Р.А. Алиханова, Р.М. Магомедова и других, которые вносят значительный вклад в изучение исторического прошлого кубачинцев и их искусства. Кроме того, в седьмой главе настоящей работы будет рассмотрена отечественная и зарубежная литература, в которой затрагиваются вопросы происхождения кубачинцев и истоков их искусства.

Из работ, специально посвященных Кубачи и вышедших в последние годы, следует отметить ценное исследование Ф.О. Абакаровой по кубачинскому фольклору[28]. Опубликованные в ее книге лучшие произведения устно-поэтического творчества кубачинцев раскрывают богатство и своеобразие кубачинского фольклора. В исследовательской части книги приводятся важные сведения по истории селения Кубачи, занятиях его жителей, данные об их происхождении и т.д.

Вопросы развития художественного ремесла кубачинцев в прошлом освещаются в книге А.Д. Магомедова «Город златокузнецов»[29]. В ней приводятся некоторые сведения, касающиеся истории самого сел. Кубачи. Автор затрагивает также вопросы влияния ближневосточных художественных традиций на развитие средневекового искусства кубачинцев.

Особо следует отметить капитальный двухтомный труд проф. Р.М. Магомедова «Даргинцы в дагестанском историческом процессе»[30]. Две главы (десятая и одиннадцатая) первого тома этого труда посвящены специально Зирихгерану-Кубачи. Они подробно освещают политический строй и искусство кубачинцев XIII-XVI вв. Вопросы истории сел. Кубачи, занятий его жителей и т.д. рассматриваются и в других главах работы Р.М. Магомедова.

Наконец, одна из последних работ, посвященных Кубачи – это книга заслуженного художника России А.Г. Гусейнова «Кубачи и кубачинцы»[31]. В ней имеются интересные и ценные сведения по истории селения. Значительное место занимает в книге описание кубачинских обрядов, обычаев и традиций, а также художественных промыслов. Подробно пишет автор о выдающихся кубачинских мастерах – оружейниках и ювелирах, прославивших своими высокохудожественными изделиями не только родное селение, но и весь Дагестан. Не остались без внимания автора и ученые-кубачинцы – кандидаты и доктора наук, а также поэты писатели, драматурги, заслуженные деятели культуры и искусства.

Однако в книге немало досадных опечатков, искажающих фамилии ученых и путешественников прошлого, писавших о Кубачи (с. 15 – Каспорт вместо Клапрот, Бракай вместо Бракель, Рейкерс вместо Рейнеггс; с. 28 – Грабт вместо Грабш и др.). Автором допущены ошибки в цитировании различных трудов: с. 12 – цитата из работы арабского историка ал-Масуди: «Где-то в глубине Кавказских гор затерялось вольное общество «Зирехгеран» и оно платит дань городам Дербенту и Баку». На самом деле у Масуди таких сведений нет и совершенно непонятно, откуда взята эта цитата и почему она приписана арабскому историку X в. В работе приводятся неверные сведения, вводящие читателя в заблуждение. Так, автор на странице 15 пишет: «Откуда в

Зирихгеран пришло христианство трудно сказать, но то, что оно имело место подтверждают камни в форме крестов, которые довольно часто попадаются на территории кладбища при рытье могил». Это выдумка автора. До сегодняшнего дня неизвестно ни одного случая нахождения крестов в сел. Кубачи ни при рытье могил, ни при других обстоятельствах. Неверно и другое утверждение автора о том, что «в Кубачах также сохранилось довольно много резных камней с изображениями животных и птиц, свидетельствующих о христианстве»[32]. Ни один из исследователей, изучавших средневековые каменные рельефы из сел. Кубачи с изобразительными сюжетами не выявил еще ни одного резного камня, который можно поставить в прямую связь с христианской религией.

В книге встречаются безапелляционные утверждения вроде такого: «Нет веских оснований утверждать, как это делает историк Р. Магомедов, что кубачинцы – те же даргинцы» (с. 15). Если А.Г. Гусейнов не согласен с мнением уважаемого проф. Р.М. Магомедова и считает, что кубачинцы – не «те же даргинцы», то он должен был это обосновать, аргументировать и доказать. Он должен был объяснить, кто же тогда кубачинцы – французы, итальянцы или персы, как это преподносилось в дореволюционной литературе.

В толковании некоторых вопросов истории и культуры сел. Кубачи А.Г. Гусейнов проявляет свою некомпетентность. На странице 48 он приводит цитату из работы автора XII в. Абу Хамида ал-Гарнати о зороастрийского типа погребальном обряде зирихгеранов (кубачинцев) и пишет, что этот обряд «напоминал языческий обряд Тибета» (? М.М.). У читателя может возникнуть резонный вопрос – при чем тут языческий обряд Тибета и зороастрийского типа погребальный обряд у зирихгеранов? Какая между ними взаимосвязь? Где находится Тибет, а где находится Кубачи?

Далее автор на той же странице пишет, что погребальный обряд, описанный ал-Гарнати, «мог иметь место в Кубачи, что подтверждают раскопки Шаракунского могильника (Южный Дагестан), где были обнаружены следы подобного захоронения с признаками расчленения трупа». Сравнение погребального обряда кубачинцев, описанного ал-Гарнати в XII в. и обряда погребения Шаракунского могильника VI-I вв. до н.э., расположенного близ сел. Герейхановское Сулейман-Стальского района[33] недопустимо – их разделяет слишком большой хронологический промежуток. Кроме того, языческий обряд погребения Шаракунского могильника не имеет никакого отношения к зороастрийскому погребальному ритуалу.

К сожалению, в книге А.Г. Гусейнова такого рода неверные толкования вопросов истории и культуры Кубачи не редки. Автором книги допущено немало ошибок и в датах рождения и смерти многих кубачинских мастеров. Все эти ошибки, опечатки и неточности, разбирать которые здесь нет возможности, можно было избежать, если бы А.Г. Гусейнов не поспешил опубликовать свою книгу (путем «самиздата») и показал бы рукопись работы компетентным специалистам-историкам.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что, несмотря на довольно большое количество трудов ученых и путешественников XVIII-XX вв., в ко-

торых в той или иной степени освещаются различные вопросы истории Кубачи, искусства и культуры его жителей, тем не менее, многие страницы исторического прошлого этого селения остаются малоизученными или вовсе не затронутыми исследованиями. Не разработаны также проблемы происхождения кубачинцев и их искусства, многие другие вопросы материальной и духовной культуры древнего и средневекового периодов. В настоящей роботе поставлена цель на основе данных археологии, сведений письменных источников и с использованием специальной литературы по теме, произведений искусства, памятников эпиграфики, а также топонимического, лингвистического и фольклорного материала посильно осветить указанные проблемы, не претендуя на их исчерпывающую разработку.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кубачино-даргинское нагорье – историко-географический регион в южной горной части Дагестана, включающий сел. Кубачи и ряд населенных пунктов, жители которых говорят на кубачинском диалекте даргинского языка (Амузги, Ашты, Сулевкент, Шири), а также на даргинских наречиях (Уркарах, Киша, Харбук, Дибгалик, Дигбаши, Калакорейш, Урцаки, Урари, Ураги, Сутбук, Бакни, Худуц и т.д.). Средневековый Зирихгеран был составной частью территории Кубачино-даргинского нагорья.

Относительно того, почему данная книга имеет название «Зирихгеран-Кубачи», следует отметить, что в ней рассматриваются различные проблемы истории и культуры не только одного селения Кубачи, но и окружающих населенных пунктов, входивших в раннесредневековое государственное (политическое) образование Зирихгеран. Кроме того, до XIV-XV вв. сел. Кубачи называлось Зирихгераном, а в дагестанских исторических хрониках это название сохраняется вплоть до XVIII в.

[2] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л., 1949. – 223 с.

[3] *Анчабадзе Ю.Д.* Евгений Михайлович Шиллинг (1892-1953) // *Шиллинг Е.М.* Народы Кавказа. Малые народы Дагестана. М., 1993. С. 14.

[4] *Мовчан Г., Федоров Я.* Свой среди своих // Советский Дагестан. 1970. № 3. С. 76.

[5] *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. 1. Махачкала, 1999. С. 205.

[6] *Анчабадзе Ю.Д.* Указ. соч. С. 19.

[7] *Мовчан Г., Федоров Я.* Указ. соч. С. 76.

[8] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 209-221.

[9] *Мовчан Г., Федоров Я.* Указ. соч. С. 75.

[10] Там же. С. 76.

instituteofhistory.ru

[11] *Крупнов Е.И.* Рец. на книгу: *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л., 1949 // СЭ. 1950. № 2. С. 244; Он же. Новая работа по культуре народов Дагестана // Дагестанская правда. 1950. 31 мая. С. 3.

[12] Список основных печатных работ Е.М. Шиллинга см.: *Никольская З.А.* Евгений Михайлович Шиллинг (1892-1953) [Некролог] // СЭ. 1954. № 2. С. 177-178.

[13] *Шиллинг Е.М.* Кубачи. Пятигорск, 1937. – 130 с.

[14] *Шиллинг Е.М.* Мастера резца и наковальни // Народное творчество. 1937. № 1. С. 45-51.

[15] *Шиллинг Е.М.* Ювелирный орнамент Кубачей // Искусство. 1936. № 6. С. 105–118.

[16] *Шиллинг Е.М.* Орнаментальное искусство Дагестана // Творчество народов СССР. I. Альманах. М., 1937. С. 461-478.

[17] *Шиллинг Е.М.* Кубачинское чернение, гравировка и литье // Народное искусство СССР в художественных промыслах. Т. 1. РСФСР. М.; Л., 1940. С. 43-45.

[18] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. № 6. 1947. С. 35-46.

[19] *Шиллинг Е.М.* Изобразительное искусство народов горного Дагестана // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. IX. 1950. С. 46-86.

[20] *Никольская З.А.* Указ. соч. С. 177.

[21] *Шиллинг Е.М.* Народы Кавказа. Малые народы Дагестана. М., 1993. – 277 с.

[22] *Панек Л.Б., Шиллинг Е.М.* Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996.– 109 с.

[23] *Сефербеков Р.И.* От редактора // Панек Л.Б., Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 4.

[24] *Никольская З.А.* Указ. соч. С. 177.

[25] *Анчабадзе Ю.Д.* Указ. соч. С. 7.

[26] *Магометов А.А.* Исторические сведения о кубачинцах и их языке // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. XI. Серия филолог. Махачкала, 1962. С. 87-100. Обзор литературы, в которой имеются исторические сведения о кубачинцах, дан А.А. Магометовым и в монографии «Кубачинский язык» (Тбилиси, 1963. С. 1-14).

[27] *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала, 1989. С. 8-17.

[28] *Абакарова Ф.О.* Кубачинский фольклор. Махачкала, 1996. – 264 с.

[29] *Магомедов А. Дж.* «Город» златокузнецов. Из истории художественных и общественных традиций с. Кубачи. Махачкала, 1998. – 136 с.

[30] *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. 1. Махачкала, 1999. С. 197-250.

[31] *Гусейнов А.Г.* Кубачи и кубачинцы. Махачкала, 2000. – 278 с.

[32] Там же. С. 15.

[33] *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С. 50.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА I

НЕКОТОРЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ЗИРИХГЕРАНА-КУБАЧИ

Древность истории Зирихгерана-Кубачи засвидетельствована не только сведениями средневековых арабских, персидских и турецких письменных источников, дагестанских исторических хроник, различного рода преданиями и легендами, памятниками искусства и эпиграфики, но и археологическими данными, правда, пока весьма малочисленными.

В настоящей главе дается обзор известных к настоящему времени археологических данных, важных для освещения наиболее слабо изученного периода истории Зирихгерана-Кубачи.

Заселенность Кубачино-даргинского нагорья еще в глубокой древности подтверждается выявленными здесь наскальными изображениями – писаницами, образующими крупнейший в горном Дагестане очаг древних рисунков на скалах, выполненных минеральной краской. У селений Трисанчи, Зильбачи, Кудагу и вблизи ицаринского хутора Санжи Дахадаевского района выявлено 17 местонахождений рисованных изображений[1], насчитывающих около трех тысяч разнообразных рисунков, выполненных линейными и точечными рисунками красной и желтой краской разных оттенков.

Изображения, нанесенные на стены грота в урочище *Кьяцнала-нехъи* близ хутора Санжи (рис.2) представляют собой безоаровые козлы, олени, лошади, всадники, солярные знаки и геометрические фигуры, которые по стилистическим особенностям рисунков и характеру их сюжетных композиций датируются эпохой бронзы и раннего железа (IV – конец II тыс. до н.э.)[2].

Шестнадцать разнообразных по тематике и сюжетам местонахождений древних наскальных рисунков сосредоточены на сравнительно небольшой территории между селениями Трисанчи, Зубанчи, Зильбачи и Кудагу[3]. Рисунки эти представляют собой схематичные линейные изображения всадников, людей, безоаровых козлов, оленей, лошадей, быков, птиц, охотничьих и батальных сцен, различных солярных символов, а также многочисленные точечные знаки, сочетания которых нередко образуют самостоятельные рисунки. Датируются они, как и наскальные изображения у хутора Санжи, в пределах эпохи ранней бронзы и раннежелезного века (IV – конец II тыс. до н.э.)[4].

Древние наскальные изображения – памятники первобытного искусства – являются своеобразным и важным историческим источником, позволяющим

раскрыть важнейшие стороны общественного бытия далекого прошлого, проникнуть в духовный мир первобытных людей, познать их мировоззрение и эстетические представления.

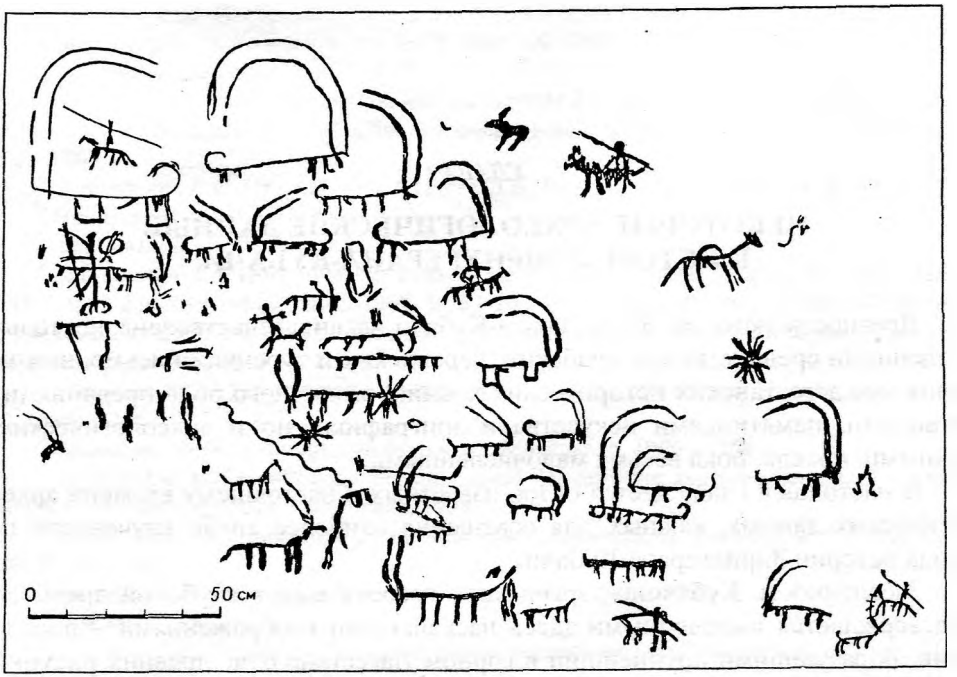

Рис.2. Наскальные изображения у хутора Санжи близ сел. Ицари. IV – конец II тыс. до н.э.

Наскальные рисунки, выявленные в Дахадаевском районе, вместе с известными в настоящее время в других горных районах Дагестана местонахождениями древних писаниц, образуют один из крупнейших на Кавказе очагов древних рисованных наскальных изображений, хронологические рамки которых определяются от эпохи мезолита вплоть до эпохи раннего железа[5].

Имеющиеся к настоящему времени материалы, хотя и весьма скудные, позволяют говорить об обитаемости Кубачино-даргинского нагорья, по крайней мере с эпохи энеолита и ранней бронзы (V-IV тыс. до н.э.). Об этом же свидетельствуют и многочисленные земледельческие террасы (по-кубачински *тIалтIме*) вблизи Кубачи, Амузги, Урцаки, Ураги и других селений. Особенно производят впечатление располагающиеся огромным амфитеатром террасы в окрестностях сел. Ширн, а также кажущиеся издали гигантскими лестницами террасы у сел. Ицари и Ураги.

Создание искусственных земледельческих террас в Дагестане берет свое начало с эпохи энеолита, а в последующие века террасная система земледелия была значительно усовершенствована и основательно разработана[6]. По мнению крупнейшего специалиста по изучению террасной системы земледелия проф. М.А. Агларова, как по общим масштабам, так и по интенсивности, глу-

бине разработок полей, Дагестан, безусловно, является одним из ярких и крупных мировых очагов террасного земледелия[7].

При недостатке фактических данных для освещения вопросов древней истории Кубачино-даргинского нагорья значительную научную ценность приобретают даже единичные, случайно обнаруженные археологические находки. К ним относится хранящаяся в краеведческом музее средней школы сел. Уркарах ладьевидная зернотерка в виде плоского, продолговатого крупного речного валуна, расколотого вдоль длинной оси. Поверхность раскола, подвергнутая специальной обработке, использовалась для помола зерна. Из-за ее сработанности вследствие длительного использования она приобрела вогнутые очертания, придающие зернотерке характерный ладьевидный облик. Зернотерка эта была обнаружена в 5-6 км юго-западнее сел. Уркарах, на одном из горных склонов между селениями Уркарах и Меусища[8]. Возможно, на этом склоне находится поселение эпохи бронзы, которое никем из специалистов-археологов еще не обследовано. Аналогичные ладьевидные зернотерки широко представлены в комплексах раннеземледельческих поселений IV-III тыс. до н.э. и более позднего времени Дагестана и Кавказа[9]. До появления круглых ручных каменных жерновов в начале I тыс. н.э. они служили основным орудием помола зерна.

Определенный интерес представляет также относящаяся к III-II тыс. до. н.э. каменное шаровидное навершие булавы с блестящей полированной поверхностью и центральным просверленным отверстием для рукояти, случайно обнаруженная в 1977 г. при разборке ветхого жилого дома И. Маммаевой в верхнем квартале старой части пос. Кубачи. Трудно достоверно установить, как эта булава оказалась в кладке верхнего этажа жилого дома, но можно предположить следующее: еще в XIX в. при добыче строительного камня или же при выборке глины для ее использования в качестве связующего материала при возведении стен дома где-то поблизости была найдена булава, которая затем была уложена в стену, может быть, как оберег, как необычный и особо почитаемый предмет. Однако не исключено и другое. Возможно, булава происходит из одного из курганов, находящихся поблизости от сел. Кубачи (о них речь пойдет дальше) и раскапывавшихся местными жителями в XIX в.

Подобные шаровидные навершия булав, изготовленные из различных пород камня – мергеля, диабаза, арагонита, мрамора, известняка и гематита обнаружены в Дагестане и других областях Кавказа при исследовании многих памятников бронзового века (Верхнегунибское, Великентское, Каякентское, Мамайкутанское поселения, Гинчинский, Чиркейский, Великентский и другие могильники)[10]. Археологи рассматривают эти булавы как предметы вооружения и как символы власти – жезлы родовых старейшин или глав патриархальных семей.

К XIII-XII вв. до н.э. относится происходящий из сел. Кубачи бронзовый длиннолезвийный топор с орнаментированным обухом, хранящийся ныне в Государственном Эрмитаже[11]. Не меньший интерес представляют также относящиеся к концу II тыс. до н.э. и первой пол. I тыс. до. н.э. (эпохе раннего железа) бронзовые культовые статуэтки (рис. 3) и навершие жезла, происходя-

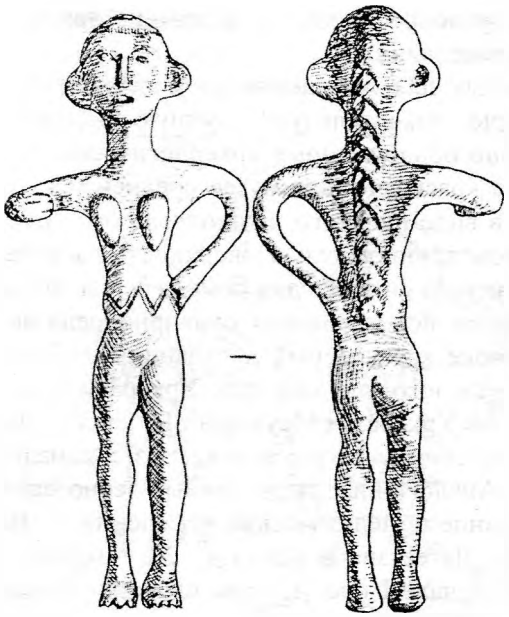

Рис.3. Культовая бронзовая статуэтка из сел. Кубачи. Первая пол. I тыс. до н.э. Вид спереди и сзади. ГИМ. По А. Захарову.

щие из сел. Кубачи и опубликованные А.А. Захаровым[12], Е.Е. Кузьминой[13], О.М. Давудовым[14] и В.И. Марковиным[15]. Статуэтки эти ныне хранятся в Государственном историческом музее в Москве, а навершие с фигурами двух всадников – в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге.

Подобные антропоморфные и зооморфные статуэтки, представляющие собой произведения культовой скульптуры малых форм и характеризующие уровень развития древнего художественного бронзового литья, а также различные идеологические воззрения древних дагестанских племен и связанные с ними культовые обряды, в значительном количестве выявлены в высокогорных святилищах Дагестана. Статуэтки эти были связаны с культом плодородия и использовались во время особых языческих молебствований и ритуальных церемоний, совершавшихся на вершинах гор, на холмах и в рощах, где находились святилища[16].

Касаясь культовых статуэток, происходящих из сел. Кубачи, нельзя не отметить то, что на тулове кубачинского литого бронзового котла так называемого открытого типа из собрания Музея антропологии и этнографии в г. Санкт-Петербурге, датируемого А.Д. Грачом XIX в., представлены рельефные изображения восьми однотипных антропоморфных статуэток, располагающихся попарно по окружности верха полушаровидного тулова[17]. Все статуэтки изображены фронтально, с поднятыми вверх руками, согнутыми в локтях и с несоразмерно большими растопыренными пальцами, т.е. в той манере и позе, в какой изображена серия дагестанских культовых статуэток I тыс. до н.э.[18]

По поводу того, почему на тулове этого котла изображены отмеченные статуэтки, можно строить разные предположения. Но представляется бесспорным то, что мастер-литейщик хорошо знал подобные статуэтки, которые, возможно, были найдены в окрестностях сел. Кубачи. Можно даже допустить, что древние статуэтки были использованы мастером при литье котла в качестве лома для переплавки ввиду дефицита меди или бронзы.

Древняя бронзовая культовая скульптура Дагестана, включая малую скульптуру из сел. Кубачи, находит аналогии в статуэтках людей и животных, обнаруженных на древних святилищах в районе Аргунского ущелья в Чечено-Ингушетии[19], а также среди статуэток Закавказья и Передней Азии[20]. Вместе с тем антропоморфная и анималистическая скульптура Дагестана эпохи позд-

ней бронзы и раннего железа обладает в целом чертами местного своеобразия и самобытности, которые проявляются в особенностях стиля статуэток и в приемах трактовки воплощенных в них образов[21].

Малая металлопластика Дагестана, относящаяся к концу II тыс. до н.э. – первой пол. I тыс. до н.э. – это один из древнейших видов изобразительного искусства дагестанских племен, который входит в широкий круг древней мелкой культовой скульптуры, образуя одну из ее локальных групп и отражая, вероятно, особенности местной этнокультурной среды.

Довольно плотная заселенность территории Кубачино-даргинского нагорья и сравнительно широкое освоение ее земледельческо-скотоводческим населением в начале I тыс. н.э. находит подтверждение в выявленных и частично изученных в Дахадаевском районе поселениях и могильниках раннеалбанского времени и эпохи раннего средневековья. Памятники эти характеризуют новый этап в развитии материальной культуры, хозяйственно-экономической деятельности и идеологических представлений местного населения. Богатый и весьма разнообразный инвентарь – керамические сосуды, бронзовые и серебряные украшения, предметы вооружения и доспехи – мечи, кинжалы, кольчуги, железный шлем и другие предметы выявлены при исследовании могильника на северо-западной окраине сел. Калкни[22] (в 35 км к северо-востоку от сел. Кубачи). Могильник датируется в пределах III-V вв. н.э., а инвентарь из него в целом находит соответствующие аналогии в материалах синхронных памятников предгорного и горного Дагестана –Урцекского городища и могильника, Карабудахкентского, Таркинского, Хабадинского, Цыйшинского могильников, Большого Буйнакского кургана. Вместе с тем материалы Калкнинского могильника характеризуют черты локального своеобразия материальной культуры и идеологических воззрений местного населения, проявляющегося в особенностях форм керамических изделий и характера их декоративной отделки, а также в своеобразии типов отдельных металлических украшений, предметов военного доспеха, деталей погребального обряда. Эти материалы служат также показателем высокого уровня развития ремесла в III-V вв. н.э., в особенности металлообработки и керамического производства.

Синхронный Калкнинскому могильник III-V вв. н.э. выявлен и у сел. Ираки[23] (Дибгашинский сельсовет), где обнаружены сероглиняный кувшин с желобчатым сливом, железные и бронзовые пряжки, бусы, фрагменты керамических кувшинов с каннелюрованной поверхностью, мисочка и т.д., показывающие некоторое своеобразие местной культуры албано-сарматского и раннесредневекового времени при наличии многих общих черт с культурой других регионов горного Дагестана.

Несколько разновременных памятников – поселения и могильники – известны и вблизи сел. Дибгаши[24], которые, к сожалению, не подвергнуты еще стационарным археологическим исследованиям. На территории этих поселений встречаются обломки керамической посуды албано-сарматского периода и раннесредневековой эпохи[25] (II-I вв. до н.э. – VII- нач. VIII в. н.э.).

Исключительно богатый инвентарь, в том числе высокохудожественные изделия из золота, серебра и бронзы содержала каменная гробница IV-V вв.

н.э., обнаруженная при строительных работах в 1978 г. на окраине сел. Ираги[26] (в 38 км северо-восточнее сел. Кубачи), входящего в состав Кудагинского сельсовета. В могиле были найдены четыре глиняных кувшина со сливными носиком, золотые серьги с зернью и филигранью, золотые зубочистка, ухо-вертка, зооморфные и геометрических форм нашивные бляшки с инкрустациями из самоцветов, застежки-фибулы, серебряные блюдо и флакон для благовоний, бронзовые браслеты, пряжки, а также бусы из сердолика, агата, египетского фаянса, янтаря и другие предметы[27].

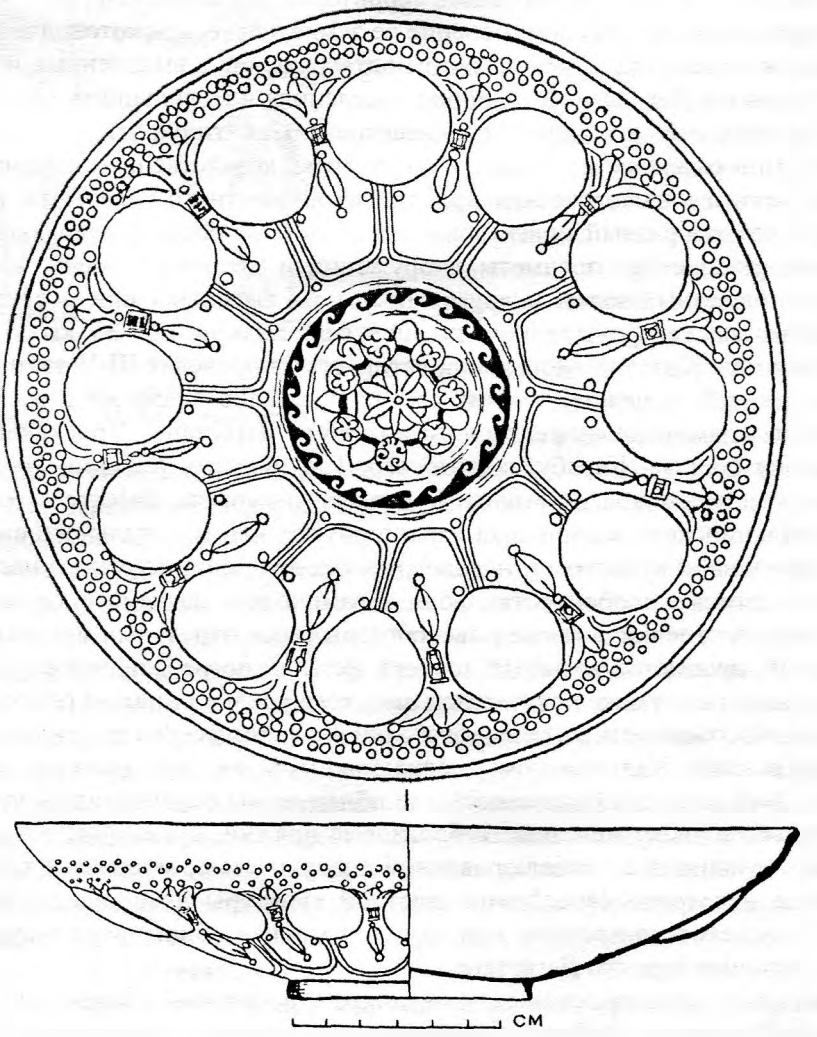

Рис.4. Серебряное блюдо из сел. Ираги V в. н.э.
Чеканка, гравировка, чернь, золочение. По О.М. Давудову.

Среди этих изделий особый интерес вызывает серебряное блюдо в виде низкой фиалы с широкими утолщенными краями и на низком кольцевом под-

доне (рис. 4). Оно украшено 12 чеканными округлыми медальонами, соединенными с центральным медальоном на дне двойными рельефными, радиально расходящими линиями. Между медальонами помещены чеканные стилизованные изображения лотосов, обращенные трилистниками к краю блюда. В центре каждого лотоса помещен знак, нанесенный чеканом с обратной стороны. Параллельно утолщенному краю блюда проходит двойной пояс из небольших рельефных выпуклин. Дно блюда изнутри украшено орнаментом с чернью. По краю располагается меандр, а в центре находится многолепестковая розетка, окантованная полоской из чередующихся попеременно остроконечных и закругленных лепестков. Причем закругленные лепестки внутри детализированы еще гравировкой и отделаны чернью.

Обстоятельно изучив серебряное блюдо из ирагинской гробницы, О.М. Давудов сделал заключение о том, что оно «изготовлено местным (т.е. дагестанским – М.М.) мастером, знакомым с центрально-грузинскими традициями торевтики»[28]. К этому следует добавить, что ирагинское блюдо служит свидетельством того, что искусство черни, достигшее высокой степени развития в XIX-XX вв. в селениях Кубачи, Кумух и других известных центрах художественной обработки металла, было известно в Дагестане еще с очень глубокой древности.

Рис.5. Сел. Уркарах. Вид с северо-востока.

Исключительно высокое мастерство древних ювелиров демонстрируют тончайшей работы изысканные золотые ажурные серьги, различных форм бляшки, инкрустированные самоцветами и другие золотые изделия из ирагинской гробницы.

instituteofhistory.ru

К раннему средневековью (V – нач. VIII в. н.э.) относится каменная гробница, доисследованная на могильнике, находящемся в 1,5 км северо-западнее райцентра Дахадаевского района сел. Уркарах (рис. 5), в местности носящей название *Уржи-айла-илала*[29].

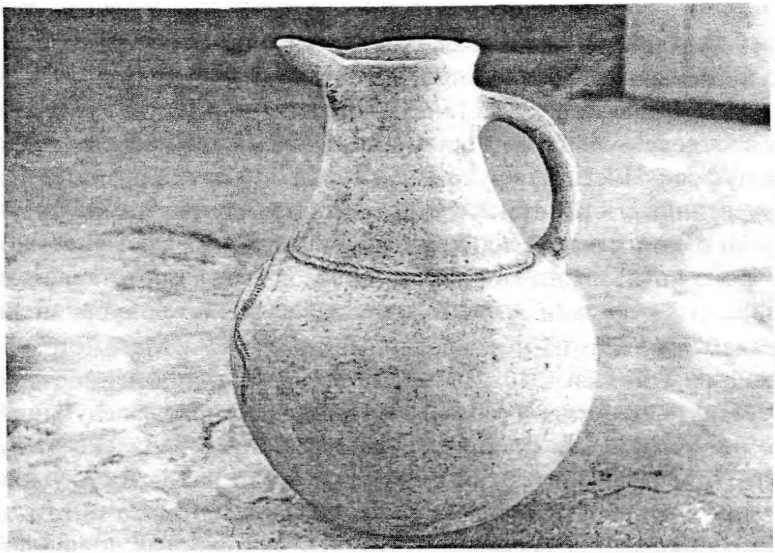
При добыче камня для строительства домов жителями Уркараха в конце 1960-х – начале 1970-х гг. могильник был разрушен. В 1970 г. добытчиками камня была обнаружена каменная гробница с коллективными захоронениями. Плиты перекрытия гробницы были проломлены, а вещи из нее изъяты, часть которых – два глиняных сосуда, бусы, бронзовая височная привеска с четырнадцатигранником – поступили в музей Уркарахской средней школы, а остальные предметы разошлись по рукам местных жителей.

Севернее могильника, на небольшом склоне горы располагалось синхронное могильнику поселение, территория которого довольно долгое время засевалась уркарахцами ячменем и картофелем. На территории поселения встречаются фрагменты керамических сосудов, характерных для албано-сарматского и раннесредневекового периодов. Поселение было разрушено до основания в начале VIII в. н.э., вероятно, во время нашествия арабов. Оставшиеся в живых жители его, согласно местным преданиям, переселились в древний Уркарах, располагавшийся на самой верхней части современного Уркараха, носящей название *Чибях1 ици* («Верхнее селение»).

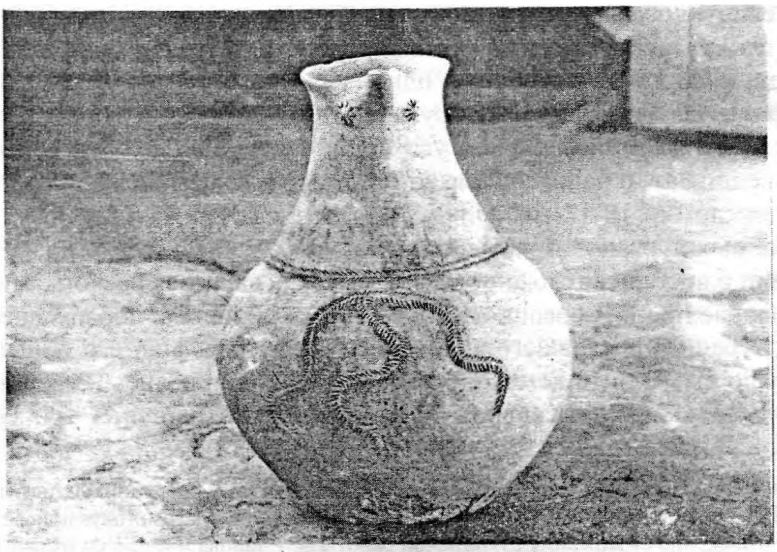
Происходящие из уркарахской гробницы глиняные кувшины сероватого цвета (рис. 6-А,Б) имеют уплощенно-шаровидные тулова, высокие, плавно суживающие кверху горловины, снабженные у венчика вытянутыми вперед небольшими сливными носиками, круглые в сечении ручки, укрепленные одним концом чуть ниже венчика, а другим – у основания горловины. Один из кувшинов по основанию горловины украшен полоской елочного узора, а на переднюю часть тулова рельефом и с помощью елочного узора нанесен символ «дерева жизни», утратившего свои реальные черты, изначальное смысловое значение и превратившегося в чисто декоративный элемент (рис. 6-Б). То, что это «древо жизни» можно узнать лишь по аналогии с кувшинами V – начала VIII в. из Урцекского городища и могильника, городища Таргу и других памятников Дагестана эпохи раннего средневековья[30].

Обнаруженные в уркарахской гробнице литая бронзовая височная привеска с четырнадцатигранником, наконечник мужского ремня, бронзовые заклепки с полусферическими шляпками, а также бусы из сердолика и стекла находят аналогии в материалах перечисленных выше и ряда других памятников Дагестана V – начала VIII вв. н.э.[31]

К сожалению, малочисленность находок из могильника Уржи-айла близ Уркараха не позволяет подробно осветить вопросы истории и материальной культуры населения, обитавшего в раннем средневековье в той области Дагестана, которую письменные источники X-XI вв. называют Карахом, а известный востоковед проф. В.Ф. Минорский отождествляет его с современным Уркарахом[32]. Вместе с тем имеющиеся материалы подтверждают древность истории сел. Уркарах, уходящей своими истоками, по крайней мере, не позднее начала I тыс. н.э.

А

Б

Рис.6. Керамический кувшин из могильника Уржиайла-ила близ сел. Уркарах. VII - нач. VIII в. н.э. А – вид сбоку. Б – вид спереди. Школьный музей сел. Уркарах.

Поселение и могильник, относящиеся к албано-сарматскому времени и эпохе раннего средневековья, известны и вблизи сел. Кубачи, в урочище *Дешижила*. Они кратко описаны в третьей главе данной работы.

Судя по некоторым сведениям, в 70-х годах XIX в. близ сел. Кубачи раскапывались курганы, в которых были найдены различные «медные, серебряные и золотые вещи». Об этом пишет М.И. Исаков[33], ссылаясь на работу А. Ройнова «О древностях Дагестана», написанную в 1885 г. и хранившуюся в прошлом в Отделе рукописей Государственного музея истории Грузии, а ныне находящуюся в Институте рукописей Академии наук Грузии.

К сожалению, по работе А. Ройнова нельзя составить конкретное представление ни о самих вещах, найденных при раскопках упомянутых курганов, ни об их хронологии и т.д. Чтобы читатель мог иметь представление о содержании той части рукописи А. Ройнова, которая касается кубачинских курганов, приведем выписки из нее, сделанные проф. А.А. Магометовым* и присланные мне из Тбилиси в 1995 г.: «Нам во время одной из поездок по Южному Дагестану, – пишет А. Ройнов, – пришлось слышать следующий рассказ: несколько лет тому назад, приблизительно 12-15 лет, недалеко от аула Кубачи, Кайтаго-Табасаранского округа, пастухи стали находить на одном холме разные медные, серебряные и даже золотые вещи, которые потом продавали местным серебряных дел мастерам. Слух об этих находках дошел до местных владетелей – беков, которые немедленно разрыли несколько курганов и, будто бы, добыли много ценных вещей.

По расспросам о раскопках этих курганов, принимавшие участие в работе заявили следующее: на середине каждого из разрытых холмов была найдена правильная кругообразная яма-могила, диаметр которой равнялся, приблизительно, двум саженям, а глубина – одной сажени. В центре этой могилы было сделано еще углубление, также круглое с диаметром в 1 аршин и глубиною столько же. В этом небольшом углублении находились, будто бы, разные древние вещи. Затем радиусообразно головами к вещам, лежали человеческие скелеты, числом от 10-12-ти.

Подобных курганов и нам встречалось там же несколько, но за неимением времени и вообще возможности, мы не могли заняться раскопками их».

На основе процитированного сообщения А. Ройнова, побывавшего в 1885 г. в сел. Кубачи и сделавшего великолепную фотографию его общего вида[34], можно было бы строить догадки о том, что раскопки велись на вершине горы *Цицила*, в 2-х км южнее селения, где до сих пор сохранились три курганооб-

---

* Приношу искреннюю благодарность ведущему научному сотруднику Института языкознания АН Грузии, доктору филологических наук, проф. А.А. Магометову, приславшему мне подробное изложение содержания рукописной работы А. Ройнова и выписки из нее, касающиеся раскопанных в сел. Кубачи курганов, хотя сделать все это в наше время оказалось делом не простым – сначала нужно было пойти в Отдел рукописей Государственного музея истории Грузии, а оттуда – в Институт рукописей АН Грузии, так как материалы упомянутого отдела рукописей оказались переданными этому Институту, охраняемому милицейским постом, а вход в него разрешен только по пропускам. Потом, после того, как были сделаны выписки (из-за отсутствия возможности сделать ксерокопии) возникла еще проблема – привожу выдержки из письма А.А. Магометова – «как переслать [выписки], окажется ли скоро едущий в Махачкалу, возьмет ли письмо? Почта, телефон не действуют. Лишен всяких контактов» В конце письма наш земляк добавляет: «Сожалею, что не могу приехать на родину, я стал иностранцем, для которого граница на замке».

разных холма. Но это не обычные языческие могильные холмы, а сооружения, связанные с зороастрийским погребальным обрядом кубачинцев. О них более подробно будет сказано ниже, в разделе, посвященном доисламским верованиям жителей Кубачи.

Из содержания работы А. Ройнова видно, что в ней речь идет о значительно большем количестве раскопанных курганов. Поэтому можно предположить, что курганы эти находились в местности *Ихакажила*, где ныне располагается поселок Новый Кубачи, выросший, начиная с 1970-х гг. Местность эта – единственное относительно ровное плато вблизи старого селения Кубачи, наиболее подходящее для возведения курганов. Кроме того, наше предположение основано на том, что еще в начале 50-х гг. XX в. почти в центре отмеченного плато находился искусственный, но сильно оплывший холм, представляющий собой, вероятно, древний курган. Местные жители называли его *урусла хяб* – «могила неверных», или домусульманская могила. Само плато – курганное поле вспахивалось и засеивалось колхозом им. Э. Тельмана сел. Кубачи. В процессе многократных вспашек поля курганные насыпи были, вероятно, сравнены с землей, за исключением отмеченного, может быть, наибольшего среди других. У местных жителей, особенно у пожилых людей, существовало особое отношение к этому кургану: при заболевании лошади ее несколько раз обводили вокруг холма, а если подозревали в сглазе, то над животным, после обведения вокруг холма, совершали еще особую процедуру «лечения» от сглаза.

Курганы близ Кубачи раскапывались в XIX в., надо полагать, в кладоискательских целях, когда на Кавказе и в Дагестане значительно активизировалась деятельность по раскопкам памятников древности в связи с подготовкой к V археологическому съезду в Тифлисе (состоялся в 1881 г.).

Проводившиеся в то время в довольно широких масштабах археологические раскопки курганов в районе г. Дербента А.А. Русовым, Н.О. Цилоссани, К.А. Байером, А.С. Уваровым и другими[35], видимо, возбудили интерес к кубачинским курганам, подогреваемый еще широко распространенными в то время не только среди жителей, но и среди исследователей, слухами, будто бы в курганах спрятаны золото и всевозможные драгоценные предметы. О двух исследователях, преследовавших при раскопках чисто кладоискательские цели, видный русский археолог, граф А.С. Уваров писал: «… производя раскопки огромных курганов в районе Дербента, они вообразили себе эти курганы наполненными золотом и всевозможными редкими предметами, но, к сожалению, чем больше они рыли, тем приходили к большему разочарованию. Раскрывая курган, они находили в нем такой беспорядок, такой незатейливый обряд погребения, что у них решительно отнималась всякая энергия для продолжения дальнейших разысканий»[36].

Можно допустить, что курганы близ сел. Кубачи были сооружены в эпоху бронзы, так как в последующие века в горной части Дагестана традиции возведения курганов над погребениями исчезают. А само поселение одновременное курганному могильнику, располагалось, вероятнее всего, на месте современного верхнего квартала старой части сел. Кубачи, где ныне находятся

средневековые оборонительные башни *Кунакла-кала* и *Акайла-кала*, и далее – по южному склону. Место это весьма удобное и соответствующее тем основным принципам выбора места для поселения, которых придерживались племена горного Дагестана в эпоху бронзы[37].

Отметим еще одну из случайных находок, обнаруженных в самом селении Кубачи и имеющих непосредственное отношение к рассматриваемым в данной работе вопросам. В 1938 г. здесь при закладке фундамента жилого дома была найдена аббасидская золотая монета – динар, чеканенный в Арабском халифате в 200 г. хиджры = 815/816 г. н.э.[38] Монеты – серебряные дирхемы, чеканенные в различных городах Арабского халифата, обнаружены и в других местах Дагестана. Все эти находки служат свидетельством того, что в VIII-IX вв. Дагестан, вероятно и сел. Кубачи, были втянуты в зону действия общеарабских товарно-денежных отношений[39].

Таким образом, вышеприведенные археологические данные неоспоримо свидетельствуют о том, что район Кубачино-даргинского нагорья был обитаем с очень глубокой древности, что история населения, жившего в этом регионе, уходит в глубь тысячелетий, а процесс культурно-исторического развития его протекал в сходных с другими регионами горного Дагестана условиях и в общих хронологических рамках. В настоящее время на основе имеющихся археологических данных можно говорить о непрерывности культурно-исторического процесса в хозяйственно-экономическом, культурном и социальном развитии населения данной территории, начиная, по крайней мере, с шеститысячелетней давности. Тщательное и целенаправленное археологическое обследование и изучение рассматриваемой части Дагестана позволит более полно и основательно обрисовать картину культурно-исторического развития населяющих ее племен с глубокой древности до средневековья включительно.

И все же определенно говорить о времени возникновения сел. Кубачи очень трудно (хотя приведенные данные позволяют ставить вопрос о том, что район сел. Кубачи был обитаем еще в эпоху бронзы – в III-II тыс. до н.э.), так как мы пока не можем достоверно установить продолжалось ли обживание этой территории беспрерывно с бронзового века. Непосредственно на территории старой части современного поселка Кубачи четырех-пятитысячелетней давности памятники не выявлены, не считая отмеченной выше случайной находки каменного шаровидного навершия булавы. Да и найти их чрезвычайно трудно в силу особенностей расположения самого селения, застроенного издавна чрезвычайно плотно и скученно. Кроме того, из-за расположенности его на очень крутом скалистом склоне, культурные отложения здесь смывались потоками талой и дождевой воды. А древние домусульманские погребения I тыс. до н.э. и более позднего времени покоятся, вероятно, под мусульманскими погребениями на кладбищах, расположенных на юго-западной окраине старой части сел. Кубачи и тянущихся, занимая огромную территорию, с окраин верхнего квартала селения до его самого нижнего квартала.

Подводя итог изложенному выше, можно сделать следующий вывод: в настоящее время с учетом всех приведенных выше археологических данных

достаточно уверенно можно говорить о том, что история селения Кубачи насчитывает не менее двух тысяч лет.

В работах некоторых исследователей высказано мнение об основании селения Кубачи в эпоху средневековья. А.А. Иванов по этому поводу пишет, что «нам неизвестно, существовало ли селение Кубачи в первой половине XIII в. и не было ли оно основано только где-то в конце этого столетия»[40]. При этом он исходит из того, что в сел. Кубачи «не имеется памятников, которые можно считать созданными здесь на месте и которые можно датировать ранее XIV века. Тем самым нарушилась связь с историческим Зирихгераном раннего средневековья и с особой остротой встал вопрос о времени возникновения селения, которое мы знаем под именем «Кубачи»[41].

Основываясь на это мнение, а также на сообщении ал-Масуди о Зирихгеране («... в сторону Сарира и гор – владение Зарикаран») историк Т.М. Айтберов делает заключение, что «Зирихгеран VIII-X вв., через который прошел Мерван и который описан у Масуди, располагался к северо-западу не только от современного сел. Кубачи, но и от нынешнего Дахадаевского района»[42]. Далее Т.М. Айтберов, давая полный простор своей фантазии, утверждает, что «одной группой выходцев из северо-западного Зирихгерана были основаны в районе нынешнего Кубачи два зороастрийских (? – М.М.) населенных пункта, ... другая группа выходцев с северо-запада обосновалась в бассейне Аштынской речки, правого притока Уллучая»[43]. Эти и последующие рассуждения Т.М. Айтберова в цитируемой работе не обоснованы никакими фактическими данными. Поэтому нет надобности их разбирать. Но следует отметить, что географические сведения ал-Масуди нельзя воспринимать в буквальном смысле и пользоваться ими для своих выводов без критической оценки. На это обстоятельство исследователи уже обращали внимание.

Академик В.В. Бартольд отмечал, что «Масуди как будто неправильно указывает местоположение области Зирихгеран; соответствующее название – Кёбечи (от тюрк. *кёбе* – «броня») – носит сейчас селение, расположенное много южнее, уже в округе Кайтака-Табасаран...

Между кази-кумуками и кайтаками, следовательно, в районе нынешнего Кубачи, жили зирихгеране, сохранившие свою старую славу оружейников...»[44].

Известный востоковед В.Ф. Минорский писал, что описание Кавказа и его племен у Масуди довольно запутанное[45], а А.Р. Шихсаидов указывает на то, что в арабской географической литературе нередко встречается смешение понятий север-юг[46]. М.М. Эдьдаров также отмечал, что «данные арабских географов о Дагестане... не всегда точны. Эти неточности произошли от того, что порой сведения географов основывались на сообщениях купцов и случайных путешественников»[47].

На вопрос о том, не было ли основано сел. Кубачи где-то в конце XIII столетия, можно сразу ответить отрицательно, исходя из следующих соображений.

Во-первых, если допустить, что сел. Кубачи основано в первой пол. XIII в., то и окружающие его аулы Амузги, Сулевкент, ДацIамаже, Шири, Урцаки,

Урари, Уркарах и т.д. тоже должны быть основаны в XIII в., поскольку и в этих селениях еще не выявлены доисламские памятники искусства, которые можно было бы датировать раннее указанного времени. В таком случае выходит, что до XIII в. район Кубачино-даргинского нагорья был вообще необитаем. Но столь позднее основание указанных селений и столь же позднее обживание этого региона не подтверждается никакими данными. Наоборот, приведенные выше археологические материалы указывают на очень глубокую древность заселения территории Кубачино-даргинского нагорья.

Во-вторых, селение Кубачи в географическом и топографическом отношении в древности занимало весьма выгодное место, отвечающее четырем важным факторам[48] при выборе места для поселения: 1) неприступность, надежная защищенность селения от неприятеля (оборонительный фактор); 2) близость источников воды; 3) большая скученность, плотность застройки селения с целью максимальной экономии пригодной для обработки земли, а также для коллективной защиты при вторжении неприятеля; 4) южная ориентация селения для аккумуляции дневного солнечного тепла. В отношении всех этих факторов вместе взятых сел. Кубачи ничем не уступало селениям Кубачино-даргинского нагорья, да и других районов горного Дагестана, где выявлены археологические памятники начала I тыс. н.э. и значительно более раннего времени (Уркарах, Дибгаши, Калкни, Ираги, Трисанчи и т.д.). Более того, в некотором отношении (оборонительный фактор, близость источников воды, южная ориентация и др.) сел. Кубачи даже превосходило многие из них. Следовательно, место, занимаемое селением Кубачи, не могло оставаться не заселенным с глубокой древности до XIII в.

В-третьих, в 5-6 км северо-восточнее сел. Кубачи находится древнее родовое поселение *Дешижила*, которое существовало еще в начальные века н.э., если не в более раннее время. Его местоположение по отмеченным выше важным факторам при выборе места поселения во многих отношениях уступало местоположению сел. Кубачи. Поэтому нельзя полагать, что в первые века н.э. поселение Дешижила было обитаемо, а место нынешнего расположения старой части селения Кубачи не было заселено до XIII в. Нет сомнений в том, что к этому времени сел. Кубачи уже превратилось в довольно крупное горное селение – *ши*, которое занимало значительную территорию, начиная от верхнего квартала старой части современного поселка до его нижнего квартала. Это находит подтверждение в том, что близлежащие к селению склоны с юго-западной стороны от верхнего квартала до самого нижнего заняты мусульманскими кладбищами, нижние хронологические рамки которых определяются концом XIII – началом XIV в.

Одно из древних тухумных кладбищ (размерами 40х70 м), относящееся к концу XIII – началу XIV в. находится в местности *Бетухъажила*, на юго-западной окраине верхнего квартала старой части сел. Кубачи, перед бывшим вторым зданием Кубачинского художественного комбината (ныне занимаемом Кубачинской средней школой). Надмогильных памятников в виде вертикально поставленных каменных плит (стел) трапециевидной формы или с закругленным верхом, декорированных арабскими куфическими надписями,

здесь сохранилось мало. При строительстве нового (второго) здания Кубачинского художественного комбината в конце 1950-х гг. часть их была уничтожена. Самые ранние, лишенные декора и небольшие по размерам надгробья в виде низких каменных плит, выступающие из земли на 30-35 см, сохранились в значительном количестве. А более поздние надмогильные камни XIV-XVI вв. с характерными для этого времени узорно-эпиграфическими композициями, имеются на участке кладбища, непосредственно примыкающем с юга и юго-запада к жилому дому Ибрагимова Ахмеда.

Другое кладбище верхнего квартала старой части пос. Кубачи, носящее название *Бащалла хуппе* («Верхнего квартала кладбище»), размерами 300х350 м, находится к юго-западу от этого квартала, на некрутом склоне, обращенном на восток. Датируется оно XV-XX вв. Кладбище занимает большую территорию пологого склона горы, примыкающей к жилым домам сел. Кубачи, причем наиболее ранние надгробия трапециевидной формы или с закругленным верхом, относящиеся к XV в. и декорированные узорно-эпиграфическими композициями, расположены ближе к кладбищу в местности *Бетухъажила.*

В западной части среднего квартала сел. Кубачи, напротив дома Мюллаевых находится кладбище *Бябяла хуппе* (*Бябя* – женское имя, *хуппе* – «кладбище»), размерами 35х40 м. Это кладбище отделяется от кладбища верхнего квартала *Бащалла хуппе* пешеходной тропой, ведущей из средней части селения к источникам питьевой воды *Хъулигула* на западной окраине среднего квартала сел. Кубачи. С северо-восточной стороны кладбища пролегает улочка, ведущая из верхнего квартала селения в нижний, а с западной стороны к нему примыкает жилой дом Кясова Абдулкадира. Кладбище датируется XV-XIX вв. Надмогильные памятники здесь – обычные для сел. Кубачи, трапециевидные и с фестончатым верхом, отделаны рельефными арабскими надписями и растительным узором. Большинство из них почти до самого верха ушли в землю из-за того, что кладбище находится на склоне горы, обращенном на восток, а сверху (с запада) на него осыпается земля.

На юго-западной окраине среднего и нижнего кварталов старой части сел. Кубачи, на склоне, обращенном на восток и частично на юго-восток, располагается кладбище *Баг щиллая, хьащаллая хуппе* («Кладбище среднего и нижнего кварталов»). Оно занимает большую территорию, размерами 330х360 м. Датируется XIV-XX вв. На всей территории огромного кладбища находятся надмогильные памятники различных форм, размеров и декоративной отделки. Наиболее ранние из них, относящиеся к XIV-XV вв., имеют трапециевидную форму. С лицевой стороны они отделаны рельефными арабскими надписями, а также такими же надписями в сочетании с растительным орнаментом.

На западной окраине нижнего квартала старой части сел. Кубачи находится кладбище *Бахъуцила.* Оно расположено на склоне, обращенном на юго-запад, и непосредственно примыкает с северной стороны к жилым домам. К востоку оно суживается и острым углом примыкает к Большой мечети (Джума-мечети). Большинство надмогильных памятников ушло в землю. Местами, особенно в нижней части кладбища верхние части надгробий выступают из

Рис.7-А. Надмогильный памятник конца XIII – нач. XIV в. с арабской надписью. Сел. Кубачи. Кладбище Бидахъ хуппе. Высота декорированной части 70 см, ширина вверху 57 см, внизу 50 см, толщина 5 см.

Рис.7-Б. Надмогильный памятник XIV в. с арабскими надписями. Сел. Кубачи. Кладбище Бидахъ хуппе. Высота декорированной части 99 см, ширина вверху 74 см, внизу 68 см, толщина 6 см.

земли на 15-20 см. Кладбище датируется XIV-XVI вв. Оно имеет размеры 50х70 м. Большинство надмогильных памятников имеет трапециевидную форму и отделано на высоком художественном уровне рельефными арабскими или персидскими надписями и растительным орнаментом[49].

На северном склоне горы *Цицила*, что напротив сел. Кубачи, в 1,2 км южнее от него, имеется несколько обособленных средневековых тухумных кладбищ с синхронными надмогильными памятниками в виде стел трапециевидной или четырехугольной формы, иногда и с закругленным верхом. Они отделаны арабскими надписями или же узорно-эпиграфическими композициями. А самые ранние надмогильные плиты небольшого размера лишены декора.

Первое из этих тухумных кладбищ, имеющее размеры 19х28 м, находится на западной окраине склона *Цицила*, неподалеку от жилых домов среднего квартала сел. Кубачи, примерно в 50 м от источников *Чяхятла*. Датируется оно XIV-XV вв. Наиболее ранние надмогильные плиты, находящиеся на кладбище, относятся, вероятно, к концу XIII в.

Второе кладбище, размерами 33х42 м, расположено почти в средней части склона горы *Цицила*, в 40 м восточнее первого кладбища. Большая часть территории кладбища находится ниже грунтовой дороги из верхнего квартала сел. Кубачи в аул Амузги. Датируется оно концом XIII-XVI вв.

Третье тухумное кладбище, размерами 26х29 м, находится в 35-40 м восточнее второго кладбища, на небольшом холме. Датируется тем же временем.

Четвертое тухумное кладбище, размерами 21х35 м, расположено в 20 м юго-восточнее третьего кладбища, на пологом склоне. Датируется оно XIV-XVI вв., исходя из особенностей декора надмогильных памятников.

Пятое кладбище имеет название *Бидахъ хуппе* («Кладбище на той стороне»). Это один из крупных по занимаемой территории (размеры его 76х136 м) и, вероятно, наиболее древних мусульманских кладбищ сел. Кубачи. Причем, и здесь имеются несколько относительно обособленных участков, хотя четко очертить их границы трудно из-за того, что многие памятники находятся не на первоначальном месте (они поставлены вертикально у ограды кладбища, а некоторые уложены в каменную ограду как обычные строительные камни). К тому же, территория самого кладбища, особенно ее нижняя, восточная часть заросла лесом, а многие надмогильные памятники за прошедшие столетия ушли в землю в результате смывания склона. Все же можно достаточно четко различить по крайней мере три участка. Наиболее ранние надмогильные памятники на кладбище *Бидахъ хуппе* (рис. 7-А,Б) датируются концом XIII – началом XIV в. (временем принятия кубачинцами ислама), а поздние – XVIII в.

Небольшие тухумные кладбища имеются и южнее окраины нижнего квартала сел. Кубачи, в местности *Кьалла хъу*[50]. Но здесь ныне надмогильные памятники не сохранились, а сами могилы, полуразрушенные, видны в срезах склона из осыпающихся сланцевых пород.

Исследование средневековых резных надмогильных памятников на перечисленных выше кладбищах *Бетухъажила*, *Бащалла хуппе*, *Бябяла хуппе*, *Баг щиллая хьащаллая хуппе*, *Бахъуцила*, *Цицила*, *Бидахъ хуппе*, *Кьалла хъу* по-

зволило выяснить, что в XIII-XIV вв. селение Кубачи занимало весь южный горный склон, начиная от самого верхнего квартала, где находится круглая оборонительная башня XIII-XIV вв. *Кунакла-кала* (*Къунакъла калгIя*), до самого конца нижнего квартала, где расположен старый жилой дом КIуцIуловых.

В XIV в. Кубачи стало уже крупным для того времени территориально-тухумным горным селением *ши* с характерной ступенчатой (многоярусной) планировкой и компактно застроенными кварталами в результате объединения небольших близлежащих родовых (тухумных) поселков – *Анчибачила*, *Муглила*, *Кубасанила*, *Дешижила*, а позднее и *Дацамажила*.

В указанное время Кубачи делилось на несколько кварталов, заселенных тухумами. Каждый квартал (*къватI*), очевидно имел свой участок кладбища. Перечисленные выше средневековые кладбища расположены отдельно, на некотором удалении друг от друга, занимая разной величины площади – от 19х28 м до 300х350 м. Причем на всех кладбищах имеются синхронные резные надмогильные памятники, декор которых в целом отличается художественно-стилистической общностью. Наличие нескольких обособленных и синхронных тухумных кладбищ – факт важный, так как по ним можно составить определенное представление об исторической топографии средневекового сел. Кубачи и о расселении его жителей поквартально.

По характеру расположения кладбищ можно полагать, что если в XIV в. Кубачи являлось уже крупным территориально-тухумным поселением, центром высокоразвитого ремесла и культуры, что подтверждается сохранившимися до нашего времени памятниками декоративно-прикладного искусства, отчасти и архитектуры, то до этого оно, естественно, существовало уже веками и корни его истории уходят в глубь тысячелетий. Кубачинцы приняли ислам в конце XIII – в самом начале XIV в. Памятники же исламского искусства, датируемые ранее этого периода, в сел. Кубачи не выявлены. Но это не значит, что именно с этого времени начинается отсчет его истории, как считают некоторые исследователи. Тот необычайно высокий взлет искусства сел. Кубачи, который был достигнут в XIV-XV вв., был подготовлен всем предшествующим ходом многовековой истории этого селения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Котович В.М.* Изучение древних рисованных наскальных изображений в горном Дагестане // Археологические открытия 1970 года. М., 1971. С. 98; *Она же*. Первые итоги изучения древних рисованных наскальных изображений в горном Дагестане // Тез. докл., посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971. С. 129-130; *Она же*. Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 32; *Она же*. Результаты поисков древних наскальных изображений в Дахадаевском районе Дагестана // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976–1977 гг. (тез. докл.). Махачкала, 1978. С. 3-4; *Она же*. Духовный мир земледельцев Дагестана (Наскальные изображения). Махачкала, 1994. Рукопись монографии. Хранится в ИИАЭ ДНЦ. С. 393-659, 660-780.

[2] *Котович В.М.* Результаты поисков древних наскальных изображений… С. 4; *Она же.* Духовный мир древних земледельцев Дагестана. С. 714, 727.

[3] *Котович В.М.* Опыт классификации древних писаниц… С. 32; *Она же.* Духовный мир древних земледельцев Дагестана. С. 686-687, 727-728.

[4] *Котович В.М.* Духовный мир древних земледельцев Дагестана. С. 686, 727.

[5] *Котович В.М.* Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976. С. 98.

[6] *Гаджиев М.Г.* Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980. С. 11; *Он же.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991. С. 177-180; *Агларов М.А.* Террасное земледелие Дагестана (Вопросы генезиса, культурной типологии и социальной роли системы) // Studia Praehistorica. Вып. 8. София, 1986. С. 50-62.

[7] *Агларов М.А.* Указ. соч. С. 50.

[8] Сообщение учителя русского языка и литературы Уркарахской средней школы (в 1990 г. студента-заочника филфака Даггосуниверситета) Кубаева Рабадана.

[9] *Котович В.М.* Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана. К истории дагестанских племен в конце III-II тыс. до н.э. Махачкала, 1965. С. 106-107. Рис. 42, 7; Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 53. Рис. 9, 23. С. 81, 185.

[10] *Гаджиев М.Г.* Камнеобработка в Дагестане в эпоху ранней бронзы // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1988. С. 13; Котович В.М. Верхнегунибское поселение. С. 133-135.

[11] *Круглов А.П.* Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. МАД. № 68. М.; Л., 1958. С. 76; *Абакаров А.И., Давудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М., 1993. С. 216.

[12] *Zacharov A.A.* Materials for the Archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronse statuettes // Swiatowit. T. XV. 1932/33. Warszawa, 1933. P. 65-115.

[13] *Кузьмина Е.Е.* Навершие со всадниками из Дагестана // СА. 1973. № 2. С. 178-190. Рис. 1; *Ковалевская В.Б.* Конь и всадник. М., 1977. С. 64-65.

[14] *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С. 84-85. Табл. XVI, 3, 4, XVII, 1.

[15] *Марковин В.И.* Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 74-117. Статуэтки из Кубачи см. с. 84, 87, рис. 7, 8; с. 86, 91, рис. 10,5; с. 92.

[16] Там же. С. 112-117.

[17] *Грач А.Д.* Кубачинский котел из археологического собрания Музея антропологии и этнографии // СМАЭ. Т. XV. М.-Л., 1953. С. 317-331. Рис. 1-6.

[18] Там же. С. 329 . Рис. 7, 2-7; *Zacharov A.A.* Op. cit. Fig. 72-76; *Марковин В.И.* Указ. соч. С. 76. Рис. 2, 5. С. 82. Рис. 4, 5.

[19] *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н.э.). Грозный, 1972. С. 280-281, 353, 364, 383. Рис. 37, 48, 57.

[20] *Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства. М., 1963. С. 41-46. Табл. 6-7; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. С. 90-91; *ЕАсаян С.А., Мнацаканян А.О.* Находки бронзовых статуэток в Армении // СА. 1970. № 2. С. 157-168; *Tallgren A.M.* Caucasian monuments. The Kazbek tresure // ESA. V. Helsinki, 1930. С. 109-182; *Tallgren A.M.* Kaukasische anthropomorphe figuren und der Vorderasiatsche Kulturkreis // JPEK. Berlin. 1930. С. 48-55. *Марковин В.И.* Культовая пластика Кавказа. С. 96-101. Рис. 13-14.

[21] *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала, 1989. С. 26.

[22] *Салихов Б.М.* Калкнинский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Сб. статей. Махачкала, 1985. С. 167-187. Там же в библиографии (с. 177) приведены работы исследователей, содержащие некоторые сведения о Калкнинском могильнике.

[23] *Салихов Б.М.* Археологические памятники Кайтага албано-сарматского и раннесредневекового времени // Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992-1993 гг. Махачкала, 1994. С. 14-15.

[24] *Котович В.Г., Котович В.М.* Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1958 году // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 13. С. 24-25; *Исаков М.И.* Археологические памятники Дагестана (Материалы к археологической карте). Махачкала, 1966. С. 23; *Абакаров А.И., Давудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. С. 214-215.

[25] *Котович В.Г., Котович В.М.* Указ. соч. С. 25.

[26] *Давудов О.М., Котович В.Г.* Богатые погребальные комплексы из сел. Ираги и Калкни // IX Крупновские чтения. Тез. докл. Элиста, 1979. С. 36; *Давудов О.М.* Гробница из сел. Ираги // Народное декаративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979. С. 184-187; *Он же.* Серебряное блюдо из Ирагинской гробницы (Дагестан) // СА. 1984. № 1. С. 77-87.

[27] Находки из ирагинской гробницы ныне хранятся в Дагестанском музее изобразительных искусств и в археологических фондах Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

[28] *Давудов О.М.* Серебряное блюдо… С. 80, 86.

[29] *Маммаев М.М.* Отчет о полевых исследованиях южного отряда экспедиции Института ИЯЛ в 1971 г. // Архив Института археологии РАН. С. 1-9; *Он же.* Работы Южного отряда Дагестанской экспедиции // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 156. Нахождение на территории поселения, расположенного в непосредственной близости от могильника фрагментов белоангобированной, а также серолощенной керамики, относящейся к I-III вв. н.э. позволяет полагать, что этот могильник содержал погребения и начала I тыс. н.э.

[30] *Маммаев М.М.* О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. XVII. Серия обществ. наук. Махачкала, 1967. С. 148-164. Рис. 1-5.

[31] *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963. С. 50-57, 62-63, 76-77.

[32] *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963. С. 129-130.

[33] *Исаков М.* Археологические памятники Дагестана. С. 24.

[34] См.: *Башкиров А.С.* Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931. Табл. I.; Искусство Кубачи. Альбом. /Сост. *А. Иванов.* Л., 1976. Илл. 122.

[35] *Мунчаев Р.М.* К истории археологического изучения Дагестана // МАД. Т. 1. Махачкала, 1959. С. 10-11.

[36] *Уваров А.С.* Курганы с расчленением близ Дербента // Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887. С. 61.

[37] *Котович В.М.* Верхнегунибское поселение. С. 83-85; *Гаджиев М.Г.* Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1983. С. 38.

[38] *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IV. Баку, 1949. С. 32-33; *Кропоткин В.В., Гусев С.В.* Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungari. T. XLV. Budapest, 1991. С. 414; *Нурмагомедов А.М.* К вопросу о товарно-денежных отношениях в Дагестане при арабах // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1991. С. 6.

[39] *Нурмагомедов А.М.* Указ. соч. С. 7.

[40] *Иванов А.А.* Новое чтение надписи на тимпане с борцами из селения Кубачи // ЭВ. XXII. 1984. С. 59.

[41] *Иванов А.А.* Персидские надписи из Кубачи // Rivista degli studi orientali. Vol. LIX. Fasc. I-IV. Roma, 1987. С. 218.

[42] *Айтберов Т.М.* К вопросу об исламизации Зирихгерана // Тез. докл. научной сессии

«Перестройка и гуманитарные науки в Дагестане». 21-23 декабря 1988 г. Махачкала, 1988. С. 61.

[43] Там же.

[44] *Бартольд В.В.* Дагестан // Соч. Т. III. Работы по исторической географии. М., 1965. С. 410, 412.

[45] *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 189.

[46] *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X-XIV вв. Махачкала, 1975. С. 42.

[47] *Эльдаров М.М.* Дагестан в географической литературе. Махачкала, 1982. С. 20.

[48] О принципах выбора места для поселения см.: *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаев А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 75-83.

[49] *Иванов А.А.* Персидские надписи из Кубачи. С. 213-224. Илл. V-VI.

[50] Об этом кладбище и легенде, связанной с ним, см.: *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л., 1949. С. 7.

ГЛАВА II

ЗИРИХГЕРАН-КУБАЧИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Своеобразие быта и культуры кубачинцев, их высокое мастерство в изготовлении оборонительных доспехов, дорогого и изысканно отделанного холодного и огнестрельного оружия, а также разнообразных ювелирных изделий издавна привлекали внимание многих ученых и путешественников.

Первые известия о кубачинцах-зирихгеранцах встречаются в средневековых арабских историко-географических трудах, содержащих ценные сведения по исторической географии, хозяйственной деятельности, военно-политической истории и религиозным представлениям древнего населения Дагестана.

Арабский историк IX в. ал-Белазури (ок.820-892 гг.) в своем сочинении «Книга завоевания стран» («Китаб футух ал-булдан»)[1], посвященном описанию арабских завоеваний, начиная с походов пророка Мухаммада (ок.570-632 гг.) до начала IX в., перечисляет такие раннесредневековые политические (государственные) образования Дагестана, как Серир, Филан, Табасаран, Лакз, Зирикиран, Хамзин и Гумик. Ал-Белазури сообщает, что правитель Ирана Хосров Ануширван (531-579 гг.), в царствование которого были возведены грандиозные оборонительные сооружения города Дербента, назначил царей над каждой отдельной областью и утвердил владетеля над Зирикираном, обязав его платить ему подати[2].

Описывая арабские завоевания в Дагестане, ал-Белазури указывает, что военачальник Мерван ибн Мухаммад, захватив в VIII в. Серир и Туман (Гумик) и обложив их ежегодной данью (рабами, зерном и скотом), «вступил в землю Зирикеран, владетель которой заключил с ним мирный договор с обязательством доставлять (в распоряжение арабских властей) ежегодно пятьдесят юношей и привозить десять тысяч мер (зерна) в зернохранилище Дербента»[3], ставшего еще в середине VII в. резиденцией арабских наместников[4] и важным опорным пунктом дальнейших арабских завоеваний в Дагестане.

Другой арабский историк и географ IX в. ал-Йакуби (ум. в 897 г.) в книге «История» («Тарих»)[5], излагая события, связанные с арабскими завоеваниями в Дагестане, пишет, что военачальник Мерван, покорив в VIII в. Серир, Туман (Гумик) и обложив их данью, «вторгся в землю Зирикеран, царь которой заключил с ним мир»[6], обязавшись уплачивать ежегодные налоговые подати (*джизья*) и поземельные налоги (*харадж*)[7]. Востоковед, проф. А.Р. Шихсаи-

дов отмечает, что приводимые ал-Йакуби сведения по раннесредневековой истории Дагестана в большинстве случаев совпадают с данными ал-Белазури, однако ал-Йакуби более точен и по ряду вопросов дополняет ал-Белазури[8].

Краткие сведения о торговой деятельности зирикиранов, хайзанов (т.е. кайтагов) и других жителей ряда раннесредневековых политических образований Дагестана приводятся в труде арабского географа ал-Истахри (писал ок.930 г.) «Книга путей и царств» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик»)[9]. Описывая Баб ал-абваб (Дербент) как оживленный торговый город на Хазарском (Каспийском) море и крупный центр транзитной торговли, ал-Истахри сообщает, что к нему «стекаются хазары, сериры, шензаны, хайзаны, курджи, рукланы, зерикераны и гумик с севера…»[10].

Заслуживает внимания и другое сообщение ал-Истахри о том, что в примыкающей к Дербенту горной части Дагестана «живет более семидесяти различных племен, и у каждого племени особый язык, так что они не понимают друг друга»[11].

Знаменитый арабский путешественник, географ и историк X в. ал-Масуди (ум. в 956 г.), посетивший большую часть известных тогда мусульманских стран, в том числе страны, расположенные по берегам Каспийского моря[12], в XVII главе своего труда «Луга золота и рудники драгоценных камней» («Мурудж ад-дзахаб ва мадаин ал-джавахир»)[13], представляющей собой систематизированное описание Кавказа и его племен, с разной степенью подробностей описывает такие царства (владения) раннесредневекового Дагестана, как Лакз, Табасаран, Хайдак, Карах, Гумик, Зарикаран и Сарир. Ал-Масуди сообщает о занятии жителей Зирихгерана, дает перечень изготовляемых ими металлических изделий. Он пишет о религии зирихгеранов, отмечает также, что их страна гористая, «и это защищает их от соседей»[14]. Сведения ал-Масуди являются ценными и самыми ранними известиями о ремесленном производстве кубачинцев (зирихгеранцев).

Весьма важные и интересные сведения о зирихгеранах и их ремесленном производстве, а также религии и погребальных обрядах имеются в сочинении испанского араба, историка и путешественника Абу Хамида Андалуси ал-Гарнати (1080-1169 гг.) «Подарок умам и выборки диковинок» («Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-аджаб»)[15], написанном в Мосуле (Ирак) в 1162 г. Ал-Гарнати в 1131-1153 гг. совершил длительное путешествие в Восточную и Центральную Европу. В 1131 г. он побывал в городе Дербенте, и «это придает, – как отмечает А.Р. Шихсаидов, – особенную ценность его сообщению о Восточном Кавказе»[16].

«А недалеко от Дербента есть большая гора, – пишет ал-Гарнати, – у подножия которой – два селения; в них живет народность, которую называют зирихгеран, т.е. бронники; они изготавливают всякое воинское снаряжение: кольчуги, и панцири, и шлемы, и мечи, и копья, и луки, и стрелы, и кинжалы, и всевозможные изделия из меди. Все их жены и сыновья, и дочери и рабы, и рабыни занимаются всеми этими ремеслами. И хотя нет у них пашен и садов, добра и денег у них больше, чем у других, потому что со всех сторон привозят к ним люди всякие блага»[17]. Далее ал-Гарнати описывает погребальный обряд

зирихгеранов[18], сложившийся, как считают многие исследователи, под влиянием зороастрийской религии, получившей распространение в древности в Иране, Азербайджане, Средней Азии и ряде других стран Ближнего и Среднего Востока. Абу-Хамид ал-Гарнати описывает также поход дербентского правителя – эмира Сейф ад-Дина Мухаммада ибн Халифа ас-Сулами и его союзников против Зирихгерана[19], предпринятый в 1126 г. и закончившийся полным провалом. В более ранней работе «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» («Му'риб ан бад аджаиб ал-Магриб»), написанной в 1155 г., ал-Гарнати сообщает о ряде народностей Дагестана, живущих «выше Дербента» и их языках, в том числе о зирихгеранском языке[20], идентифицируемом некоторыми исследователями с кубачинским диалектом даргинского языка[21].

У знаменитого арабского энциклопедиста Йакута ар-Руми ал-Хамави (ок.1179-1229 гг.)[22] – ученого и писателя, историка и географа, в его многотомном сводном труде «Алфавитный перечень стран», или «Словаре стран» («Муджам ал-булдан»)[23] имеется рад статей, посвященных отдельным областям и городам Дагестана – Баб ал-абвабу (Дербенту), Сериру, Филану, Лакзу, Табасарану, Зирихгерану, Беледжеру и Семендеру.

Известный арабский географ и космограф Закарийа ибн Мухаммад ал-Казвини (1203-1283 гг.), автор обширного и широко известного на мусульманском Востоке космографического сочинения «Чудеса тварей и диковинки существующего» («Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мавджудат»), а также географического труда «Памятники стран и известия о людях» («Асар ал-билад ва ахбар ал-ибад»)[24] приводит довольно многочисленные сведения, в основном заимствованные у представителей арабской исторической и географической литературы IX-X вв. – из сочинений ал-Белазури, Йакуби, Истахри, ал-Масуди и др. о средневековом Дагестане, в частности о Хазарском (Каспийском) море, Кавказских горах, о Дербенте и его оборонительных сооружениях, о религиозной жизни и хозяйственной деятельности южно-дагестанских селений Шиназ и Цахур, а также о Зирихгеране[25]. В труде «Памятники стран и известия о людях» ал-Казвини, ссылаясь на сочинения Андалуси ал-Гарнати, объясняет значение наименования Зирихгеран, подробно описывает погребальный обряд его жителей, который сложился, по мнению академика В.В. Бартольда[26], под влиянием иранской религии зороастризма, приводит сведения об отражении жителями Зирихгерана походов правителей Дербента и Ширвана, предпринятых в XII в.

Академик Б.А. Дорн[27] обратил внимание на то, что у Закарийа ал-Казвини имеются некоторые подробности описания погребального обряда зирихгеранов, которых нет у ал-Гарнати. Так, ал-Гарнати говорит, что на мешке, в который собирали кости, писали имя покойника; Казвини дополняет, что писали также имя его родителей, время его рождения и смерти. В этой связи В.В. Бартольд заключает: «Но все это не дает права утверждать, что Казвини пользовался кроме ал-Гарнати еще другими источниками, так как из приведенного в статье Дорна описания рукописи Азиатского музея (*B. Dorn.* Über zwei für das Asiatische Museum erworbene Arabische Werke // Melanges Asiatiques. T. VI. Livr. 5. 1872. S. 675-677) и сравнения ее с другими рукописями видно, что все

дошедшие до нас экземпляры сочинения ал-Гарнати являются только сокращенными редакциями этого труда, тогда как в руках Казвини мог находиться полный экземпляр»[28].

Сведения о Зирихгеране, заимствованные из географической энциклопедии Закарийа ал-Казвини «Памятники стран и известия о людях», но с некоторыми сокращениями, приводит и азербайджанский ученый-географ второй пол. XIV – начала XV в. Абд ар-Рашид ал-Бакуви[29] в своем сочинении «Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего» («Китаб Талхис ал-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар»)[30]. Как и его предшественники ал-Гарнати и ал-Казвини, Абд ар-Рашид ал-Бакуви пишет о Зирихгеране как о двух горных селениях, жители которых занимаются выделкой панцирей и кольчуг. Он сообщает также о том, что зирихгеранцы любят чужестранцев, знающих какую-либо науку или каллиграфию, что они не платят хараджа. Кратко описан и зороастрийского типа погребальный обряд зирихгеранов. Следует отметить, что ко времени написания труда ал-Бакуви зирихгеранцы были уже мусульманами, что надежно подтверждается памятниками эпиграфики сел. Кубачи и соседних селений. Поэтому описание погребального обряда кубачинцев у ал-Бакуви, заимствованное у ал-Гарнати и ал-Казвини, не соответствует реальной действительности.

Средневековые персидские авторы, касавшиеся в какой-то мере истории Зирихгерана, представлены трудами Низам ад-дина Шами, писавшего в начале XV в. и Шереф ад-дина Йезди (ум. в 1454 г.). В труде Низам ад-дина Шами «Книга побед» («Зафар-наме»)[31] довольно подробно описан поход среднеазиатского завоевателя Тимура (1336-1405 гг.) в Дагестан в конце XIV в., в том числе в Кайтаг и Зирихгеран. Сведения Шами с некоторыми важными дополнениями вошли в труд Шереф ад-дина Йезди, названный также «Книга побед» («Зафар-наме»)[32]. Работы указанных персидских авторов стали широко известны в научных кругах благодаря огромному труду русского востоковеда В.Г. Тизенгаузена (1825-1902 гг.), издавшего два тома извлечений по истории Золотой Орды[33].

В статье академика Х.Д. Френа «О народе кавказском Кубечи»[34], представляющей собой первую и довольно подробную научную сводку исторических сведений о селении Кубачи и его жителях, почерпнутых из большого количества разнообразных и разновременных источников, приводится еще ряд имен восточных авторов, писавших об этом селении: упомянутый выше персидский автор XV в. Шереф ад-дин Йезди, сириец из Алеппо космограф Ибн ал-Варди (ум. в 1457 г.)[35], турецкий географ Хаджжи Халифа (1609-1657 гг.)[36], известный у европейцев под именем Кятиб Челеби, персидский географ Садик ал-Исфахани (ум. в 1680 г.)[37].

Знаменитый турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби (1611-1679 гг.), побывавший во многих странах Европы, Азии и Африки, составивший десятитомное сочинение «Книга путешествия» («Сийахет-наме») приводит интересные и ценные сведения о жизни и обычаях самых разных народов трех континентов, в том числе и о Дагестане, его народах, их обычаях, жилищах, одежде, ремеслах и т.д.[38]. Весь май, летние месяцы и начало осени 1666

г. путешественник провел в странствиях по Дагестану, Азербайджану и Северному Ирану, побывал во многих дагестанских владениях (Кумыкия, Кайтаг, Табасаран, Дербент и другие) и населенных пунктах. Возможно, что некоторое время он провел и в Кубачи, которое оставило у Эвлия Челеби благоприятное впечатление. Краткое описание этого селения дано в небольшом разделе, названном «Прекрасная, благоустроенная крепость Кюбечли»[39].

«Эта крепость [принадлежит цеху] латников, – пишет Эвлия Челеби. – Основатель ее неизвестен, но строение это старое[40], и возведена крепость будто из агата. Стены сложены из хорошо отшлифованных, сверкающих камней. Она находится к востоку от персидской крепости Демир-капу[41]. Крепость состоит из [нескольких] кварталов. В городе дома с глиняными крышами, соборные и квартальные мечети [в количестве]...» (здесь текст прерывается).

Для освещения истории Зирихгерана-Кубачи средневекового периода значительную ценность представляют также источники местного происхождения – дагестанские исторические сочинения. Одним из наиболее ранних местных, то есть дагестанских исторических сочинений является «Тарих ал-Баб» («История Дербенда»), написанная на арабском языке в г. Дербенте в 500 г. хиджры – 1106 г. нашего летосчисления[42]. Имя автора этой хроники неизвестно, но он был, несомненно, одним из образованных людей своего времени[43]. Оригинал «Тарих ал-Баб» до нас не дошел, но в многотомном труде «Собрание династий» («Джами ад-дувал») турецкого историка XVII в. Ахмеда ибн Лютфуллаха, носившего прозвище Мюнеджжим-баши («Главный астроном»[44]) это сочинение сохранилось в сокращенном варианте. Компилятивного характера труд турецкого историка был написан на арабском языке с использованием многочисленных источников на арабском, турецком и персидском языках, в том числе и «Тарих ал-Баб». Известный востоковед проф. В.Ф. Минорский, тщательно изучив сохранившиеся в арабском тексте труда Мюнеджжим-баши выдержки из «Тарих ал-Баб», в 1958 г. издал их в Кембридже (Великобритания) отдельной книгой (арабский текст, английский перевод и подробные комментарии) под названием «История Ширвана и Дербенда в X-XI веках»[45]. В 1963 г. в Москве вышел русский перевод этого издания, выполненный сотрудниками Института востоковедения Академии наук Азербайджана, со значительными дополнениями и исправлениями самого В.Ф. Минорского.

«История Ширвана и Дербенда X-XI веков» является ценным источником по истории средневекового Дагестана. В ней описаны события, охватывающие период с конца VIII в. (788 г.) до XI в. (1075 г.) и освещаются вопросы, касающиеся истории, географии и этнографии Ширвана и Дербента, а также социально-экономической, политической и культурной жизни раннесредневековых политических образований Дагестана – Лакза, Табасарана, Хайдака, Караха, Гумика, Сарира, Маската, Шандана и Хазарии[46]. Затрагиваются также вопросы, в некоторой степени, касающиеся и Зирихгерана, особенно в связи с взаимоотношениями Дербента и Хайдака.

Однако, в «Истории Ширвана и Дербенда» Зирихгеран вообще не упоминается, на что обратил внимание А.Р. Шихсаидов, который отмечает: «остает-

ся совершенно непонятным, что Зирихгеран неизвестен автору или же автор счел нужным не писать о нем. Это тем более странно, что и до времени составления «Истории Ширвана и Дербенда» (1106 г.) и после этого, Зирихгеран упомянут в исторических сочинениях, причем еще в середине XII в. жители Зирихгерана успешно отбивают нападения правителя Дербента и наемных его войск, а последнее упоминание о Зирихгеране, как о самостоятельном владении относится к концу XIV в., ко времени походов Тимура в Дагестан»[47].

То, что в «Истории Ширвана и Дербенда» Зирихгеран не упомянут, может объясняться тем, что ко времени ее написания (начало XII в.) в его политическом устройстве произошли существенные изменения – выделились в самостоятельные единицы Кубачи с прилегающими к нему поселками населения *угъбуг* (зирихгеранцев), союз сельских общин СирхIя и Буркун-Дарго. Причем, часть из этих родовых поселков *угъбуг*ов, возможно, уже объединились с селением Кубачи. Как было отмечено выше, ал-Гарнати в начале XII в. пишет о Зирихгеране уже как о двух селениях[48].

Однако более вероятным представляется другое. В.Ф. Минорский отмечает, что «Мюнеджжим-баши дает, по-видимому, свой собственный сокращенный пересказ приводимых отрывков [из «Тарих ал-Баб» – М.М.], а не самый текст анонимной истории»[49]. В сокращения может, попал и Зирихгеран. Но в «Истории Ширвана и Дербенда» В.Ф. Минорский в приложении III дает русский перевод глав, посвященных Кавказу из сочинения арабского историка и географа X в. ал-Масуди «Россыпи золота» («Мурудж ад-дзахаб»), содержащего ценные сведения о Зирихгеране[50] и других раннефеодальных владениях Дагестана.

К числу сочинений местной историографии относится также написанная в нач. XIV в. на арабском языке Муллой Мухаммадом Рафи из Ширвана историческая хроника «Тарих Дагестан»[51] («История Дагестана»), которая дошла до нас в разных списках (вариантах) рукописей[52]. В этой хронике освещается ряд важных вопросов политической и социально-экономической истории средневекового Дагестана, приводятся сведения об исламизации Кумуха, Кайтага и Аварии. Изложение исторических событий в труде Мухаммада Рафи доведено до XIV в. Наиболее древняя часть хроники относится к первой пол. X в.

Содержание «Тарихи Дагестан» в целом пронизано идеей обосновать «законность» власти местных феодальных правителей, в особенности казикумухского шамхала. В хронике названы три крупные области средневекового Дагестана: ал-Авар, ас-Сахл[53] и аз-Зирихгеран. Однако, как отмечает А.Р. Шихсаидов, «весь ход событий в хронике посвящен не Зирихгерану, не равнине (т.е. ас-Сахл), а Кайтагу, Аварии, Кумуху, особенно двум последним»[54].

Вместе с тем из сочинения «Тарих Дагестан» можно почерпнуть немало ценных сведений, затрагивающих и историю Зирихгерана, поскольку автор этого сочинения подробно описывает взаимоотношения непосредственно граничащих с Зирихгераном таких политических образований, как Гумик и Хайдак, а также рассматриваются вопросы взаимоотношений феодальных владений и сельских общин, налоговой политики, социальных отношений и т.д. В

сочинении Мухаммада Рафи имеется и перечень ежегодных доходов (в виде скота, зерна, рыбы и пр.), взимаемых казикумухскими шамхалами с подвластных им областей и селений, в том числе с «жителей города Зирихгеран – тридцать [мер?] пороха»[55].

Следует отметить, что в комментариях к работе «Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи» имеются некоторые сведения о сел. Кубачи и занятиях его жителей. Но в ней ошибочно указывается, что кубачинцы «считают себя потомками выходцев, переселившихся в эту страну (в Дагестан – М.М.) из Европы»[56]. То же самое повторяется и в другом месте: «Обитатели Зирихгерана или нынешнего Кубачи… считают себя за потомков европейской колонии, выселившийся в Дагестан за несколько веков тому назад»[57].

На рубеже XVI-XVII вв. выходцем из Акташа Мухаммадом Аваби была составлена историческая хроника компилятивного характера «Дербенд-наме»[58], в которой описываются события периода V-XI вв., касающиеся строительства дербентских укреплений в период правления шахиншаха Хосрова I Ануширвана (531-579 гг.), взаимоотношений персов и хазар, военных походов арабов в Дагестан и распространения здесь ислама, налоговой политики арабов на завоеванных землях, политической истории первых государственных объединений (царств) Дагестана – Лакза, Табасарана, Хайдака, Зирихгерана, Тумана (Гумика) и Серира. Хотя название хроники «Дербенд-наме» говорит о том, что она посвящена средневековой истории Дербента, но в ней освещены события, касающиеся всего Дагестана. Научная ценность и значимость исторического сочинения «Дербенд-наме» состоит в том, что без его использования невозможно достоверно и в достаточно полной мере осветить социально-экономическую и политическую историю раннесредневекового Дагестана.

Мухаммад Аваби Акташи при написании «Дербенд-наме» широко пользовался историко-географическими сочинениями арабских авторов – ал-Белазури, ал-Йакуби, Ибн Хордадбеха, Ибн Русты, ат-Табари, ал-Масуди, ал-Истахри и других. В XVIII-XIX вв. историческая хроника «Дербенд-наме» пользовалась широкой известностью как источник сведений о древностях Дербента и Дагестана в целом. Рукописи этой хроники в многочисленных списках (вариантах) на арабском, персидском, азербайджанском, турецком и других языках широко бытовали в Дагестане в частных собраниях[59]. Ныне известно более 40 списков «Дербенд-наме», которые хранятся в библиотеках городов Махачкалы, Санкт-Петербурга, Москвы, Тбилиси, Баку, Еревана, во многих частных коллекциях, а также в библиотеках ряда городов зарубежных стран (Берлин, Париж). Значительное количество списков «Дербенд-наме» в виде рукописей на арабском и на ряде местных языков – аварском, даргинском, кумыкском, лакском, в том числе и на кубачинском языке, сосредоточено в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН[60].

«Дербенд-наме» на кубачинском языке не опубликовано и научно еще не изучено. О нем А.А. Исаев пишет, что рукопись эта содержит 38 страниц по

11 строк на каждой странице при формате 11х18 см. Она без переплета, верхняя половина первого листа порвана. В конце текста хроники по-арабски записано «Закончил 17 рамазана 1326 г. (13 октября 1908 г.)», но не указаны дата перевода, имена переводчика и переписчика. В этой же сборной рукописи имеются написанные на кубачинском языке тем же лицом краткая хроника по истории средневекового Кайтага, а также родословная кайтагских, казикумухских и теркемейских *талкан*ов (князей)[61].

Весьма любопытно, что в 1834 г. Г. Бракель, собравший сведения о кубачинцах во время военной службы в Дагестане, в своей работе упоминает о большой книге, будто бы содержащей древние установления кубачинцев на их языке, но написанной арабскими буквами. Очень трудно судить, о какой книге идет речь. Однако нельзя исключить вероятность существования книги (помимо «Дербенд-наме») на кубачинском языке «с древними установлениями» жителей Кубачи, т.е. со сведениями об историческом прошлом этого селения.

В 1992 г. историческое сочинение «Дербенд-наме» издано отдельной книгой[63] в г. Махачкале в переводе на русский язык с тюркского Г.М.-Р. Оразаева и с арабского А.Р. Шихсаидова. Рассчитанная на широкие круги читателей, книга снабжена вступительной статьей («Вместо предисловия»), где излагается история публикации и изучения хроники, а также дается подробная характеристика известных списков рукописей и изданий «Дербенд-наме». Книга снабжена также подробными примечаниями и ценными историческими комментариями.

Сведения о Зирихгеране, приводимые в «Дербенд-наме», немногочисленны. Они в очень краткой форме перекликаются с данными ал-Белазури и других средневековых арабских историков и географов IX-X вв. В этой хронике дается разъяснение того, что Зирихгеран и Кубачи – понятия однозначные[64].

Следует отметить, что в публикации «Тарихи Дербенд-наме» под редакцией М. Алиханова-Аварского с девятью приложениями имеются довольно пространные комментарии редактора к понятиям Зирихгеран–Кубачи[65]. В этих комментариях сообщается, что в сел. Кубачи сохранились древние стены и многоэтажные башни, а также барельефы с изображением различных животных, орнамента и с неизвестными письменами, имеющие, по мнению комментатора, отношение к «древнегреческому искусству»[66]. В подтверждение этого он приводит легенду о франкском происхождении кубачинцев. Приводятся также материалы о якобы первоначальном поселении кубачинцев близ Дербента на местах селений Кемах и Дарша[67]; о родословной грузинских князей Чолокашвили, якобы происходивших от генуэзцев и переселившихся в Дагестан. Термин *копачи-кубачи* комментатор сближает с названием генуэзского поселения Копа в Кубанской области, признавая, однако, что вопрос о происхождении кубачинцев еще не решен. Приводится также ошибочное толкование самоназвания кубачинцев исходя из аварского языка[68]. В I-ом приложении помещен перевод «Дербенд-наме» с французского по извлечению Юлиуса Клапрота, который понятие «Зерекаран» истолковывает как «серебреники»[69]. В IX-ом приложении дана перепечатка извлечения из сочинения

Мухаммада Рафи в переводе с арабского на русский язык П.К. Услара, где в примечаниях отмечается, что «Зирихгеран – персидское название аула Кубачи. Значение обоих названий – панцироделатели»[70]. В целом надо сказать, что комментарии редактора «Дербенд-наме» М. Алиханова-Аварского относительно Зирихгерана-Кубачи содержит много вымысла.

Достоверно точные, научные комментарии на уровне достижений современной науки к тексту исторического сочинения, а также относительно понятий, терминов и исторических событий, касающихся Зирихгерана и Кубачи, даны в последних изданиях «Дербенд-наме»[71], хотя, впрочем, и там имеются некоторые спорные моменты.

Отдельные вопросы, касающиеся исламизации Кубачи, кратко излагаются в историческом сочинении «История Каракайтага»[72], которое дошло до нас в пяти списках, переписанных в конце XIX – начале XX в. Само же сочинение было написано в конце XV – начале XVI в. В нем описываются события, имевшие место в жизни каракайтагцев в X-XV вв. При изложении событий 705 г.х. / 1305-06 гг. отмечается, что кадий Дарго Шайхмухаммад пал в бою против кубачинцев-немусульман[73]. Эти сведения, которые перекликаются с преданиями кубачинцев (записаны Е.М. Шиллингом[74]) о столкновении неверных с теми, кто насаждал среди них мусульманскую религию, показывают, что процесс исламизации Кубачи был отнюдь не мирным, а происходил в ожесточенной борьбе последователей ислама с приверженцами домусульманских верований (язычества и зороастризма).

С XVIII-XIX вв. вместе с активным проникновением России на Кавказ значительно усиливается ее интерес к истории и этнографии Дагестана. Российская Академия наук организовывает экспедиции на Кавказ. Появляются труды ряда ученых и путешественников, посвященных вопросам географии и этнографии Дагестана, расселении его народов, их языков, общественного устройства, политических взаимоотношений и хозяйственной деятельности. Как отмечает М.О. Османов, XVIII-XIX века, время активного проникновения России на Кавказ, являются переломными в историографии даргинцев[75]. Но обзор источников и литературы XVIII-XX вв. по истории и культуре Кубачи выходит за хронологические рамки данного исследования. Однако в седьмой главе настоящей работы будут рассмотрены труды отечественных и зарубежных ученых и путешественников XVIII-XX вв., в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы происхождения кубачинцев.

Ценность и значимость рассмотренных выше арабских, персидских и турецких источников, а также дагестанских исторических сочинений состоит в том, что они содержат весьма важные и достоверные данные по средневековой истории Кубачи и близлежащих селений – Амузги, Сулевкента, Калакорейша, Ашты, Уркараха и других. Опираясь именно на эти восточные и местные (дагестанские) письменные источники, можно осветить важнейшие этапы средневековой истории Зирихгерана – его политическое положение, военные события, социальный строй, ремесленное производство, идеологические представления населения и другие вопросы.

Наряду со сведениями письменных источников ценными материалами

для освещения древней и средневековой истории Зирихгерана-Кубачи являются приведенные выше археологические данные. Однако Кубачино-даргинское нагорье в археологическом отношении изучено крайне слабо. И тем не менее, имеющиеся к настоящему времени археологические материалы наряду с письменными источниками позволяют в некоторой степени составить определенное представление о времени заселения Кубачино-даргинского нагорья, возникновения сел. Кубачи и его дальнейшего развития.

Некоторые сведения о далеком прошлом Зирихгерана-Кубачи можно извлечь из исторических преданий и легенд, данных фольклора кубачинцев и окружающих их народов, топонимики и т.д. В этом плане основательная работа проделана Е.М. Шиллингом[76]. Собранные скрупулезно и точно зафиксированные им кубачинские легенды и предания, а также фольклорные материалы, имеют большую научную ценность.

Наконец, столь же большую научную и художественную ценность представляют памятники средневекового камнерезного искусства и эпиграфики сел. Кубачи для воссоздания его истории, освещения начальных этапов развития его искусства и художественной культуры, выяснения вопросов, касающихся исламизации кубачинцев, распространения среди них письменности на основе арабской графики и т.д.[77]

Из сделанного выше обзора источников и литературы (во введении) видно, что пока нет такой работы, в которой последовательно излагались бы вопросы древней и средневековой истории и культуры Зирихгерана-Кубачи, рассматривались бы проблемы возникновения селения Кубачи, превращения его в столицу раннесредневекового государственного (политического) образования Зирихгеран, а затем – в крупный центр средневековой художественной культуры, мусульманской духовности и образованности и многие другие.

В данном исследовании делается посильная попытка восполнить в какой-то мере эти пробелы. Автор ни в коей мере не претендует на полноту их освещения, поскольку он располагает для этого скудными фактическими данными.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Баладзори.* Книга завоевания стран. /Текст и пер. с араб. проф. *П.К. Жузе.* Баку, 1927 (Материалы по истории Азербайджана. Вып. III). С. 1-42.

[2] Там же. С. 7.

[3] Там же. С. 18.

[4] История Дагестана в 4-х томах. Т. 1. М., 1967. С. 161.

[5] *Якуби.* История. /Текст и пер. с араб. проф. *П.К. Жузе.* Баку, 1927 (Материалы по истории Азербайджана. Вып. IV). С. 7. О Йакуби см.: *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Избр. соч. Т. IV. М.; Л., 1957. С. 151-154.

[6] *Якуби.* История. С. 7.

[7] *Шихсаидов А.Р.* Арабские источники IX-X вв. и вопросы социально-экономического и военно-политического положения раннесредневекового Дагестана // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 15.

[8] *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.) Махачкала, 1969. С. 7.

[9] *Истахри.* Книга путей и царств (Китаб ал-масалик ва-л-мамалик). /Пер. *Н.А. Караулова* // СМОМПК. Вып. XXIX.. Тифлис, 1901. С. 3-55.

[10] Там же. С. 15.

[11] Там же. С. 13.

[12] *Эльдаров М.М.* Дагестан в географической литературе. Махачкала, 1982. С. 16.

[13] *Масуди.* Луга золота и рудники драгоценных камней (Мурудж ад-Дзахаб ва мадаин алджавахир). /Пер. *Н.А. Караулова* // СМОМПК. Вып. XXXVIII. Тифлис, 1908. С. 29-61. См. также: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963. С. 188-216 (Приложение III. Масуди о Кавказе); *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 11.

[14] *Масуди.* Луга золота… С. 52; *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 203.

[15] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153). /Публикация *О.Г. Большакова* и *А.Л. Монгайта.* М., 1971. С. 50-51, 93-95.

[16] *Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 13.

[17] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати… С. 50.

[18] Там же. С. 50, 94.

[19] Там же С. 50-51.

[20] Там же. С. 26.

[21] Там же. С. 93-94 (исторический комментарий А.Л. Монгайта); *Шихсаидов А.Р.* К вопросу о локализации Филана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 84.

[22] О Йакуте см.: *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. Т. IV. М.-Л., 1957. С. 330-342.

[23] См.: *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 13-14. Труд Йакута «Алфавитный перечень стран» на русский язык не переведен. Он был издан в 60-х годах XIX в. в Германии в шести объемных томах. См.: Jakut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St.-Petersburg, Paris, London und Oxford… hrsg. von Ferdinand Wüstenfeld. Bd. I-VI. Leipzig, 1866-1873. См. еще: *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в «Словаре стран» Йакута // Тез. докл. конференции, посвященной итогам географических исследований в Дагестане. Махачкала, 1986. С.87-88.

[24] См.: *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. Т. IV. С. 358-366; *Шихсаидов А.Р.* Закарийа ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 105-116.

[25] *Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 112.

[26] *Бартольд В.В.* Еще о самаркандских оссуариях // Соч. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966. С 119-123.

[27] *Dorn B.* Über zwei für das Asiatische Museum erworbene Arabische Werke // Melanges Asiatiques. T. VI. Livr. 5, 1872. С. 675-677. См. также: *Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 11-112.

[28] *Бартольд В.В.* Указ. соч. С. 119-123. См. еще: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати… С. 94.

[29] *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. Т. IV. С. 364, 512-513; *Ашурбейли С.Б.* Абдар-Рашид Бакуви – азербайджанский ученый-географ XIV – начала XV вв. // Известия АН АзССР. Серия общест. наук. 1958. № 5. С. 33-40.

[30] *Абд ар-Рашид ал-Бакуви.* Китаб Талхис ал-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар (Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего). Издание текста, пер., предисл. и примеч. *З.М. Буниятова.* М., 1971. С. 106-107.

[31] См.: *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 15, 197-198.

[32] Там же. С. 15.

[33] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II М.-Л., 1941. Низам ад-дин Шами. Книга побед. С. 123-124; Шереф ад-дин Йезди. Книга побед. С. 174-175, 181-187.

[34] *Френ Х.Д.* О народе кавказском Кубечи // Журнал Министерства народного просвещения. Спб., 1840. № 8 (август). С. 87-107 (рус. пер. с нем. из «Bulletin Scientifique». 1838. № 75 и 76).

[35] О нем см.: *Крачковский И.Ю.* Указ.соч. С. 490-497.

[36] О нем см.: *Крачковский И.Ю.* Указ.соч. С. 601-612.

[37] О нем см.: *Крачковский И.Ю.* Указ. соч. С. 532-534.

[38] *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Пер. и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 104-122.

[39] Там же. С. 118. В другом списке трудов Эвлия Челеби название сел. Кубачи дано в форме «Кюбеджили».

[40] Имеется ввиду древнее.

[41] *Демир-капу* букв. означает «Железные ворота». Турецкие историки так называли г. Дербент. Эвлия Челеби в другом месте своего труда этот город называет Баб ал-абваб (по-арабски «главные ворота» или «ворота ворот»).

[42] См.: *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 43-79; *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 16-17; *Он же.* К истории изучения «Истории Ширвана и Дербенда» // Уч. зап. ИИЯЛ Даг ФАН СССР. Т. XX. Серия обществ. наук. Махачкала, 1970. С.236-252.

[43] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 179.

[44] Ахмед ибн Лютфуллах был дворцовым астрономом султана Мухаммада IV (1667-1675).

[45] *Minorsky V.* A History of Sharvan and Darband in the 10-th–11-th centuries. Cambridge, 1958.

[46] *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963. С. 15-42, 80-168.

[47] *Шихсаидов А.Р.* К истории изучения «Истории Ширвана и Дербенда». С. 250-251.

[48] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 50-51.

[49] Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 18.

[50] Там же. С. 203.

[51] Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммадом Рафи. Предисл. П. У[слара] // ССКГ. Вып. V. Тифлис, 1871. С. 9-30. Историю изучения хроники, ее новый перевод с арабского на русский язык с учетом дошедших до нас 17 списков этого сочинения, а также общая характеристика и оценка ее с историческими комментариями см.: *Шихсаидов А.Р.* Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестн» Мухаммада Рафи (к вопросу об изучении) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1972. М., 1977. С. 90-119; *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 85-108.

[52] *Шихсаидов А.Р.* Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи. С. 92-96. Значительное число списков «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи собрано в Фонде восточных рукописей Института ИАЭ ДНЦ РАН. См.: *Шихсаидов А.Р.* Дагестанские исторические сочинения // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 233-236. В этой работе А.Р. Шихсаидов дает анализ новых, вновь выявленных списков «Тарихи Дагестан» на арабском языке.

[53] Под термином *ас-Сахл* подразумевается «равнина», т.е. плоскостная или приморская часть Дагестана.

[54] *Шихсаидов А.Р.* Дагестанская историческая хроника... С. 100.

[55] Там же. С. 110. См. также: Материалы по истории средневекового Дагестана. [Публикация и комментарии В.Г. Гаджиева] // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Сб. статей. Махачкала, 1980. С. 195-206.

[56] Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммадом Рафи. С. 10.

[57] Там же. С. 23.

[58] Тарихи Дербенд-наме. /Пер. с языков: тюрк., араб., перс., франц. Под ред. *М. Алиханова-Аварского.* Тифлис, 1898. См. еще: История Дагестана в 4-х томах. Т.1. М., 1967. С. 230; *Магомедов Р.М.* История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968. С. 105; *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 21-26; *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 17; *Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р.* «Дербенд-наме» (К вопросу об изу-

чении) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 5-64; *Шихсаидов А.Р.* К изучению дагестанских исторических сочинений // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 1. М., 1989. С. 173-183; *Акташи Мухаммад Аваби.* Дербенд-наме. Пер. с тюрк. и араб., предисл., коммент. и библиогр. *Г.М.-Р. Оразаева и А.Р. Шихсаидова.* Махачкала, 1992. С. 1-160; Дербенд-наме (Румянцевский список). Введ., пер. и коммент. Г.М.-Р. Оразаева // *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. С. 6-64.

[59] Последний научный перевод «Дербенд-наме» на русский язык с учетом всех известных к настоящему времени его списков и с подробными комментариями к тексту принадлежит известным дагестанским востоковедам М.-С. Саидову и А.Р. Шихсаидову. См.: Указ. соч. С. 24-38.

[60] *Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 5-24; *Исаев А.А.* Письменные памятники на даргинском языке // Материалы сессии посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976-1977 гг. (Тез. докл.). Махачкала. 1978. С. 43-44; *Он же.* Новые списки «Дербенд-наме» (на даргинском языке) // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 93-102.

[61] *Исаев А.А.* Новые списки «Дербенд-наме»... С. 94.

[62] *Brackel H.* Zu näherer Kenntniss der Kabuschaner oder Kubatschiner, eines Kaukasischen Bergvolker Wahrscheinlich Germanischen Ursprungs // Dorpater jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Riga und Dorpat. 1834. II. S. 159-165. Русский перевод этой работы: Бракель Г. Детальные сведения о кобучанцах или кубачинцах, горцах Кавказа, как вероятном происхождении от германцев. 1834. II. С. 160. /Пер. с нем. М.И. Магомедовой (машинопись) // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526. – 8 с.

[63] *Акташи Мухаммад Аваби.* Дербенд-наме. Обстоятельную рецензию на эту работу см.: *Алиев Б.Г.* «Дербенд-наме»: Из глубины истории // Дагестанская правда. 1993. 11 марта.

[64] Там же. С. 45, 142. Эти же сведения приводятся и в анонимном арабоязычном сочинении «История Маза», в котором описываются события IX-XVII вв., происходившие на Восточном Кавказе. Дошедшая до нас «История Маза» была переписана в XVIII в. с более раннего оригинала, составленного неизвестным нам автором, жившем ранее XVI в. См.: История Маза // *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Указ. соч. С. 116.

[65] Тарихи Дербенд-наме. С. 57-60, 165.

[66] Там же. С. 57-58.

[67] Там же. С. 58.

[68] Там же. С. 59.

[69] Там же. С. 91-96.

[70] Там же. С. 164-165.

[71] *Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р.* «Дербенд-наме» (К вопросу об изучении). С. 46-47; *Акташи Мухаммад Аваби.* Указ. соч. С. 82-138; *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Указ. соч. С. 49-50.

[72] История Каракайтага // *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 150-161.

[73] Там же. С. 159.

[74] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л., 1949. С. 10-12; *Он же.* Кубачинцы // *Панек Л.Б., Шиллинг Е.М.* Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996. С. 70.

[75] См.: *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 70.

[76] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 7-12.

[77] *Маммаев М.М.* Средневековые резные камни сел. Кубачи как источники по изучению культуры и искусства Дагестана // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: Принципы и методы изучения, оценки и использования. Тез. докладов и сообщений. Махачкала, 1989. С. 23-24.

ГЛАВА III

ОБРАЗОВАНИЕ «ЦАРСТВА» ЗИРИХГЕРАН И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

История Кубачи, как уже отмечали, тесно и неразрывно связана с историей близлежащих селений и всего Дагестана в целом, ибо едины исторические судьбы всех дагестанских народов. В то же время она имеет и свою специфику, обусловленную своеобразием пути исторического развития этого селения, особенностями хозяйственно-экономической деятельности его жителей на протяжении многих столетий.

Воссоздать в полной мере древнюю и средневековую историю Кубачи – политического центра раннесредневекового государственного образования Зирихгеран, а после его распада – кубачинского «вольного общества», или, по точному определению проф. М.А. Агларова, своего рода микрогосударства[1], трудно ввиду малочисленности и крайней скудости письменных источников. Тем не менее, накопленные к настоящему времени наукой данные позволяют осветить вопросы, касающиеся образования «царства» Зирихгеран и его политической истории, а также охарактеризовать в определенной степени общественный строй и хозяйственную деятельность его жителей, проследить развитие культуры и искусства зирихгеранов в эпоху средневековья.

Как известно, в V-X вв. н.э. на территории Дагестана существовал ряд сравнительно небольших и устойчивых политических (государственных) образований, именуемых в средневековых арабских письменных источниках «странами», «царствами» или «владениями». Это Баб ал-абваб (Дербент), Лакз (Южный Дагестан), Табасаран, Хайдак (Кайтаг), Зирихгеран (Кубачи с близлежащими небольшими селениями, а также территория, занимаемая сирхинцами и буркун-даргинцами), Гумик или Туман (земли лакцев, территория нынешних Лакского и Кулинского районов), Серир (Авария), Карах (Уркарах и прилегающие к нему земли), Филан или Шандан (различные названия одной и той же территории, на которой позднее сложился союз сельских общин под названием Акуша-Дарго в составе нынешнего Акушинского и Левашинского районов) и Хазарский каганат (Северо-Восточный Дагестан)[2], которые играли в то время активную роль в политической жизни Северо-Восточного Кавказа.

Зирихгеран как самостоятельное государственное образование впервые упоминается арабским историком IX в. ал-Белазури в сочинении «Книга завоевания стран» («Китаб футух ал-булдан»)[3]. Как уже отмечали выше (гл. II),

описывая события, относящиеся к VI в. ал-Белазури пишет, что правитель Ирана Хосров Ануширван (531-579 гг.), в царствование которого были возведены грандиозные оборонительные сооружения Дербента, назначил царей над каждой отдельной областью (имеется ввиду Серир, Филан, Табасаран, Лакз, Хамзин, Гумик) и утвердил владетеля над Зирикираном, обязав его платить ему подати[4]. Описывая арабские завоевания в Дагестане, тот же ал-Белазури указывает, что военачальник Мерван, захватив в VIII в. Серир и Туман (Гумик) и обложив их ежегодной данью, вступил в землю Зирикеран, владетель которой «заключил с ним мирный договор с обязательством доставлять [в распоряжение арабских властей] ежегодно пятьдесят юношей и привозить десять тысяч мер зерна в зернохранилище Дербента»[5], ставшего еще в середине VII в. н.э. резиденцией арабских наместников в Дагестане. Другой арабский историк и географ IX в. ал-Йакуби в книге «История («Тарих»)[6] также указывает, что Мерван, в VIII в. покорив Серир и Туман (Гумик) и обложив их данью, «вторгся в землю Зирикеран, царь которой заключил с ним мир», обязавшись уплачивать ему ежегодные подати.

О Зирихгеране как о «царстве» («владении») пишет также знаменитый арабский путешественник, географ и историк X в. ал-Масуди (ум. в 956 г.). В главе XVII своего труда «Луга золота и рудники драгоценных камней» («Мурудж ад-Дзахаб ва мадаин ал-джавахир»)[7], представляющий собой систематическое описание Кавказа и его племен, он пишет: «Затем в сторону Сарира и гор – владение Зарикаран (Зирих-Гаран), что означает «мастера кольчуг», потому, что большинство из них делает кольчуги, стремена, уздечки, мечи и другие виды оружия из железа. Они исповедуют различные религии: ислам, христианство и иудейство. Их страна гористая, и это защищает их от соседей».

На основе сообщений ал-Белазури, ал-Йакуби и ал-Масуди можно сделать следующее заключение: поскольку в VI в. н.э. «царство» или «владение» Зирихгеран выступает как сложившееся самостоятельное политическое образование с центральной властью во главе с правителем (ал-Белазури именует его *сахиб*, т.е. владетель, ал-Йакуби – *малик*, т.е. правитель, царь), то формирование его, как впрочем, и других перечисленных выше сравнительно небольших государственных образований раннесредневекового Дагестана, следует отнести к значительно более раннему времени – к IV-V вв. н.э.[8] Это находит подтверждение и в сообщениях раннесредневековых армянских авторов, писавших в V в. н.э. об «одиннадцати царях» горцев, выступивших в 457 г. в союзе с албанским царем Вече II против сасанидского Ирана[9].

Можно с уверенностью сказать, что политическим центром – столицей Зирихгерана являлось селение, именуемое по-кубачински *Угъубаже* (*ПIугъабаже*) – Кубачи, так как Зирихгеран по-персидски означает «кольчугоделатели», «кольчужники», или «бронники», а Кубачи с древнейших времен являлось одним из наиболее крупных на Северо-Восточном Кавказе, высокоразвитых очагов металлообработки – оружейного производства, художественного бронзового литья и ювелирного дела.

Как наиболее сильное и влиятельное селение среди окружающих его ау-

лов – «родовых»[10], или тухумных поселков, Кубачи служило первоначальным ядром складывающегося «царства». Но чтобы именно это селение стало таким ядром, основой будущего государственного образования, а затем его политическим центром, оно должно было быть экономически достаточно высокоразвитым, а в политическом отношении выступать организующей и объединяющей силой, что естественно, предполагает довольно длительный период его экономического и социально-политического развития. Эти соображения, а также археологические данные позволяют говорить о том, что селение Кубачи существовало уже в первые века н.э. как укрепленный родовой (тухумный) поселок на месте нынешнего расположения верхнего и среднего кварталов старой части современного поселка, занимая при этом весьма удобное в географическом и выгодное в стратегическом отношениях, наиболее трудно доступное для неприятеля место.

Само древнее персидское наименование *Зирихгеран* (*Зирих-Геран*), указывающее не только на занятия населения этого «царства», но и на глубокую древность его истории, первоначально употреблялось, вероятно, только в отношении собственно самого селения *Угъубаже* (*Угъабаже*), известного с XV-XVI вв. под тюркским названием Кубачи, которое еще в начале первого тысячелетия нашей эры выступало крупным и хорошо известным центром изготовления кольчуг и другого военного снаряжения. Со временем название Зирихгеран распространилось уже на отдельный, сравнительно небольшой регион, включающий как само селение Кубачи, так и ряд родовых (тухумных) поселков, расположенных вокруг него в радиусе 3-12 км.

Селение Угъубаже-Зирихгеран как экономически наиболее развитая и сильная политическая единица и как крупный центр ремесла, торговли и культуры, вероятно, подчинил себе еще в раннем средневековье близлежащие населенные пункты – небольшие родовые поселки Анчибачи (*ГIянчебачIе*), Амузги (*ГIямуджже*), Сулевкент (*Сулече*), Дацамаже (*ДацIамаже*), Кубасана (*Къубасана*), Дешиже (*Дешижила*), Муглила (*МуклибчIе-мяще*), Шири (*Щи*), Шабана-маши (*Щябянна-мяще*), которые культурно, этнически и в хозяйственно-экономическом отношении были тесно взаимосвязаны, а впоследствии – в XI-XIII вв. большинство из них объединилось с ним и образовало крупное для того времени территориально-родовое горное селение – *ши*.

Известный этнограф-кавказовед, замечательный исследователь культуры кубачинцев Е.М. Шиллинг очень точно подметил, что «фольклорные данные… говорят о войнах сел. Кубачи с соседями, о более широком когда-то расселении кубачинцев, о некоторых переселениях и о ряде ныне необитаемых урочищ, заселенных раньше народом *угъбуг*. Вследствие сказанного можно предполагать, что «угъбугская» территория когда-то была шире и что, в конечном счете, процесс ассимиляции в течение веков все же имел место. Это предположение подтверждается показаниями восточных средневековых источников, начиная с Баладзори и Масуди (IX-X вв.), применяющих в данном случае название «страна зирихгеранов» (что не могло бы относиться лишь к одному населенному месту) и указывающих на размеры дани (плати-

мой зирихгеранами), превосходящие экономические возможности одного селения»[11].

Данные о более широком расселении в прошлом народа *угъбуг* (*гIугъбуг*) и о подчинении селению Кубачи (*ГIугъубаже*) жителей окружающих аулов приводят и авторы XVIII-XIX вв. Так, И.Потоцкий, побывавший в 1797 г. в Дагестане, сообщает, что на кубачинском языке говорят, кроме сел. Кубачи, жители селений Сулевкент, Амузги, Шири, Калакорейш (самоназвание *УрцIмуц*), Ашты, Нахки и еще в трех селениях, названия которых искажены и их трудно разобрать[12].

П. Петухов, посетивший в мае 1861 г. вместе с акад. Б.А. Дорном Кубачи, пишет о «кубачинском племени»[13], населяющим четыре аула – Кубачи, Сулевкент, Азмуги, Шири. А.В. Комаров сообщает, что жители селений Амузги, Шири и Сулевкент владеют кубачинским языком и подчинены управлению селения Кубачи, с которым имеют общие земли. Все эти четыре аула входят в магал Гапш Уркарахского наибства Верхнего Кайтага в Кайтаго-Табасаранском округе[14]. А.С. Уваров в 1887 г. отмечал, что «кубачинское общество состоит из четырех аулов: Кубачи, Амюзга, Сулеркан, Шарали»[15].

Упомянутая выше группа небольших родовых поселков, компактно располагаясь вокруг сел. Кубачи, образовывала как бы одну естественно-географическую микрозону, т.е. геоморфологически замкнутый район с этнически однородным населением зирихгеранов (*угъбуг*ов) и единым взаимосвязанным хозяйственно-экономическим комплексом. Основным занятием населения являлось ремесло. Наряду с ним получили развитие также земледелие и скотоводство. О том, что основным занятием населения древнего Зирихгерана являлось именно ремесло, свидетельствует сообщение ал-Масуди, который писал о зирихгеранах, что «*большинство из них* (выделено мной – М.М.) делает кольчуги, стремена, уздечки, мечи и другие виды оружия из железа»[16]. Эти данные, относящиеся к X в., ретроспективно можно отнести и к значительно более раннему времени, учитывая при этом персидское название *Зирихгеран*, означающее «кольчугоделатели» и имея ввиду то, что раннесредневековое политическое образование под этим названием упоминается, как было уже отмечено, арабским историком IX в. ал-Белазури[17] в связи с историческими событиями, имевшими место в VI в. н.э.

Характерно, что в течение очень длительного исторического периода территория древнего Зирихгерана оставалась крупным и развитым очагом металлообработки, где функционировали такие центры производства разнообразных металлических изделий, как Кубачи, Амузги, Шири[18], а в раннем средневековье к ним примыкали, вероятно, еще небольшие поселки Анчибачи, Къубасана, ДацIамаже и Дешиже.

В специальной литературе кроме простого упоминания родовых поселков, располагавшихся вокруг сел. Кубачи и входящих вместе с ним в государственное образование Зирихгеран, нет других данных позволяющих составить конкретное представление об их географическом расположении, времени обитания, хронологических рамках объединения с сел. Кубачи и т.д. Поэтому ниже дается описание их, насколько это позволяют имеющиеся в нашем рас-

поражении материалы – сведения письменных источников, данные фольклора, легенд и преданий, отдельных памятников эпиграфики и т.д.

Рассмотрим, прежде всего, небольшие, давно необитаемые родовые поселки Анчибачи (*ГIянчебачIе*, *ГIянчебачIила*), Муглила (*Мугле* или *МуклибчIемяще*), Кубасана (*Кьубасана*, *Кьубасанала*), Дешиже (*Дешижила*), Дацамаже (*ДацIамаже*, *ДацIамажила*) и Шабана-маши (*Щябянна-мяще*).

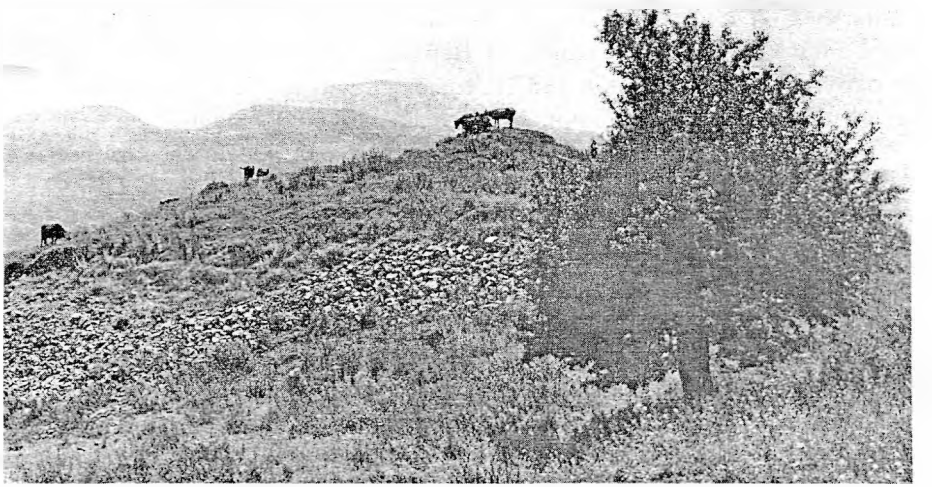

Рис.8. Остатки средневекового поселения Анчибачи близ сел. Кубачи. Вид с северо-востока.

1. АНЧИБАЧИ (*ГIЯНЧЕБАЧIЕ*). Поселение находилось в 3 км южнее сел. Кубачи, по дороге из Кубачи в сел. Амузги, на вершине небольшой горы, у подножия которой в настоящее время имеются значительные завалы камней (рис. 8). На южном склоне горы встречаются фрагменты гончарной посуды, относящейся к VIII-XII вв. Поселок Анчибачи располагался в важном стратегическом месте – с верхней части поселка с востока видны были Кубачи, с запада – верхний квартал сел. Амузги, а с юго-востока – долина притока реки Уллу-чай, на берегу которой находилось сел. Сулевкент и через который пролегал кратчайший путь (вьючная тропа) из Дербента и Маджалиса в Кубачи.

Среди кубачинцев известно предание, записанное Е.М. Шиллингом в 1944 г., согласно которому аштинцы (т.е. жители сел. Аштынаправления Дахадаевского района – М.М.) не «природные даргинцы, а переселенцы из названного урочища Анчибачи в результате столкновений с сел. Кубачи. Воспоминания об этом нашли след в известной кубачинской поговорке «Аштинцы из Анчибачи

убежали, лошадей подковы задом на перед повернув, ночью». Жители Ашты, как говорят, в то время приняли ислам, тогда как сел. Кубачи оставалось христианским»[19]. Существуют и другие варианты этой легенды, которые изданы Р.Ф. Эркертом[20], М.-З.О. Османовым[21], Р.М. Магомедовым[22] и Б.Г. Алиевым[23].

Анчибачи был хорошо укрепленным оборонительной стеной и башней (с северной стороны), небольшим поселком, который выступал посредствующим звеном в цепи оборонной связи между сел. Кубачи и Амузги. Круглые средневековые оборонительные башни селений Кубачи и Анчибачи вместе с крепостными башнями и стенами сел. Амузги образовывали единый и довольно сложный, вместе с тем и тщательно продуманный комплекс оборонительных сооружений средневекового государственного образования Зирихгеран[24].

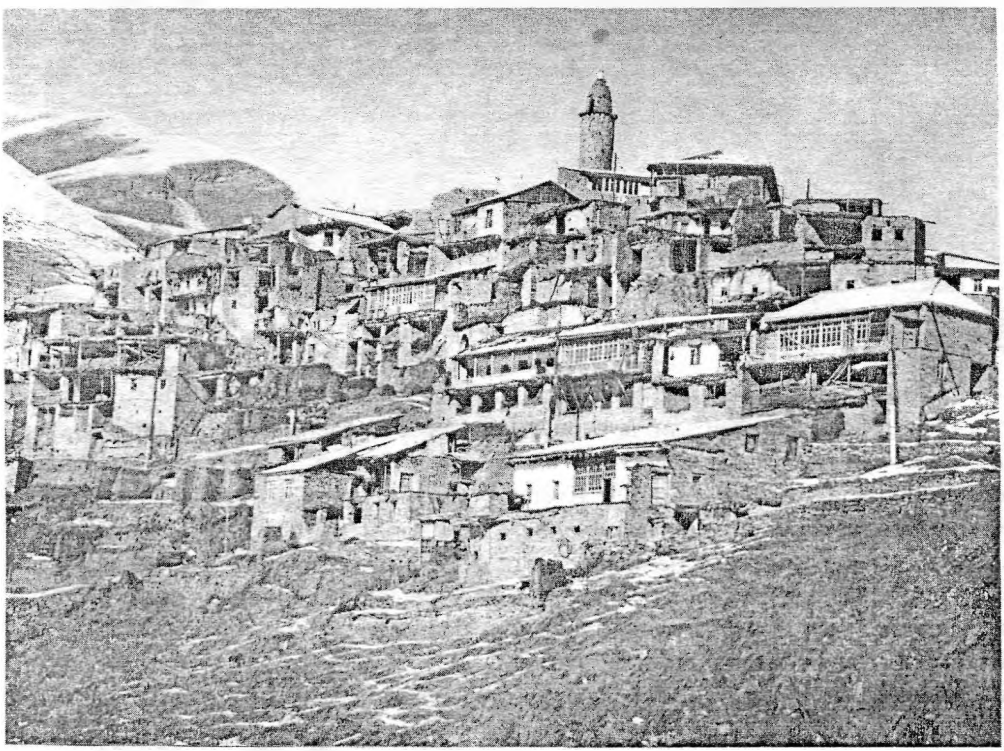

Рис.9. Сел. Худуц. Вид с юго-востока.

Анчибачи упоминается и в арабской надписи, высеченной в 718 г. хиджры / 1318-19 г. на камне[25], который вставлен в стену минарета сел. Худуц (рис. 9) Дахадаевского района. Наряду с такими населенными пунктами, как *Гумик* (Кумух), *Худиц* (Худуц)[26], *Риджа* (Рича) в надписи назван и *Ан.дж.б.к.* (Анджибек). Опубликовавший и исследовавший худуцскую надпись А.Р. Шихсаидов пишет, что «Ан.дж.б.к. – ныне необитаемое поселение Анчибачи близ Кубачи (жители Худуца называют поселение Анджибек)»[27].

Основываясь на надпись начала XIV в. из Худуца А.Р. Магомедов делает вывод о том, что Анчибачи – одно из небольших сел вблизи сел. Кубачи – по эпиграфическим данным функционировало еще в XIV в.[28]

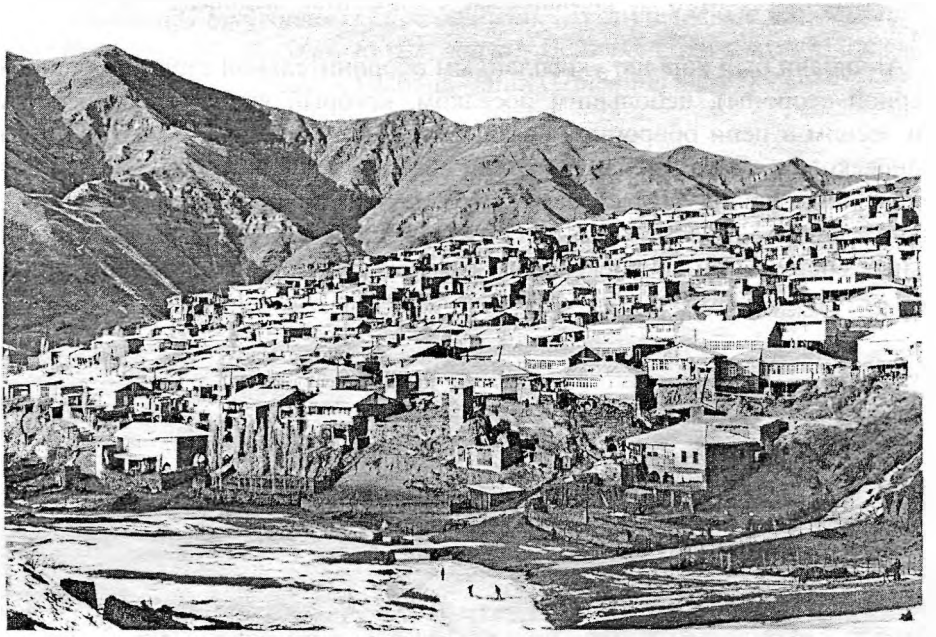

Рис.10. Сел. Ашты. Вид с юга.

Однако в надписи из Худуца речь идет, как нам представляется, не об Анчибачи близ сел. Кубачи, а, вероятнее всего, о селении Ашты (рис.10), расположенном в 2,5 км от Худуца. И в надписи говорится о передаче, с благославления шамхала и старшин Кумуха, пастбищных и пахотных земель, и «все, что связано с пределами селения Худиц» жителям Андж.б.к., то есть сел. Ашты. Эти земли никак не могли быть переданы в пользование жителям небольшого поселка Анчибачи близ Кубачи, удаленного от Худуца на десятки километров, да и практически пользоваться этими землями они не могли. Кроме того, сел. Анчибачи в XIV в. близ Кубачи уже не существовало, здесь оставалась лишь одна сигнально-сторожевая башня. Об этом свидетельствует то, что в Анчибачи нет ни мусульманского кладбища, как, например, в Дацамаже (рис. 12), ни надмогильных памятников XIV в. Селения Кубачи, Амузги, Ашты, Шири, Сулевкент и другие населенные пункты Кубачино-даргинского нагорья в XIV-XV вв. были уже исламизированы и там сохранились мусульманские надгробия XIV в., отделанные арабскими надписями и растительным орнаментом (рис. 11-12).

К приведенной выше легенде о переселении жителей Анчибачи близ сел. Кубачи имеет отношение и другая кубачинская легенда, записанная Е.М. Шиллингом в 1940 г. от кубачинца-информатора Ирганова Расула. Согласно этой легенде «первоначальное место поселения кубачинцев находилось якобы

Рис.11. Надмогильный памятник 879 г.х. / 1474-75 гг. с растительным орнаментом и арабскими надписями. Сел. Ашты. Высота над землей 140 см, ширина вверху 91 см, внизу 83 см, толщина 8 см.

Рис.12. Надмогильный памятник XIV в. с узорно-эпиграфическим декором из Дацамажи близ сел. Кубачи. Высота 154 см, ширина вверху 88 см, внизу 77 см, толщина 9 см.

гораздо западнее, – на границе Казикумухского (т.е. Лакского – М.М.) района. Оно называлось «кар-урбуг» (*хъар-урбуг*). Потом уже кубачинцы, отняв у калакорейшцев и сулевкентцев гору Лямцла-бяй…, заключили с ними мир и получили горы, принадлежащие им поныне. В бою пало 40 человек кубачинцев»[29]. С этой легендой перекликается утверждение И. Гербера о том, что в незапамятные времена кубачинцы заселяли другой район[30].

Здесь следует, прежде всего, определить смысловое значение понятия *кар-урбуг*. Это не топоним, как может показаться, а даргинское этнонимическое обозначение, состоящее из двух самостоятельных лексем *хъар* (*кар*) и *урбуг*. Первая из них *хъар* – прилагательное, означающее «верхние», а вторая *урбуг* – существительное, представляющее собой название народа *угъбуг* (*гIугъбуг*), т.е. кубачинцы. Таким образом, *хъар-урбуг* переводится как «верхне-кубачинцы». Такое название дали еще в средние века кайтагцы, а также жители обществ Муйра (селения Дибгаши, Бускри, Зубанчи, Зилбачи, Ираги, Калкни, Кудагу, Трисанчи современного Дахадаевского района), Гапш (селения Уркарах, Чишили, Дибгалик, Журмачи, Калакорейш того же района) жителям сел. Аштынцы, Кунки, Худуц, этнически наиболее близким к кубачинцам по сравнению с окружающими их даргинцами, но и имеющим определенные различия в культуре и хозяйственной деятельности, с тем, чтобы отличить их от собственно кубачинцев – нижних *угъбуг*цев. Термин *хъар* – «верхние» здесь употреблен в смысле «расположенный выше в горах». Жители Аштынкункинского участка – общества *Буркун-Дарго* на самом деле географически находятся намного выше в горах как в отношении собственно жителей сел. Кубачи, так и жителей обществ Гапш, Муйра, а также Кайтага. Причем название *хъар-урбуг* восходит, вероятно, к тому времени, когда жители Аштынкунки и близлежащих аулов – «верхне-кубачинцы» входили в состав государственного образования Зирихгеран, и это название *хъар-урбуг* соответствовало значению «верхние зирихгеранцы».

Следует отметить, что географический термин «выше» встречается и в средневековых историко-географических сочинениях. Абу Хамид ал-Гарнати, автор XII в. в своем сочинении «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» («Му'риб ан бад аджаиб ал-Магриб») писал: «А выше Дербента в дне пути под горой на двух больших холмах находятся две деревни»[31]. Там же ал-Гарнати снова пишет: «Выше Дербента входил я в горы Калалат, в которых [обитает] множество народов, все они мусульмане…»[32]. В исторической хронике «Дербенд-наме» Мухаммада Абваби (XVII в.) также указывается: «выше него (т.е. Кайтага – М.М.) – Зирихгеран, ныне Кубачи»[33].

По поводу «не совсем ясного географического термина «выше» О.Г. Большаков отмечает, что термин этот «означает направление к югу (в соответствии с арабской картографией: юг – наверху, север – внизу)». Далее исследователь поясняет, что у ал-Гарнати «слово «выше» скорее всего употреблено в прямом значении, т.е. выше в горах»[34].

Даже спустя значительное время после распада в XII-XIII вв. единого государственного образования Зирихгеран аштынцев, кункинцев и худуцинцев, как и самих жителей сел. Кубачи в письменных источниках и в памятниках

эпиграфики[35] продолжали называть по древней традиции зирихгеранами – *хъар-урбуг*ами (*хъар-урбуг*цами).

Таким образом, понятие *хъар-урбуг* является этническим термином, употреблявшимся даргинцами для обозначения небольшой этнической группы, локализуемой юго-западнее сел. Кубачи и составлявшей вместе с жителями этого селения одну этно-культурную общность, но с некоторыми, исторически сложившимися различиями в их культуре и хозяйственной деятельности. Термин *хъар* и его синоним *чибях1* – «верхний» в дагестанской этнонимии (названия племен и народов) и ойкономии (названия населенных пунктов) бытуют с эпохи средневековья до современности: верхне-даргинцы (земли Акуша-Дарго)[36], Верхний Кайтаг – Нижний Кайтаг[37], Верхний Дженгутай – Нижний Дженгутай и т.д.

Само понятие *хъар-урбуг* («верхне-кубачинцы») обязательно предполагает существование и *хьар-урбуг* («нижне-кубачинцы»). Если бы не были нижне-кубачинцы, то «верхних» кубачинцев называли бы просто *урбуг*, а не *хъар-урбуг*.

Что касается самой приведенной выше легенды о первоначальном месте поселения кубачинцев, то ее следует рассматривать как одну из многочисленных версий о происхождении кубачинцев[38] и времени возникновения их селения, не имеющих под собой реальных исторических событий и основанных на различного рода домыслах и умозрительных предположениях.

2. МУГЛИЛА (*МУГЛЕ*). У Е.М. Шиллинга это поселение названо *Муклибчи-маши*[39]. Само название *Муклибчи-маши* говорит о том, что это отселок сел. Кубачи, который располагался примерно в 25-30 км южнее этого селения, в урочище *Муглила*. Вместе с сел. Шири отселок Муклибчи-маши находился на самой южной границе Зирихгерана.

Место *Муглила* не обследовано, и конкретно судить о Муклибчи-маши трудно. По кубачинским преданиям в Мугле в древности добывалась медная руда для литья котлов. Рядом с Муглила находятся пастбищные земли кубачинцев, именуемые *Дуппила*, куда в прошлом перегоняли на лето табуны лошадей (*учалла ирхъе*), принадлежащих жителям сел. Кубачи. Конь имел в прошлом большое значение в деятельности кубачинцев, в их торгово-экономических сношениях с соседями и другими народами, «в их разъездах, связанных со сбытом изделий, торговлей сукнами, шелком и другими местными товарами, закупкой сырья, приобретения предметов роскоши (тканей, фарфора, оружия, иноземных металлических изделий и т.п.)»[40]. На развитие коневодства и очень большое значение коня в жизни жителей Кубачи указывает Е.М. Шиллинг: «в кубачинском быту щедрой рукой рассыпаны черты, выявляющие давнюю и отчетливую оформленность этого положения. Мы имеем здесь хорошие конюшни, развитой конский инвентарь, преобладание конских пастбищ, любовное отношение к коню, большие навыки в его использовании..., многочисленные фольклорные отражения значения лошади в обиходе»[41]. И не случайно изображения конных всадников и гон табуна лошадей воспроизведены на кубачинских каменных рельефах XIV-XV вв.

Достоверно установить, когда возник отселок Муклибчи-мяши трудно, но

можно предположить, что в XIV-XV вв. он уже существовал. Вплоть до 1920-х гг. в Муглила, где имеются хорошо террасированные поля, кубачинцы обрабатывали сравнительно плодородные земли: сеяли пшеницу, ячмень, просо, картофель[42]. Там же заготавливали сено. В настоящее время эти земли заброшены.

3. КУБАСАНА (*КЬУБАСАНА, КЬУБАСАНАЛА*). Поселение располагалось в 5-6 км восточнее Кубачи, на юго-восточном склоне горы *Хъайдешла муда*. На месте этого небольшого поселка сохранились строительные остатки в виде каменных завалов. Здесь же встречаются металлические шлаки, обрывки спекшихся кольчуг и характерные для эпохи раннего средневековья обломки гончарной посуды. По кубачинским преданиям, в Кубасана много столетий тому назад работали кольчужных дел мастера, а со временем все его жители вместе с мастерами переселились в нижний квартал сел. Кубачи.

Л.И. Жирков приводит записанную им в 1924 г. в сел. Кубачи легенду о том, что первоначально кубачинское поселение находилось на горе Кайдешла муда. Он пишет, что по кубачинскому преданию именно на этой горе, в пещере *Мячуба* «первоначально жили кубачинцы (зиргеран). И теперь будто бы в пещере живут люди. На крыше этой пещеры лежит, будто бы, такой каток (для укатки глинобитной крыши), что, когда его катают, слышен гром в ауле Кубачи и даже в Дербенте, на берегу моря»[43]. Более подробные сведения об этой легенде опубликованы известным кубачинским мастером, народным художником России Р. Алихановым в его «Кубачинских очерках»[44].

4. ДЕШИЖЕ (*ДЕШИЖИЛА*). Это поселение и могильник, относящиеся к III-VII вв. н.э., находятся в 5-6 км северо-восточнее сел. Кубачи, по правую сторону дороги из этого селения в райцентр Уркарах, а в прошлом – и в сел. Калакорейш, на развилке дорог, в местности, известной у кубачинцев под названием *Дешижила* или *Дешла нахъ*. Оно было осмотрено еще в начале 20-х годов XX в. проф. А.С. Башкировым[45], а позднее, в 1964 г. В.Г. Котовичем и М.М. Маммаевым[46], проводившими разведочное обследование археологических памятников. Повторно оно осмотрено нами в 1994 г.

Поселение занимает южный склон небольшой горы, на площади примерно 210х285 м. На его поверхности в разных участках имеются бесформенные кучи каменных завалов, диаметром в среднем 6-8 м и более, а также неглубокие впадины – вероятно, остатки развалившихся зданий. Но основная территория поселения покрыта поросшей травой дерном. С северной стороны поселения находится обрыв, высотой более 30 м, непосредственно примыкающий к участку автодороги из сел. Кубачи в селения Уркарах и Калакорейш. При строительстве этой дороги в 1930-х гг. в. и при ее расширении в начале 1960-х гг. северо-западная оконечность поселения была снесена.

На поверхности поселения встречаются фрагменты раннесредневековой гончарной посуды: от хумов розовато-красного цвета со сплошной штриховкой внешней поверхности, других небольших сосудов красноватого цвета с заглаженной поверхностью, а также обломки круглых в сечении ручек от красноглиняных кувшинов, аналогичных кувшинам из раннесредневековых

поселений и могильников Дагестана (городища Урцеки, Таргу, Агачкалинское поселение, Урцекский могильник и т.д.).

Северо-западнее поселения, в 35-40 м от него находится место, где, вероятно, расположен могильник. Место это у кубачинцев называется *Хазна гьабилтIнала*, что означает «Место выкапывания сокровища (богатства)»*. Е.М. Шиллинг отмечает, что в местности *Хазна гьабилтIнала* отдельные жители Кубачи «искали клад и находили браслеты, кольца и другие предметы»[47]. Археологические работы на поселении и могильнике не проводились. На основе подъемного материала эти памятники предварительно можно отнести к албано-сарматскому времени и эпохе раннего средневековья, точнее к III – началу VIII в. н.э. Возможно, что поселение возникло еще в начале I тыс. н.э., так как место его расположения является достаточно удобным и выгодным в плане хозяйственно-экономической деятельности и в стратегическом (оборонительном) отношении. Однако хронология обживания поселения может быть уточнена лишь после проведения на нем стационарных археологических исследований.

По кубачинским преданиям, жители поселения Дешижила вместе с обитателями других родовых поселков зирихгеранцев объединились с жителями сел. Кубачи[48].

5.ДАЦАМАЖЕ (*ДАЦIАМАЖЕ, ДАЦIАМАЖИЛА*)**. Поселение и могильник находятся в 4 км севернее верхнего квартала старой части пос. Кубачи, в одноименном урочище. Верхние слои поселения датируются XI-XVI вв. на основе подъемного керамического материала и мусульманских надмогильных памятников с узорно-эпиграфическим декором. Нижние слои поселения, возможно, датируются началом I тыс. н.э.

Поселение занимает южный склон небольшой горы и плато на ней, вытянутое с запада на восток. Оно частично охватывало и верх северного склона горы, где имеются строительные остатки в виде завалов камней. Площадь, занимаемая поселением, составляет приблизительно 130х250 м. Его территория ныне заросла лесом и кустарником. На южном склоне горы и на плато между кустами и деревьями проступают завалы камней, а кое-где слабо заметна и кладка стен. На восточной части плато в 1960-х гг. возведена молочно-товарная ферма совхоза «Уркарахский», сооруженная из камней, собранных на плато среди завалов.

В 250 м юго-восточнее поселения ДацIамаже находится мусульманское кладбище. Оно занимает территорию, размером 70х120 м, на относительно ровном террасообразном поле у подножия небольшой безымянной горы. Поле вытянуто с запада на восток и заросло лесом. Кладбище датируется XIV-XVI вв. На нем находятся надмогильные памятники в основном трапециевидной формы, высотой в среднем 90-120 см, шириной 40-45 см, толщиной 7-8 см. Встречаются надгробия и более крупного размера (150х55-70х8-10 см). Среди

---

* Слово *хазна* применительно к данной ситуации кубачинцами произносится не в прямом смысле слова, а с оттенком иронии.

** Этимология наименования *ДацIамаже* остается неясной.

надгробий представлены и сравнительно небольшие с закругленным верхом (высотой 70, шириной 40 и толщиной 7 см). Декорированы надгробия с передней стороны рельефным растительным орнаментом и арабскими надписями (рис. 12). Имеются и такие надгробия, которые украшены лишь растительным орнаментом. Резьба надгробий близка резьбе надмогильных памятников селений Кубачи и Калакорейш, но она выглядит несколько грубоватой по сравнению с изысканным декором кубачинских и калакорейшских надгробий. Сохранность памятников в целом удовлетворительная, хотя надо отметить, что надгробия заросли лишайником и мхом; у некоторых надгробий верхний слой отслоился, декор выветрился, у отдельных из них отбиты верхние углы. Имеются надгробия, поломанные у основания и упавшие плашмя на землю.

По кубачинским преданиям, жители поселения ДацIамаже переселились в селение Кубачи из-за острой нехватки питьевой воды. По другим версиям, большинство жителей ДацIамаже умерло от чумы, а оставшиеся в живых переселились в Кубачи. Выходцем из ДацIамаже считается род (*жинс*) Гужаевых – Абдулхалика, Гусейна и других их братьев.

Нижняя дата надмогильных памятников ДацIамаже – начало XIV в. – свидетельствует об одновременности принятия ислама жителями этого поселения и сел. Кубачи. А отсутствие мусульманских кладбищ вблизи других родовых поселков – Анчибачи, Кубасана, Дешиже указывает на их более раннее, чем ДацIамаже, по крайней мере, до принятия их жителями ислама, объединение с Кубачи. Археологические исследования на поселении ДацIамаже не проводились, поэтому многие вопросы, касающиеся его датировки, топографии, историко-культурной интерпретации остаются невыясненными.

6. ШАБАНА-МАЩИ (*ЩЯБЯННА-МЯЩЕ*). Находится в 4,5 км северо-восточнее верхнего квартала старой части пос. Кубачи, южнее урочища *Бимбар*, на холмообразном возвышении, обращенном на юг. Поселение это хорошо видно с его противоположной, южной стороны – с урочища *Дубше-шягула* (вблизи озера среднего квартала старой части пос. Кубачи, находящегося на его восточной окраине). Расстояние по прямой от этого урочища до поселения составляет около 400 м. Поселение занимало сравнительно небольшое плато и некрутой южный склон, на площади около 150х 300 м. Во время нашего осмотра поселения летом 1993 г. его территория была покрыта бурно заросшей растительностью – высокой травой, кустами и отдельными деревьями.

На плато и на склоне имеются развалы камней – строительные остатки. Здесь же встречаются неглубокие, подчетырехугольных очертаний впадины с беспорядочным развалом обработанных камней. На северной оконечности плато 4-5 лет назад из скальных пород кубачинцы добывали камень для строительства домов в новом пос. Кубачи (*Ихакажила*). Здесь в обнажениях земли и скал выступали развалы камней и кладка стен на высоту 60-70 см. Больше всего строительных остатков в виде беспорядочных развалов камней имеется на южном склоне, примыкающем с южной стороны к оврагу, на дне которого течет маленькая речушка. Археологические работы на поселении Щябанна-мяще не проводились, поэтому установить точное время его функционирования не представляется возможным.

Можно предположить, что поселение Щябянна-мяще возникло где-то в XVI-XVII вв. как отселок сел. Кубачи на месте сезонного поселения, существовавшего намного раньше. Вокруг поселения расположены сенокосные и пастбищные участки кубачинцев, носящие названия *Жаттала хъу*, *Хумарра ссанала*, *Бимбарра бак*. Поселок Щябянна-мяще основали кубачинцы, которые стали постоянно жить здесь для ухода за этими участками, а также для заготовки сена, содержания табуна лошадей и молочного скота в зимнее время, пастьбы скота на примыкающих к поселению южных склонах. По кубачинским преданиям, Щябянна-мяще является одним из небольших населенных пунктов, который вместе с другими средневековыми поселениями Анчибачи, Кубасана, Дешиже, ДацIамаже, Муглила, Угъубаже образовали современное селение Кубачи (старая часть поселка).

Характерно, что все земли – пахотные и пастбищные участки, леса и луга в пределах расположения описанных выше родовых поселков, т.е. территории былого расселения населения *угъбуг*цев (зирихгеранов) в XVIII-XX вв. считались исконно кубачинскими и строго охранялись от каких-либо притязаний на них со стороны соседних сельских общин или Кайтагского уцмийства.

С самого начала в состав государственного образования Зирихгеран входили еще селения Амузги, Сулевкент и Шири.

7. АМУЗГИ (*ГIЯМУДЖЕ*), расположенное в 4-5 км юго-западнее сел. Кубачи, в прошлом являлось крупным центром производства кузнечных изделий, особенно холодного оружия, пользовавшегося большой известностью в Дагестане и за его пределами. Широкий спрос находили изготовляемые в сел. Амузги бытовые и сельскохозяйственные железные, а также стальные изделия – ножи, ножницы, топоры, мотыги, серпы, замки, кузнечные гвозди, подковы, вплоть до иголок, а также разнообразные ремесленные инструменты, которые сбывались кубачинским мастерам. На протяжении многих веков своей производственной деятельностью (экономически) и в культурном отношении сел. Амузги было тесно связано с сел. Кубачи.

Е.М. Шиллинг, касаясь ремесленного производства сел. Амузги пишет, что «в процессе специализации производств по селениям клинковое дело как более простое и первичное выделилось и локализовалось в соседнем с кубачинцами селении, представляющем вместе с сел. Кубачи как бы единый производственный комбинат (ибо амузгинские клинки одеваются в ножны и украшаются кубачинцами)»[49].

Это единство, восходящее к эпохе раннего средневековья, особенно отчетливо отражено в сообщении автора XII в. Абу Хамида ал-Гарнати, который указывает, что «недалеко от Дербента есть большая гора, у поднижия которой – два селения. В них живет народность, которую называют зирихгеран, то есть бронники. Они изготавливают всякое воинское снаряжение: кольчуги и панцири, и шлемы, и мечи, и копья, и луки, и стрелы, и кинжалы, и всевозможные изделия из меди»[50]. Ал-Гарнати под этими двумя селениями подразумевает сел. Кубачи и, вероятно сел. Амузги*.

---

* Е.М. Шиллинг считал, что упоминаемые ал-Гарнати два населенных пункта зирихгеранов – это Кубачи и Сулевкент (см.: Кубачинцы и их культура. С. 6). Поскольку в Сулевкенте

С глубокой древности до 30-х годов XX в. сел. Амузги было одним из крупных центров изготовления клинков кинжалов и сабель, в производстве которых было занято все взрослое население. В подсобных операциях участвовали подростки и женщины. После упадка спроса на холодное оружие в 1930-х гг. жители селения стали заниматься сельским хозяйством. Небольшое количество мастеров было занято изготовлением бытовых и сельскохозяйственных кузнечных изделий.

Амузгинцы этнически близки к кубачинцам. Они говорят на кубачинском языке, который имеет некоторые диалектные различия. Характерно, что этимология названия Амузги раскрывается на основе языка кубачинцев и амузгинцев. Амузги – это позднее литературное название, по-кубачински оно звучит *ГIямудже* (*ГIябмудже*), *ГIямудгала ще* («селение Амузги»); *гIямудган* – амузгинец. Даргинскими соответствиями являются: *ГIямузги*, *ГIямузгала ши*, *гIямузган*. По кубачински *ГIяб* означает «три», *муда* – «гора», «холм», «возвышение», а словообразовательный суффикс *-ан (-ган*; *-шан)* служит показателем принадлежности жителя к определенному населенному пункту.

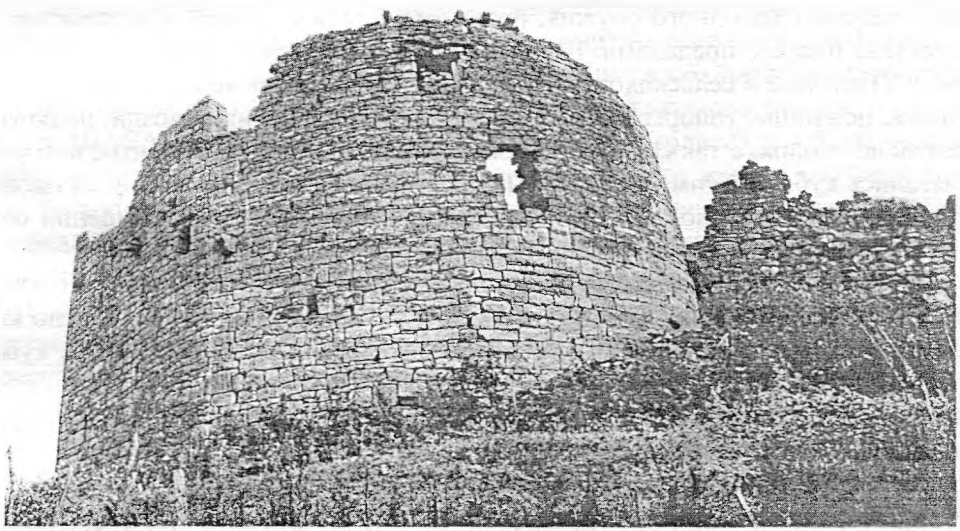

Рис.13. Остатки трехэтажной круглой оборонительной башни в сел. Амузги. XIII-XIV вв. Вид с севера. В XIX в. башня была превращена в жилой дом.

существовало лишь гончарное производство (см.: там же. С. 201–206), а металлообрабатывающие производства отсутствовали, а также имея ввиду перечисляемые ал-Гарнати металлические изделия зирихгеранов, то нам думается, что указанные два селения – это Кубачи и Амузги.

Рис.14. Арочный вход в сел. Амузги. Переделан (расширен) в XIX в. Вид с востока.

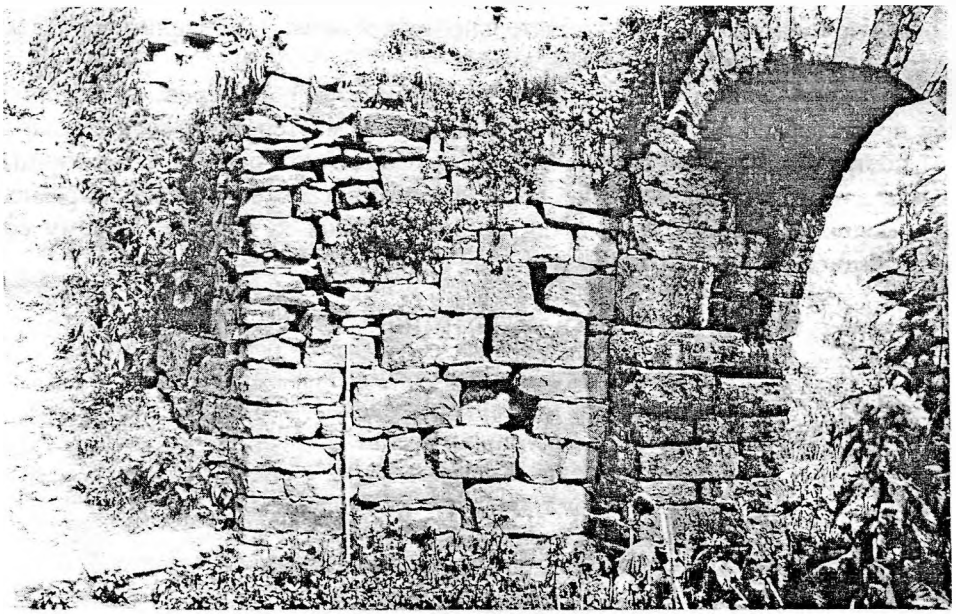

Рис.15. Крепостная стена у арочного входа в сел. Амузги. Толщина 1,40 м.

Таким образом, ойконим *ГIямудже* (*ГIябмуджила*), в котором выпал согласный *б*, переводится как «селение, расположенное на трех вершинах (холмах, горных возвышениях)». И действительно, сел. Амузги расположено на трех горных вершинах, или возвышенностях, на недоступном для неприятеля

месте. В средние века оно являлось очень сильно укрепленным селением. С южной стороны селения находится скальный обрыв, высотой более 100 м, с запада и северо-востока селение в XII-XIII вв. было укреплено частично сохранившейся доныне каменной оборонительной стеной (ширина в верхнем ряду 1,4 м при сохранившейся в настоящее время высоте на разных участках от 1,5 м до 3 м), а также круглыми оборонительными башнями (рис. 13), перестроенными амузгинцами позднее в жилые дома (сохранившиеся их стены имеют высоту в три этажа). С восточной стороны находился единственный вход в селение, оформленный в виде невысокой полуциркульной арки (рис. 14), шириной 1,6 м, высотой до 2 м. Толщина крепостной стены (рис. 15) у арки, сложенной техникой панцирной кладки, достигает 2,3 м. Вход в селение запирался воротами.

Крепостная стена Амузги, полукругом огибая селение с востока и северо-запада вместе с оборонительными башнями наряду с естественными защитными условиями расположения, делало это селение неприступной крепостью. Амузгинские оборонительные сооружения имеют много общего с такими же сооружениями Анчибачи и Кубачи, и все они вместе составляли единый и взаимосвязанный комплекс оборонительных сооружений средневекового Зирихгерана[51].

В 1944 г. жители сел. Амузги были переселены в Дербентский район. В настоящее время селение это заброшено, оно в развалинах, а выделка здесь клинков холодного оружия окончательно прекратилась. В селении сейчас живет только одна семья Нухаева Рабадана.

Высокое искусство амузгинских оружейных дел мастеров, их историческое прошлое с необычайным художественным мастерством воспето народным поэтом Дагестана Расулом Гамзатовым в стихотворении «Амузгинцы». Вряд ли кто из историков лучше, чем Р. Гамзатов, сможет так ярко, образно, и столь лаконично обрисовать прошлое амузгинских кузнецов. Поэтому есть смысл привести здесь это стихотворение целиком[52].

АМУЗГИНЦЫ

Ты нынче, амузгинское селенье,
Походишь на подранка журавля.
Чернеют очагов твоих каменья,
И одичала скудная земля.
И два-три дома, словно в целом свете
Они одни под сенью облаков,
Печально льнут к разрушенной мечети,
Чей возраст старше десяти веков.
И покосился памятников камень,
Их оплела забвения трава,
И превратился в прах под нею пламень
Сверкавшего над горном мастерства.
Ушли творцы прославленных булатов,
Клинков, чья суть, как истина, гола.

И унесли, как будто в землю спрятав,
Потомственную тайну ремесла.
Наполеону персы подарили
Клинок Тимура, но велик Восток,
И знатоки, взглянув, установили,
Что это амузгинский был клинок.
И там, где в небо вздыбленные глыбы,
Как лошадей взметенных косяки,
Имам Шамиль и все его наибы
Носили амузгинские клинки.
Царь почитал пред мужеством заслуги,
И грозный пленник, по горам в тоске,
Не потому ль Шамиль, живя в Калуге,
Всегда при амузгинском был клинке?
Искусством оружейника немало
Весь белый свет ты удивлял, Кавказ.
И сабля амузгинская предстала
Мне в лондонском музее как-то раз.
Я слышал о судьбе ее два сказа,
Один о том, что некий из князей
Бежал сюда и за клинок Кавказа
Сто тысяч заплатил ему музей.
Был сказ другой не менее реален,
Границ Европы разрешив вопрос,
Под небом Ялты эту саблю Сталин
Британскому премьеру преподнес.
Но вздрогнула даргинская вершина,
Когда решили бравые мозги
Переселить на плоскость до едина
Всех жителей аула Амузги.
И мастерства великого не стало,
Которое в минувшие века
Геройские легенды умещало
На благородном лезвии клинка.
И златокузнецов аул соседний –
Склонил свою папаху Кубачи,
Он провожал, как будто в путь последний
Тех, кто ковал и сабли и мечи.
И понял, что теперь уже не нужно,
Как прежде, ладить около луны
Ему для амузгинского оружья
На целый мир хваленые ножны.
И в Амузги пред временем не скроешь
С обидной очевидностью того,
Что нет среди утраченных сокровищ
Сокровища ценней, чем мастерство.

8. СУЛЕВКЕНТ. По языку, материальной и духовной культуре, т.е. этнически, к кубачинцам больше всех близки жители селения Сулевкент, находившегося до 1944 г. в 9-10 км юго-восточнее сел. Кубачи, у южного подножия горы *Хъайдешла муда*, на берегу р. Дживус – притока р. Уллу-чай. Во время длительных осадков или сильных ливневых дождей речка Дживус (кубачинское название ее *Сулечибзиб акI* – «Сулевкентская река») очень сильно разбухала, нередкие селевые потоки с окрестных гор, устремляясь в долину, сливались с ней, и сел. Сулевкент часто подвергалось разрушениям. Ввиду этого, а также трудности общения сулевкентцев с жителями других селений из-за расположения Сулевкента в труднодоступном месте, в 1944 г. они были переселены в Шурагатский район Чечено-Ингушетии, а затем в конце 1950-х гг., после возвращения из выселки чеченцев и ингушей на свою родину, сулевкентцы были поселены в Хасавюртовском районе Дагестана, где проживают и ныне.

Об этом селении Л.И. Лавров писал, что «Сулевкент (Сулерчи) населен даргинцами, говорящими на кайтагском диалекте. Существует предположение, что в прошлом они говорили по-кубачински»[53]. Здесь Л.И. Лавров не прав – сулевкентцы говорили в прошлом и в настоящее время говорят на кубачинском языке (диалекте). По поводу языка жителей сел. Сулевкент доктор филологических наук, проф. А.А. Магометов пишет: «К кубачинскому диалекту относятся также речи аулов Ашты и Сулевкент, носящие черты говоров (оба аула считаются кубачинскими выселками). Расхождений в речи аула Ашты больше, чем в речи аула Сулевкент»[54].

Разница в речи кубачинцев и сулевкентцев лишь в том, что сулевкентцы слова произносят растянуто, и связано это с тем, что Сулевкент в прошлом был расположен на берегу бурной и шумливой горной реки, и из-за постоянного ее гула приходилось произносить слова растянуто и медленно, чтобы хорошо слышать друг друга. Кроме того, в словарном фонде сулевкентцев собственно даргинских слов несколько больше, чем у кубачинцев, вследствие частого и длительного общения сулевкентцев с окружающими их жителями даргинских селений. Сулевкентцы в процессе относительно изолированного и длительного исторического развития несколько обособились от кубачинцев, а язык их, а также материальная и духовная культура приобрели черты своеобразия ввиду особенностей их хозяйственной деятельности, природно-географических условий обитания и т.д.

Сулевкент издавна славился своим гончарным производством, имеющим очень древние и развитые традиции, восходящие, по крайней мере, к эпохе раннего средневековья. В хозяйственно-экономическом отношении сулевкентцы были тесно связаны с кубачинцами. Е.М. Шиллинг верно отмечает, что сулевкентцы «по быту были очень близки к кубачинцам»[55], что «экономика Сулевкента также напоминала Кубачи: для гончаров промысел издавна играл значительную хозяйственную роль»[56].

Еще с эпохи раннего средневековья (с X в.) в Сулевкенте производилась хозяйственно-бытовая посуда с резным и расписным узором. Впоследствии изготовлялись разнообразные сосуды – миски, чашки, маслобойки, кувшины,

хумы, вплоть до светильников *чираг* и детских свистулек, отделанные ангобной росписью, налепным рельефным орнаментом или покрытые глухой свинцово-оловянной поливой (глазурью). В декоративном убранстве керамики значительное место занимали зооморфные мотивы – изображения птиц, оленей, баранов и т.д. В XVII-XVIII вв. гончарное производство сел. Сулевкент достигает значительной степени развития. Сулевкентские гончары снабжали своей продукцией не только близлежащие населенные пункты – Кубачи, Амузги, Харбук, Уркарах, Калакорейш, Дибгалик, но и более отдаленные селения Дагестана. С XIX в. сулевкентские гончары-отходники работали в ряде селений и городов Чечни, Ингушетии, Кабарды, Балкарии и других регионов Северного Кавказа.

По кубачинским преданиям сел. Сулевкент считается отселком кубачинцев, когда-то переселившихся на место расположения этого селения, чтобы наладить работу водяных мельниц. Сами кубачинцы до середины 50-х гг. XX в. зерно мололи в сулевкентских мельницах за соответствующую плату их хозяевам. До начала 1960-х гг. в старом Сулевкенте оставалось 4-5 семейств, живущих за счет доходов от эксплуатации мельниц, занятия гончарным делом, а также разведения скота. Профессиональным мельником в те годы являлся Майхъуров Магомед, а до него широкой известностью у кубачинцев пользовался Али-шех, мельницы которого считались самыми лучшими и всегда должным образом отрегулированными и потому наиболее надежными.

Самоназвание сулевкентцев – с*улекан* (ед. ч.), *сулекала уй* (мн. ч.). Даргинцы называют их *сулеркан* (ед. ч.). Название селения на сулевкентском и кубачинском языке – *Сулече*, *Сулекала ще* («селение сулевкентцев»). Название селения на даргинском языке – *Сулерчи*.

По кубачинской народной этимологии *Сулече*, *Сулекала ще* происходит от выражения *сун эк хъалла ще* – букв. «одиноких шести домов селение»: будто бы первоначально здесь было всего шесть одиноких домов, а потом постепенно выросло целое селение. Однако название это, скорее всего, тюркского происхождения, как и наименование Кубачи, и образовано от слова *su-laq*, где первая часть *su* означает «вода», а суффикс *-laq* обозначает наличие или полноту того, что указано основой. *Sulaq* – значит «полноводный» (ср.: тур. *sulaq* – «водянистый, влажный; место, обильное водой»)[57]. Название селения *Сулече*, *Сулекала ще* можно этимологизировать как «селение у воды», «селение у полноводной (большой) реки».

В исторической литературе сел. Сулевкент впервые упоминается в 1796 г.[58] В этом селении выявлен памятник мусульманской эпиграфики, относящийся к XIII в. – на одной из надгробных плит, исследованных Л.И. Лавровым, рельефным почерком *насх*, кроме текстов религиозного содержания, написано: «Обладатель этого Лаказ б. Сулейман. 666 год (1267-68 гг.)»[59]. А надмогильные памятники XIV-XV вв. с узорно-эпиграфическими композициями представлены уже в значительном количестве. Эти данные позволяют говорить об одновременности исламизации селений Сулевкент и Кубачи, а также считать, что Сулевкент существовал еще до эпохи раннего средневековья и он входил в государственное образование Зирихгеран. Характерные формы сулевкент-

ской гончарной посуды, восходящие к глубокой древности, а также архаичная техника ее изготовления и обжига[60] – все это в совокупности с памятниками эпиграфики и историческими данными, хотя и весьма скудными, свидетельствуют о многовековой истории Сулевкента.

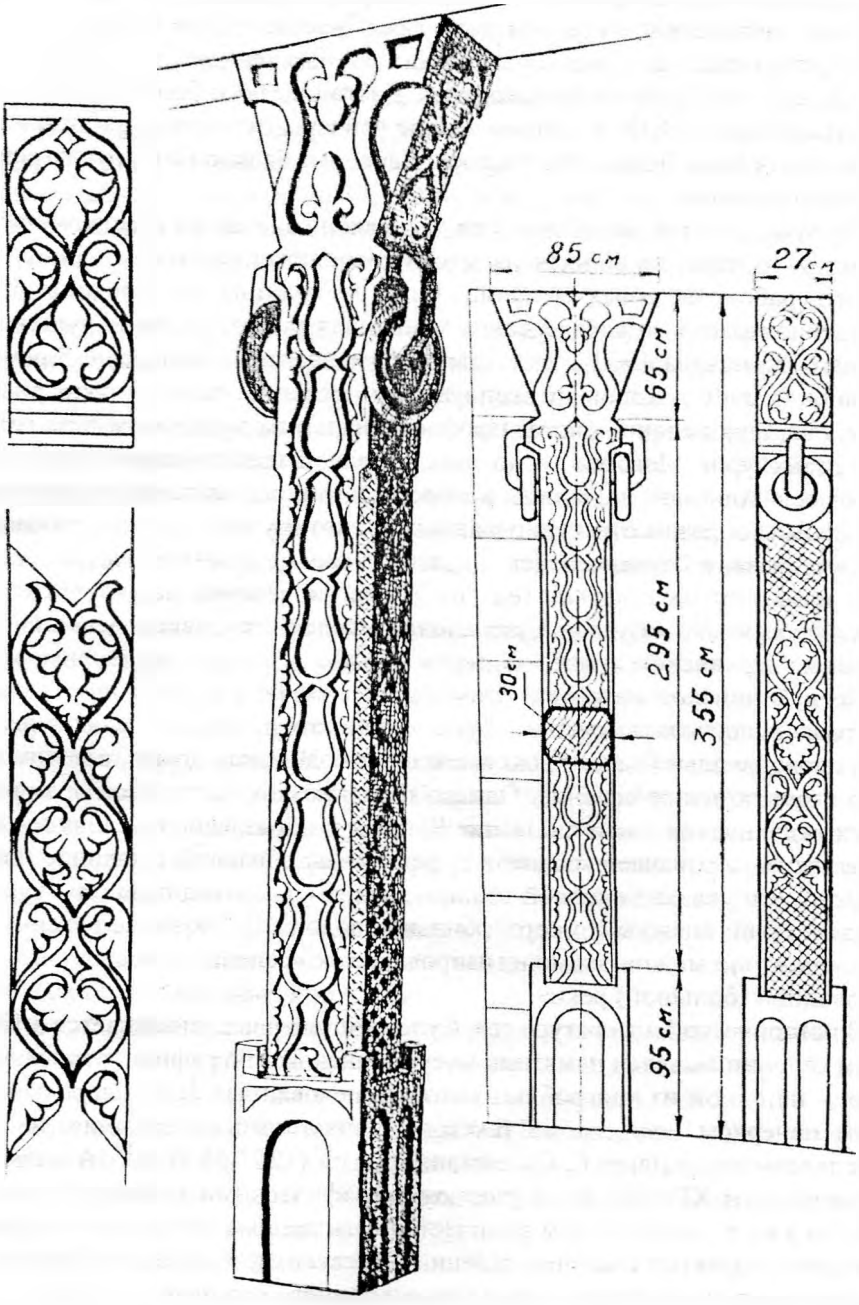

Рис.16. Резной деревянный столб из мечети сел. Ширн. XV-XVI вв.

9. ШИРИ (*ЩИ*). В состав Зирихгерана входило и селение Шири (по-кубачински *Щи*), расположенное в 25 км южнее сел. Кубачи и 20 км сел. Амузги, исторически и культурно издавна связанное с последними[61]. Ширинцы этнически близки к амузгинцам и кубачинцам. К кругу кубачинской культуре относят исследователи памятники истории и культуры сел. Шири, относящиеся к периоду средневековья[62] – памятники арабской эпиграфики, резные опорные деревянные столбы XV-XVI вв. ширинской мечети (рис. 16), надмогильные памятники XIV-XV вв. в виде вертикально поставленных каменных трапециевидных плит с узорно-эпиграфическим декором и т.д.

Язык (речь) жителей сел. Шири близок к кубачинскому языку, но имеет свои диалектные расхождения. Местное название Шири звучит как *Хьири*, а самоназвание жителя селения – *хьиран* «ширинец». Понятие *Хьири* на местном языке означает северная сторона (как и у кубачинцев – *хьынала*). *Хьиран* (*ширан*) значит «житель селения, находящегося на северной стороне [склона]». Это представляется вполне достоверным, так как само селение Шири действительно расположено на северной стороне большого террасированного склона.

Через селения Амузги и Шири пролегал путь к принадлежащим кубачинцам пастбищным участкам Дуппила, где летом держали табуны лошадей, а также в кубачинский отселок Муглила (*МуклибчIе-мяце*). В прошлом ширинцы тесно общались с кубачинцами. Основным занятием их было земледелие, о чем свидетельствуют многочисленные террасы вокруг селения. Хорошо развито было и скотоводство. В Шири существовало и металлообработка, наиболее развитой отраслью которой являлось кузнечное дело.

Селение это издавна служило религиозным центром, где сходились на зиярат жители Кубачино-даргинского нагорья и даже Кайтага. Особым почитанием пользовалась могила шейха Хасана ибн Мухаммада, убитого в 705 г.хиджры / 1305-06 г.[63]

В исторической литературе селение Шири впервые упоминается в 1796 г. в форме *Шере*[64]. Но это же селение упоминается в памятных записях на полях восточных рукописных книг в связи с событиями, имевшими место в 705 г. хиджры, т.е. в 1305-06 гг.[65] Шири, наряду с другими селениями, входившими в государственное образование Зирихгеран, относится к числу одного из древнейших населенных пунктов Кубачино-даргинского нагорья.

Еще в раннем средневековье, в V – начале VII в. территория первоначального Зирихгерана–Кубачи с прилегающими к нему населенными пунктами *угъбуг*ов значительно расширилась за счет объединения земель сельских общин, находящихся северо-западнее и южнее Кубачи, составившие впоследствии (в XI-XII вв.) союзы сельских общин даргинцев *СирхIя* (Сирха, Сюрга) и *Буркун-Дарго*. Этот процесс совпал, вероятно, с процессом окончательного формирования государственного образования – «царства» или «владения» Зирихгеран. Такой вывод можно сделать исходя из данных средневековых арабских письменных источников, позволяющих в общих чертах определить границы раннесредневекового Зирихгерана, ставшие к тому времени уже достаточно стабильными. Маршрут арабских походов в 30-х гг. VIII в. в горный

Дагестан под предводительством Мервана, описанный ал-Белазури[66], ал-Йакуби[67] и Ибн ал-Асиром[68] в такой последовательности: Серир – Туман (Гумик) – Зирихгеран – Хайзан (Хайдак) – Табасаран – Лакз, позволяет локализовать Зирихгеран на территории Кубачино-даргинского нагорья, т.е. на территории, занимаемой в то время *угъбуг*ами, сирхинцами и *хъар-урбуг*ами (буркун-даргинцами). На северо-западе Зирихгеран граничил с царством Шандан (Филан), на западе – с Гумиком (Туманом), на юго-западе – с Лакзом, на востоке – с Хайдаком (Хамзином), на северо-востоке – с Карахом, отождествляемым В.Ф. Минорским с современным Уркарахом – райцентром Дахадаевского района[69].

Причиной объединения сельских общин Кубачино-даргинского нагорья в единое раннесредневековое государственное образование Зирихгеран послужили те же обстоятельства, что были характерны и для других раннесредневековых политических объединений Дагестана: социальное развитие дагестанских племен привело в то время к распаду родовых отношений, а внутри общин происходила имущественная и сословная дифференциация, а вместе с этим процессом начали постепенно зарождаться феодальные отношения.

Складывание политических объединений диктовалось также необходимостью защиты территорий от притязаний не только со стороны правителей соседних «царств», но и от посягательств иноземных правителей. Поэтому одной из форм государственных образований дагестанских племен явились «военные союзы во главе с племенными вождями»[70].

Одной из причин образования Зирихгерана – политического союза племенных групп *угъбуг*ов и непосредственно граничащих с ними и этнически близких им даргинцев (сирхинцев) была необходимость защиты их независимости, а также принадлежащих им земель от иранской агрессии, особенно усилившейся в период наивысшего могущества государства Сасанидов при шахиншахе Хосрове Ануширване. В VI в. Дагестан, как составная часть территории Кавказской Албании, был завоеван Ираном[71]. Раннесредневековые государственные образования Дагестана Серир, Филан, Табасаран, Лакз, Хайдак, Зирихгеран, Гумик, управляемые местными правителями, назначаемыми шахиншахом (царем царей) Ирана, вынуждены были платить ему дань. В Южном Дагестане в то время были возведены мощные оборонительные сооружения (Дербент), а также многочисленные крепости и заградительные стены, предназначенные для защиты своих северных рубежей от вторжений многочисленных кочевников. С той же целью была создана в южном Дагестане и целая сеть военных поселений из персидских колонистов[72].

Укрепившись на Восточном Кавказе, Сасаниды оказывали влияние не только на внешнеполитическую деятельность зависимых от них раннесредневековых государственных образований Дагестана, но и определяюще воздействовали на их социально-экономическое развитие и на становление классового общества[73]. Чтобы укрепить свои позиции и удерживать в сфере своего влияния народы Восточного Кавказа, сасанидские правители прилагали большие усилия, то подкупая местную знать «утварью, великими дарами и

щедрой раздачей царской казны»[74], то, жалуя ее пышными титулами, одновременно внедряя насильственным путем зороастрийскую религию[75].

В распространении сасанидского влияния на Дагестан и в особенности на Зирихгеран большую роль играл Дербент, являвшийся в то время военно-политическим оплотом Сасанидов на Кавказе, резиденцией иранских наместников-*марзпан*ов («хранителей границ»), а также крупным торгово-ремесленным и административным центром Восточного Кавказа, оказывавшим значительное влияние на развитие всего средневекового Дагестана.

Расположенное в относительной близости от Дербента, владение Зирихгеран, вероятно, привлекало внимание Ирана, так как оно являлось одним из наиболее сильных и влиятельных «царств» Дагестана и крупнейшим для того времени центром изготовления оружия. Этим, очевидно, можно объяснить и то значительное влияние культуры сасанидского Ирана на культуру Кубачи, выразившееся в очень длительном сохранении сасанидских традиций в средневековом искусстве кубачинцев[76], в самом персидском наименовании Зирихгеран, а также в особенностях погребального обряда зирихгеранов (описанного ал-Гарнати, ал-Казвини, ал-Бакуви и другими восточными авторами), сложившегося, как уже отмечали, под влиянием зороастризма, ставшего при сасанидских царях государственной религией Ирана.

Другой причиной формирования Зирихгерана как политического объединения сельских общин Кубачино-даргинского нагорья было еще и то, что в непосредственном соседстве с ним складывались такие сильные и влиятельные государственные образования, как Хайдак и Гумик, а это обстоятельство затрагивало его интересы, так как между двумя названными раннефеодальными государствами нередко происходили столкновения за гегемонию и за влияние на Зирихгеран. Об этом свидетельствуют не только различные предания и легенды[77], но и вполне достоверные исторические данные: в дагестанской исторической хронике «Тарих Дагестан» («История Дагестана») Мухаммада Рафи отмечается, что «разбилось зеркало порядка между амирами Гумика и султанами Хайдака»[78]. Проф. Р.М. Магомедов пишет о происшедших в 30-40-х годах XV в. спорах, стычках и боях между Зирихгераном, Калакорейшом и Кумухом из-за каких-то веских материальных причин[79].

В объединении первоначального Зирихгерана (селения Кубачи и окружающих его родовых поселков) и сельских общин *хъар-урбуг*ов и сирхинцев в значительной мере был заинтересован, вероятно, и Иран в целях удобства сбора соответствующей дани и управления владением Зирихгеран, подобно другим дагестанским государственным образованиям.

Так по первоначальному (древнему) персидскому названию селения Кубачи стало называться образовавшееся в раннем средневековье политическое объединение или государственное образование – «страна», «царство» или «владение» арабских источников – Зирихгеран. Точно также по названию самого крупного населенного пункта лаков – селения Кумух (по данным средневековых восточных авторов и местных исторических хроник *Кумук* или *Гумик*) получило свое название и другое раннесредневековое государственное образование – «царство Гумик», имеющее еще и другое наименование – Ту-

ман, впоследствии ставшее шамхальством Казикумухским. По названию главной, сильно укрепленной крепости страна или царство Хайдак в арабских источниках IX-X вв. названа также Хамзин или Хайзан[80].

Можно привести в качестве аналогии еще и такой пример. На рубеже раннеалбанского времени и эпохи раннего средневековья – в тот период, когда различные племена стали объединяться и начали складываться крупные политические объединения, одно из ведущих или господствующих племен поглощало своим племенным названием наименования остальных[81]. Так произошло, например, с названием «Лезгинистан». Как пишет Р.М. Магомедов, «вначале у соседних народов Закавказья название дагестанского племени «леги» (по-грузински «леки») прочно и надолго закрепляется только за группой родственных племен южного Дагестана, а затем оно распространяется почти на всю его территорию. Таким путем и закрепляется за Дагестаном название «Лезгинистан». Это название распространилось не только у соседних народов, но и у разноязычных, удаленных друг от друга народов (турок, персов и арабов). С лингвистической точки зрения перенос названия одного племени на группу родственных племен также вполне возможен»[82]. Но с XVIII в. название Лезгинистан стало употребляться только для обозначения территории южного Дагестана, населенной лезгинской группой народностей[83].

От персидского наименования Зирихгеран (академик Х.Д. Френ употребляет название Сиргеран; «Сирг на персидском языке значит кольчуга, – пишет он, – поэтому Сиргер или Сиригер – делатель кольчуг, кольчужник. Сиргеран же есть множественное число»[84]; то же самое название приводится Е.И. Козубским[85]) происходит, вероятно, название одного из союзов сельских общин даргинцев – *СирхIя* (Сирха), расположенного в среднем Дагестане, на современной территории Дахадаевского и частично Акушинского районов. Название это по письменным источникам известно с XIV в. Впервые оно упоминается – наряду с «городом Зирихгеран», т.е. сел. Кубачи – в исторической хронике «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи[86]. В последующее время оно встречается часто в трудах ученых и путешественников наряду с названиями ряда других союзов сельских общин («вольных обществ») даргинцев – Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Хамур-Дарго, Кайтаг-Дарго, Гапш, Ганк, Муйра. Образование Сирхинского союза сельских общин во главе с наиболее крупным селением Урари Б.Г. Алиев относит к тому же времени, что и образование других союзов сельских общин даргинцев[87], к XI-XII вв., т.е. к периоду «до начала татаро-монгольских нашествий на Дагестан»[88]. В общество (позднее *магал*) *СирхIя* (Сирха) входили селения Урари с его многочисленными отселками-хуторами Урхьнища, Гулатты, Мирзитты, Хуршни, Дуакар с отселками, Карбучимахи, Нахки и Наци с их отселками, Цугни, Кассагумахи, Гулебки, Ургани и другие. Количественный состав селений, входящих в союз сельских общин Сирха иногда менялся, но основа союза оставалась в целом неизменной. Селение под названием *СирхIя* не существовало и не существует.

Рассматривая общественный строй Сирхинского союза сельских общин в XVIII-XIX вв. Б.Г. Алиев отмечает, что «до XI в., как и ряд других даргинских обществ, сирхинские общества входили в политическое образование Шан-

дан»[89]. В данном вопросе вряд ли прав Б.Г. Алиев, т.к. если учесть сведения средневековых восточных историко-географических сочинений, касающиеся маршрутов арабских походов 30-х гг. VIII в. в горный Дагестан, о которых говорилось выше, то после покорения Гумика Мерван должен был бы пройти через территорию Шандана, поскольку географическое расположение Сирха было таково, что попасть в Зирихгеран, минуя ее, было нельзя. Но у разных арабских авторов (ал-Белазури, ал-Йакуби, Ибн ал-Асир) направление походов Мервана в Дагестан описано в единой последовательности: Серир – Гумик – Зирихгеран – Хамзин (Хайдак) – Табасаран – Лакз. Очевидно правы В.Ф. Минорский и А.Р. Шихсаидов, локализующие Шандан севернее Зирихгерана[90], на современной территории Акушинского и Левашинского районов, на которой в прошлом сформировалась основа федерации союзов сельских общин Акуша-Дарго.

В начале XIV в. Сирха, как и ряд других сельских обществ Дагестана, находилась в зависимости от казикумухского шамхала. Каждое хозяйство Сирха должно было платить шамхалу по одному дирхему[91].

Наряду с такими территориальными политическими объединениями даргинцев, как Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Буркун-Дарго, Хамур-Дарго, Кайтаг-Дарго, Гапш, Ганк и Муйра, «воинственное и независимое общество»[92] Сирха играло активную роль в исторических событиях, происходящих в Дагестане в средневековую эпоху и в последующее время[93]. В 1819 г. Сирхинское общество вместе с Акуша-Дарго объявило покорность России[94].

Кубачинцы называли жителей Сирхи – *сахIяла* (с собирательным смыслом), *СахIя-Дарквала*, *СахIяцила* (географическое понятие со смыслом область или регион *СирхIя*), а отдельного жителя – *сахIян*, т.е. сирхинец. Но одновременно жителя каждого селения, входящего в союз сельских общин Сирха при необходимости называли и по названию того селения, откуда он родом: *ураран* (из с. Урари), *гъулитан* (из с. Гулатды), *нахкан* (из с. Нахки) и т.д.

Другие даргинцы – акушинцы, левашинцы, урахинцы называют жителей селений, расположенных к западу от сел. Кубачи и Уркарах, *сирхIяла халкь* («народ, люди *СирхIя*»), а жителей селений, находящихся к востоку от них – *муйрала* (кубачинцы называют их *мугала*, *муга-дарквала*). Жители обществ Гапши, Ганк, Муйра, Буркун-Дарго жителей Сирхи называли *сирхIяланти* (мн. ч.), отдельного жителя – *сирхIян*.

В различных вариантах даргинских названий *СирхIя*, *СирхIяла*, *СирхIян*, *Сираги*, *СахIяцила* и в персидском названии *Зирихгеран* (*Сиргеран*, *Сирг*) фонетическая близость видна достаточно отчетливо. Поэтому представляется, что название *СирхIя* является местным дериватом персидского названия *Зирихгеран* (*Сиргеран*), образованным по даргинской топонимической модели.

Теперь следует выяснить, почему в средневековых письменных источниках сосуществуют названия Зирихгеран и Сирха, и почему один из союзов сельских общин даргинцев получает свое наименование от Зирихгерана – первоначального или древнего названия Кубачи, а затем раннесредневекового государственного образования с тем же наименованием.

Если в раннем средневековье (V-X вв.) Зирихгеран выступает, согласно

данным ал-Белазури, ал-Йакуби и ал-Масуди, как одно из государственных образований, и фигурирует, как уже отмечали, наряду с такими значительными по тому времени, сильными и влиятельными государственными образованиями, как Лакз, Хайдак, Гумик, Серир и другие, то автор XII в. ал-Гарнати пишет о Зирихгеране уже не как о «царстве» или «владении», а как о двух селениях[95]. Из сообщения ал-Гарнати можно сделать вывод о том, что в XII в. в политической истории Зирихгерана произошли важные и существенные изменения. Связано было это, очевидно, с тем, что с X-XI вв. в Дагестане наблюдается, как это прослежено А.Р. Шихсаидовым[96] и Б.Г. Алиевым[97], укрепление центральной власти в одних владениях и децентрализация в других: в начале XI в. существуют Западный Лакз и Восточный Лакз; в конце XI – начале XII в. Сарир распался на более мелкие владения, частично воссоединенные впоследствии в Аварском нуцалстве в XIV-XV вв.; некогда единый Табасаран был разделен на 24 *рустак*а (области) во главе с *сархангам*и (т.е. *эмир*ами). Политическая децентрализация единого государства наблюдается и в Гумике, что было связано с ослаблением центральной власти в связи с усилением сепаратистских тенденций, ослабления влияния арабов по причине распада Арабского халифата, укреплением сельских общин и их союзов, усилением ряда соседних государств и т.д.

Как отмечает Б.Г. Алиев, «в результате дальнейшего социально-экономического развития и под влиянием политической обстановки одни союзы сходили с политической арены, другие увеличивались, расширяли свои границы и состав за счет присоединения новых сел, третьи образовывались вновь за счет политической децентрализации в результате выделения из уже существующих союзов усилившихся обществ, которые объединяли вокруг себя другие села. Так, союз Ахты распадается на еще более мелкие союзы (Ахты-пара, Докуз-пара и Алты-пара), в то время как Цахур, Курах, Рутул более быстрыми темпами пошли по пути объединения соседних земель»[98].

Подобные же процессы политической децентрализации единого государства и его распада на отдельные самостоятельные владения происходили, вероятно, и в Зирихгеране: сел. Кубачи, с одной стороны, и общества Сирха и Буркун-Дарго – с другой, становятся обособленными самостоятельными политическими единицами. Причиной тому послужили, кроме отмеченных выше, еще и их разная хозяйственно-экономическая деятельность (ремесленное производство Кубачи и земледельческо-скотоводческое хозяйство сирхинцев), складывавшиеся веками некоторые культурные и этнические различия[99]; возросшая экономическая самостоятельность Кубачи, его политический вес, стремление самостоятельно вести свою политику в отношении уцмийства Кайтагского и шамхальства Казикумухского.

В XI-XII вв. Сирха становится этнически и территориально единым, а экономически достаточно сильным и развитым для того времени «вольным обществом» – союзом сельских общин, у которого укрепляются собственные позиции на политической арене. В последующее время Сирха выступает самостоятельным, одним из «обособленных политических объединений даргинцев»[100], хотя, как уже отмечали, в XIV в., судя по данным «Тарих Дагестан»

Мухаммада Рафи, она, подобно другим обществам, находилась в подданстве казикумухского шамхала[101].

Значительно усиливается и Кубачи. Как было сказано, в XI-XII вв. активно протекает процесс объединения описанных выше небольших родовых поселков *угъбуг*ов с селением Кубачи и формирование на этой основе крупного территориально-родового поселка – *ши*, которое завершилось, вероятно, в конце XIII – начале XIV в.

Образование крупных территориально-родовых поселений *ши* путем слияния или объединения нескольких небольших родовых (тухумных) поселений в одно селение было характерно для всего средневекового Дагестана. Подобным образом образовались крупные населенные пункты у даргинцев, аварцев, лезгин, лакцев и других народностей Дагестана[102], хотя хронологические рамки этого процесса не везде совпадали[103]. У всех дагестанских народов сохранились предания и легенды об отдельных крупных селениях, образованных путем объединения пяти-семи мелких аулов вокруг одного, отражая в какой-то мере имевшие место реальные исторические события.

С завершением процесса образования территориально-родового поселения в XIII-XIV в. кубачинцы – *угъбуг* становятся «народом одного селения» (Е.М. Шиллинг). В этой связи нельзя согласиться с мнением А.Р. Магомедова о том, что даже «в XV-XVII вв. кубачинцы еще не стали «народностью одного аула» – они оставались давно оформившейся *народностью с собственным языком* (выделено мной – М.М.), более всего близким к даргинскому и оригинальной культурой, занимая при этом небольшую, но ясно очерченную территорию»[104], что кубачинцы «остаются в XV-XVII вв. самостоятельной *этнической группой* (выделено мной – М.М.)»[105], подразумевая под этой группой, со ссылкой на Е.М. Шиллинга, кроме собственно кубачинцев еще и жителей селений Амузги, Ашты, Сулевкент и Шири.

Однако, ни амузгинцы, ни аштынцы, ни ширинцы никогда не называли и ныне не называют себя кубачинцами, как и сами жители сел. Кубачи не называют жителей названных селений кубачинцами. Е.М. Шиллинг, один из самых признанных и авторитетных специалистов по историко-этнографическому изучению кубачинцев, пишет «об известной обособленности кубачинской культуры», «о некотором выделении кубачинцев в прошлом среди соседей по уровню культуры и вооружению»[106], об эндогамных запретах[107] (кубачинцы не смешивались браками с представителями других народностей, в том числе с жителями селений Амузги, Ашты, Шири и Сулевкент), об определенной замкнутости бытовой стороны жизни, а также навыков и особенностей мастерства[108] и т.д. Именно все эти особенности и своеобразия быта, культуры, искусства кубачинцев, их происхождение привлекали внимание и вызывали наибольший интерес у многих ученых и путешественников.

При определенном этническом родстве кубачинцев с жителями селений Ашты, Сулевкент, Амузги и Шири, говорящих на кубачинском диалекте, при том, что между кубачинцами и жителями указанных селений существовали издавна налаженные, прочные производственные и хозяйственно-экономические связи, в этнокультурном отношении жители сел. Кубачи оставались в

прошлом и ныне продолжают оставаться в значительной мере обособленным малым этносом. Как уже говорилось, для обозначения жителя селений Амузги, Аштынского, Сулевкент, Шири понятие «кубачинец» (*угъбуган*) не применялось. Но для обозначения района проживания зирихгеранов в средние века, граничащего с Гумиком, применялся термин *хъар-урбуг* как понятие этническое. А вот жителя любого из селений, входящих в общество Сирха называли *сирхlян*, жителя селений Кайтага (Хайдака), носителя кайтагского диалекта даргинского языка – *хайдакьан* (кайтагец), жителя любого селения, входящего в Гумик – *булеган* или *лак*. Позднее всех лакцев называли *казикумух*цами по названию их главного селения Кази-Кумух[109]. Имея в виду все это, на наш взгляд, нельзя применительно к XIV-XV вв. говорить о кубачинцах как о «давно оформившейся народности с собственным языком», включая в эту народность кроме собственно кубачинцев (*угъбуг*) еще и амузгинцев, аштынцев, сулевкентцев и ширинцев. Вместе с тем, А.Р. Магомедов прав в том, что «данные XV-XVII вв. не указывают на какие-либо миграционные или консолидационные процессы у кубачинцев того времени»[110].

В XIII-XIV вв. сел. Кубачи становится самостоятельной и сильной политической единицей – «вольным обществом» со своим внутренним самоуправлением. С этого времени, как было отмечено, народ *угъбуг* (*гlугъбуг*) на протяжении многих веков, вплоть до современности продолжает оставаться «народом одного селения». В XIII-XV вв. сел. Кубачи переживает высокий экономический и культурный подъем, превратившись в крупный центр высокоразвитого художественного ремесла, оружейного дела и торговли, а также в один из известных очагов мусульманской образованности и духовности. Оно славилось изделиями оружейников, ювелиров, бронзолитейщиков, медночеканщиков, каменотесов, резчиков по дереву, каллиграфов, ткачих и вышивальщиц. Став одним из наиболее крупных населенных пунктов Кубачино-даргинского нагорья, средневековое селение Кубачи, названное в исторической хронике «Тарих Дагестан» (XIV в.) и других дагестанских исторических сочинениях «городом Зирихгеран»[111], значительно укрепляется. В самом селении и на его подступах были возведены (в XIII-XIV вв.) мощные крепостные сооружения – круглые в плане башни и оборонительные стены (рис. 18,23,27-29), остатки которых сохранились до настоящего времени как свидетели его былого могущества.

Таким образом, значение «Зирихгерана», как географического понятия, как территориального обозначения конкретного региона, исторически менялось. С XV-XVI вв. сел. Кубачи постепенно утрачивает свое древнее, первоначальное название Зирихгеран, а один из союзов сельских общин («вольных обществ») даргинцев, непосредственно граничащих с сел. Кубачи, а в раннем средневековье входивший вместе с этим селением в единое государственное образование Зирихгеран, устойчиво закрепляет за собой название *Сирхlя*, образованное от названия этого государственного образования по даргинской топонимической модели. Однако названия *Зирихгеран* и *Сирхlя* на некоторое время продолжали сосуществовать как самостоятельные географические понятия.

Теперь, после всего изложенного нам необходимо кратко рассмотреть общественно-политический строй Зирихгерана-Кубачи XIV-XV вв., который остается малоизученным ввиду отсутствия письменных источников о нем.

Общественный строй Зирихгерана-Кубачи рассматриваемого времени можно охарактеризовать на основе следующих данных:

1) этнографические данные XIX – начала XX в., которые ретроспективно можно отнести и к значительно более раннему периоду, учитывая при этом имевшие место замедленный ход исторического процесса в высокогорных районах Дагестана, застойность и консерватизм общественных отношений;

2) сведения ученых и путешественников XVIII-XIX вв., касающиеся общественного строя кубачинцев, которые также можно ретроспективно отнести и к более раннему времени;

3) памятники искусства – каменные рельефы – детали архитектурного декора XIV-XV вв., на которых воспроизведены отдельные стороны быта и культуры местного населения, имеющие определенное отношение к общественному строю кубачинцев;

4) памятники народного зодчества – оборонительные сооружения – крепостные стены и башни XIII-XIV вв., которые служат своеобразным показателем уровня социального развития средневекового зирихгеранского общества.

Эти данные, взаимно дополняя друг друга, дают ценную информацию по интересующей нас проблеме.

Несмотря на сохранившиеся древние пережитки и на определенный демократизм общественного устройства Зирихгерана-Кубачи XIV-XV вв., все же оно было в некоторой степени подвергнуто феодализации[112]. В то же время очень сильна была и власть сельской общины – *джамаат*а, выполнявшего важнейшие функции общественно-политической жизни, выступавшего против притязаний как соседних феодальных правителей, так и местной феодализирующейся знати.

В Зирихгеране в исследуемое время феодальных правителей, как в Кайтаге, Табасаране, Гумике, Серире, не было. Кубачинским обществом управлял особый общественный орган (или общественный институт), именуемый *Чине*[113] (Совет старейшин), избираемый джамаатом на народном сходе на определенный срок – на год или на несколько лет. *Чине* состояло из семи членов. Число это в разные периоды истории менялось. В трудах русских и западноевропейских авторов XVIII-XIX вв. вместо 7 членов указано 12. Во главе Чине находился так называемый *Чиналла бикI* – «Чинальская голова», т.е. старшина или глава (позднее его стали называть *шамхал*ом). В состав Чине входили еще: помощники (заместители) старшины, глашатай – *мангуш* и три исполнителя, так называемые *хаванте́*. При необходимости джамаат мог обновить состав Чине.

«Функции Чине, – пишет Е.М. Шиллинг, – были значительны и в основном оставались с течением времени неизменными. Это был орган, управлявший по нормам обычного права, ведавший и «внешними» и внутренними делами. В руках Чине были исполнительная власть и военная организация. Кроме того, чинальская семерка являлась судом. Больше того, по некоторым све-

дениям, кубачинское Чине управляло не только своим селением, но и рядом окрестных населенных пунктов (Калакорейш, Сулевкент, Амузги, Шири, Цилибчи, Ураги, Урцаки, Уркарах, Чишили, Харбук)»[114].

Чине занимало особый дом дворцового типа *Хвала хъулбе* («Большие дома»), так называемый *Чиналла хъал* – «Чинальский дом», богато украшенный каменной рельефной скульптурой и резным деревом. Вся административная и судебная власть находилась в ведении Чине, который мог применять самые различные меры наказания, вплоть до высшей – разрушение дома, принадлежащего виновному, с последующим выселением его в другой населенный пункт или даже лишением жизни[115].

В непосредственном подчинении Чине находилась особая военная организация (военная дружина) *Батирте*, состоящая из числа неженатых молодых людей. Эта организация состояла из 7 отрядов по 40 человек в каждом, управлявщиеся каждый своей семеркой: три так называемых *бикI-халел*, из которых один был самым главным, три *туманна-халел* и один *бикIелталла-халел*. Каждый из отрядов имел своей резиденцией крепостную башню в селении, в которой проходило поочередное дежурство каждого из членов отрядов.

Члены организации Батирте под руководством опытных старших лиц, входящих в руководящую семерку, в обязательном порядке проходили физическую подготовку и военное обучение: они занимались борьбой, метанием камней, бегом на дистанцию, конными скачками, стрельбой по цели, упражнениями по ведению боя холодным оружием, военизированными танцами *аскайла* и т.д. Кстати, почти все эти моменты деятельности Батирте запечатлены в сюжетах ряда каменных рельефов, вероятно, украшавших некогда дом *Чиналла-хъал* или же дом членов «союза неженатых» (мужских союзов) – *Гулалла хъал*.

Дисциплина в организации Батирте была строгая, провинившего члена подвергали к различным мерам наказания в зависимости от тяжести совершенных им проступков.

В функции Батирте входили: сторожевая служба, охрана сел. Кубачи от внешних нападений, грабежа и разбоя, военные действия с жителями соседних селений с целью защиты принадлежащих кубачинцам лесных и пастбищных угодий, скота, табунов лошадей; защита интересов кубачинского общества от посягательств соседних феодальных правителей или же «вольных обществ» и т.д.

Из числа членов Батирте выбирались так называемые *чябхъуннижe бахьанте* (*чябхъун* – «наступление, нападение», *бахьанте* – «идущие, осуществляющие») – вооруженные лица, иначе говоря, специально обученные воины, которые совершали военные наступательные операции. В распоряжении *чабкун*цев всегда находились наготове семь оседланных лошадей. При необходимости количество их увеличивали.

Характерно, что на нескольких кубачинских каменных оконных тимпанах, а также на туловах ряда кубачинских литых бронзовых котлов закрытого типа воспроизведены конные всадники (рис. 17), а на одном из резных камней XIV-XV вв. из Кубачи, хранящемся ныне в ДГОМ, высечено фризовое изображение табуна лошадей (*учалла ирхъе*).

Рис.17. Каменный тимпан двухпролетного окна из сел. Кубачи. XV в. Высота по центру 66 см, ширина внизу 105 см, толщина 13 см. ДГОМ.

Как отмечает Е.М. Шиллинг[116], каждый из кубачинских больших кварталов – Нижний (*Хъацалла*), Средний (*Дубшила*), Верхний (*Башалла*) имел свои так называемые *акьла-гуле* (от *акь* – «стадо, табун», *гал*, *гуле* – «молодой человек, молодые люди») – «табунные парни» или «табунные молодые люди», ведавшие конским табуном. Причем каждый квартал имел свой отдельный табун, свои отдельные пастбищные и сенокосные участки.

По сведениям, полученным нами в пос. Кубачи от информаторов[117], в прошлом каждый квартал имел еще внутреннее самоуправление, состоящее из 6 человек – так называемые *уче-гуле* (*уче* – «конь», *гуле* – «молодые люди»), т.е. «конники», «всадники» во главе со старшим – *уче-гулалла гал-хвалел*. В функции *уче-гуле* (всадников) входило установление дисциплины и порядка (*цигъа кабицикъужуб*) в находящихся в их ведении кварталах.

В данном случае речь идет об общественном быте кубачинцев в XIX в. Однако, если учесть отмеченные выше моменты застойности их социального строя, замедленного хода общественного развития, и если иметь в виду то, что на бронзовых котлах и каменных рельефах XIV-XV вв. воспроизведены всадники, а также табун лошадей (на резном камне), то можно предположить, что и в эпоху средневековья в общественной жизни кубачинцев важную роль играла категория всадников.

В состав *батирте* и *чабкун*цев входили и члены мужских союзов («союза неженатых») *гулалла акь букьун*, так как цикл этот проводился раз в год или в два года, продолжительностью 1-2 месяца, в то время как организация Батирте была «постоянно действующей». Цикл «союза неженатых» проводился с ведома Чине, а дом членов «союза» находился, вероятно, рядом с чинальским

домом*. Он тоже выделялся от других домов в с. Кубачи совершенством архитектурной формы и богатством декоративной отделки каменными рельефами и, вероятно, резным деревом.

Четкая и тщательно продуманная военная организация из числа неженатых молодых мужчин, строгая дисциплина среди членов организации (*батирте* и *чабкун*цев), вооруженных и обученных ведению как наступательных, так и оборонительных военных действий, готовых в любое время отразить попытки вторжения неприятеля и вооруженной рукой решать возникающие инциденты и стычки с жителями соседних селений – все это наряду с мощными оборонительными сооружениями делало средневековое сел. Кубачи сильным, вольным, самостоятельным и политически независимым от соседних феодальных правителей и от «вольных обществ» микрогосударством. И не случайно в тематике кубачинских каменных рельефов представлено так много образов сильнейших, реальных и фантастических, животных – львов, барсов, грифонов, волков, драконов, орлов и т.д., олицетворявших силу и могущество самого кубачинского общества XIV-XV вв., служивших также «средством гиперболизации сверхчеловеческой силы»[118], доблести, отваги, выносливости *батирте* и *чабкун*цев.

Однако в XV в. сел. Кубачи на некоторое время попадает в зависимое положением от кайтагского уцмия, летняя резиденция которого – сел. Калакорейш – находилась в непосредственной близости от Кубачи, а это обстоятельство в известной степени способствовало процессу дальнейшей феодализации кубачинского общества. Но зависимость от уцмия была недолгой, сел. Кубачи стало вскоре независимым, хотя стычки между ними не прекращались и в последующее время, то затухая, то вспыхивая вновь.

Е.М. Шиллинг справедливо отмечал, что «сохраняя архаизмы и пережитки, медленно двигаясь вперед, вольное общество Кубачи вошло звеном в окружающий его мир феодальных порядков, не допуская к себе князей, не выделив и из своей среды ярко выраженной феодальной верхушки»[119].

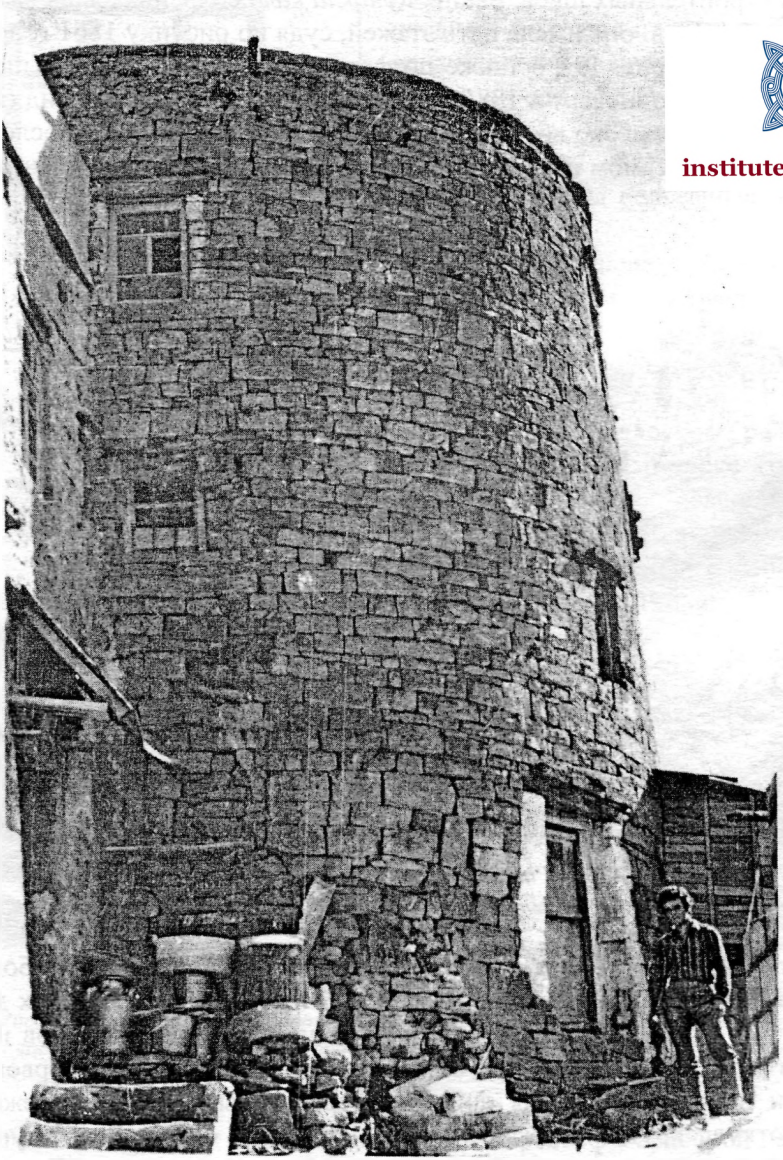
Одним из показателей не только могущества «страны» Зирихгеран, но и ее социального развития служат крепостные (оборонительные) сооружения сел. Кубачи. Они же являются наглядным примером высокого уровня развития здесь обработки камня и строительного дела.

Крепостные сооружения Кубачи XIII-XIV вв. специально никем не изучались. В советское время общее описание их осуществил Е.М. Шиллинг. Он же дал описание круглой оборонительной башни XIII-XIV вв. сел. Ицари[120]. Приводимые ниже краткие сведения о кубачинских оборонительных башнях, описанных Е.М. Шиллингом, дополняются нашими наблюдениями, сделанными во время экспедиционных поездок в это селение[121]. Башни эти сохрани-

---

* Когда организация Чине ослабла (в конце XVIII в.), а с присоединением Дагестана к России по Гюлистанскому мирному договору 1813 г. и введением нового административного управления власть Чине постепенно прекратилась, сама организация фактически перестала существовать. Здание же *Чиналла хъал* разрушилось. Каменные рельефы, украшавшие его, постепенно перенесли в кладку других зданий, но больше всего – в соседние дома.

лись без особо существенных изменений и переделок, почти в том виде, в каком их застал Е.М. Шиллинг в период его последней поездки в Кубачи в 1944 г. Правда, вблизи башен, непосредственно примыкая к ним, отстроены новые жилые дома, которые несколько изменяют вид на эти фортификационные сооружения. Сохранность башен, расположенных в самом селении, относительно хорошая (рис. 18, 28, 29). Они издавна (в конце XIX или в самом начале XX в.) приспособлены под жилые дома, а названия их соответствуют родовым фамилиям нынешних владельцев этих башен.

instituteofhistory.ru

Рис.18. Круглая оборонительная трехэтажная башня XIII-XIV вв. Кунакла кала в верхнем квартале сел. Кубачи. Вид с севера.

Одна из крепостных башен (рис. 18) расположена в верхнем квартале пос. Кубачи, на его северной окраине, недалеко от базарной площади и *годекана* (*Ккумала* или *Татнаддила*) и носит название родовой фамилии владельца башни *Кунакла кала* (*Къункъла калгIя*). Башня издавна была превращена в жилой дом, при этом несколько изменен ее интерьер, чтобы придать комнатам приличный вид и сделать их более практичными и удобными для жилья. Она за время своего долгого существования ремонтировалась много раз – в нескольких местах кладки стены видны следы ремонта в виде неровных вертикальных строительных швов. Башня *Кунакла кала* сохранилась на высоту трех этажей[122]. В XIX в. она имела пять этажей, судя по рисунку 1861 г. архитектора Е. Гиппиуса (рис. 19), а также по фотографии сел. Кубачи, выполненной фотографом А. Роиновым в 1885 г. и зафиксировавшей общий вид (панораму с юга) селения с высоко возвышающейся над ним башней[123]. Впоследствии, в конце XIX или в самом начале XX в. два верхних этажа башни были снесены.

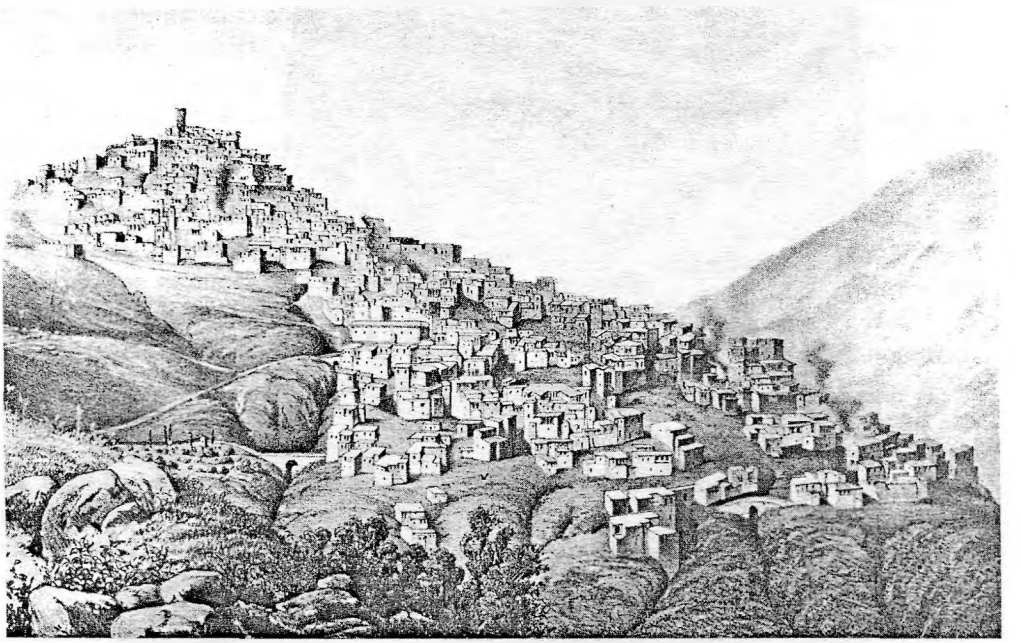

Рис.19. Панорама сел. Кубачи. Рисунок архитектора Е. Гиппиуса. 1861 г. Вид с юга. Наверху, на заднем плане слева видна башня Кунакла кала до снесения ее двух верхних этажей.

В плане башня круглая, высота ее 15-16 м. Внешний диаметр более 20 м. Сложена она из хорошо и специально обработанных, рассчитанных для кладки круглого в плане здания, плотно пригнанных каменных блоков на глиняном растворе. Вход теперь находится в северной части стены первого этажа. Низкая и довольно широкая дубовая дверь открывается со скрежетом вовнутрь, откуда крутая и узкая каменная лестница с высокими ступеньками ведет наверх вдоль внутренней стены до самого третьего этажа. Вход с севера был сделан, очевидно, позднее, так же, как и каменная лестница возведена

была позднее, при переделке башни под жилье. Первоначально арочный вход в башню находился в южной части стены, в более безопасном и хорошо защищенном месте, т.е. с «внутренней» стороны селения. Толщина стены у входа достигает 1,45 м. На каждом этаже сохранились узкие бойницы, некоторые из них позднее были переделаны в небольшого размера окна.

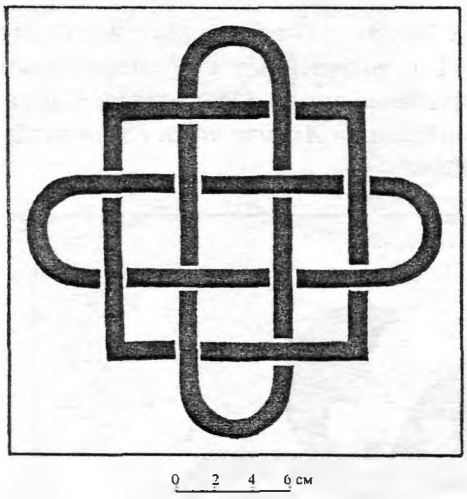

Рис.20. Изображение плетенки на камне, вставленном в наружную кладку юго-западной части стены 3-го этажа оборонительной башни XIII-XIV вв. Кунакла кала в верхнем квартале сел. Кубачи.

В наружной кладке стены самого верхнего, третьего этажа сохранились пять резных камней – плоскорельефных скульптур. На одном из них, находящемся в западной части стены, высечена плетенка из пересекающихся рельефных линий, образующих овалы (рис. 20). На трех камнях, вставленных в кладку южной части стены верхнего этажа, высечены рельефные изображения животных (рис. 21) – на двух из них, вероятно, львы, а на одном – поменьше размером – видимо, не хищное животное (оно обращено головой вниз), вид которого невозможно определить. Еще одно изображение льва, выполненное в плоском рельефе, на большом каменном блоке (песчаник), имеется в кладке северо-восточной части стены верхнего этажа (рис. 22).

Особенностью всех изображений животных является их довольно примитивная трактовка и схематизм. Создается впечатление, что они изготовлены в подражание каким-то изображениям или скопированы с других рельефов неумелой рукой резчика.

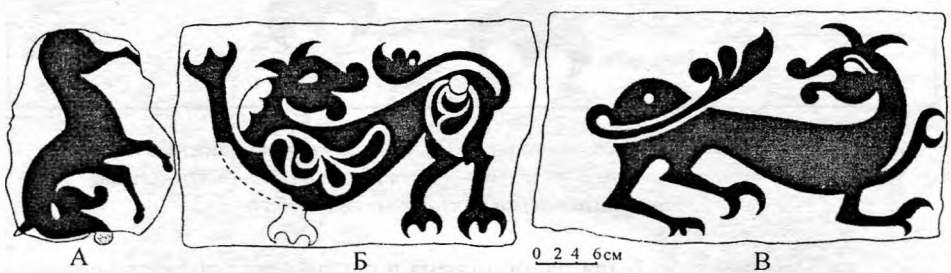

Рис.21. Резные камни с изображениями животных в наружной кладке южной части стены 3-го этажа оборонительной башни XIII-XIV вв. Кунакла кала в верхнем квартале сел. Кубачи.

Возможно, в кладку этой же башни входил рельеф с арабской надписью и элементами растительного орнамента, который теперь находится в кладке третьего этажа восточной стены дома Халиловой Айша. Дом расположен в

непосредственной близости от башни. Аналогичный же рельеф, входящий, несомненно, в ту же первоначальную кладку, что и рельеф в стене дома А. Халиловой, имеется в северной стене дома Р. Ибрагимова (ЧIабчIе Рабадана), находящегося в 50 м от башни *Кунакла кала*. Еще несколько рельефов находились во вторичном использовании в восточной стене дома А. Халиловой, которые, по ее словам, были проданы приезжим в Кубачи в 1950-х гг. работникам какого-то музея (Гос. Эрмитажа?). Можно также предположить, что часть из значительного количество рельефов, вывезенных С. Магомедовым (Миц СагIид) в республиканские и центральные музеи (Махачкала, Санкт-Петербург), украшала в эпоху средневековья башни *Акайла кала*, *Кунакла кала* и другие крепостные постройки сел. Кубачи.

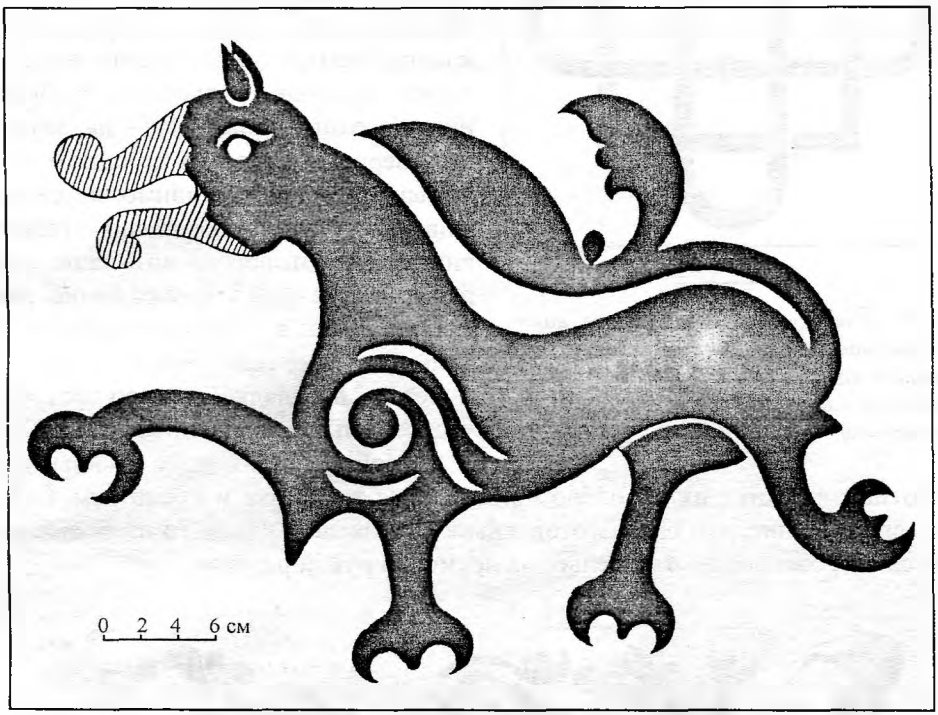

Рис.22. Изображение животного на камне, вставленном в наружную кладку восточной части стены 3-го этажа оборонительной башни XIII-XIV вв. Кунакла кала в верхнем квартале сел. Кубачи.

Башня *Кунакла кала* была расположена в самой верхней части селения, в прошлом она охраняла подступы к нему и служила его надежной защитой. В эпоху средневековья она с прекрасным круговым обзором являлась, очевидно, одной из главных в системе обороны всего селения. С плоской крыши с земляным накатом и теперь, когда снесены два верхних этажа, открывается великолепная панорама гор, долин, ущелий вокруг селения, а само все селение видно как на ладони.

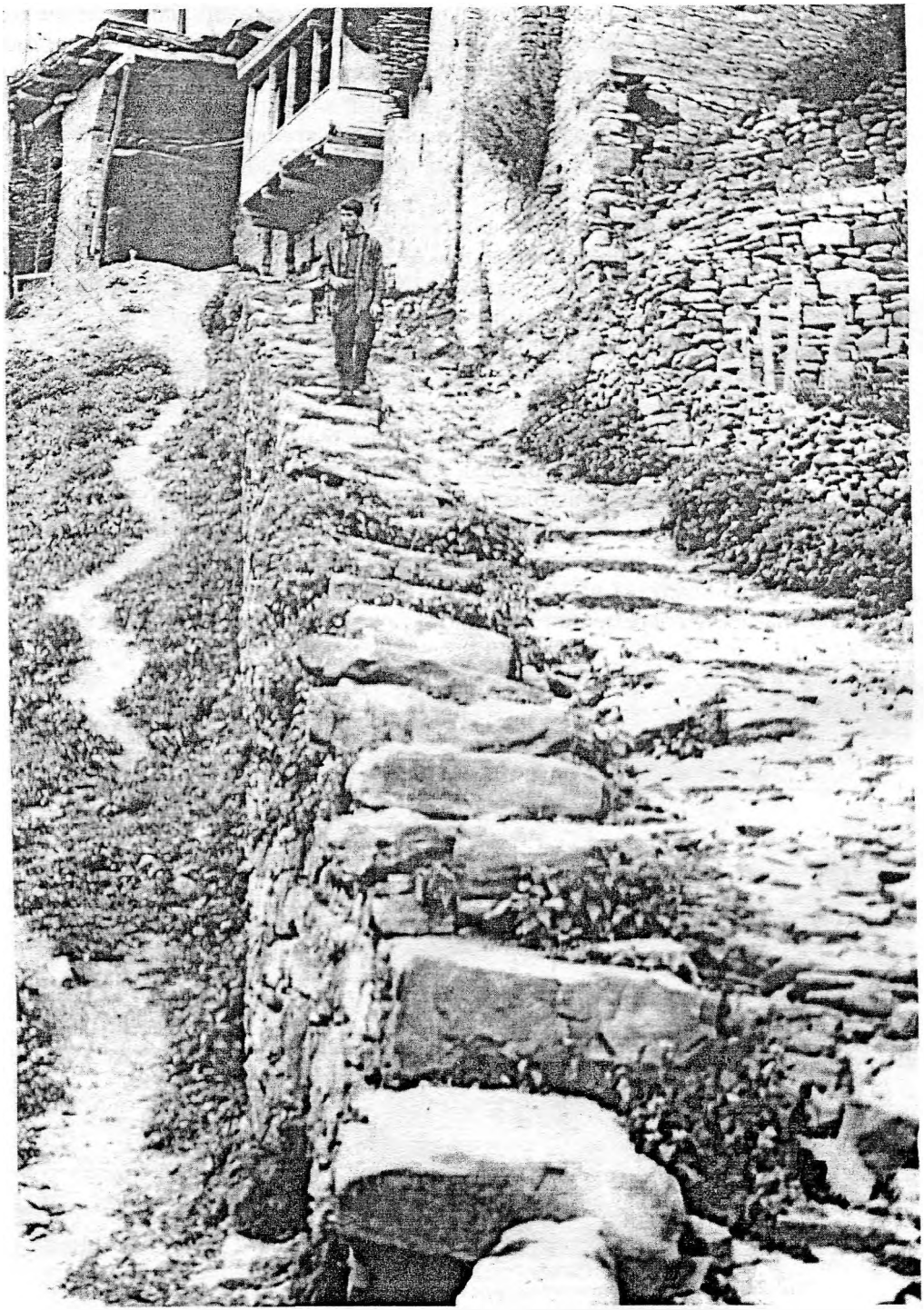

Рис.23. Остатки средневековой оборонительной стены на южной окраине нижнего квартала сел. Кубачи.

К этой башне примыкала крепостная стена, которая защищала селение от вторжения неприятеля. Стена эта, на месте которой теперь выстроены жилые дома кубачинцев, с запада тянулась до современной базарной площади (*годекана*), где в настоящее время находится арочный каменный мост, который перестраивался несколько раз за время своего существования. На месте этого моста в прошлом находились крепостные ворота, надежно закрывавшие вход (въезд) в верхний квартал селения.

Далее от этих ворот каменная оборонительная стена спускалась по южному склону до самого нижнего селения. Остатки ее (рис. 23) зафиксированы на южной окраине нижнего квартала пос. Кубачи. Они прослеживаются начиная у здания Джума-мечети, прямо у развилки дороги, ведущей из нижнего квартала к источникам воды *Дакила* и в средний квартал. Стена, шириной около 2 м, сооруженная из крупных, слегка отесанных каменных блоков, тянулась вверх, параллельно жилым домам по южному склону *Дяш санала*. Характер кладки стены довольно поздний. Стена была, очевидно, переделана позднее, верхние части ее разобраны, а камни пущены в ход для строительства жилых домов, а также оград близ расположенных мусульманских кладбищ. Теперь по ней проходит ступенчатая дорога из нижнего квартала в средний и верхний кварталы. В первоначальный период стена тянулась, вероятно, до самого верхнего квартала и смыкалась со стеной у упомянутых выше северных ворот на месте современного арочного моста у базарной площади.

Рис.24. Средневековые каменные рельефы с изображениями животных, арабскими надписями и растительным орнаментом в кладке арочного моста (построено на месте старого моста в 60-х годах XX в.) в верхнем квартале сел. Кубачи.

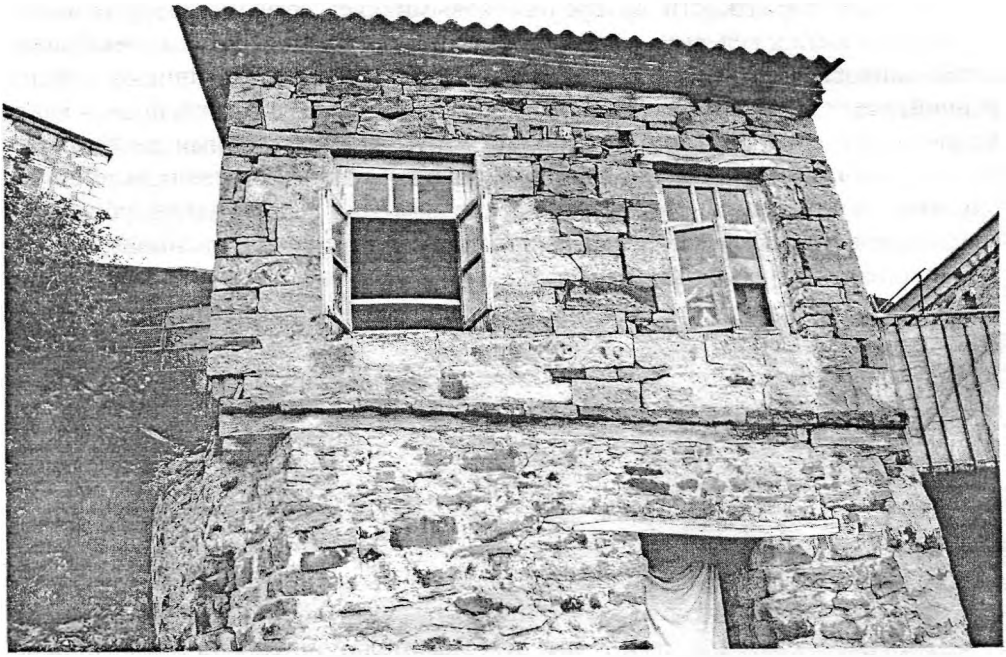

Рис.25. Южный фасад жилого дома Г.-О. Ибрагимова в верхнем квартале сел. Кубачи. В кладку верхнего этажа вставлены два каменных рельефа XIII-XIV вв. с растительным орнаментом.

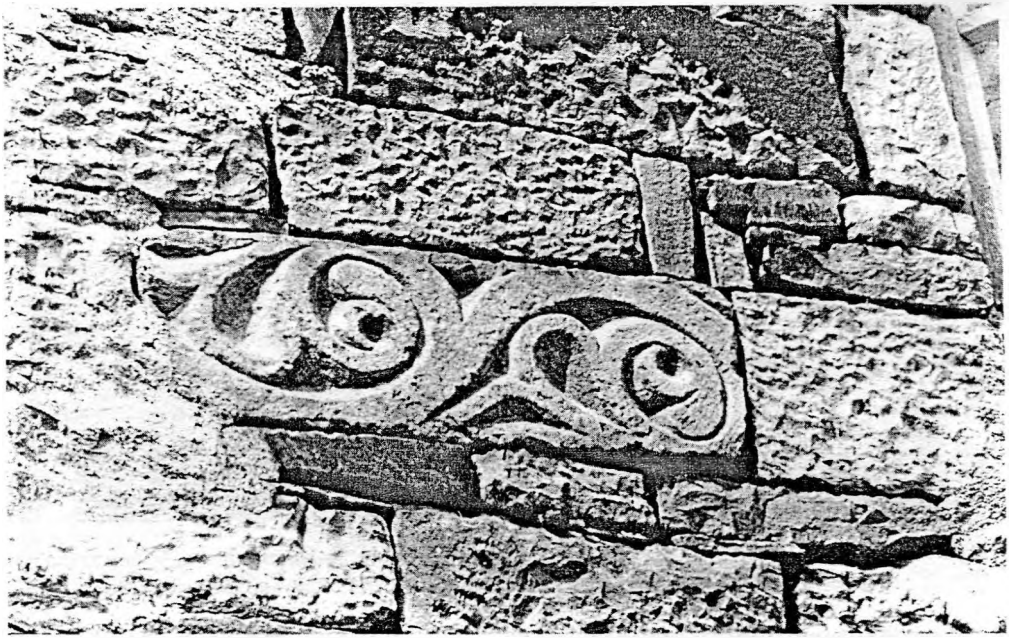

Рис. 26. Каменный рельеф XIII-XIV вв. с растительным орнаментом в кладке стены верхнего этажа южного фасада жилого дома Г.-О. Ибрагимова в верхнем квартале сел. Кубачи.

По всей вероятности со средневековыми крепостными сооружениями, примыкающими к северным воротам, связаны каменные рельефы с изображениями животных, орнамента, и один из камней с арабской надписью – более ранний, чем три других (судя по палеографии надписей), вставленные в кладку упомянутого моста (рис. 24). Можно допустить, что с этими же сооружениями были связаны, т.е. входили в их кладку, или же составляли вместе с другими, неизвестными пока для нас рельефами, декоративное убранство средневековой башни *Батирталла цIи* («Башня богатырей-воинов»; кубач. *цIи* «башня») два каменных рельефа[124] с растительным орнаментом крупных форм в кладке южной стены второго этажа дома Г.-О. Ибрагимова (рис. 25, 26), находящегося в непосредственной близости от упомянутого моста.

Отмеченная же круглая башня *Батиртала цIи* (рис. 27) находилась примерно в 70 м юго-западнее описанной башни *Кунакла кала*. Она была, вероятно, вынесена за линию оборонительных стен[125] и защищала подступы к верхнему кварталу сел. Кубачи с юго-запада. В полуразрушенном виде башню *Батирталла цIи* зафиксировал в своих зарисовках архитектор Е. Гиппиус, побывавший в 1861 г. вместе с академиком Б.А. Дорном в селениях Кубачи и Калакорейш. Ныне от этой башни не сохранилось никаких следов. Существует местное предание, что от этой башни до самого селения (до дома Кальяновых, находящегося чуть выше среднего квартала) имелся подземный ход. Весьма вероятно, что башня эта имела какое-то отношение и к находящимся недалеко от нее источникам питьевой воды *Тала кьулла* и *Хъяцила*, снабжавшими весь верхний квартал питьевой водой, т.е. они находились под охраной находяшихся в ней стражников-*батирте*.

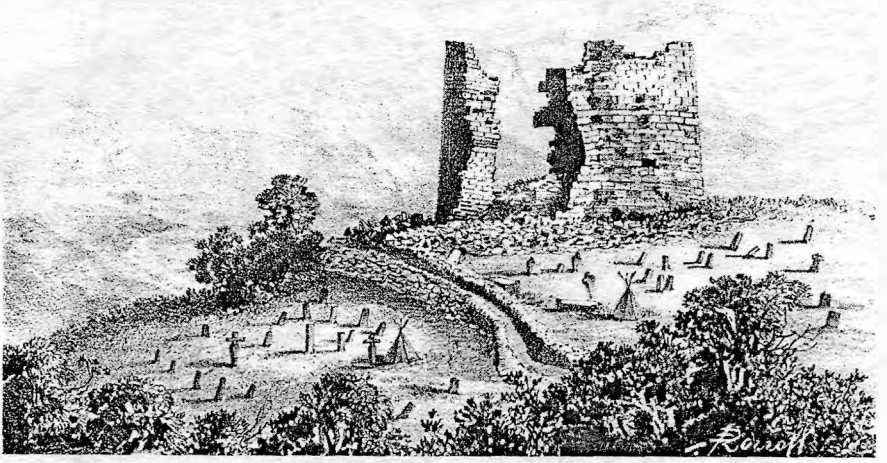

Рис.27. Остатки круглой оборонительной башни XIII-XIV вв. Батирталла ци на западной окраине верхнего квартала сел. Кубачи. Рис. Е. Гиппиуса. 1861 г.

О предназначении описываемой башни и ее роли в системе обороны селения довольно подробно пишет Е.М. Шиллинг: «одна из кубачинских круглых башен на окраине селения, близ кладбища Верхнего квартала носит...

название Батирталла-ци (т.е. «башня богатырей»). В 1936 г. я видел лишь ее фундамент (на этом месте делали силосную яму), а в 1935 г. осматривал часть тогда еще сохранившейся стены. Башня по преданиям, была резиденцией легендарных богатырей, 40 человек неженатых кубачинцев. Они охраняли жителей, наказывали за проступки, судили и решали все дела»[126]. В другом месте он отмечает, что *батирте* не только охраняли сел. Кубачи. они вели также наступательные военные предприятия, воевали с соседями: нападали на поселения, враждовавшие по тем или иным причинам с кубачинцами, и вооруженной рукой разрешали межаульные споры и разногласия[127].

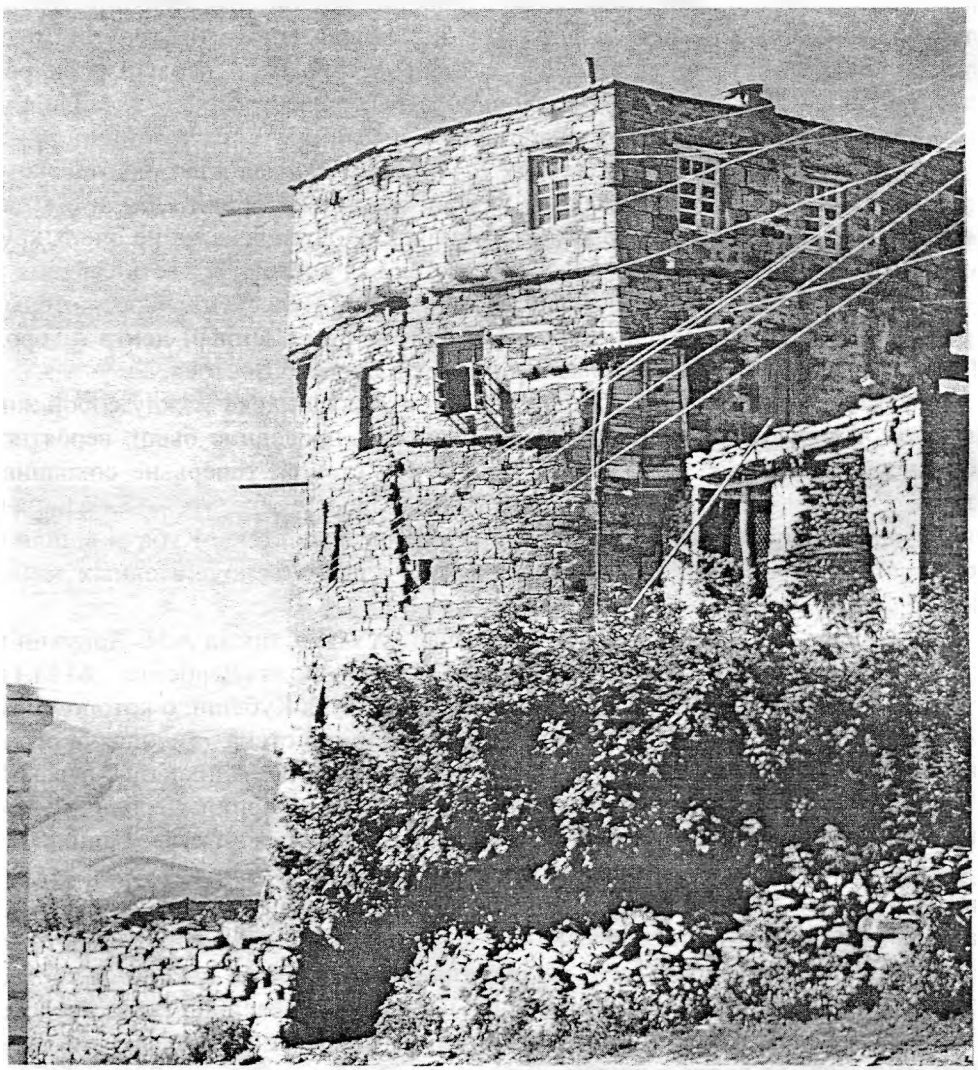

Рис.28. Круглая оборонительная трехэтажная башня XIII-XIV вв. Акайла кала в верхнем квартале сел. Кубачи. Вид с северо-востока. Два верхних этажа башни в XIX в. были приспособлены под жилые помещения.

В башне было установлено круглосуточное поочередное дежурство – человек по 30, по 40 из разных кварталов селения. Тут же на дворе всегда было наготове семь оседланных лошадей. В случае ночной тревоги дежурный в башне зажигал факел и тем самым подавал знак тревоги. Из *чабкун*ского управления в определенное время выходили дозоры. Они, со своей стороны, при обходе подымали в надлежащих случаях шум и немедленно сообщали обо всем находившимся в башне[128].

Третья мощная оборонительная башня *Акайла кала* (рис. 28) находится в 40 м восточнее башни *Кунакла кала*. Она тоже трехэтажная (возможно, первоначально имела 5 этажей), приспособленная под жилой дом. Верхний третий этаж башни был разобран в начале XX в. и отстроен заново так, что он имеет уже не круглую, а четырехугольную в плане форму. Но и первый, и второй этажи имеют следы ремонтов и неоднократных перестроек в виде швов, а также хорошо различимых разновременных и отличающихся друг от друга систем кладки камней. Башня *Акайла кала*, как и *Кунакла кала*, построена из крупных, специально отесанных камней системой панцирной кладки с внутренней забутовкой из рваного камня и земли. Она возведена на не очень крутом склоне, с ее верхнего этажа обозревается вся восточная часть селения и подступы к ней со стороны селений Калакорейш и Сулевкент, через которые пролегали дороги из Кубачи в крупный торгово-ремесленный центр – город Дербент, а через него – в Закавказье и страны Ближнего Востока.

Судя по выстроившимся в одну линию и «сросшихся» между собой жилых домов между отмеченными выше башнями, последние были, вероятно, соединены между собой каменной крепостной стеной, теперь не сохранившийся. Возможно, между этими башнями была еще четырехугольная башня в виде форта. Как отмечает Е.М. Шиллинг, крепостные стены Кубачи вошли в состав позднейших застроек, и лишь с трудом в гуще тесно скученных домов можно видеть отдельные их фрагменты[129].

О крепостной стене сел. Кубачи в начале XVIII в. писал А.И. Лопухин в «Журнале путешествия через Дагестан»: «От сего города (Дербента – М.М.) в горах на полтора дни езды есть один город, именуется Кубеши, о котором нам сказывали, что место жилом великое и есть около его стена каменная, а особливо, сказывали, очень крепок положением места»[130]. М. Алиханов-Аварский в 1898 г. в комментариях к исторической хронике «Тарихи Дербенд-наме» отмечал, что в Кубачи сохранились древние стены и многоэтажные башни[131].

В среднем квартале поселка Кубачи, именуемом *Дубшила кьуат*, сохранилась еще одна круглая башня (рис. 29), также превращенная в жилой дом А. Гаджимурадова [132]. Местное название ее – *Цилалла кала*. Она теперь имеет два этажа. Нижний этаж превращен в хлев, а на верхнем этаже находятся жилые комнаты. Арочный вход в жилые камеры находится в северной стене второго этажа. Над входом находится каменный рельеф с арабской надписью «Аллах» (рис. 30). Слева от входа в жилую комнату в кладке стены находится крупное скульптурное (горельефное?) изображение лежащего льва со слегка повернутой влево головой (рис. 31). Выше и левее этого изображения находится другой резной камень с крупным растительным орнаментом (рис. 32).

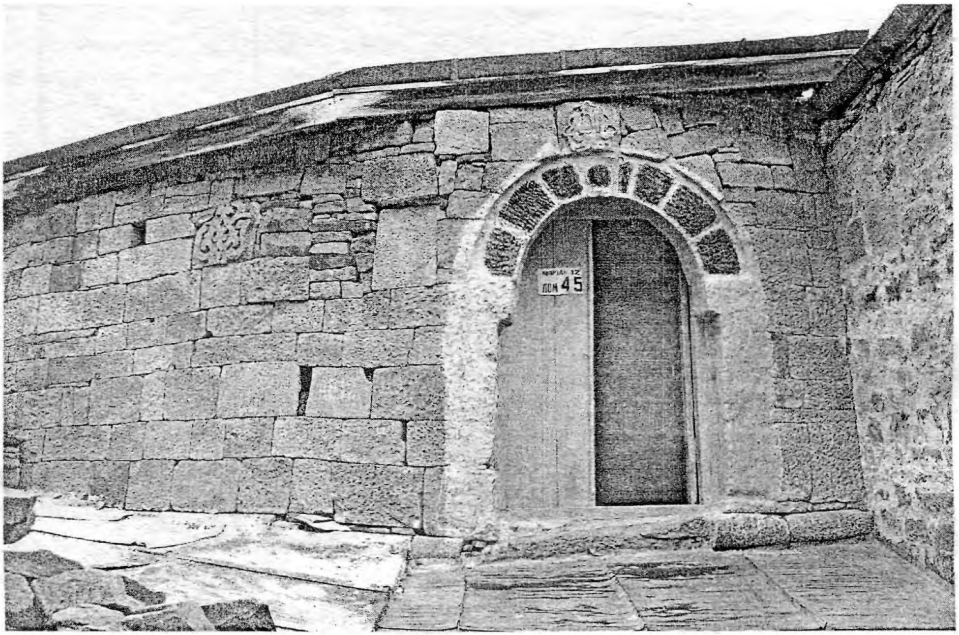

Рис.29. Круглая оборонительная двухэтажная башня XIII-XIV вв. (ныне жилой дом) в нижнем квартале сел. Кубачи. Северный фасад 2-го этажа. Два верхних этажа башни были снесены в нач. XIX в.

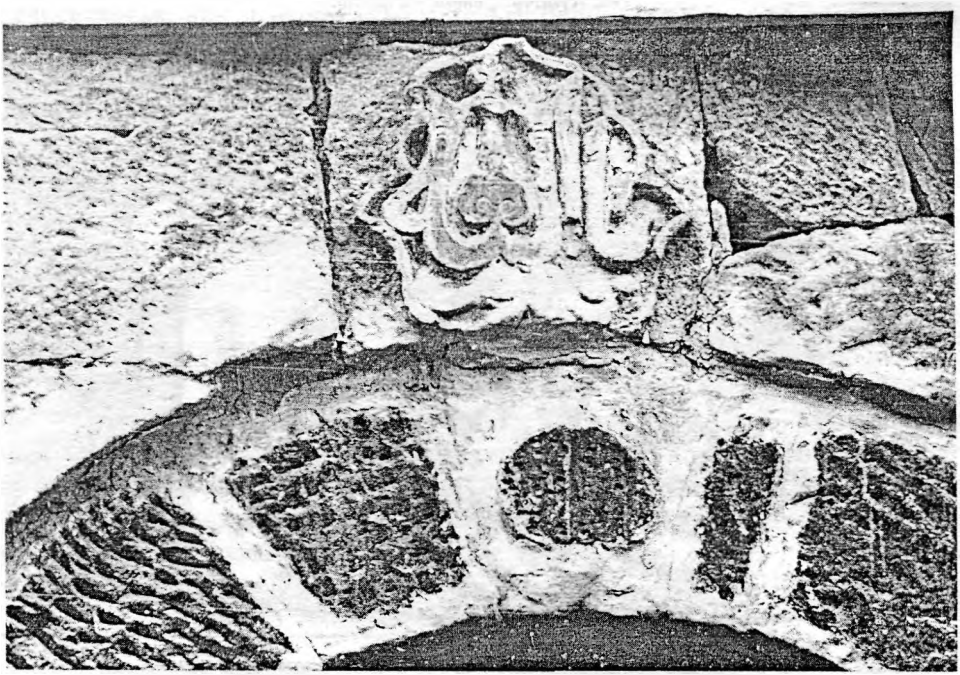

Рис.30. Каменный рельеф с арабской надписью «Аллах» в фигурном медальоне над входом в оборонительную башню XIII-XIV вв. (ныне жилой дом) в нижнем квартале сел. Кубачи.

Рис.31. Скульптурное изображение лежащего льва в наружной кладке оборонительной башни XIII-XIV вв. (ныне жилой дом) в нижнем квартале сел. Кубачи. Северный фасад.

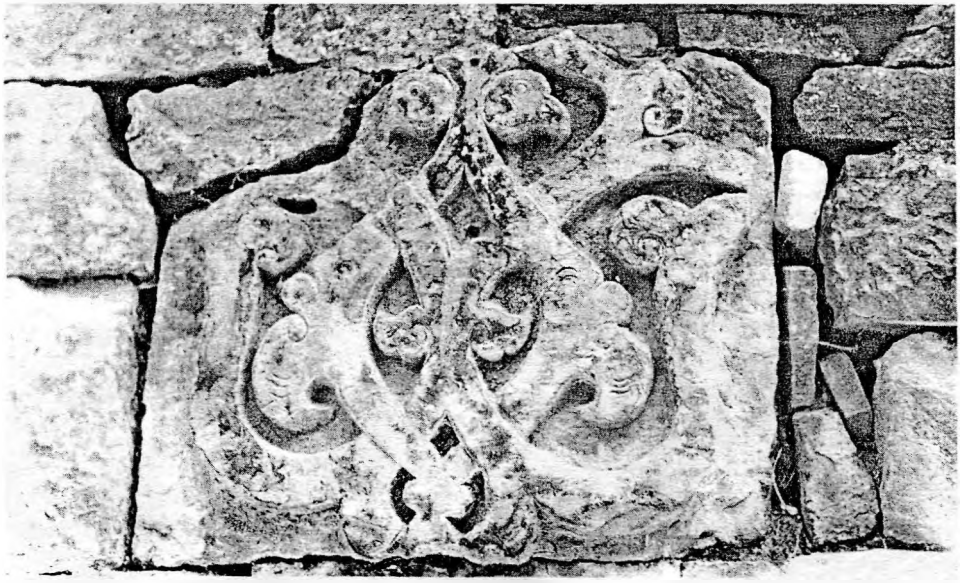

Рис.32. Каменный рельеф с растительным орнаментом в кладке северного фасада второго этажа оборонительной башни XIII-XIV вв. (ныне жилой дом) в нижнем квартале сел. Кубачи.

Башня *Цилалла кала* хорошо просматривается с башни *Акайла кала*. Как и другие башни, она ремонтировалась и перестраивалась несколько раз, что видно из различных систем кладки стен и вертикальных строительных швов. Однако, при ремонте и восстановлении разрушенных участков, при отдельных перестройках мастера-строители обычно сохраняли прежнюю планировку, технику кладки, а также основные принципы декоративной отделки.

Кладка стен ее более аккуратная, чем кладка стен описанных выше башен. И здесь видна поясная система кладки из прямоугольных, хорошо отесанных и тщательно пригнанных друг к другу каменных блоков из серого песчаника. Характер кладки с расположением камней попеременно «на образок», ребром и плашмя, достаточно хорошо прослеживаемый в кладке башни *Цилалла кала* и других средневековых башен Кубачи, напоминает характер кладки дербентских оборонительных сооружений, хотя в кладке кубачинских башен не представлены такие крупные каменные блоки, как в кладке стен Дербента. Вероятно, средневековые башни в Кубачи, как и ряд других общественных зданий (так называемый *Чиналла-хъал*, затем *Гулалла-хъал* – дом членов «союза неженатых» и другие) сооружены не без влияния традиций зодчества Дербента.

Возвращаясь к рассмотрению рельефов, вставленных в кладку башни *Цилалла кала*, надо отметить, что два из них – с арабской надписью в фигурном медальоне (рис. 30) и с рельефной орнаментацией с заплетающимися стеблями (рис. 32), судя по характеру обработки камней (точечной техникой), их размерам и по соотношению с другими камнями в кладке башни, в эпоху средневековья, как и ныне, украшали эту башню, служили ее декором. Они были изготовлены в период ее строительства.

Что касается изваяния льва, то трудно достаточно уверенно судить, являлось ли оно украшением башни или другого здания. В настоящее время оно лежит не на первоначальном месте – в кладку стены оно уложено как обычный строительный камень, т.е. не заметно, что изваяние установлено в декоративных целях. Э.В. Кильчевская про это скульптурное изображение пишет, что «в одной из старых кубачинских оборонительных башен сохранилась фигура лежащего льва (прежде их, очевидно, было несколько). Эти скульптурные изображения размещались под мощным, рельефно выступающим округлым валиком нижней части башни. Они являлись не только зрительной, но и конструктивной опорой кладки. И в то же время своей скульптурой, объемной пластикой фигуры лежащих львов вместе с округлым рельефным валиком-подушкой, отчетливо выступающим на глади стены, сложенной из тесанного камня, и круглая форма самой башни составляли единое целое[133].

Нам представляется, что это изображение льва, а также другое аналогичное изображение льва, о котором пишет Э.В. Кильчевская на той же странице (с. 96)*, где она описывает упомянутую выше скульптуру льва, первоначально

---

* К сожалению, Э.В. Кильчевская не указывает название башни, а лишь отмечает, что «вторая сторожевая круглая башня, находящаяся в верхней части селения, также имела в основании горельефные фигуры лежащих львов. Одного из них нам удалось увидеть в 1950 г. до

находились у крепостных ворот, запиравших вход в нижний квартал с. Кубачи, или, во всяком случае, у ворот *Чиналла-хъал* или *Хала хъулбе*. Башню, предназначенную для оборонительных целей, притом не самую главную башню, едва ли украшали столь прекрасно высеченные в камне, замечательные горельефные изображения львов. Кроме того, если учесть семантическую сторону изображений как бдительных стражей, то скульптуры львов логически должны располагаться именно у крепостных ворот или у входа в указанные общественные дома, куда посторонним и непосвященным вход был сторожайше запрещен.

Башню *Цилалла-кала* украшали, надо полагать, и другие рельефы (на их месте ныне имеются ниши, часть из которых заделана камнями, взятыми со стороны, отличающимися другой техникой обработки), вывезенные в разное время за пределы Кубачи в различные музеи. Это дает основание полагать, что и другие средневековые оборонительные башни сел. Кубачи были украшены каменными рельефами.

Из изложенного выше можно заключить, что определенную, сравнительно небольшую группу средневековых каменных рельефов из Кубачи следует относить к архитектурному убранству оборонительных сооружений – башен и крепостных стен того же времени. С этой группой рельефов можно соотнести рельефы, украшавшие, вероятно другие башни или крепостные стены. К ним относятся те рельефы, которые аналогичны им по стилю орнамента и надписей, а также технике резьбы. Они украшали входы в башни, порталы, фасадные части стен и другие участки зданий.

Использование скульптуры в декоре оборонительных сооружений в Дагестане известно с эпохи раннего средневековья. Скульптурными изображениями были украшены, например, крепостные стены города Дербента, о которых приводит интересные сведения арабский географ Ибн ал-Факих ал-Хамадани (кон. IX – нач. X в.): «В городе Баб над Баб ал-джихад (Ворота войны за веру) на стене – две колонны, на каждой колонне – изображение льва из белого камня. Ниже… имеются изображения двух львов. Близ ворот – изображение человека из камня, между ногами его – статуя лисицы… Над домом правителей – изображение двух львов также из камня… Жители Баба говорят, что это талисманы их стены»[134].

Позднее скульптурными изображениями украшались различные архитектурные сооружения не только в Кубачи, но и в ряде других селений горного Дагестана. Как продолжение более ранних традиций украшения скульптурными фигурами стен, характерных для раннесредневекового Дербента, можно рассматривать изображение хищника кошачьей породы, найденное при археологических раскопках на Нижнечуглинском городище в слоях XIII-XIV вв.[135], а также изображение льва, украшавшее стену здания в сел. Ицари Даха-

---

застройки нижней части башни дополнительными жилыми помещениями». Возможно, здесь речь идет о башне *Кунакла кала*, но круговой осмотр ее, в том числе и того участка, где с южной стороны были сооружены дополнительные жилые помещения, показал, что тут изображение горельефного льва отсутствует. Нет такого изображения и в кладке башни *Акайла кала*.

даевского района[136]. Оборонительные сооружения сел. Кубачи не ограничиваются сохранившимися до настоящего времени круглыми башнями и остатками крепостных стен. Еще об одной оборонительной башне Е.М. Шиллинг пишет следующее: «особый кубачинский сторожевой пост был к югу от селения в ущелье *Хуккабиган шелла каттала*» («сыпучей скалы ущелье») с крепостью *Вявдихьла къала* («тревоги крепость» – чрезвычайно выгодный по расположению наблюдательный пункт), где можно найти остатки жилых строений и следы старого кладбища. С этого места видны три селения – Кубачи, Амузги и Сулевкент. При обнаружении какой-либо опасности дозорные зажигали огонь, оповещавший кубачинцев. В позднейшие времена тут обычно поселяли сторожа с семьей, несшего караульную службу»[137]. По кубачинским преданиям, круглая в плане оборонительная башня, аналогичная кубачинским оборонительным башням, находилась и в Анчибачи, откуда видны, как было отмечено, сел. Кубачи с востока и верхний квартал сел. Амузги с запада, а также Сулевкентская долина.

Сильно укрепленным и недоступным для неприятеля населенным пунктом было и сел. Амузги. Выше мы коснулись особенностей его оборонительных сооружений. В 20-х гг. XX в. А.С. Башкиров изучал памятники Амузги. Он опубликовал три памятника камнерезного искусства – два рельефа с контурным и силуэтным изображением животных, вероятно, львов, трактованных довольно схематично и одно изображение человеческой личины, которое находилось «над аркой крепостных ворот аула»[138]. Датировка памятников не указывается, лишь отмечается, что они характерны для «искусства феодального общества»[139].

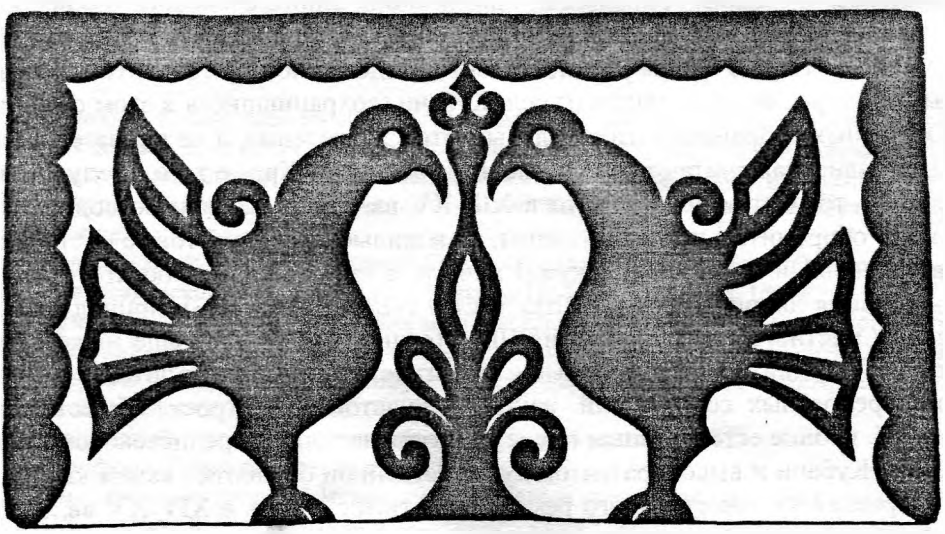

Рис.33. Каменный рельеф с изображением птиц. XV в. Сел. Амузги.

Все три резных камня связаны с оборонительными сооружениями сел. Амузги и относятся, вероятно, к XIV-XV вв. К этому же времени относится

другой каменный рельеф с изображением двух геральдических птиц (рис. 33) по сторонам растительного элемента, который находится в кладке (уложенный низом вверх) при вторичном использовании в западной стене полуразрушенной амузгинской мечети.

Башни и крепостные стены Кубачи и Амузги относятся к тому периоду развития фортификации горного Дагестана (к XIII-XIV вв.), когда происходил постепенный процесс уменьшения массивности оборонительных сооружений, и в значительной степени возрастало значение естественно-защитных факторов рельефа. Одновременно с этим происходил процесс образования крупных населенных пунктов. Вместе с тем, в оборонительной системе поселений и целых политических образований (Зирихгеран, Кайтаг, Серир и другие) в XIII-XIV вв. большую роль начали играть сигнально-сторожевые башни, сооруженные на подступах к населенным пунктам для предотвращения внезапного вторжения неприятеля и обеспечения надежной обороны. Лишь наличием сильной и организованной власти, а также необходимых и довольно больших средств для проведения столь крупных строительных работ можно объяснить очень высокий для своего времени уровень развития фортификации селения Кубачи и окружающих его аулов. Писавшими о Кубачи, начиная с арабского автора X в. ал-Масуди и кончая путешественниками и исследователями XVIII-XIX вв. И. Гербером, Я. Рейнеггсом, Я. Потоцким, А. Неверовским и многими другими, отмечалась недоступность сел. Кубачи, указывалось на своеобразие его архитектуры, чрезвычайную скученность жилых домов, их ступенчатое расположение, многоярусность. Наличие такой развитой системы оборонительных сооружений селений Кубачи и Амузги служит не только показателем высокой социальной организации зирихгеранского общества и больших достижений местных зодчих в обработке камня и строительном деле, но и является еще одним убедительным доводом в пользу того, что все каменные рельефы, происходящие из сел. Кубачи (сохранившиеся в этом селении и в музейных собраниях), изготовлены в этом же селении, а не привезены откуда-то извне, как считают отдельные исследователи. Кроме того, следует иметь ввиду и то обстоятельство, что в XIII-XV вв. в сел. Кубачи возводились не только оборонительные сооружения, но и жилые дома, культовые постройки – квартальные и пятничная (Джума) мечети, а также медресе, богато украшенные здания дворцового типа *Хала хъулбе* («Большие дома»), принадлежащие органу местного самоуправления Чине (о них речь пойдет еще ниже). Имея достаточно длительные, прочные и развитые традиции в строительстве мощных крепостных сооружений, жилых и культовых построек, общественных зданий, вполне естественным представляется наличие в средневековом Зирихгеране-Кубачи и высокоразвитой художественной обработки камня как одной из отраслей художественного ремесла, достигшей здесь в XIV-XV вв. необычайно высокой степени совершенства.

instituteofhistory.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Агларов М.А.* Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988. С. 201.

[2] *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963. С. 112-114; *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 52-59; История Дагестана в 4-х томах. Т. 1. М., 1967. С. 121-130; *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969. С. 28-46; *Он же.* К вопросу о локализации Филана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 78-87; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 108, 125-126, 153-155; *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана. Махачкала. 1996. С. 234-254.

[3] *Баладзори.* Книга завоевания стран. Текст и пер. с араб. проф. П.К. Жузе. Баку, 1927 (Материалы по истории Азербайджана. Вып. III). С. 1-42.

[4] Там же. С. 7.

[5] Там же С. 18

[6] *Якуби.* История. Текст и пер. с араб. проф. П.К. Жузе. Баку, 1927 (Материалы по истории Азербайджана. Вып. IV). С. 7.

[7] *Масуди.* Луга золота и рудники драгоценных камней. Пер. *Н.А. Караулова* // СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 29-61; См. также: Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. С. 11; *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 188-216 (Приложение III. Масуди о Кавказе).

[8] *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 24-25; История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 140-141.

[9] История Егише Вардапета. Пер. с арм. П. Шаншиева. Тифлис, 1853. С. 333; Каганкатваци М. История агван. Пер. с арм. К. Патканова. СПб., 1861. С. 11.

[9] Термин «родовой» здесь употреблен в традиционном смысле, т.е. условно, как употребляют его дагестанские историки и этнографы, занимающиеся изучением истории поселений. В родовых поселках, возникших еще в глубокой древности как поселения коллектива родственников – *тухумов*, в раннем средневековье уже шел процесс разложения патриархально-родовых отношений.

[11] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л., 1949. С. 6.

[12] *Potocki I.* Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Ouvrages publiese et accompragnes de notes et de tables par Klaproth. Tome second Paris, 1829. С. 117. Автор ошибается, считая, что жители сел. Калакорейш, Нахки и еще трех селений с искаженными названиями будто бы говорят на кубачинском языке. Жители этих селений говорят на даргинском языке.

[13] *Петухов П.* Кубачинское племя // Газета «Кавказ». 1866. № 86-87; *Он же.* Очерки Кайтаго-Табасаранского округа // Газета «Кавказ». 1867. № 7–8, 12–13, 15–16.

[14] *Комаров А.В.* Список населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Изд. Кавказского отделения РГО. Т. 1. Тифлис, 1869. С. 85-86.

[15] *Уваров А.С.* Курганы с расчленением близ г. Дербента // Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887. С. 72.

[16] См.: *Масуди.* Луга золота и рудники драгоценных камней. С. 52.

[17] *Баладзори.* Книга завоевания стран. С. 7.

[18] См.: *Аствацатурян Э.Г.* История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX вв. Дагестан и Закавказье. Часть I. М., 1977. С. 30-51; О производстве металлических изделий в сел. Шири см.: *Dorn B.A.* Die jetzigen Kubätschi. Eine Erläuterung zu Abu Hamid el-Andalusy's Nachrichten über diesen Volksstamm // BAIS. T. XVIII. № 3. 1873. С. 321-336. Эта же работа опубликована в Mélanges Asiatiques tires du Bulletin de L'Académie impériale des Sciences de St.-Pb.". T. VI. Livraison 6, SPb., 1873. С. 717-740; *Комаров А.В.* Указ. соч. С. 86; *Уваров А.С.* Указ. соч. С. 72.

[19] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 7.

[20] *Erckert R.* Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887. С. 202. Перевод книги Эркерта Р. на русский язык имеется в РФ Института ИАЭ ДНЦ РАН: Ф. 1. Оп. 1. Д. № 351.

[21] *Османов М.-З.* Некоторые вопросы даргинской топонимики // Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР. Т. XIV. Серия историч. Махачкала, 1965. С. 285-286.

[22] *Магомедов Р.М.* Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 150.

[23] Предания и легенды народов Дагестана. Публикация Б.Г. Алиева // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 153.

[24] *Маммаев М.М.* Отчет о полевых исследованиях Южного отряда экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР в 1971 г. // Архив ИА РАН. С.20.

[25] *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 82-88, 377.

[26] Об этимологии топонима *Худуц!* см.: *Османов М.-З.* Указ. соч. С. 297; Интересная легенда об образовании сел. Худуц записана Б.Г. Алиевым, согласно которой сел. Худуц образовалось по инициативе казикумухского шамхала по договору с кайтагским уцмием в 135 г. хиджры / 752-753 г., которые переселили сюда 12 хозяйств (4 – из Кумуха, 4 – из Рича и 4 – из Анчибачи, находившегося рядом с сел. Кубачи). Шамхал и уцмий выделили переселенцам земли и имущество. Управлять селением поставили представителя из сел. Анчибачи (Предания и легенды… С. 153).

[27] *Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 87.

[28] *Магомедов А.Р.* Народности Дагестана (Этническое развитие народностей Дагестана в XV-XVII вв. и их политическая организация). Махачкала, 1990. С. 46.

[29] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 11.

[30] *Гаджиев В.Г.* Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. С. 133.

[31] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). Публикация *О.Г. Большакова,* А.Л. Монгайта. М., 1971. С. 26.

[32] Там же.

[33] См.: *Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р.* «Дербенд-наме» (К вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1980. С. 29. См. еще: *Акташи* Мухаммад Аваби. Дербенд-наме. Пер. с тюрк. и араб., предисл. и библиогр. *Г.М.-Р. Оразаева и А.Р. Шихсаидова*. Махачкала, 1992. С. 45.

[34] См.: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати… С. 62-63.

[35] *Лавров Л.И.* Новое о Зирих-Геране и Казикумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 216-218.

[36] См.: *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999. С. 59, 63; *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. 1. Махачкала, 1999. С. 275.

[37] *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Кн. I. Махачкала, 1999. С. 63, 257, 259.

[38] *Маммаев М.М.* Проблема происхождения кубачинцев в историко-этнографической литературе XVIII-XX вв. // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Тез. докл. научной конференции. Махачкала, 1997. С. 52-54.

[39] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 7.

[40] Там же. С. 28.

[41] Там же.

[42] Полевой материал автора, собранный в 1992 г. Информатор Магомедов Ибрагим, 70 лет.

[43] *Жирков Л.И.* Язык аула Кубачи // Уч. зап. Института этнических и национальных культур народов Востока. Т. 1. М., 1930. С. 263; см. еще: *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 11, 207, 214.

[44] *Алиханов Р.* Кубачинские очерки. Записки мастера // Искусство Кубачи. Альбом. Автор-сост. А. Иванов. Л., 1976. С. 27.

[45] *Башкиров А.С.* Изучение памятников старины // Дагестанский сборник. Т. III. Махачкала, 1927. С. 327.

[46] *Котович. В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М.* Отчет о работе Приморской археологической экспедиции Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР в 1964 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 42. С. 98.

[47] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 12.

[48] Там же. С. 7.

[49] Там же С. 73.

[50] См.: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати… С. 50.

[51] *Маммаев М.М.* Отчет о полевых исследованиях Южного отряда… С. 11-12.

[52] *Гамзатов Расул.* Амузгинцы // Полдневный жар. Стихи. Пер. с авар. М.: Современный писатель, 1993. С. 102-104.

[53] *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. Надписи X-XVII вв. М., 1966. С. 189.

[54] *Магометов А.А.* Кубачинский язык. Тбилиси, 1963. С. 13.

[55] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 201-206.

[56] Там же С. 206.

[57] См.: *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слово о полку Игореве». М., 1979. С. 131-132.

[58] См.: История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы под ред. *М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева.* М., 1958. С. 133.

[59] *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники… С. 84-85.

[60] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 201-206.

[61] Там же. С. 8-11.

[62] *Кильчевская Э.В.* От изобразительности к орнаменту. М., 1968. С. 155-157; Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982. С. 55-56. Рис. 62-65; *Иванов А.А.* Персидские надписи из Кубачи // Rivista degli studi orientali. Vol. LIX. Fasc. I-IV. Roma, 1987. С. 220-221. Рис. III; *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала, 1989. С. 123-124. Рис. 212-214.

[63] *Иванов А.А.* Указ. соч. С. 220.

[64] См.: История, география и этнография Дагестана… С. 132.

[65] Из дагестанских памятных записей. Комментированные переводы *А.Р. Шихсаидова* и *Т.М. Айтберова* // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 117, 119.

[66] *Баладзори.* Указ. соч. С. 18.

[67] *Якуби.* Указ. соч. С. 7.

[68] См.: *Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 46.

[69] *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 139-140. Карах впервые упоминается у ал-Масуди, который пишет: «Со стороны Кабха и Серира Хайдак граничит с [землей] царя, называемого Б. рзбан (Марзубан?), который мусульманин, и город его называется К.р.дж (Карах). Они вооружены булавами. Каждый правитель этого царства зовется Б. рзбан». См.: Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 203. В земли (во владения) «царя» Караха входили еще селения Чишили и Дибгаши. См.: Там же. С. 139-140.

[70] *Магомедов Р.М.*. История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 52.

[71] История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 146-149; *Ахмедов Ш.М.* К вопросу о дагестано-сасанидских взаимоотношениях в III-VI вв. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 72-75.

[72] *Магомедов Р.М.* Указ. соч. С. 45; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 101.

[73] *Ахмедов Ш.М.* Указ. соч. С. 63.

[74] *Егише.* О Вардане и войне армянской. Пер. с древнеармян. акад. И.А. Орбели. Ереван, 1971. С. 92.

[75] История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 115.

[76] *Маммаев М.М.* К вопросу о сасанидских традициях в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана // Искуство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. Тезисы докладов. М., 1979. С. 53-54.

[77] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 7-8, 193-194.

[78] См.: *Шихсаидов А.Р.* Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Махаммада Рафи (К вопросу об изучении) // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1972. М., 1977. С. 101, 111.

[79] *Магомедов Р.М.* Даргинцы… С. 201-202.

[80] См.: Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 38; *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 36.

[81] *Магомедов Р.М.* Происхождение названия Лезгинистан // Уч. зап. Института ИЯЛ ДагФАН СССР. Т. IX. Махачкала, 1961. С. 54; *Он же.* Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971. С.38.

[82] *Магомедов Р.М.* Происхождение названия Лезгинистан. С. 54.

[83] Там же. С. 57; А.Р. Шихсаидов тоже приводит известия ряда средневековых арабских и персидских авторов, подразумевающих под названием Лакз то «только территорию, занимаемую представителями лезгинских языков, то территорию всего Дагестана» (*Шихсаидов А.Р.* Вопросы исторической географии Дагестана X-XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Сб. статей и материалов. Махачкала, 1980. С. 74-77).

[84] *Френ Х.Д.* О народе кавказском Кубечи // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. 1840. № 8 (август). С. 87-107 (рус. пер. с нем. из Bulletin Scientifique, 1838, № 75, 76).

[85] Памятная книжка Дагестанской области. Составит. *Е.И. Козубский.* Темир-хан-шура, 1895. С. 327.

[86] *Мухаммад Рафи.* Извлечение из истории Дагестана // ССКГ. Вып. V. Тифлис, 1871. С. 23; см. еще: *Шихсаидов А.Р.* Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан»… С. 110; «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи. Введ., пер., коммент. *А.Р. Шихсаидова* // *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 103.

[87] *Алиев Б.Г.* Общественный строй сюргинского союза сельских общин в XVIII-XIX вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 44.

[88] *Алиев Б.Г.* Исторические известия о даргинцах и образование союза верхнедаргинских обществ // Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР. Т. XII. Серия истор. Махачкала, 1964. С. 122. См. еще: *Алиев Б.Г.* Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1972. С. 32-33.

[89] *Алиев Б.Г.* Общественный строй сюргинского союза… С. 44; *Он же.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дис. … докт. ист. наук. Л., 1991. С. 12.

[90] *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 140-142; Шихсаидов А.Р. К вопросу о локализации Филана С. 87.

[91] *Алиев Б.Г.* Общественный строй сюргинского союза… С. 44; Шихсаидов А.Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан»… С. 109-110.

[92] Народы Дагестана. М., 1955. С. 72.

[93] *Умаханов М.-С.К.* Борьба народов Дагестана за независимость от иранских шахов в первой половине XVII века // Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР. Т. XIX. Серия обществ. наук. Махачкала, 1969. С. 11; *Он же.* Политические взаимоотношения союзов сельских обществ Дагестана в XVII-XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачакала, 1981. С. 64-67.

[94] *Алиев Б.Г.* Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. С. 44; *Он же.* Общественный строй сюргинского союза… С. 45.

[95] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати… С. 50.

[96] *Шихсаидов А.Р.* Вопросы исторической географии Дагестана… С. 71-72.

[97] *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана… С. 11-13.

[98] Там же. С. 12.

[99] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 3, 6, 12.

[100] *Магомедов Р.М.* Указ. соч. С. 118-119; *Алиев Б.Г.* Общественный строй сюргинского союза… С. 45.

[101] См.: *Шихсаидов А.Р.* Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан»… С. 110.

[102] *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 80-81, 84-88; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 112-121; *Алиев Б.Г.* Исторические известия о даргинцах и образование союза верхнедаргинских обществ. С. 127-128; *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. С. 59; *Булатова А.Г.* Лакцы. Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971. С. 88-90; *Ахмедов Ш.М.* Сельская община в раннесредневековом Дагестане // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974. С. 65; Агулы. Сб. статей по истории, хозяйству и материальной культуре. Махачкала, 1975. С. 73-83; *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин XIX – нач. XX вв. М., 1978. С. 112-118.

[103] *Агаширинова С.С.* Указ. соч. С. 118.

[104] *Магомедов А.Р.* Народности Дагестана. С. 46.

[105] Там же. С. 45.

[106] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 12.

[107] Там же. С. 6.

[108] Там же С. 3.

[109] *Габиев С.* Лаки. Их прошлое и быт // СМОМПК. Вып. 36. Тифлис, 1906. С. 5.

[110] *Магомедов А.Р.* Указ. соч. С. 46.

[111] *Мухаммад Рафи.* Указ. соч. С. 23.

[112] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 195.

[113] Там же С. 173-178. Шиллинг Е.М. указывает, что орган Чине, который оформился в средневековое время, в истории своего существования пережил ряд стадий, не оставаясь чем-то неподвижным и неизменным. См.: там же. С. 17, 184, 191.

[114] Там же. С. 179. Кубачинское Чине управляло рядом окрестных селений, входивших некогда в политическое (государственное) образование Зирихгеран. В это объединение входили, конечно, не все из перечисленных Е.М. Шиллингом селений, например, сел. Уркарах. Калакорейш и другие. Вероятно, в какое-то время Чине в судебной практике руководствовалось «Сводом заповедных законов Кайтаг-Дарго», составленным, т.е. письменно оформленным в начале XVII в. в период правления кайтагского уцмия Рустем-хана (см.: *Магомедов Р.М.* Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964). Во многих статьях этого «Свода» нашли отражение нормы обычного права (*адата*) даргинцев. Поскольку в спорных конфликтах и столкновениях между жителями отдельных селений кубачинцы придерживались традиционного нейтралитета, то в разборе подобного рода дел и других тяжб кубачинское Чине, известное своими беспристрастием, пользовалось, вероятно, доверием и авторитетом среди сельских обществ Кубачино-даргинского нагорья. Поэтому многие тяжбы и важные судебные дела, имевшие место в вышеперечисленных селениях, решались в Кубачи, руководствуясь при этом упомянутым «Сводом», а до его письменного оформления – нормами обычного права и шариата.

[115] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 180.

[116] Там же С. 198.

[117] Информатор – житель нижнего квартала старой части пос. Кубачи Ирганов Юсуп, 63 года (1981 г.).

[118] *Даркевич В.П.* Путями средневековых мастеров. М., 1972. С. 21.

[119] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 198.

[120] Там же. С. 39-43.

[121] *Маммаев М.М.* Работы Южного отряда Дагестанской экспедиции // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 155-156.

[122] *Е.М. Шиллинг* считал ее двухэтажной, на самом деле она имеет три этажа.

[123] См.: *Башкиров А.С.* Искусство Дагестана Резные камни. М., 1931. Табл. I; Искусство Кубачи. Альбом. Автор-сост. *А. Иванов.* Л., 1976. С. 165. Илл. 122. Оригинал фотографии А. Роинова хранится в Государственном историческом музее в Москве.

[124] *Кильчевская Э.В.* От изобразительности к орнаменту. М., 1968. С. 136. Рис. 82. В книге не точно указано, что рельеф находится в здании мечети.

[125] Строительство выносных башен за пределы крепостных стен практиковалось в эпоху средневековья в Дагестане и на всем Кавказе. См.: *Магомедов М.Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1970. С. 10-11; Закарая П. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969. С. 24-30; *Джандиери М.И., Лежава Г.И.* Народная башенная архитектура. М., 1976. С. 7-11; *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 40; *Хан-Магомедов С.О.* Дербент, Горная стена, аулы Табасарана. М., 1979. С. 121.

[126] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 174.

[127] Там же. С. 175.

[128] Там же. С. 176.

[129] Там же. С. 41.

[130] *Лопухин А.И.* Журнал путешествия через Дагестан 1718 г. // ИГЭД. С. 30.

[131] Тарихи Дербенд-наме /Пер. с языков тюрк., араб., перс. и франц. Под ред. *М. Алиханова-Аварского.* Тифлис, 1898. С. 57-58.

[132] В недавном прошлом башня была жилым домом Касумова Гаджимагомеда. См.: *Башкиров А.С.* Искусство Дагестана. С. 112. № 51 списка иллюстраций.

[133] *Кильчевская Э.В.* От изобразительности к орнаменту. С. 95-96.

[134] Цит. по: *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 119.

[135] *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Нижнечуглинское городище // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 103. Рис. 5. Искусство Дагестана. Декоративно-прикладное искусство, живопись, скульптура, графика. Автор вступ. статьи Р.Г. Гамзатова. Авторы-сост.: Д. Магомедов, Р. Микаилова, Л. Шахмарданова, З. Гейбатова-Шолохова, П. Гамзатова. М., 1981. Илл. 19.

[136] *Башкиров А.С.* Искусство Дагестана. Табл. 100-103.

[137] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 176.

[138] *Башкиров А.С.* Искусство Дагестана. С. 67-68. Табл. 86-87, 95, 106. Один из амузгинских рельефов, хранящийся в Гос. Эрмитаже, опубликован в польском каталоге: Rzemioslo artystyczne Dagestany. Katalog wystawy. Warszawa: Panstwowe Muzeum archeologiczne, 1970. Rus. 32.

[139] *Башкиров А.С.* Указ соч. С. 68.

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ГЛАВА IV

ДОМУСУЛЬМАНСКИЕ ВЕРОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЗИРИХГЕРАНА–КУБАЧИ

§ 1. К вопросу о зороастризме у кубачинцев

Кубачинцы до принятия ими монотеистических религий придерживались языческих верований, о чем свидетельствуют сохранившиеся вплоть до недавнего времени их пережитки[1]. Вместе с тем ряд исследователей, основываясь на сведения восточных средневековых письменных источников, фольклорные данные, а также разного рода легенды и предания, считает, что зирихгераны-кубачинцы и жители селений Амузги, Сулевкент и др. до утверждения среди них христианства, а затем ислама являлись последователями зороастризма*. Е.М. Шиллинг отмечает, что «фольклорные предания и более ранние сведения говорят о распространении в сел. Кубачи христианства, а еще ранее зороастризма»[2]. В середине XIX в. акад. Х.Д. Френ в известной работе о кубачинцах писал, что «этому народу не чуждо было парсийское вероисповедание»[3]. При этом он приводил сведения автора XIII в. Закарийа ал-Казвини о зороастрийском погребальном обряде зирихгеранов. Позднее акад. И.А. Орбели указывал, что «ал-Гарнати дает ясную картину наличия здесь (т.е. в Кубачи – М.М.) какой-то зороастрийской секты»[4].

Своеобразный погребальный обряд у зирихгеранов, интерпретируемый исследователями как зороастрийский, впервые описан историком и путешественником Абу Хамидом Андалуси ал-Гарнати (1080-1169) в сочинении «Подарок умам и выборки диковинок» («Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-аджаб»)[5]. После перечисления различных ремесел зирихгеранов ал-Гарнати пишет: «А когда умирает у них кто-нибудь, то если это был мужчина, то отдают его

---

* *Зороастризм* – в древности религия народов Средней Азии, Ирана, Азербайджана, Афганистана и других стран Ближнего Востока, названная так по имени ее легендарного основателя – пророка Зороастра (Заратуштра), жившего во второй пол. VII – сер. VI вв. до н.э. В литературе встречается и другое название этой религии – маздеизм, получившее по имени верховного иранского бога Ахура-Мазды (Ормузд), олицетворявшего «светлое, доброе начало», вечно борющегося с божеством «злого начала» Ангро-Майнью (Ахриман) за победу добра над злом, света над тьмой. Священной книгой зороастрийцев является Авеста. В настоящее время зороастризм в сильно измененном виде исповедуется в Индии парсами и в Иране (в Кермане и Йезде) немногочисленными общинами (гебры).

мужчинам, которые в подземных домах; они отсекают члены мертвого, и освобождают кости от мяса и мозга, и собирают его мясо, и кормят им черных воронов, стоя с луками и не давая другим птицам съесть хоть что-то из его мяса. А если эта была женщина, то отдают ее мужчинам, которые под землей, они вынимают ее кости и кормят ее мясом коршунов, стоя со стрелами и не давая другим [птицам] приблизиться к ее мясу… Кости мертвецов кладут в мешки, – богатых и знатных – в мешки из золотой румийской парчи, а рабов и невольниц – в [мешки] из коленкора и тому подобной ткани. И подвешивают их в доме и пишут на каждом мешке имя того, кто в нем. И это очень удивительно»[6].

Те же сведения о погребальном обряде зирихгеранов, но с некоторыми дополнениями приводит и выдающийся арабский географ и космограф Закарийа ибн Мухаммад ал-Казвини (1203-1283 гг.) в сочинении «Памятники стран и известия о людях» («Асар ал-билад ва ахбар ал-ибад»)[7]. Сведения эти в переводе с арабского проф. А.Р. Шихсаидова приводим здесь полностью, так как они представляют значительный интерес не только в сравнительном плане, но и потому, что некоторые положения сообщения Абу Хамида ал-Гарнати можно лучше понять при их сопоставлении с сообщениями Закарийа ал-Казвини.

«Зирихгеран. Значение его – «изготовители броней». [Это] два селения выше Баб ал-абваба, на высокой горе. Вокруг них расположены селения, обрабатываемые поля, рустаки, горы. Жители их – с высокими талиями, белокурые, с острыми глазами. У них нет иного ремесла, кроме изготовления кольчуг и панцирей. Они богаты, щедры, они любят чужеземцев, особенно тех, кто разбирается в науке или каллиграфии, и тех, кто знает какое-нибудь ремесло. Они не платят хараджа никому из-за укрепленности их места. Нет у них ни религии, ни религиозного толка.

В каждом из тех селений под землей [имеются] два больших помещения, наподобие погребов, одно из них для мужчин, другое – для женщин. В каждом помещении находится несколько мужчин с ножами. И когда из жителей этих селений кто-нибудь умрет, и если это мужчина, то [тело его] доставляют в помещение для мужчин, а если это женщина – то в помещение для женщин. Тогда они отрезают его члены, очищают их от мяса, извлекают [из костей] мозг. Затем они собирают эти кости, [причем] нет там сырости, а в мешке нет грязи. Кости клались в мешок. Если [умерший] был из богатых, то в мешок из парчи, а если из бедных – в мешок из небеленой ткани. Затем на этом мешке писали имя покойного, и имя его отца, дату рождения и время его смерти. Мешок вешали в тех помещениях. Мясо мужчин относилось на холм за селением, где отдавали его в корм черным воронам и не разрешали есть это мясо другим птицам. Если прилетала [сюда] другая птица, чтобы кушать это мясо, то ее отгоняли стрелами. Мясо женщин относили на другое место и кормили ими коршунов, не допуская других птиц.

Абу Хамид ал-Андалуси рассказывает, что он слышал, как однажды жители Дербенда снарядили войска на Зирихгеран и шли до тех пор, пока не вошли в селение. Тогда вышли из-под земли люди, вошли в это помещение и

поднялся [в это время] сильный ветер, пошел большой снег, так что никто из этих войск не смог узнавать своего товарища. Они начали убивать друг друга, сбились с пути, и погибли из них много народу. И спаслись [только некоторые] после того, как воочию увидали смерть.

Рассказывают, что владелец Ширвана – а он был могущественным маликом, сильным и мощным – пошел однажды на них, сильно желая [подчинить] их, но его постигло то же, что и дербентцев. Вследствие этого правители (*малики*) воздерживались от походов на них (то есть зирихгеранов)»[8].

Сведения о погребальном обряде зирихгеранов, заимствованные у ал-Казвини, в значительно сокращенном изложении приводятся, как уже отмечали, и в географическом труде начала XV в. азербайджанского ученого Абд ар-Рашида ал-Бакуви «Сокращение [книги] о «памятниках» и чудеса царя могучего»[9].

Акад. З.М. Буниятов отмечает, что сочинение ал-Бакуви представляет собой сокращенную редакцию географического труда Закарийа ал-Казвини «Асар ал-билад ва ахбар ал-ибад» («Памятники стран и сообщения о рабах [Аллаха]»), составленного в 674 г.х. / 1275-76 гг. Он же пишет, что «ал-Бакуви, как это часто делают компиляторы, допускал явные анахронизмы»[10]. К числу таких анахронизмов относятся и приводимые ал-Бакуви сведения о погребальном обычае зирихгеранов, поскольку ко времени написания его труда – к началу XV в., как будет показано ниже, в Зирихгеране ислам утвердился достаточно прочно. Поэтому говорить о бытовании в то время у кубачинцев зороастризма не приходится.

Что касается сведений, сообщаемых Абу Хамидом ал-Гарнати и Закарийа ал-Казвини, то они комментировались многими исследователями – Х.Д. Френом, Б.А. Дорном, В.В. Бартольдом, И.А. Орбели, А.Л. Монгайтом, А.Р. Шихсаидовым, которые относят эти сведения к сел. Кубачи. Они справедливо считают, что описанный ал-Гарнати и ал-Казвини погребальный обряд у зирихгеранов сложился под влиянием религии древнеиранских племен зороастризма[11], проникшей к ним в тот период, когда Южный Дагестан, находящийся в составе Кавказской Албании, был завоеван сасанидским Ираном и в 461 г. включен в его состав в качестве отдельного наместничества (провинции)[12], где управляли персидские наместники – *марзпаны*. Чтобы прочно укрепиться в чрезвычайно важном в стратегическом отношении районе – в Южном Дагестане, Сасаниды создали здесь целую сеть военных поселений из персидских колонистов, а в Дербенте в VI в. были возведены грандиозные оборонительные сооружения для защиты северных границ от нашествий многочисленных кочевых племен. После завоевания Южного Дагестана сасанидским Ираном зирихгераны сделались его данниками и с этого времени усиливается проникновение в Зирихгеран зороастризма[13].

При написании своего труда Закарийа ал-Казвини использовал сочинение своего предшественника Абу Хамида ал-Гарнати. Но у ал-Казвини имеются некоторые подробности в описании погребального обряда зирихгеранов, которых нет у ал-Гарнати, на что уже обращали внимание Б.А. Дорн, В.В. Бартольд, А.Л. Монгайт и А.Р. Шихсаидов. Так, ал-Гарнати пишет о том, что

«зирихгераны кости мертвецов кладут в мешки, – богатых и знатных – в мешки из золотой румийской парчи, а рабов и невольниц – в [мешки] из коленкора и тому подобной ткани. И подвешивают их в доме и пишут на каждом мешке имя того, кто в нем...». Закарийа ал-Казвини вносит некоторые новые подробности, опуская при этом отдельные детали, изложенные в тексте ал-Гарнати: «... кости клали в мешок; если [умерший] был из богатых, то в мешок из румийской парчи, а если из бедных – в мешок из небеленой ткани. Затем на этом мешке писали имя покойного, имя его отца, дату рождения и время его смерти. Мешок вешали в тех помещениях».

Как уже говорилось, В.В. Бартольд справедливо отметил, что новые подробности, приводимые ал-Казвини «не дают права утверждать, что Казвини пользовался кроме ал-Гарнати еще другими источниками, так как из приведенного в статье Дорна описания рукописи Азиатского музея[14] и сравнения ее с другими рукописями видно, что все дошедшие до нас экземпляры сочинения ал-Гарнати являются только сокращенными редакциями этого труда, тогда как в руках Казвини мог находиться полный экземпляр»[15].

А.Р. Шихсаидов, касаясь сочинения ал-Казвини и приводимых им дополнительных сведений, отсутствующих у ал-Гарнати, отмечает, что «характер изменений свидетельствует о том, что они не носили механического характера: нет упоминаний о румийской парче, о рабах и рабынях; вместо одного имени, записываемого ранее на мешке, упоминается имя покойного, его отца, дата рождения, время смерти – может быть под влиянием определенного трафарета, сложившегося, в частности, в Дагестане в эпитафиях на камне»[16].

У Закарийа ал-Казвини имеются и другие данные, которых нет у ал-Гарнати. Так, после описания погребального обряда зирихгеранов и безуспешного похода на них дербентского эмира Сейф уд-дина ас-Сулами в 1126 г. ал-Казвини приводит еще такие сведения (отсутствующие у ал-Гарнати): «рассказывают, что владелец Ширвана, – а он был могущественным царем (малик), сильным и мощным, – пошел однажды на них, сильно желая [подчинить] их, но его постигло то же, что и дербендцев. Вследствие этого цари воздерживались от походов на них (т.е. зирихгеранов)»[17].

Если Абу Хамид ал-Гарнати и Закарийа ал-Казвини дают точные и правдивые сведения о ремесленном производстве зирихгеранов, то не приходится сомневаться в правдивости описания и их погребального обряда. Однако остается загадкой вопрос о том, какой письменностью пользовались зирихгераны, когда они писали на мешках с костями умерших «имя покойного, и имя его отца, дату рождения и время его смерти».

Особый интерес вызывают сведения ал-Казвини о том, что мясо мужчин относилось на холм за селением, где отдавали его в корм черным воронам, а мясо женщин относили на другое место и кормили им коршунов, не допуская других птиц. Дело в том, что за селением Кубачи, южнее и западнее его, на вершинах гор *Шицила* и *Табалла муда* имеются курганообразные искусственные холмы, окутанные народной молвой тайной и считающиеся жителями Кубачи заколдованными местами. Во время наших поездок в сел. Кубачи в 1992-1994 гг. с целью выявления и учета памятников истории и культуры по

заданию Министерства культуры Республики Дагестан[18], холмы эти нами были предварительно описаны как остатки средневековых сигнально-сторожевых башен на подступах к Кубачи. Еще тогда у нас возникли сомнения в правильности интерпретации загадочных холмов как остатков оборонительных башен, аналогичных описанным выше (см.: гл. III) башням XIII-XIV вв., которые сохранились доныне в самом сел. Кубачи и носят названия *Къунакъла калъа*, *Ахъайла калъа*, *ХIяжемурадхъалла калъа*.

По прошествии значительного времени, а затем ознакомившись с работой ал-Казвини и осмыслив некоторые сведения, собранные в Кубачи об этих холмах, мы пришли к выводу о том, что холмы эти имеют непосредственное отношение к упоминаемым ал-Казвини холмам и связаны они с описанным им, а еще ранее ал-Гарнати погребальным обрядом зирихгеранов. Ниже даем их общее описание.

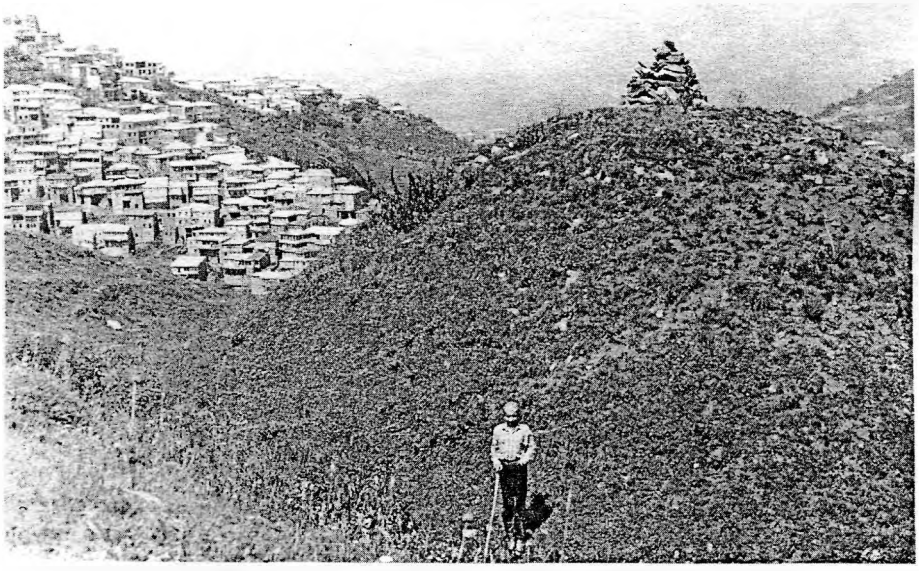

Рис.34. Курганообразный холм-дахма(?) Са цига на горе Цицила близ сел. Кубачи.

Курганообразный искусственный холм *Са цIига* (рис. 34) находится в 1,3 км южнее старой части Кубачи, по дороге в сел. Амузги, на восточной окраине гребня горы *ЦIицила*, обращенной северной стороной на пос. Кубачи. Холм расположен примерно в 300 м выше упомянутой дороги. Раньше мы датировали его XIII-XIV вв. Вероятно, он относится к значительно более раннему времени. Размеры холма таковы: высота с юго-восточной стороны – 5 м, с северо-западной – 4 м, диаметр по основанию – 12 м. Холм окружают ров и оплывший вал, высотой более метра. У основания холма с северной и северо-

западной сторон имеются значительные завалы обработанных для кладки стен камней. Поверхность холма и вала задернованы. На вершине холма имеется небольшая ровная площадка, диаметром 4-4,5 м. На этой площадке местные жители в священный для мусульман месяц Рамазан сооружают из подобранных поблизости камней башенку *цIига* (размеры ее: высота 1,3 м, диаметр в среднем 0,7 м) – знак всем верующим о том, что месяц Рамазан уже наступил.

Само название *ЦIицила* происходит от слова *цIи*, означающего по-кубачински «башня» (ср.: *Батирталла цIи* (*батирте* – «воины», отсюда «башня воинов»), и означает «место башен». Название же *Са цIига* переводится как «одна башенка» (*цIига* – «башенка»).

На юго-восточной окраине холма *Са цIига* имеются следы огня – сильно обоженные камни и земля красноватого цвета. Встречаются и фрагменты шлака. На южном склоне холма найден железный черешковый наконечник стрелы, относящийся к XIII в., и отдельные фрагменты средневековой керамики с заштрихованной внешней поверхностью.

Рис.35. Курганообразный холм-дахма(?) Кве цига на вершине горы Цицила близ сел. Кубачи.

В 170 м западнее и выше холма *Са цIига* находится другой аналогичный курганообразный холм *КIве цIига* («Две башенки»), высотой 4 м и диаметром по основанию 14 м (рис. 35). В месяц Рамазан и на этом холме кубачинцы сооружали из камня две башенки, откуда и произошло название *КIве цIига*. Холм окружен задернованным валом и рвом. Высота вала 1,3-1,4 м. Названия *Са цIига* и *КIве цIига*, надо полагать, поздние, возникшие после проникновения в сел. Кубачи ислама. Сами башенки хорошо видны из этого селения.

Еще один большой курганообразный холм (рис. 36) находится северо-

западнее верхнего квартала старой части Кубачи, примерно в 1,5 км от нее по пешеходной тропе из Кубачи в соседнее сел. Ураги. Задернованные холм и окружающие его ров и вал занимают вершину горы, называемой у кубачинцев *Табалла муда*, что значит «холм (вершина) молчания». Датируется предварительно тем же временем, что и *Са цIига* и *КIве цIига*. Размеры холма составляют: высота 3,6 м от уровня рва, диаметр основания 24 м. На вершине холма имеется сравнительно ровная площадка, диаметром 8 м. В центре ее заметна впадина. Ширина окружающего холм рва 3,5 м. Высота вала от уровня рва на разных участках составляет от 1,0 м до 1,5 м.

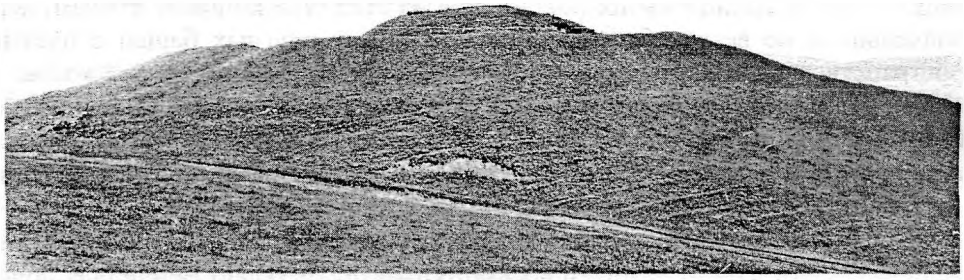

Рис.36. Курганообразный холм-дахма(?) на вершине горы Табалла муда близ сел. Кубачи.

С северо-восточной стороны основания холма четко видны следы дороги, ведущей вниз по склону горы к источнику питьевой воды *Бяцила*. Дорога, протяженностью более 300 м, выглядит в виде оплывшей глубокой траншеи, хорошо заметной еще издали. Ширина траншеи по верхним краям 4 м, глубина местами достигает до 1,5 м. С юго-западной стороны холма тоже сохранились остатки дороги в виде узкой колеи, ведущей, петляя по горному склону, к курганообразным холмам на горе *ЦIицила* и в сел. Амузги. Севернее этого селения, выше мусульманского кладбища имеется искусственный курганообразный холм, аналогичный кубачинским холмам.

Горные вершины *Табалла муда* и *ЦIицила* у кубачинцев, как уже отмечали, считаются заколдованными местами. По народным поверьям, там нельзя копать. Проф. А.А. Магометов отмечает, что ему в сел. Кубачи жители «говорили, что кто-то пытался вести раскопки *Са цIига*, но его охватила болезнь (*Бихьхьаже виче букIул биха*)»[19].

Не вызывает сомнений то, что холмы на горных вершинах *ЦIицила* и *Табалла муда* близ Кубачи являются специально сделанными особого рода сооружениями. Чтобы придать им необходимую форму вокруг холмов сделаны выборки довольно большого количества грунта и скальных пород. Кроме того, имеющиеся у оснований холмов *Са цIига* и *КIве цIига*, а на горной вершине *Табалла муда* во рву вокруг холма завалы камней со следами специальной обтески их для кладки стен, свидетельствуют о том, что вокруг холма были возведены какие-то круглые в плане сооружения из камней. Возможно, огораживающие валы вокруг холмов были увеличены в высоту каменной кладкой, чтобы хищные звери не могли выносить останки трупов за пределы *дахмы** во избежания осквернения окружающей местности.

Вероятность того, что рассматриваемые холмы в средние века служили *дахма*ми существенно усиливается не только сведениями Закарийа ал-Казвини о погребальных обрядах зирихгеранов, но и некоторыми данными, приводимыми К.А. Иностранцевым о древнеиранских погребальных обрядах и сооружениях[20]. К.А. Иностранцев пишет, что в Вендидаде, в той части Авесты, где говорится о погребальном обряде, предписания относительно зороастрийского ритуала не ограничиваются указанием выставлять покойников на дахмы для растерзания хищными птицами. Да и сами дахмы – места, куда выставляли зороастрийцы своих покойников на съедение хищным птицам, первоначально и не везде обязательно имели форму круглых башен с пустым пространством внутри для сбрасывания туда оставшихся от трупов костей – башен типа у современных парсов. Исследователи справедливо указывают на то, что на протяжении весьма длительного времени в той среде, где складывался зороастризм, допускалось известное многообразие погребальных обрядов[21].

К.А. Иностранцев приводит интересные для темы нашего исследования предписания Авесты из пятого и восьмого *фаргард*ов (глав) Вендидада почитателям Ахура-Мазды. На вопрос правоверных зороастрийцев, как поступить с умершим зимой человеком, когда нельзя сразу перенести тело на дахму, Ахура-Мазда отвечает: в каждом поселении возвести три помещения мертвых *ката* (нов.-перс. *кэдэ*) – один для мужчин, один для женщин и один для детей. Труп в этих помещениях мог находиться две ночи, три ночи, месяц, пока не полетят снова птицы, не зацветут растения, не потекут скрытые воды и ветер не высушит землю[22]. Эти помещения, отмечает К.А. Иностранцев, именуются *зад-марг* и сохранились ныне (т.е. в самом начале XX в. – М.М.) в парсийских городах Персии, а также Гузерате, где они называются *насахана*[23].

Далее К.А. Иностранцев приводит следующие выдержки из 6-го фаргарда Вендидада – на вопрос, куда понести мертвое тело и куда положить его, Ахура-Мазда отвечает: «На самые высокие места, о Спитама Заратуштра, туда, где известно пребывание хищных собак и птиц. Там почитатели Мазды прикрепят тело за ноги и волосы металлом, камнями или глиной, чтобы хищные собаки и птицы не разнесли кости на воды и растения»[24]. На основе анализа этого положения Вендидада французский исследователь Ж. Дармстетер при-

шел к выводу о том, что древнейшие дахмы могли быть естественными холмами[25].

О том, что зороастрийцы в Персии трупы выставляли на холмах, где их клевали хищные птицы, сообщают и китайские источники VI в. н.э.[26]

Таким образом, детали древнеиранского зороастрийского ритуала находят прямые параллели в погребальном обряде жителей Зирихгерана – Кубачи, описанном в средневековых восточных письменных источниках. Это дает возможность интерпретировать искусственные курганообразные холмы на вершинах гор *Цицила* и *Табалла муда* близ Кубачи как средневековые зороастрийские дахмы.

Описанный ал-Гарнати, ал-Казвини и ал-Бакуви своеобразный погребальный обряд у зирихгеранов основан на догматике и ритуале зороастрийской религии, «в которой концепция сакральной нечистоты всего мертвого занимала одно из центральных мест»[27]. Подобные религиозные верования и представления получили широкое распространение в древности у многих народов Средней Азии и Ирана, где согласно рекомендациям священных текстов Авесты, трупы выставлялись на съедение хищным птицам, а очищенные таким образом кости собирали и хранили в специальных урнах (гипсовых, керамических или каменных), называемых по-персидски *астодан*ы (*astodan* – букв. «костехранилище»), а по-латыни *оссуарии* (*ossuarium* – «костехранилище»).

Считалось, что после смерти человека его труп разлагается и оскверняет все вокруг. И во избежание осквернения «священных стихий» – земли, воды, огня и воздуха, которым поклонялись зороастрийцы, труп нельзя ни закопать в землю, ни утопить, ни сжечь, ни даже оставить надолго на открытом воздухе. Поэтому его выставляли на растерзание хищным птицам. В то же время «священные тексты» предписывали тщательно сохранять кости покойника, ибо в будущем, «в день обновления мира» умерший должен якобы воскреснуть[28].

Способы хранения костей покойников у разных народов, исповедовавших зороастризм, были различны[29]. Мешки, в которых зирихгераны хранили кости после очистки их от мягких тканей – это своеобразные «оссуарии типа, вполне допустимого зороастрийским ритуалом»[30].

В свете сказанного значительный интерес представляют данные кубачинского фольклора, в частности, сказки «Овцы аула Шири», в которой явно проступают, хотя и в трансформированном виде, некоторые черты зороастрийского погребального обряда зирихгеранов. Сказка, в публикации Ф.О. Абакаровой[31], такова: «В местности *Цице* сидело трое кубачинцев и жарили овечье мясо. Остановились двое ширинцев, которые возвращались в свой аул.

– Садитесь, кушайте сколько хотите мясо, только костей не выбрасывайте, кладите в эту шкуру, – сказали кубачинцы. Ширинцы хорошенько наелись мяса, один клал кости, как просили кубачинцы, в шкуру, а другой взял и выбросил далеко.

Когда уже все кончили кушать, встал кубачинец, взял шкуру, где были кости и начал болтать. Шкурка оживилась, превратилась в овцу и она, сильно

прихрамывая на одну ногу, побежала в сторону аула Шири. Кубачинец обратился к тому ширинцу, что выбросил косточку:

– Ты нас не послушался и выбросил кости ноги, и овцу сделал хромой. Теперь у вас в ауле все овцы будут хромые.

И на самом деле, говорят, с тех пор в ауле Шири все овцы на одну ногу хромают».

В этой сказке обращает на себя внимание то, что действие происходит на горе *Шицила*, где расположены описанные выше холмы, имеющие прямое отношение к средневековому зороастрийскому погребальному обряду зирих-геранов. Затем, в ней ясно выражено предписание Авесты относительно необходимости собирания и хранения костей после их очищения от мягких тканей (мяса), а это, в свою очередь, находится в непосредственной связи с идеей воскресения.

Вопросами зороастризма у кубачинцев интересовался известный русский археолог, граф А.С. Уваров (1825-1884 гг.), посетивший Дагестан накануне V археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. В курганах, раскопанных А. Русовым и Н. Цилоссани близ г. Дербента, он выявил обряд погребения «с расчленением» и поставил его в прямую связь с зороастризмом[32]. Для подтверждения своего вывода о том, что подкурганные погребения близ Дербента совершены по зороастрийскому обряду и для доказательства того, что в то время в Дагестане получил распространение зороастризм, А.С. Уваров обратился к сведениям, касающимся сел. Кубачи. Жителей этого селения он относил к «племени, совершенно чуждому другим дагестанским племенам»[33]. Касаясь происхождения кубачинцев, А.С. Уваров приводит легенду, согласно которой когда-то «они были вызваны из Рума[34] как опытные оружейники каким-то владетелем южной приморской части Дагестана и поселены были близ самого Дербента». Рассказывая далее о кубачинцах, он отмечает, что у них «однажды потерялся бык, которого потом нашли на том месте, где теперь стоит их аул. Так как подобная находка быка повторилась трижды, то Кубачи поняли это как указание, сделанное им с небес и переселились на предназначенное место. … Этот бык, – отмечает А.С. Уваров, – считающийся Кубачами небесным предзнаменованием, напоминает о первобытном быке, от которого, согласно учению Заратуштры, произошли все плоды земные. Следовательно, – заключает А.С. Уваров, – Кубачи придерживались маздеизма»[35].

В подтверждение сказанного А.С. Уваров ссылается на находящееся в сел. Кубачи двухъярусное каменное строение, внутренние и внешние стены которого «покрыты обронными (рельефными – М.М.) изображениями людей, всадников, хищных зверей, птиц, драконов, змей и пр., … сделанных под непосредственным влиянием Персии»[36]. А.С. Уваров приводит также сведения ал-Гарнати и ал-Казвини, писавших о зороастрийском погребальном ритуале кубачинцев, по-своему изменивших, как он считает, «первоначальный обряд по закону Заратуштры»[37].

Как отмечает известный российский археолог, чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаев, основные положения работы А.С. Уварова «Курганы с расчленением близ г. Дербента», доложенные на V археологическом съезде, были приня-

ты рядом исследователей[38], а впоследствии вошли в сводные археологические курсы[39]. Детально исследовав вторичные захоронения, выявленные в Дагестане и на Кавказе в памятниках II тыс. до н.э., Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов пришли к заключению, что «стремление связать появление обряда вторичных захоронений в расчлененном состоянии на Кавказе с распространением здесь маздеизма, как это пытался сделать А.С. Уваров, не выдерживает никакой критики»[40].

Нельзя признать верным мнение А.С. Уварова и о том, что различные изображения людей, животных, птиц и фантастических существ, украшавшие «двухъярусное каменное строение» в сел. Кубачи сделаны «под непосредственным влиянием Персии». Влияние искусства Ирана на искусство Кубачи необоснованно преувеличено. Впрочем, это характерно не только для А.С. Уварова, но и ряда других исследователей XIX-XX вв.

Зороастризму в средневековом Дагестане посвящена специальная статья философа Г.М. Курбанова[41], которая, к сожалению, содержит немало неточностей и ошибок. Здесь нет надобности подробно останавливаться на них, поэтому рассмотрим те из них, которые имеют непосредственное отношение к Зирихгерану – Кубачи.

Г.М. Курбанов много внимания уделяет вопросу почитания дагестанцами огня, а это обстоятельство приписывается зороастрийской религии. Известно, что для этой религии действительно характерно почитание священного огня – «символа чистоты, очищения, освобождения от скверны»[42]. Однако, присущий народным языческим верованиям и обрядам культ огня, домашнего очага[43], уходящий своими корнями в первобытную эпоху, нельзя приписывать исключительно зороастризму. Пережитки почитания огня и домашнего очага в разной степени сохранности бытуют в народной среде вплоть до современной этнографической действительности. Проявление культа огня у разных дагестанских народов в весеннем празднике Навруз (у кубачинцев этот праздник, справляемый как новогодний праздник, носит название *Абла бе* «Весенний день»)[44], проникшем в Дагестан из сасанидского Ирана, где зороастризм являлся государственной религией, довольно подробно описано этнографом А.Г. Булатовой[45].

Многие памятники архитектуры средневекового Дагестана, в том числе и сел. Кубачи, Г.М. Курбанов связывает с зороастрийскими храмами огня *атурашан*ами. К ним же он относит средневековые башни у селений Зубанчи и Ицари (рис. 37) Дахадаевского района, местоположение и архитектурные особенности которых будто бы дают ему основание для вывода об их культовом предназначении. На самом деле именно месторасположение и архитектурные черты упомянутых башен как раз говорят об обратном – о том, что они являлись сигнально-сторожевыми сооружениями на подступах к Зубанчи и Ицари. Подобные сигнально-сторожевые башни в горном Дагестане, да и на всем Кавказе, известны в огромном количестве[46], причем и в тех районах, где бытование когда бы то ни было зороастрийской религии исключается. Поэтому нет никаких оснований зубанчинскую и ицаринскую башни связывать с зороастризмом. К тому же эти башни были возведены тогда, когда жители селе-

ний Зубанчи и Ицари исповедовали ислам. Башню у сел. Зубанчи (в южной стене второго этажа которой имеется *михраб*, подобный устраиваемым в мечетях михрабам) архитектор А.Ф. Гольдштейн датирует XIII-XIV вв., а башню в сел. Ицари – XV-XVI вв.[47]

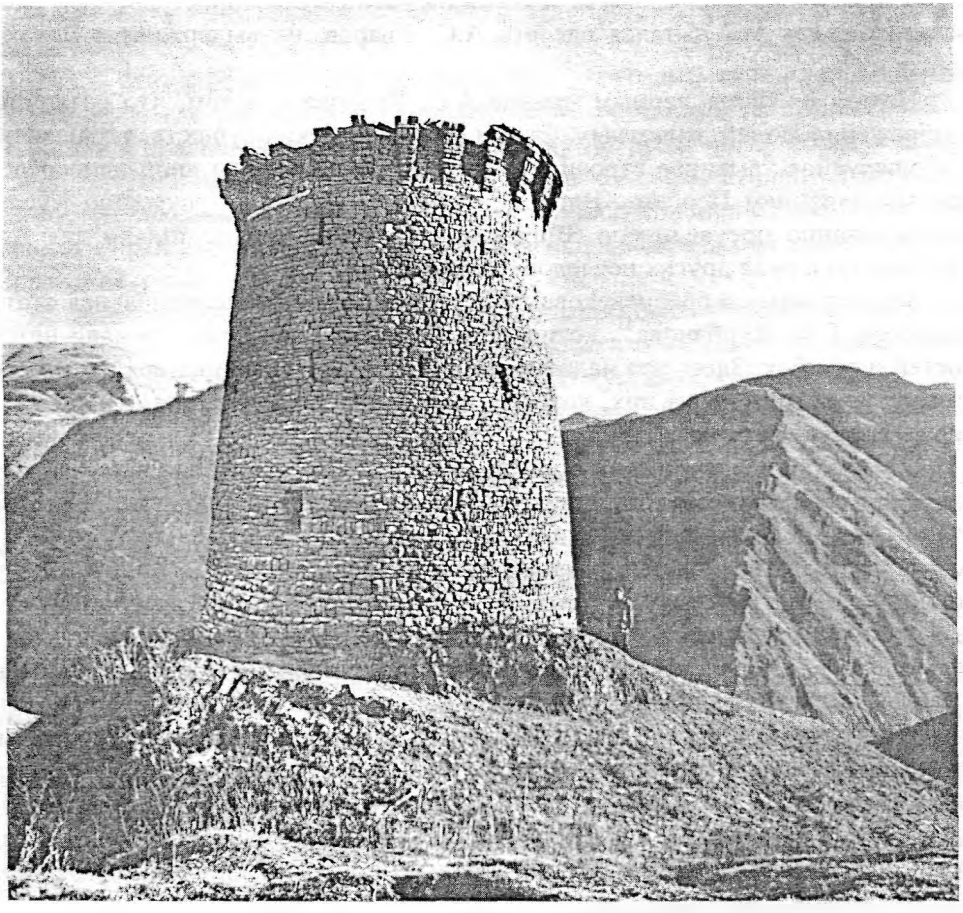

Рис.37. Круглая оборонительная башня XV в. на окраине сел. Ицари.

Некомпетентными являются рассуждения Г.М. Курбанова о средневековых каменных рельефах XIV-XV вв. из сел. Кубачи, якобы «когда-то украшавших зороастрийские храмы огня». Противореча самому себе, автор рассматриваемой статьи тут же, в следующем после приведенной цитаты предложения утверждает, что «всемирно известные кубачинские барельефы, а их, по подсчетам А. Иванова, более 500, по преданию, украшали древний языческий храм. На них изображены львы, олени, кони, птицы, грифоны, олицетворяющие зороастрийских богов». А затем, через строку Г.М. Курбанов заявляет, что «каменные барельефы из Кубачей, а также известные резные двери из Калакорейша украшали зороастрийский храм огня». Эти положения повторя-

ются и в книге М.Р. Курбанова и Г.М. Курбанова «Религии народов Дагестана. История и современность»[48].

Рис.38. Каменный тимпан из сел. Кубачи с изображением оленя (голова преднамеренно сбита) и псевдонадписью в полукруге. XIV в. Высота по центру 66 см, ширина внизу 102 см, толщина 11 см. ДГОМ.

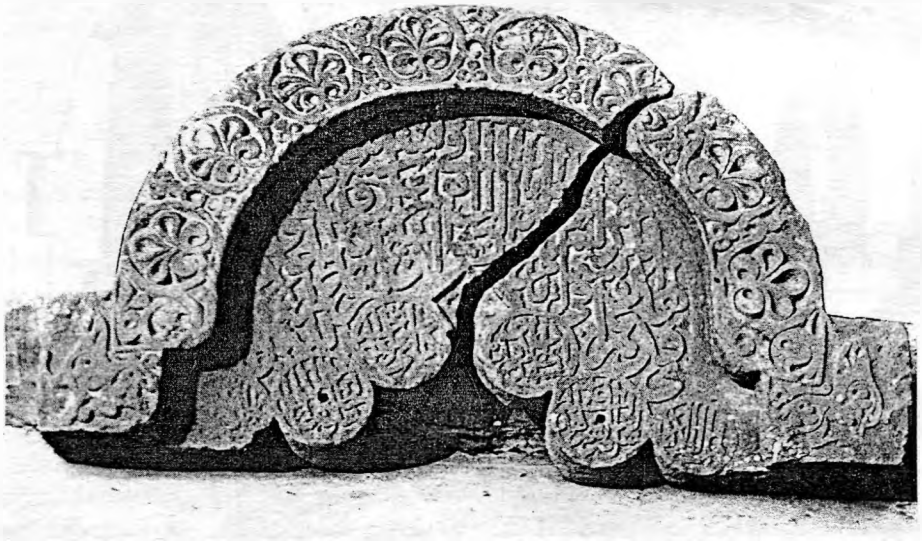

Рис.39. Каменный дверной тимпан 807 г.х. / 1404-05 гг. с арабской надписью о строительстве в сел. Кубачи медресе, растительным орнаментом и изображениями животных (на нижних боковых выступах). Высота 76 см, ширина внизу 144 см. ДГОМ.

Читая все это, невольно возникает множество вопросов. Если рельефы (термин барельеф не применим ко всем резным камням сел. Кубачи) украшали языческий храм, то как же воспроизведенные на них изображения львов, оленей, коней и других животных могли олицетворять зороастрийских богов? Как же согласуются утверждения М.Р. Курбанова и Г.М. Курбанова о принадлежности кубачинских каменных рельефов зороастрийскому храму огня, когда рядом с изображениями тех же животных, которых они считают олицетворением зороастрийских богов – с изображением льва, кабана, оленя, всадника и др. имеются арабские надписи или эпиграфический орнамент (рис. 17,38,39,52,58), выполненный арабскими буквами? Или же как объяснить тогда то обстоятельство, что на многих рельефах высечены декоративные арабские надписи, художественно и стилистически связанные с арабскими надписями на синхронных им мусульманских надмогильных памятниках?

То, что средневековые кубачинские каменные рельефы не имеют отношения к зороастрийским храмам огня свидетельствует хотя бы то, что они созданы в XIV-XV вв. (за исключением сравнительно небольшого числа их, относящихся к XIII в.), когда в сел. Кубачи ислам укрепился настолько прочно, что в самом начале XV в. здесь было построено здание мусульманского учебного заведения – *медресе*, о чем сообщается в арабской надписи, высеченной на каменном рельефе (тимпане) в 807 г. хиджры / 1404-05 г., который украшал вход в это медресе (рис. 39).

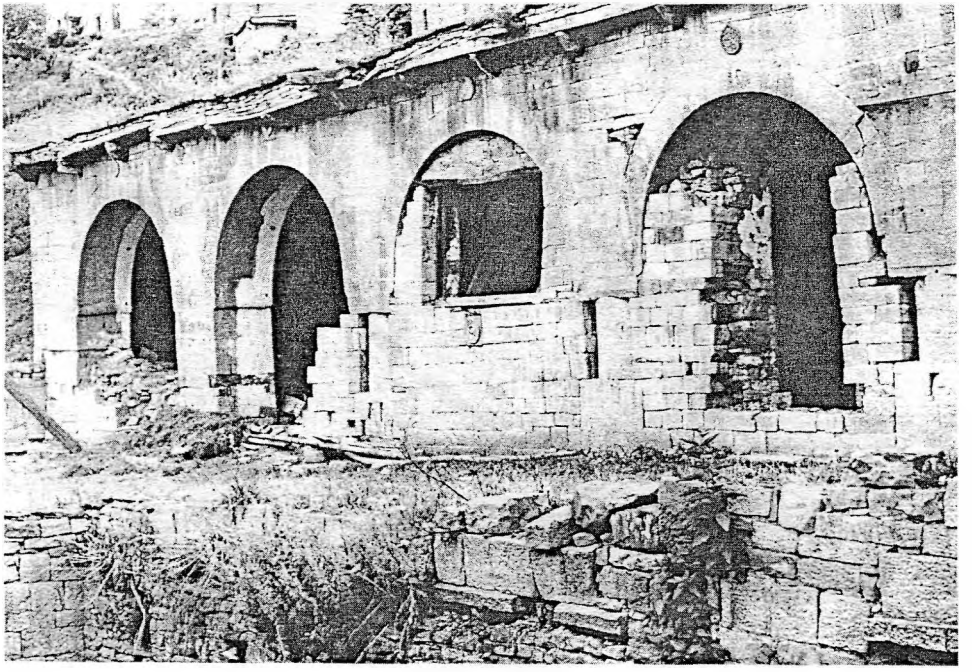

Рис.40. Полуразрушенная Джума-мечеть (Хала-мишит – «Большая мечеть») в нижнем квартале сел. Кубачи. XV в. Вид с юга.

Рис.41. Южный фасад восточной части Джума-мечети (Хала-мишит – «Большая мечеть») в нижнем квартале сел. Кубачи. В кладке стены второго этажа – резные камни XV в. с арабскими надписями и растительным орнаментом.

Кстати, на этом же дверном тимпане, на его боковых выступах воспроизведены профильные изображения львов (головы их отбиты позднее изготовления тимпана). По Г.М. Курбанову выходит, что и эти изображения олицетворяют зороастрийских богов, а сам тимпан украшал зороастрийский храм огня?

В сел. Кубачи в полуразрушенном состоянии до сего дня стоит Джума-мечеть, или Большая мечеть (*Хала-мишит*, как называют ее кубачинцы) (рис. 40,41), в кладке восточной стены которой сохранился рельеф с датой ее строительства в 881 г.х. / 1476-77 гг. (рис. 42). В кладке этой и других стен мечети сохранились в своих первоначальных местах более десяти каменных рельефов с растительным орнаментом и арабскими надписями. Если следовать логике рассуждений Г.М. Курбанова, выходит, что и эти рельефы в числе упомянутых свыше 500 рельефов, украшали зороастрийский храм огня? Десятки каменных рельефов с растительным орнаментом и арабскими надписями (рис. 43) украшают также стены других, квартальных мечетей, сохранившихся в нижней части сел. Кубачи (*Кякябала мишит*, *Хьуннала мишит* – Женская мечеть, *Хьащала къатла мишит* – Мечеть самого нижнего квартала). Они тоже связаны с зороастрийским храмом огня?

Вся религиозная система зороастризма была пронизана дуалистическими представлениями, которые нашли своеобразные отражения в произведениях искусства стран Ближнего Востока – в настенной живописи (фрески III в. н.э. в Дура–Европос в Сирии), сасанидской глиптике, торевтике и наскальных

Рис.42. Каменные рельефы в наружной кладке 2-го этажа восточной стены Джума-мечети в нижнем квартале сел. Кубачи. Слева, на прямоугольном каменном блоке – арабская надпись с датой строительства мечети в 881 г.х. / 1476-77 гг.

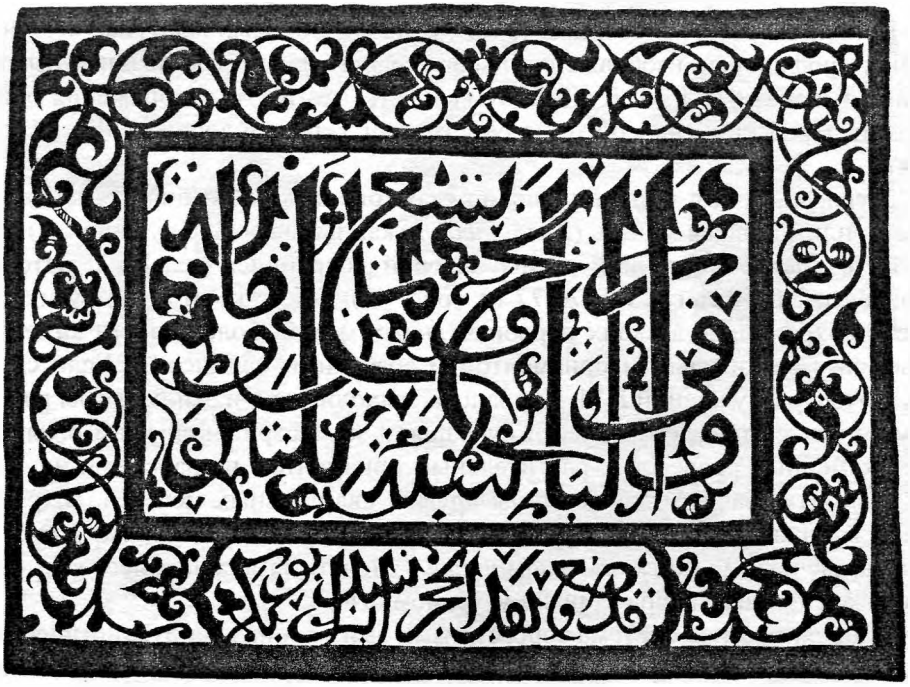

Рис. 43. Каменный рельеф в восточной стене 2-го этажа женской мечети в сел. Кубачи с именем мастера Асад ибн Абу Бакр и датой 839 г.х. / 1435-36 гг. 27,5×36 см.

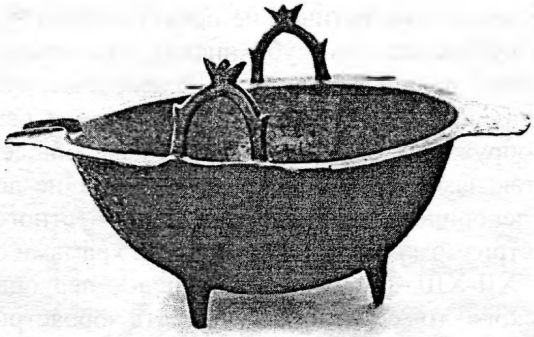
рельефах[49]. Подобные же дуалистические представления воплотились и в отдельных сюжетах средневековых кубачинских каменных рельефов (сцены борьбы льва и дракона, орла и змеи и др.)[50]. В целом же, кубачинские средневековые каменные рельефы, украшавшие культовые и светские постройки, оборонительные сооружения, жилые дома, а также общественные строения дворцового типа, так называемые *Хала хъулбе* (Большие дома), представлявшие собой богато декорированные здания органов местного самоуправления, не связаны с зороастризмом или зороастрийскими храмами огня.

Резные двери XII-XIII вв. из Калакорейша[51], первоначальной столицы уцмийства Кайтагского, тоже не могли украшать зороастрийский храм огня, так как с самого начала изготовления они были предназначены именно для Калакорейшской соборной мечети, подвергнутой превосходной декоративной отделке резным деревом и камнем, а также штуковыми рельефами, а пол ее был убран коврами.

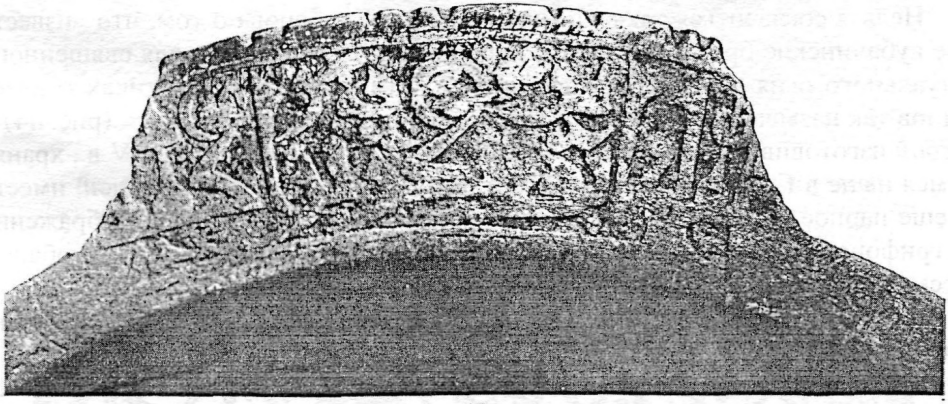
Нельзя согласиться также с мнением Г.М. Курбанова о том, что «известные кубачинские бронзовые котлы представляют собой чаши для священного ритуального огня» зороастрийцев, хотя бы потому, что на бортиках многих котлов так называемого открытого типа имеются арабские надписи (рис. 44) с *нисбой* изготовивших их мастеров. А на одном из таких котлов XIV в., хранящемся ныне в Государственном Эрмитаже, помимо арабской надписи, имеется еще парное рельефное изображение грифонов[52], аналогичных изображениям грифонов на каменных рельефах того же времени, которых Г.М. Курбанов рассматривает как олицетворение «зороастрийских богов».

Нельзя считать верным и другое утверждение автора о том, что «около селения (Кубачи – М.М.) обнаружены и могильники с каменными ящиками – астоданами». Об этом же пишут М.Р. Курбанов и Г.М. Курбанов в книге «Религии народов Дагестана»[53]. Каменные ящики близ сел. Кубачи нельзя рассматривать как зороастрийские *астодан*ы-костехранилища. Погребальные сооружения в виде каменных ящиков (конструкция из вертикально поставленных вдоль и поперек каменных плит, перекрытая сверху каменными же плитами), как один из древнейших типов погребальных конструкций, известны в Дагестане с эпохи поздней бронзы (XV-XI вв. до н.э.). Особенно характерны каменные ящики для племен каякентско-хорочоевской культуры позднебронзового века[54]. С этого времени они бытовали вплоть до средневековья[55]. Они исследованы дагестанскими археологами в различных районах республики. Связывать каменные ящики, а также упоминаемые Г.М. Курбановым каменные склепы близ сел. Усища, Уркарах, Калакорейш, Верхний Каранай с зороастрийской религией недопустимо. Для этого нет абсолютно никаких оснований. И каменные ящики и склепы, исследованные в Дагестане – это погребальные сооружения, связанные с языческими обрядами захоронения умерших и отражающие первобытные идеологические воззрения древних дагестанских племен. Специальные ящики (урны) – костехранилища, так называемые *оссуарии*, или *астоданы*, а также особые погребальные сооружения – склепы («дома мертвых», средние размеры их 16 кв. м), так называемые *наус*ы (куда помещали оссуарии), получившие распространение в Средней Азии,

institutеofhistory.ru

А

Б

В

Рис.44. Бронзовый котел открытого типа. XIII в. Сел. Кубачи. Коллекция М.А. Канаева. А – общий вид. Б – арабская надпись на выступе бортика. В-прорисовка той же надписи: «Сделал Абу Бакр б. Ахмад Марвази». Высота 20 см, диаметр устья 39-40 см, ширина горизонтального бортика 2,5 см, ширина выступов бортика 6,5 см, высота ручек 9 см.

особенно в Хорезме, где до арабских завоеваний бытовала зороастрийская религия, на Кубачино-даргинском нагорье неизвестны. Лишь сравнительно недавно вблизи Дербента открыт скальный погребальный комплекс – *дахма*, включающая камеры для выставления трупов и костехранилище – *астодан*[56]. Как отмечает М.С. Гаджиев, «определенные аналогии этому памятнику в немалом количестве представлены на территории Ирана, в особенности в южной провинции Парс (Фарс), и в их числе относящиеся к позднесасанидскому времени ...».

Зороастрийские оссуарии (астоданы), найденные в Средней Азии, имеют самые разнообразные формы и изготовлены, как уже отмечали, из алебастра, глины и камня. Последние высечены из целых каменных блоков, имеют форму прямоугольных ящиков на четырех невысоких ножках и закрывались крышками усеченно-пирамидальной формы. Средние размеры ящиков – длина 60-70 см, ширина 30-35 см, высота 40 см. А каменные ящики, о которых пишет Г.М. Курбанов, имеют совершенно другую конструкцию и другие размеры. Они не связаны с зороастрийским погребальным обрядом.

Рассмотренные выше положения и выводы Г.М. Курбанова не вытекают из имеющихся фактических данных. Автор не считается с существующими мнениями других авторитетных исследователей относительно средневековых сигнально-сторожевых оборонительных башен селений Кубачи, Зубанчи и Ицари, кубачинских каменных рельефов XIII-XV вв., литых бронзовых котлов того же времени, дверей XII-XIII вв. калакорейшской мечети, различных типов погребальных сооружений, связанных с языческими погребальными обрядами и т.д. Приводимые им сведения о степени распространения зороастризма в средневековом Дагестане преувеличены. Все имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в Дагестане зороастризм не получил такого широкого распространения, как это считает Г.М. Курбанов. Права чл.-корр. АН СССР, проф. К.В. Тревер, которая отмечала, что насильственно вводимый сасанидскими правителями зороастризм в Албании (куда входило и Кубачино-даргинское нагорье) не имел местных корней и поэтому широкого распространения получить здесь не мог[57].

Зороастризм в раннесредневековом Дагестане в наибольшей степени распространился в сел. Кубачи и в крупнейшем опорном пункте сасанидского Ирана в городе Дербенте, гарнизон и административно-чиновничий аппарат которого состоял из персов. Но и в этом городе зороастризм оставался религией завоевателей, религией иранских феодалов, чиновников, военных переселенцев[58]. Основная же часть неиранского населения исповедовала христианство[59]. А со второй пол. V в. н.э. Дербент становится одним из оплотов христианства на Восточном Кавказе и одним из центров борьбы против учения магов, т.е. последователей учения Заратуштры.

Немало неточностей и натяжек имеется и в вышедшей в 1998 г. книге Г.М. Курбанова, специально посвященной зороастризму в средневековом Дагестане. И в этой работе автор старается доказать, что погребальные сооружения в виде каменных ящиков и склепов, выявленных археологическими исследованиями в разных пунктах Дагестана (вблизи селений Тарки, Гапшима,

Агачкала, Дургели, Сумбатль и др.) имеют непосредственное отношение к зороастризму[60].

Вызывает возражения стремление Г.М. Курбанова связать исключительно с «маздаитским искусством»[61] сцены преследования драконом оленя, борьбы льва с драконом (рис. 45) и другие, воспроизведенные на кубачинских каменных рельефах XIV-XV вв. Хотя в сцене борьбы льва и дракона, высеченной на одной из каменных архитектурных деталей из сел. Кубачи, нашли отражение дуалистические воззрения населения средневекового времени о борьбе противоположных сил, добра и зла, света и мрака, тем не менее, интерпретировать кубачинские рельефы с указанными сценами как произведения «маздаитского искусства» будет неверно, так как подобные сцены борьбы льва и дракона, нападения змеевидного дракона на оленя в различных изобразительных интерпретациях и семантически тождественные им сцены терзания орлом (или грифоном) змея в средние века получили распространение в широком ареале, в искусстве многих стран и народов[62].

Рис.45. Каменный рельеф из сел. Кубачи со сценой борьбы льва и змеевидного дракона. XIV-XV вв. 42×44 см. ГЭ. Прорисовка.

Г.М. Курбанов ошибается, когда он пишет, что «фарранг» – это самоназвание кубачинцев[63]. Такого самоназвания у жителей сел. Кубачи не существовало и не существует. Самоназванием кубачинцев является *угъбуг*, *угъбуганте*, *угъбугла уй* (мн. ч.), *угъбуган*, *гIугъбуган* (ед. ч.). В отношении кубачинцев жители соседних селений в прошлом (с XVIII в.) применяли прозвище *паранг* (*гIярбукIан-паранг*) в оскорбительном смысле, подчеркивая, что кубачинцы – европейцы, французы, а не даргинцы. Об этом термине несколько подробнее будет сказано еще ниже (в гл. VII). Г.М. Курбанов сначала искажает прозвище *паранг* и преобразовывает его в «фарранг». Потом это название возводит к среднеперсидскому понятию *фарра* и дает ему свое толкование, как означающее «блеск», «сияние». Затем из этого делается вывод: «в дагестанских, в частности, в даргинском языке «парх», «фарх» (сияние, блеск) подтверждает среднеперсидское происхождение термина»[64]. Мало-мальски сведущий читатель заметит, что Г.М. Курбанов прибегает к недопустимым в научных исследованиях натяжкам.

Во второй главе книги «Религии народов Дагестана», озаглавленной «Зороастризм в культуре народов Дагестана», М.Р. и Г.М. Курбановы кратко останавливаются на изображении единорога в сцене борьбы животных, высеченной на кубачинском каменном оконном тимпане XIV в., ошибочно датируемым ими XI в., и связывают его с зороастризмом[65]. При этом они не указывают, откуда взяты сведения, касающиеся интерпретации сцены борьбы льва и единорога, высеченной на упомянутом тимпане. Э.В. Кильчевская рассматривала этот сюжет как сцену нападения льва на лань[66]. Другое толкование и подробное описание этой сцены дано в нашей статье[67], где отмечается, что на тимпане изображена не лань, а единорог. В других работах по истории искусства Дагестана, кроме наших работ[68], образ единорога не рассматривается, название этого фантастического животного вообще не встречается. Но М.Р. и Г.М. Курбановы на статью не ссылаются, хотя в своей работе все сведения о единороге они заимствовали именно из этой статьи. Не трудно догадаться, почему так поступают М.Р. и Г.М. Курбановы. Во-первых, они хотят продемонстрировать свои обширные познания в области истории искусства Кубачи. Во-вторых, стараются скрыть от читателя откуда они заимствовали приводимые в их книге сведения об изображении единорога в средневековом кубачинском искусстве и в искусстве стран Востока, чтобы заинтересованный читатель не мог проверить, насколько они правы, связывая это изображение с зороастрийской религией. Если бы эти авторы сослались на нашу статью, то читатель мог бы легко найти ее и получить из нее более полную информацию об образе единорога в искусстве Дагестана и стран Ближнего Востока.

Хотя в Кубачи до проникновения и утверждения ислама бытовала зороастрийская религия (маздеизм), тем не менее, нет достаточных оснований памятники средневекового камнерезного искусства этого селения с изображением единорога в сюжетных композициях, так же, как и рассмотренные выше сцены борьбы льва и дракона, относить к произведениям «маздаитского искусства».

Сохранившиеся у кубачинцев вплоть до XX в. реликты, связанные с зо-

роастрийской религией, вместе с приведенными выше сведениями письменных источников, а также материальные следы, связанные с этой религией – остатки дахм на горных вершинах *Цицила* и *Табалла муда* близ сел. Кубачи, свидетельствуют о том, что проникший еще в раннем средневековье в Зирихгеран зороастризм занимал достаточно прочные позиции. Вопрос о пережитках зороастризма у кубачинцев и жителей соседних селений (Амузги, Сулевкент, Шири, Ашты и др., входивших в средние века в состав Зирихгерана) требует специального изучения. Здесь остановимся лишь на некоторых из них. Прежде всего, рассмотрим вопрос о образе красного быка, упоминаемого в легенде о происхождении кубачинцев, которую привел А.С. Уваров, и, как будет показано несколько ниже (гл. VII), еще ряд исследователей.

В хозяйстве населения Дагестана, основанном на земледелии и скотоводстве, с древнейших времен бык играл существенную роль, что нашло отражение в аграрных культах. Культ быка в его тесной связи с идеей плодородия, известный в Дагестане и на Кавказе с глубокой древности, сохранился вплоть до современности. Особенно ярко он проявляется в ритуальном обряде «выхода плуга в поле» – дагестанском земледельческом весеннем «празднике первой борозды»[69].

У кубачинцев следы почитания быка прослеживаются, хотя и в стертой форме, но достаточно отчетливо. В прошлом у них существовали представления о космическом быке, держащем на рогах землю[70]. В этой связи любопытным представляется кубачинское название радуги – *чяхярилла мукаче* («рог *чяхяре*»). Возможно, *чяхяре* в древности являлось божеством дождя, которое представлялось в образе рогатого существа, может быть небесного быка. Характерно, что у многих народов Кавказа символами властителей вод, земных и небесных, подающих обилие и плодородие, выступали бык и змея[71].

В распространенной легенде о происхождении кубачинцев, приводимой А.С. Уваровым в цитированной выше работе и другими авторами, проступает, на наш взгляд, тотемистическая основа культа быка. Описывая аналогичные легенды о быке, связанные с историей заселения тех или иных местностей Хорезма, освоения урочищ, возникновения городов и селений, Г.П. Снесарев отмечает, что «в связи с образом легендарного быка, в той или иной форме связанным с мотивом истории поселения людей, нельзя не вспомнить зороастрийских священных преданий, изложенных в Бундахишне, в частности, мифического быка, на спине которого переправлялись через озеро Вурукашу шесть родов освоителей новых земель»[72]. Подобные мотивы тотема-путеводителя зафиксированы исследователями у многих народов[73], в том числе и у европейских[74].

Те пережиточные явления, связанные с культовым значением быка, которые сохранились у кубачинцев, имеют, вероятно, определенную связь с религией Передней и Средней Азии, в частности, древнеиранских племен, для которой было характерно почитание мифического первозданного быка, давшего начало злакам и рогатому скоту. Как пишет К.З. Тревер, «в зороастрийских гимнах образы человека и быка лежат в основе всего сущего, – и в Малой Авесте, отражающей культуру уже земледельческого периода, бык и в жизни

и в культе играет первейшую роль. После смерти быка и его спутника Гайомарта, последовавшей от козней Ахримана, из тела быка произросли 55 видов зерна, 12 видов лечебных растений, а из семени его – бык и корова... А от Гайомарта произошли металлы, от семени его – первые мужчина и женщина»[75].

Реликтом тотемизма является, вероятно, встречающая у кубачинцев родовая фамилия, производная от названия быка – *Бугъахъалла* (Бугъа Мумяд, Бугъа Рабадан). *Бугъа* означает «бык», а суффикс *-хъалла* принадлежность к определенному роду (*тухуму*).

Из других реликтовых явлений, связанных с зороастризмом и сохранившихся в этнографической действительности кубачинцев, отметим и такие. Кубачинцы для обозначения яда употребляют термин *агъру*. У них же бытует выражение *«агърулла иццала»* (букв. «болезнь *агъру*»). Возможно, понятие *агъру* и выражение *«агърулла иццала»* имеют отношение к зороастрийскому Ангро-Майнью (Ахриману) – воплощению злых, враждебных сил, сеющему болезни, смерть и разрушение.

У кубачинцев сохранилась и такое проклятие *«Дахнад вах!»* – «Чтоб тебя накормили *дахне*!» Вероятно, слово *дахне*, означающее мертвечину, генетически восходит к зороастрийскому термину *дахма* («башня молчания»), означающему место выставления трупов на съедение птицам.

К пережиткам, имеющим непосредственное отношение к зороастризму, относятся представления кубачинцев и других народов Дагестана о *Турше* – звезде Сириусе, которые бытует по настоящее время. Согласно этим представлениям, с появлением на небосклоне летом, в самое засушливое время года (примерно 12-15 августа) звезды Сириуса (*Турше гьабхъун* – «взошло Турше»; ср.: *бац гьабхъун* – «взошла луна») происходят существенные перемены в погоде. Перемены эти связываются с сильным дождем *Турши*, называемым у кубачинцев *Туршилла ряхIмат*. После этого долгожданного обильного дождя происходит спад зноя, жары, исчезает духота, погибают вредные насекомые (слепни и др.), оживляется растительность, наполняются водой источники (колодцы).

Представления кубачинцев, связанные с Турши, являются, видимо, отголосками древних, более широко развитых представлений об этой звезде как о божестве дождя, близких к представлениям древних иранцев. В составной части Авесты – Яштах, представляющих собой собрание религиозных гимнов, прославляющих божества зороастрийского пантеона, «воспевается божество Тиштрия [звезда Сириус], связанное с дождями и разливами вод и рек»[76].

Иранский исследователь М. Авранга в работе «Праздники древнего Ирана» приводит зороастрийские сказания, касающиеся почитания Тиштрии, представляющие определенный интерес для нашей темы. Поэтому приводим их здесь. «Под именем Тир (или Тиштар) иранцы почитали звезду, по-видимому, Сириус, известную как «Звезда дождя», а также «Ангел дождя». ...В разгар лета, когда, как пишет М. Авранг, «от жажды разрывается сердце», растения горят, а деревья вянут, Тиштар, подобно посланцу бога, смотрит из-за горизонта и как бы посылает людям добрую весть, вселяет в них надежду.

От появления Тиштар до начала периода дождей проходит долгое время. В священных зороастрийских книгах говорится, что первые 10 ночей Тиштар является в виде 15-летнего юноши со сверкающими глазами, в течении следующих 10 ночей – в виде вола с золотыми рогами, а в последующие 10 ночей принимает образ белого прекрасного коня с золотыми ушами и золотой уздечкой, спешащего к морю Ворукаша, чтобы взять у него воды. Но див засухи Апауша в образе черной страшной лошади, с ушами, шеей и хвостом, лишенным волос, идет навстречу Тиштар.

Вблизи моря Тиштар встречает дива, и они долго сражаются. Тиштар вынужден отступить и испускает вопль, обращенный к богу: «Ох, горе для меня, стыд для религии Мазды, гибель для растительности …О Ахурамазда, окажи милосердие твоим рабам, дай силу, крепость и ловкость твоему ангелу дождя». После этого Тиштар снова бросается на дива Апаушу, которому на помощь приходят пери в образе хвостатых звезд (на осень приходится период «падающих» звезд). В конце концов Тиштар побеждает и отгоняет Апаушу от моря, издавая торжествующий клич. Тиштар входит в море, приводит в волнение воду, на море поднимаются волны, со стороны гор Инда встает туман, двигаются облака, начинает дуть ветер, который гонит перед собой облака, дождь и град падают на поля. В период битвы с дивом Апаушей в воздухе уже начинает чувствоваться перемена погоды: ощущается духота, небо становится мрачным, иногда сверкает молния и гремит гром, затем наступает период дождей»[77].

Рассмотрим еще один пример сохранения у кубачинцев пережитков зороастризма. Речь идет о почитании собаки, имевшем место в прошлом и сохранившимся до недавнего времени. Согласно мусульманской традиции, собака относится к числу нечистых животных. Соприкосновение верующего мусульманина с ней не допускается во избежание всякого осквернения.

В верованиях кубачинцев наряду с такими представлениями о собаке существовали и противоположные им, стадиально более ранние: считалось, что собака – животное чистое, оберегающее человека и спасающее его от всяких бед, поэтому о ней нужно проявлять заботу. Убивать ее нельзя ни в коем случае и человек должен кормить ее до естественной смерти. Считалось, что убившему собаку (также и орла) год не обернется без несчастья, беды. В том случае, когда в селении оказывалась злая собака, причиняющая большой вред людям, домашним животным и необходимо было во что бы то ни стало избавиться от нее, то ее убивал за небольшую плату (со стороны заинтересованного лица) бедный, нищий мужчина, считавшийся населением неполноценным. Причем убийство совершалось исключительно вне аула, вдали от жилья человека.

Существовал и такой обычай: если у собаки рождались щенята и хозяин не хотел иметь обильное собачье потомство, то щенята могли быть умерщвлены путем погребения их в землю еще до того, как они становились зрячими. Погребение же их после того, как становились зрячими, считалось большим грехом (*«хвалазиб манагь биха»*).

У кубачинцев существовало особо почтительное отношение к «четырех-

глазой» собаке *агъулбар*, т.е. собаке, имеющей над глазами два пятна, так как она, по поверьям, оберегает своего хозяина и его дом от злых сил.

Рис.46. Каменный рельеф из сел. Кубачи с изображением ритуальной сцены. XIV в. 24×29 см. ГЭ. Прорисовка.

Изображение собаки хорошо известно в искусстве кубачинцев периода средневековья. Оно представлено на резных камнях-деталях архитектурного декора и бронзовых котлах XIV-XV вв.[78] Среди этих памятников особый интерес представляет хранящийся ныне в Государственном Эрмитаже каменный рельеф XIV в., на котором высечена сцена жертвоприношения собаки (рис. 46). Ритуально-магическая сцена, запечатленная на этом камне, несомненно отражает существовавшие в средние века у кубачинцев верования, связанные с сакральным значением собаки.

Почитание собаки известно у многих народов. Однако сохранившиеся пережитки почитания собаки у кубачинцев имеют свои глубокие корни и связаны, вероятно, с зороастрийской религией. Как отмечает Г.П. Снесарев, «в представлениях этой религии собаке принадлежала исключительно важная роль. В той части Авесты, священного писания зороастрийцев, где говорится об обрядовой стороне и которая называется Вендидад или Видевдат, т.е. «против дэвов (злых духов) данная», целых две главы посвящены собаке, животному наиболее чистому и обладающему таинственной силой в борьбе против мрачного божества Ангро-Майнью и его духов; там, где находится собака, злые силы отсутствуют.

Когда умирал верующий зороастриец, к его постели подводили «четырехглазую» собаку, то есть такую, у которой над глазами имелись два пятна. Она считалась особенно подходящей для изгнания демона смерти Насу, который, вселяясь в умирающего, оскверняли все окружающее …Человеку предписывалось кормить собаку до ее естественной смерти. Убивать собаку строжайше воспрещалось. Она приравнивалась к верующему зороастрийцу»[79].

С зороастризмом связаны и различные проявления культа огня, сохранившиеся у кубачинцев в виде его различных пережитков. Отчетливо этот культ проявляется в упомянутом выше празднике Навруз (Новый год) – наиболее торжественного и почитаемого праздника зороастрийцев[80], именуемого у кубачинцев *Абла бе* («Весенний день»), проникшего в сел. Кубачи вместе с зороастризмом в период правления в Иране династии Сасанидов (III-VII вв. н.э.). Хотя культ огня, как уже отметили, явление широко распространенное, универсальное, но многие его проявления у кубачинцев и других дагестанских народов[81] можно связать именно с зороастризмом.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что сведения средневековых письменных источников, а также этнографические данные по пережиткам доисламских верований и обрядов у кубачинцев дает основание говорить о существовании в средние века у зирихгеранов зороастрийских религиозных представлений и своеобразного погребального обряда, сложившегося под влиянием зороастризма, проникшего из сасанидского Ирана. Однако с утверждением и упрочением в сел. Кубачи ислама этот обряд был вытеснен мусульманским обрядом захоронения. Приводимые в компилятивного характера сочинении автора XIV-XV вв. ал-Бакуви данные о зороастрийском погребальном ритуале зирихгеранов являются явным анахронизмом. Более достоверны сведения, приводимые автором XIII в. ал-Казвини, хотя они заимствованы у еще более раннего автора ал-Гарнати (XIIв.), судя по всему, основанные не на личных наблюдениях, а на сообщениях третьих лиц. Однако сомневаться в их достоверности нет оснований, тем более, что они дают точные и правдивые сведения о ремесленном производстве зирихгеранов. Сохранившиеся вблизи сел. Кубачи на вершинах гор *ЦIицила* и *Табалла муда* курганообразные холмы – специально сделанные особого рода сооружения могут быть поставлены в прямую связь, с учетом сведений восточных авторов, со средневековым зороастрийским погребальным обрядом зирихгеранов и рассматриваться их как своеобразные *дахмы* (наподобие «башен молчания»).

Можно уверенно полагать, что зороастризм в Зирихгеране–Кубачи имел свои местные специфические черты, отличающие его от зороастризма, получившего распространение в Иране и Средней Азии. Местной особенностью этой религии следует признать то, что зирихгераны хранили кости после их очищения от мягких тканей не в оссуариях – урнах, изготовленных из твердых материалов, как например, в Средней Азии, а в матерчатых мешках, которые вешались в специальных помещениях. Кроме того, религия эта в Зирихгеране–Кубачи была, вероятно, пронизана местными языческими верованиями и обрядами, пережитки которых отчетливо сохранились до середины XX в., а некоторые реликты их бытуют вплоть до наших дней.

§ 2. О проникновении христианства и иудаизма в Зирихгеран-Кубачи

Материальных следов христианства в средневековом Зирихгеране и конкретно в самом сел. Кубачи, как, например, в средневековой Аварии[82] или Дербенте[83], к настоящему времени не выявлены. То, что пишет А.Г. Гусейнов о находках в Кубачи «камней в форме крестов, которые довольно часто попадаются на территории кладбища при рытье могил»[84], является выдумкой, о чем уже было сказано выше. Неверно утверждение этого же автора о том, что «в Кубачах также сохранилось довольно много резных камней с изображениями животных и птиц, свидетельствующих о христианстве». Среди множества средневековых резных камней музейных собраний и сохранившихся в этом селении нет ни одного рельефа с сюжетом и образом, непосредственно связанным с христианским вероучением, подтверждающим наличие в XIII-XV вв. (этим временем датируются кубачинские резные камни – детали архитектурного декора с изображениями животных и птиц) в Зирихгеране–Кубачи христианской религии. Различные изображения животных и птиц, подобные тем, которые воспроизведены на кубачинских рельефах, в средние века получили распространение в искусстве разных конфессий многих стран и народов.

Нельзя согласиться и с мнением языковеда, проф. Л.И. Жиркова о том, что «в ауле Кубачи часто встречаются скульптурные памятники, связанные с христианством»[85]. Под скульптурными памятниками этот исследователь подразумевает кубачинские каменные рельефы и незначительное количество барельефов, среди которых, как уже отметили, нет ни одного памятника (рельефной скульптуры), который можно без каких-либо натяжек отнести к произведениям христианского искусства.

Вместе с тем, сведения восточных письменных источников (автора X в. ал-Масуди) и некоторые другие данные позволяют считать, что в раннем средневековье христианская религия проникла и в Зирихгеран.

Как известно, в начале IV в. христианство было официально принято албанской знатью во главе с царем Урнайром (ок.313-371 гг.), а в V-VII вв. в Кавказской Албании оно стало господствующей религией. Зирихгеран же входил в состав этого государства. В середине V в. в районе Чога, т.е. Дербента был создан епископат, выступавший распространителем христианства в Дагестане[86]. Как известно, в 552 г. престол главы христианской церкви Албании – католикоса был перенесен из Дербента в город Партав (Барда – с VI в. столица Кавказской Албании) в связи с активизацией набегов кочевников.

Проникновение христианства в Зирихгеран шло, как и во многие даргинские селения[87], вероятно, из южных областей Дагестана, через Дербент. В кубачинском языке название креста – *хач* восходит к армянскому *хач*. С этим связано и название одной из разновидностей средневековых кубачинских литых бронзовых котлов – так называемых *хач-ашак*[88], которые имеют на бортике четыре крестообразно расположенных горизонтальных выступа.

В «Истории Дагестана» отмечается, что «даже в IX-X вв., при господстве домонотеистических верований … христианские элементы сохранились в Кайтаге и Зирихгеране. Так, правитель Кайтага по имени Адзернарсе испове-

довал все три религии: в пятницу он молился с мусульманами, в субботу – с евреями, а в воскресенье – с христианами. В «царстве» была группа христиан, которая открыто могла заниматься проповедью»[89]. А.Р. Шихсаидов считает, что в Зирихгеране в X-XI вв. влияние христианства было более заметным, чем влияние ислама[90].

Существование христианства в Кубачи в раннем средневековье подтверждают и «чрезвычайно устойчивые местные народные предания»[91], о которых пишет Е.М. Шиллинг. В одном из таких преданий говорится, что некий шейх Али из сел. Шири был мусульманином, тогда как кубачинцы исповедовали христианство. С ними он постоянно воевал и был непобедим. Жена шейха, кубачинка, по настояниям родных выведала у мужа тайну. Он сказал ей: «Сто пуль (т.е. стрел – М.М.), которые в меня попадут, и сто кинжальных ран не причинят мне смерти. Но возьми *дитан* (мясной топор) и ударь меня по шее, тогда я умру. Если мне отрубят голову, сделайте памятник на том месте, куда она упадет». Вскоре после этого признания кубачинцы привязали *дитан* к длинной палке и нашли случай убить шейха[92]. По преданию, тело шейха было погребено в сел. Калакорейш, а голова в сел. Шири.

Е.М. Шиллинг отмечает, что в сел. Шири есть могила шейха, в недавнем прошлом широко почитаемая и стягивавшая к себе множество молельщиков[93]. Предание это имеет несколько вариантов[94] и до сих пор продолжает бытовать в сел. Кубачи. Оно отражает борьбу ислама с бытовавшим до него в Зирихгеране христианством.

В основе предания о борьбе шейха из сел. Шири с кубачинцами-христианами лежат, видимо реальные исторические события. Об этом свидетельствует то, что в дагестанском историческом сочинении «История Каракайтага», написанном в конце XV – нач. XVI в. (но в нем освещаются события, имевшие место в X-XV вв.), и дошедшем до нас в нескольких списках, переписанных в XIX – нач. XX в., среди памятных записей, сделанных на полях хроники, имеется такая запись «Семьсот пятый год (т.е. 1305-06 г. – М.М.) – дата исламизации Кубачи и убийства Хасана Правдивейшего в Шири. Между исламизацией Дагестана и исламизацией Кубачи будет пятьсот девяносто лет»[95]. Аналогичная запись имеется и среди памятных записей, сделанных на полях арабской рукописной книги, обнаруженной в сел. Верх. Чугли Левашинского района[96].

Свидетельством того, что Хасан из Шири (в кубачинском предании вместо Хасана фигурирует Али) является исторической личностью служит то, что на почитаемой могиле шейха в сел. Шири (о которой писал Е.М. Шиллинг) внутри мавзолея имеется надмогильный памятник в виде вертикально поставленной каменной плиты с закругленным верхом, на которой высечено имя Хасана ибн Мухаммада … ибн Шейха Шихаб ад-дина Сухраварди, убитого в 706 г. хиджры /1305-06 гг.[97]

В бою против кубачинцев-немусульман пал и кадий Дарго (Акуша-Дарго) Шейхмухаммад (событие это произошло до 1306 г.), о чем сообщается в той же «Истории Каракайтага»[98].

Следы былого антагонизма старой и новой веры – христианства и ислама

в Кубачи прослеживаются и в следующем: как пишет Е.М. Шиллинг, «на границе верхнего и нижнего кварталов на фасаде одного дома имеется древнее скульптурное изваяние, считаемое за изображение женщины. Эта женщина, по трактовке *хьащалла* (т.е. жителей нижнего квартала – М.М.), как бы кричит верхним – «вы гяуры», ибо те, по преданиям, медлили принять ислам, не желая расставаться с большими запасами свинины и сделались правоверными на целых 7 лет позже, чем нижние»[99].

Борьба двух «мировых» религий за свое господство и утверждение своего вероучения в массах нашла своеобразное отражение в различных преданиях и фольклоре у ряда других дагестанских народов[100]. С бытовавшим в прошлом у кубачинцев христианством могут быть связаны такие родовые фамилии как *Илленхъалла* – Ильяновы, *Багъданхъалла* – Багдановы.

В раннем средневековье христианство в «царстве» Зирихгеран и в самом Кубачи сосуществовало, по всей вероятности, с другими религиями – зороастризмом и языческими верованиями, как это имело место и в других областях Дагестана. Вместе с тем религия эта в Кубачи и Зирихгеране в целом не пустила достаточно глубоких корней. Да и в самой Кавказской Албании христианство не получило такого значительного распространения, как в Армении и Грузии[101]. Основная масса населения продолжала исповедовать языческие верования, сохранявшие в условиях архаического быта свое общественное значение и доминирующую роль[102].

Следует отметить, что вопрос о христианстве в сел. Кубачи рассматривался рядом исследователей и путешественников XVIII-XX вв. – Грабшем и Грулем, А. Ахвердовым, С. Броневским, П. Зубовым, Е. Вейденбаумом, А. Дирром в связи с выяснением вопроса о происхождении кубачинцев. На высказываемых указанными исследователями мнениях мы остановимся в главе VII. Здесь же отметим, что в выписках из сарептского архива о миссии моравских братьев Грабша и Груля в Кубачи в 1781 г. (об этом подробнее в гл. VII), опубликованных в 1823 г. С. Броневским и в 1829 г. Я. Потоцким[103], отмечается, что миссионеры нашли в этом селении остатки трех церквей, которые будто бы служат, помимо показаний самих кубачинцев, доказательством того, что «кубачинцы происходят от христиан» и что в прошлом эта народность исповедовала христианство.

Однако из приводимого Грабшем и Грулем описания построек и находящихся в кладке их стен камней «с непонятными надписями» видно, что сооружения эти не являлись церквами. «Над дверью одной из церквей находится надпись, в камне иссеченная, которую однако, ни сарептяне, ни тамошние жители разобрать не могли; только в середине сей надписи примечены были обыкновенные европейские (правильнее сказать, арабские) цифры, 1215.

Недалеко от той церкви находится другая, весьма высокая, из хорошего сеченного камня строенная, многою разною работою украшенная, которая переделана для жилья в пяти этажах. И в сей церкви находятся камни с надписями, коих никто из них разобрать не умел. У кубачинцев нет ни древних книг, ни других письменных известий. Они употребляют арабские буквы для письма турецкого, татарского и собственно своего языка»[104].

Приведенный текст позволяет полагать, что Грабш и Груль видели в бытность свою в сел. Кубачи средневековые каменные рельефы, украшавшие различные архитектурные сооружения. Пятиэтажное здание из хорошо обработанного камня, «многою разною работою украшенная», в кладке стен которого находились камни с надписями, коих никто разобрать не умел – едва ли можно считать остатками церкви. Вероятнее всего, это одно из сохранившихся к тому времени построек, может быть, так называемые *Хала хъулбе* («Большие дома»), богато отделанные каменной резьбой. А надписи эти, вне всякого сомнения, должны быть арабские (или же эпиграфический орнамент, основанный на арабской графике), те из них, которые сохранились до нас – надписи на тимпанах с борцами, со сценой нападения льва на кабана, с всадником (рис. 17, 38, 52, 58) и другие, вызывающие значительные затруднения в их чтении и переводе на русский язык.

Другие упоминаемые сарептскими миссионерами здания, являлись, скорее всего, мечетями, но не остатками церквей, тем более, что в XVIII в. сел. Кубачи являлось одним из известных центров мусульманской культуры. Христианство тогда было полностью вытеснено исламом. Грабш и Груль мечети называют церквами. Более чем сомнительно, что в конце XVIII в. в Кубачи сохранились остатки трех церквей. Поэтому упоминаемые этими миссионерами остатки церквей нельзя рассматривать как какое-либо свидетельство существования в то время христианства у кубачинцев, как это допускают П. Зубов[105] и другие авторы.

Однако представляется правдоподобным существующее доныне в сел. Кубачи предание о том, что здание женской мечети, находящееся в нижнем квартале старой части Кубачи, первоначально было церковью (*киласа*), а затем, после проникновения в это селение мусульманской религии оно было переделано в мечеть[106]. Переделка церквей в мечети в средние века практиковалась в Дагестане и странах Ближнего Востока[107]. Считается, что Джума-мечеть в г. Дербенте первоначально была церковью, а позднее, в первой пол. VIII в., она была преобразована в мечеть[108].

Все имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в средневековом сел. Кубачи из всех домусульманских монотеистических верований наиболее прочные позиции занял зороастризм, который противостоял христианству и старался его вытеснить.

Теперь остановимся вкратце на вопросе, касающемся иудаизма. В какой степени эта религия проникла в Зирихгеран, нет возможности достоверно установить, так как кроме сообщения арабского историка ал-Масуди о том, что зирихгераны «исповедуют различные религии: ислам, христианство и иудейство»[109], других данных нет.

Однако надо отметить, что среди традиционных личных имен кубачинцев встречаются имена, характерные для последователей иудейской религии, такие, как Сара (Тубче Сара, Алжан Сара), а также родовая фамилия *Изагялалхъалла* – Изгияевы, где суффикс - *хъалла* (как и в лакском -*хъул*[110]) выражает, как было сказано, принадлежность к конкретному роду, тухуму. Возможно, в этих именах запечатлены следы иудаизма, проникшего в «царство» Зирихгеран в

раннем средневековье, может быть из Дербента и Кайтага, но не пустившего здесь глубоких корней. Хотя в раннем средневековье иудаизм имел довольно значительное распространение – в Хазарском каганате в начале IX в. он был возведен в ранг государственной (официальной) религии[111], тем не менее, «религия иудеев в силу своей специфики»[112] не стала идеологией широких слоев населения Дагестана.

Представляет также интерес кубачинское название местности *ЖугьутIалла къаттала* (по-даргински *ЖугьутI къатти*[113]) на границе Кайтагского и Дахадаевского районов, по дороге из сел. Маджалис в сел. Уркарах. Топоним *ЖугьутIалла къаттала*, означающий «Ущелье евреев», вероятно, древнего происхождения и имеет непосредственное отношение к процессу распространения в средние века иудейской религии в глубь гор – в верхний Кайтаг и Зирихгеран.

Когда речь идет об иудаизме в средневековом Кайтаге и Зирхгеране, то надо иметь ввиду, что его исповедовали горские евреи, небольшая ираноязычная народность, с глубокой древности проживавшая в Дагестане. Большая часть горских евреев издавна проживала во многих горных дагестанских селениях совместно с даргинцами, аварцами, лезгинами, табасаранцами, кумыками, азербайджанцами и имела одинаковые с ними социально-экономические условия и общий уклад жизни и быта[114]. В некоторых селениях (Аглоби, Мугарты, Нюгди, Янгикент и др.) они жили отдельно.

В Дагестане горские евреи были известны «как хорошие кожевники, мастера по выработке сафьяна, скорняки, красильщики, жестянщики, шапочники и портные»[115]. Занимались они мелкой торговлей и посредничеством. Горские евреи, проживавшие в г. Дербенте, Хасавюрте и ряде селений равнинной части Дагестана, занимались виноградарством и садоводством. Живя в течение многих веков в горской среде, горские евреи восприняли большинство обычаев, нравов и традиций горцев, сохранив при этом иудейскую религию[116].

По сведениям голландского географа и путешественника Н. Витзена (1692 г.) только во владениях кайтагского уцмия было 15 тыс. евреев, исповедующих иудаизм[117]. Выше отмечалось, что правитель Кайтага Адзернарсе в пятницу молился в мусульманской мечети, в субботу – в иудейской молельном доме *нумазе* (синагоге), а в воскресенье – в христианской церкви. В конце XIX в. в Уркарахском наибстве проживало довольно значительное количество горских евреев. По официальным данным здесь насчитывалось 124 дыма с населением 509 чел., а в Кайтаге – еще больше: 263 дыма и 1004 жителя[118].

Нужно отметить еще то, что среди авторов XVIII в., писавших о происхождении кубачинцев, были и такие, которые принимали их за евреев. Такого мнения придерживался автор начала XVIII в. Ф.Д. Штраленберг, который ошибочно предполагал, что кубачинцы «исповедают иудейскую религию»[119]. А немецкий языковед и этнограф А.М. Дирр находил «еврейские черты в лице у женщин – кубачинок»[120].

Таким образом, сведения восточных письменных источников, данные дагестанских исторических сочинений, различные легенды и предания, фольклор и этнографические материалы свидетельствуют о том, что в эпоху средне-

вековья население «страны» Зирихгеран и ее центра сел. Кубачи исповедовало различные религии – зороастризм, христианство и иудаизм. Наряду с ними в народной среде продолжали бытовать и традиционные языческие верования.

Эти домусульманские верования в Кубачи не пустили достаточно глубоких корней. Из них наиболее прочные позиции занимал зороастризм. С проникновением и утверждением в этой «стране» новой мировой религии – ислама, домусульманские верования были вытеснены. Однако последователи иудаизма – горские евреи, на территории Кубачино-даргинского нагорья проживали вплоть до 60-70-х годов XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л., 1949. С. 13-14, 170, 199-201.

[2] Там же. С. 170.

[3] *Френ Х.Д.* О народе кавказском Кубечи // ЖМНП. 1848. № 8. Август. С. 89-90.

[4] *Орбели И.А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы // Избр. труды. Ереван, 1963. С. 349.

[6] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153). Публикация *О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта.* М., 1971. С. 50, 94.

[6] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати… С. 50-51.

[7] См.: *Шихсаидов А.Р.* Закарийа ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 105-116.

[8] Там же. С. 108-109.

[9] *Абд ар-Рашид ал-Бакуви.* Китаб талхис ал-асар ва `аджа`иб ал-малик ал-каххар («Сокращение [книги] о «памятниках» и чудеса царя могучего»). Издание текста, пер., предис., примеч. и прилож. З.М. Буниятова. М., 1971. С. 106-107.

[10] Там же. С. 6-7.

[11] *Бартольд В.В.* Еще о самаркандских оссуариях // Соч. Т. IV. М., 1966. С. 119-123; *Он же.* Дагестан // Соч. Т. III. М., 1965. С. 409.

[12] История Дагестана в 4-х томах. Т.1. М., 1967. С. 117, 146-149.

[13] *Магомедов Р.М.* История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968. С. 55; *Он же.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. I. Махачкала, 1999. С. 43-44.

[14] *Dorn B.* Über zwei für das Asiatische Museum erworbene Arabische Werke // MA. T. VI. Liwr. 5. 1872. C. 675-677.

[15] *Бартольд В.В.* Еще о самаркандских оссуариях. С. 122. См. также: Комментарии к сочинению ал-Гарнати А.Л. Монгайта (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати… С. 94) и *А.Р. Шихсаидова* (Шихсаидов А.Р. Закарийа ал-Казвини о Дагестане. С. 110-112).

[16] *Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 112.

[17] Там же. С. 109, 111.

[18] Списки памятников истории и культуры, выявленных нами в 1992-1994 гг. в Дахадаевском районе, находятся в Республиканском центре охраны памятников истории и культуры.

[19] Письмо А.А. Магометова из Тбилиси от 16.06.1995 г. к автору этих строк.

[20] *Иностранцев К.* О древнеиранских погребальных обычаях и постройках // ЖМНП. Новая серия. Ч. XX. Март 1909, СПб. С. 95-121.

[21] *Рапопорт Ю.А.* Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М., 1971. С. 24; Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). М., 1982. С. 57.

[22] *Иностранцев К.* Указ. соч. С. 98-99.

[23] Там же. С. 99.

[24] Там же. С. 100.

[25] См. там же. С. 100-101.

[26] Там же. С. 102.

[27] *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 129.

[28] *Ставиский Б.Я.* Между Памиром и Каспием (Средняя Азия в древности). М., 1966. С. 258.

[29] Там же. С. 259.

[30] *Casartelli I.C.* Astodans and Avestic funeral prescriptions // The Babylonian and Oriental Record: A Monthly Magazine of the Antiquites of the East. Vol. IV. № 7. june 1890. P. 145-153; *Монгайт А.Л.* Комментарии к сочинению ал-Гарнати // Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 94.

[31] См.: *Абакарова Ф.О.* Кубачинский фольклор. Махачкала, 1996. С. 141-142.

[32] *Мунчаев Р.М.* К истории археологического изучения Дагестана // МАД. Т. I. Махачкала, 1959. С. 11.

[33] *Уваров А.С.* Курганы с расчленением близ г. Дербента // Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887. С. 72.

[34] *Рум* – так часто на Востоке называли Византию.

[35] *Уваров А.С.* Указ. соч. С. 73.

[36] Там же.

[37] Там же. С. 74. А.С. Уваров пишет, будто бы ал-Масуди, арабский автор X в., наряду с ал-Гарнати и ал-Казвини, описывает погребальный обряд зирихгеранов. На самом деле у ал-Масуди нет описания этого обряда.

[38] *Мунчаев Р.М.* Указ. соч. С. 11.

[39] *Городцов В.А.* Бытовая археология. М., 1910. С. 339.

[40] *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Археологические памятники близ сел. Карабудахкент // Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. М.-Л., 1958. С. 161.

Интерпретация А.С. Уваровым некоторых погребений Паласа-сыртского могильника IV-V вв., исследованного Н.О. Цилоссани, как погребений с расчленением (*Уваров А.С.* Указ. соч. С. 71.) также не соответствует действительности. Как показали новые исследования этого могильника, проведенные Л.Б. Гмыря, за таковые им были приняты ограбленные и поэтому не имеющие анатомического порядка погребения (см.: *Гмыря Л.Б.* Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала, 1993. С. 44-133, 153-198).

[41] *Курбанов Г.М.* Зороастризм в Дагестане // Дагестанская правда. 1995. 21 октября. С. 3.

[42] *Васильев Л.С.* История религий Востока. М., 1988. С. 70.

[43] *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 59; Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971. С. 177; *Она же.* Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века. Л., 1988. С. 17, 26-29; *Трофимова А.Г.* Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем // СЭ. 1961. № 1. С. 148; Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991. С. 71-72, 81-86; *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 322; Шиллинг Е.М. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. Т. II. М.-Л., 1931. С. 12-13.

[44] Описание праздника *Абла бе* у кубачинцев см.: *Маммаев М.М.* Сюжет терзания в архитектурном декоре Зирихгерана-Кубачи XIV-XV вв. // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Сб. статей. Махачкала, 2000. С. 198-201.

[45] *Булатова А.Г.* Традиционные праздники и обряды... С. 17-29.

[46] *Закарая П.* Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969. С. 18-19, 24, 207-221; *Гольдштейн А.Ф.* Башенные сооружения горного Дагестана // Архитектурное наследство. Вып. 21. М., 1973. С. 175-188.

[47] *Гольдштейн А.Ф.* Указ. соч. С. 176, 178, 183-185; *Он же.* Архитектурные памятники Кайтага. Махачкала, 1969. С. 8-11. Рис. 5-6.

[48] *Курбанов М.Р., Курабнов Г.М.* Религии народов Дагестана. Махачкала, 2001. С. 42.

[49] *Тревер К.В.* Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма // ТОВЭ. Т.1. Л., 1939. С. 243-253; *Борисов А.Я., Луконин В.Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963. С. 34-38.

[50] *Маммаев М.М.* Дракон в средневековом искусстве Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Сб. статей. Махачкала, 1991. С. 159-161.

[51] *Башкиров А.С.* Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш // Труды САИ-АИ РАНИОН. Т.2. М., 1928. С. 118-130; *Он же.* Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931. Табл. 41-42; *Дебиров П.М.* Резьба по древу в Дагестане. М., 1982. С. 40-44. Рис. 52-55; *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала, 1989. С. 114-119. Рис. 189-195.

[52] Искусство Кубачи. Альбом. Автор-сост. *А. Иванов.* Л., 1976. Илл. 36-38; Иванов А.А. Кубачинский бронзовый котел XIV в. // СГЭ. 1977. Вып. XLII. С. 54-56.

[53] *Курбанов М.Р., Курбанов Г.М.* Указ. соч. С. 43.

[54] *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура. М., 1969. С. 30-40.

[55] *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 40-44.

[56] *Гаджиев М.С.* Исследования Дербентской археологической экспедиции в 2000 г. // Международная научная конференция «Археология и этнография Кавказа». Краткое содержание докладов. Баку, 2000. С. 37-39.

[57] *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. VII в. н.э. М.; Л., 1959. С. 293.

[58] *Кудрявцев А.А.* Средневековый Дербент как религиозный центр Восточного Кавказа // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1986. С. 124.

[59] *Кудрявцев А.А.* О месте духовенства в социальной структуре феодального Дербента // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 113.

[60] *Курбанов Г.М.* Зороастризм в средневековом Дагестане. Историко-философские аспекты. Махачкала, 1998. С. 92-93.

[61] Там же. С. 100-101.

[62] *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. М., 1975. С. 192-194, 263, 266. Илл. 299-300, 376; *Вагнер Г.К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. XIII век. М., 1975. С. 104-106, 135. Илл. 81.

[63] *Курбанов Г.М.* Указ. соч. С. 125-126.

[64] Там же. С. 126.

[65] *Курбанов М.Р., Курбанов Г.М.* Указ. соч. С. 43.

[66] *Кильчевская Э.В.* От изобразительности к орнаменту. М., 1968. С. 102.

[67] *Маммаев М.М.* О некоторых мифологических и фольклорных образах в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала, 1988. С. 102.

[68] *Маммаев М.М.* О некоторых мифологических и фольклорных образах... С. 98-104; *Он же.* Сюжет терзания в архитектурном декоре... С. 190-206.

[69] *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Указ. соч. С. 55-57; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 41-43; *Ихилов М.М.* Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 117-120; *Булатова А.Г.* Традиционные праздники и обряды... С. 43.

[70] *Шиллинг Е.М.* Указ соч. С. 14.

[71] Там же. С. 14; *Андрианов Б.* Бык и змея. У истоков культа плодородия // Наука и религия. 1972. № 1. С. 41-56.

[72] *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов… С. 314. См. еще: Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 294-295.

[73] *Биджиев Х.Х.* Трюки Северного Кавказа. Черкесск, 1993. С. 271-272.

[74] *Соколова З.П.* Культ животных в религиях. М., 1972. С. 37.

[75] *Тревер К.В.* Гопатшах – пастух-царь // ТОВЭ. Т. II. Л., 1940. С. 81.

[76] *Дорошенко Е.А.* Указ. соч. С. 26; *Брагинский И.С.* Из истории персидской и таджикской литератур. Избранные работы. М., 1972. С. 71-72.

[77] Цит. по: *Кисляков Н.А.* Некоторые иранские поверья и праздники в описаниях западноевропейских путешественников XVII в. // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973. С. 185-186.

[78] *Башкиров А.С.* Искусство Дагестана. Табл. 16, 67; *Кильчевская Э.В.* Указ. соч. С. 5. Рис. 1. С. 81. Рис. 37; Искусство Кубачи. Рис. 41, 45; *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. С. 50, 100-101. Рис. 76, 165-166.

[79] *Снесарев Г.П.* Люди и звери. Этнографические поиски в области культа животных // СЭ. 1972. № 1. С. 167; *Он же.* Реликты домусульманских верований и обрядов… С. 320-321.

[80] *Дорошенко Е.А.* Указ. соч. С. 70-71.

[81] *Булатова А.Г.* Указ. соч. С. 18, 26-29.

[82] *Шихсаидов А.Р.* О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. 3. Махачкала, 1956. С. 62-66; *Атаев Д.М.* Указ. соч. С. 196-214; *Марковин В.И.* О христианизации горцев Северо-Восточного Кавказа и храме Датуна в Дагестане // Художественная культура средневекового Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1987. С. 37-48; *Маммаев М.М.* Произведения средневекового искусства Дагестана, связанные с христианством // Христианские памятники в Дагестане. Махачкала, 2001. С. 23-38.

[83] *Гаджиев М.С.* Христианский некрополь в Дербенте // Христианские памятники в Дагестане. Махачкала, 2001. С. 4-22. рис. 1-12.

[84] *Гусейнов А.Г.* Кубачи и кубачинцы. Махачкала, 2000. С. 15.

[85] *Жирков Л.И.* Язык аула Кубачи // Уч. зап. Института этнических и национальных культур народов Востока. Т. 1. М., 1930. С. 255-256.

[86] *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969. С. 164.

[87] *Алиев Б.Г.* К вопросу о христианстве у даргинцев // Христианские памятники в Дагестане. Махачкала, 2001. С. 50, 56.

[88] *Орбели И.А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы // Избранные труды. Ереван, 1963. С. 350.

[89] История Дагестана в 4-х томах. Т.1. М., 1967. С. 165.

[90] *Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 192.

[91] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 13.

[92] Там же. С. 10-11. См. также: *Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // Известия ИРГО. Т. XX. Вып. 4. СПб., 1884. С. 410.

[93] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 8.

[94] См.: *Абакарова Ф.О.* Кубачинский фольклор. С. 250-251.

[95] См.: *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 251.

[96] Восточные источники по истории Дагестана. Сб. статей и материалов. Махачкала, 1980. С. 117.

[97] *Иванов А.А.* Персидские надписи из Кубачи // Rivista degli studi orientali. Vol. LIX. Fasc. I-IV. Roma, 1987. С. 220. Рис. III.

[98] *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М-Р.* Указ. соч. С. 153, 159.

[99] *Шихсаидов А.Р.* О проникновении христианства и ислама в Дагестан. С. 65; *Алиев Б.Г.* Указ. соч. С. 51-53.

[100] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 171.

[101] *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. С. 293.

[102] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 137.

[103] См.: *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть II. М., 1823. С. 323-324; *Он же.* Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доныне. Подготовка текста к изд., предисл., примеч., указатели И.К. Павловой. СПб., 1996. С. 170-172; *Potockij.* Voyage dans les steps d`Astrachan et du Caucase. Ouvrages publies et accompragnes de notes et de tables par Klaproth. Tome second. Paris, 1829. P. 106-117. Изложение содержания работы Я. Потоцкого см.: *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 217-218.

[104] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. С. 323-324.

[105] *Зубов П.* Картина Кавказского края ...Ч. III. СПб., 1835. С. 246.

[106] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 13.

[107] *Бретаницкий Л.С.* К истории искусства мусульманских стран // Сообщения ГМИНВ. Вып. VI. М., 1972. С. 13.

[108] *Артамонов М.И.* Древний Дербент // СА. 1946. № 8. С. 143; *Бретаницкий Л.С.* Зодчество Азербайджана XII-XV веков и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966. С. 159-160; *Хан-Магомедов С.О.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979. С. 130.

[109] См.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963. С. 203 (Приложение III. Масуди о Кавказе. С. 188-216).

[110] *Хайдаков С.М.* Фамильные имена, образованные от топонимов и нарицательных слов (на материале лакского языка) // Этнография имен. М., 1971. С. 103.

[111] *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 281; *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 179.

[112] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 135.

[113] Об этом топониме см. еще: Восточные источники по истории Дагестана. С. 114-115; *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX вв. Книга I. Махачкала, 1999. С. 261.

[114] *Авшалумова Л.Х.* Иудаизм и межнациональные отношения в Дагестане // Народы Дагестана. 1999. № 1. С. 35-36; *Она же.* Этнокультурное единство. Иудаизм в системе межконфессиональных и межнациональных отношений в Дагестане // Дагестанская правда. 2002. 14 августа. С. 1,3.

[115] *Ихилов М.М.* Горские евреи // Народы Дагестана. Сб. статей. М., 1955. С. 230.

[116] Там же.

[117] *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1692. P. 456.

[118] *Алиев Б.Г., Умаханов М-С.К.* Указ. Соч. С. 261.

[119] См.: *Френ Х.Д.* О народе кавказском Кубечи. С. 94; *Магометов А.А.* Даргинские этнонимы // Мацнэ. № 4. Серия яз. и литературы. Тбилиси, 1991. С. 139.

[120] *Дирр А.М.* Очерки по этнографии Дагестана. I. В Табасаранском округе. II. Кубачи. Тифлис, 1903. С. 10.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА V

ИСЛАМИЗАЦИЯ ЗИРИХГЕРАНА-КУБАЧИ

В истории культуры народов Дагестана ислам играл и ныне продолжает играть исключительно большую роль. Принятие дагестанцами ислама оказало огромное влияние на их исторические судьбы и на все сферы духовной культуры. Процесс исламизации горного края охватывал весьма длительный период с VII в. по XVI в. и завершился утверждением здесь мусульманской веры суннитского толка как официальной религии и идеологии[1]. Начиная с VII-VIII вв. Дагестан надолго оказался в сфере политического и культурного влияния стран арабо-мусульманского Востока. Вместе с мусульманством в Дагестан проникла высокая и передовая в условиях средневековья арабо-мусульманская культура, впитавшая в себя важнейшие достижения в области науки, философии, медицины, художественной литературы стран Ближнего и Среднего Востока. Ислам как всеобъемлющая система вероучения, права, морали и этики «стал составной частью культуры дагестанских народов, сыграв огромную роль в формировании духовной культуры и нравственных критериев»[2].

Вопросы исламизации Зирихгерана в целом и конкретно сел. Кубачи привлекали внимание многих исследователей. Для освещения этих вопросов учеными использовались различные данные – сведения восточных письменных источников и местных исторических хроник, эпиграфические памятники, легенды и предания. Многие крупные ученые к этим вопросам обращались в непосредственной связи с разработкой проблем проникновения мусульманской религии в Дагестан и исламизации дагестанских феодальных владений, союзов сельских общин и так называемых «вольных обществ», а также при освещении различных аспектов истории и культуры сел. Кубачи. При этом высказывались различные суждения относительно времени исламизации Зирихгерана–Кубачи.

Впервые вопрос о времени принятия кубачинцами ислама был поставлен известным русским востоковедом, профессором Петербургского университета, академиком Б.А. Дорном, побывавшим с научной целью в мае 1861 г. в селениях Кубачи и Калакорейш. На основе перевода арабской надписи, высеченной на каменном тимпане начала XV в.[3], обнаруженном в сел. Кубачи над входом в здание медресе, Б.А. Дорн писал, что «кубачинцы упорно защищались против ислама в общем вплоть до XIV столетия (старейшая достоверная

арабская надпись в Кубачах от 807 г.х./1404-05 гг.) и не платили никакой дани»[4]. В другой работе он писал более определенно: «Надпись 807 г.х./1404-05 гг., находящаяся на школе ... гласит, что эта школа была построена тогда, когда они (кубачинцы – М.М) примкнули к религии Аллаха. Следовательно, по этому указанию они стали мусульманами в указанный год»[5].

В переводе надписи на кубачинском тимпане из-за трудности разбора арабского текста Б.А. Дорном была допущена неточность, что привело к распространению неправильного взгляда, будто кубачинцы приняли ислам в начале XV в. Такого мнения придерживались многие ученые – Р.Ф. Эркерт[6], А.Н. Генко[7], Е.М. Шиллинг[8], Р.М. Магомедов[9], А.Р. Шихсаидов[10] и другие.

В 1963 г. востоковед Л.И. Лавров опубликовал новый перевод арабской надписи на упомянутом тимпане, которая гласит: «И построено это благородное медресе в дни поражения этой страны чумой, в восемьсот седьмом году. Установления и устои жизни – религия Аллаха»[11]. В 1963 г. эта же надпись на тимпане была издана Л.Т. Гюзальяном, который писал, что надпись сообщает о построении в 887 г. хиджры / 1482-83 гг. медресе[12]. Однако, такое чтение даты оказалось неверным, так как в надписи в действительности приводится другая дата – 807 г.х.., что соответствует 1404-05 гг. Как выяснилось, в надписи на тимпане 807 г.х. речь идет не о принятии кубачинцами ислама в начале XV в., а о строительстве мусульманской школы высшего типа – *медресе*. Следовательно, задолго до 1404-05 гг. ислам в сел. Кубачи утвердился достаточно прочно.

Вопрос об исламизации Кубачи с привлечением письменных источников, памятников эпиграфики и местных легенд подробно освещен А.Р. Шихсаидовым в книге «Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.)», где он пишет, что еще в конце XIII в. часть жителей этого селения стала мусульманами[13]. Окончательное же принятие ислама кубачинцами А.Р. Шихсаидов связывает с походом Тимура в Дагестан в конце XIV в.[14]

На основе изучения средневековых надмогильных памятников с узорно-эпиграфическим декором и каменных рельефов-деталей архитектурного декора из сел. Кубачи А.А. Иванов пришел к выводу о том, что сведения о принятии кубачинцами ислама в конце XIII – начале XIV в. представляются вполне достоверными. Сейчас не стоит относить окончательное принятие ислама ко времени походов Тимура (середина 1390-х гг.), ибо, если отсчитывать от плиты 802 г.х./1399-1400 гг., мы имеем устойчивую традицию вполне мусульманских могильных плит в Кубачи уже на протяжении около ста лет[15]. Далее он отмечает, что ислам в Кубачи закрепился прочно в XIII в.[16]

Вопросы, касающиеся проникновения мусульманства в Зирихгеран, затрагиваются и в тезисах доклада Т. Айтберова «К вопросу об исламизации Зирихгерана»[17]. Выше (гл. I) мы касались этой работы и отметили необоснованность, неаргументированность его суждений относительно локализации Зирихгерана и основания «зороастрийских населенных пунктов» в районе нынешнего Кубачи и в бассейне Аштынской речки. Автор далее отмечает, что «Аштынский Зирихгеран был исламизирован в XIII в. при участии кумухцев. После этого туда переселилась обитавшая ранее вблизи Кубачи зирихгеран-

ская по происхождению община АнчибачIи, которая приняла ислам и не могла более оставаться рядом со своими «неверными» сородичами … В 1306 г. мусульманами стали и кубачинцы»[18].

О том, что жители АнчибачIи раньше кубачинцев сделались мусульманами нет никаких доказательств. В АнчибачIи нет мусульманских надмогильных памятников, в то время как в Кубачи имеются надгробия, которые можно датировать концом XIII в. Кроме того, само сел. Аштыпо существующей легенде считается основанным выходцами из АнчибачIи[19].

При выяснении вопроса исламизации Кубачи нельзя не учитывать также время исламизации и окружающих его аулов. А этот процесс можно прояснить в какой-то степени на основе памятников арабской эпиграфики, выявленных в этих населенных пунктах.

Проникновение ислама и наличие арабоязычных памятников письменности в XI-XII вв. в селениях Кубачи, Аштыпи, Шири, Ицари, Уркарах, Калакорейш подтверждается мусульманскими надписями, обнаруженными в разные годы в этих селениях и изученными Л.И. Лавровым, А.Р. Шихсаидовым и другими исследователями.

XI-XII веками датирует Л.И. Лавров рельефные куфические надписи, высеченные на камнях, находящихся в кладке здания Джума-мечети (*Хала мишит* – «Большая мечеть») в сел. Кубачи[20], где в 50-х гг. XX в. размещались сельский клуб и библиотека. Надписи пока не прочтены (не переведены).

В пределах XI-XII вв. датирует А.Р. Шихсаидов кубачинский бронзовый котел открытого типа, полусферической формы, цельнолитой, с горизонтально отходящим бортиком с четырьмя широкими выступами (так называемый *хач гIяшак*), хранящийся ныне в ДГОМ (инв. № 1741). При этом А.Р. Шихсаидов исходит из палеографических особенностей рельефной арабской надписи на одном из выступов рассматриваемого котла[21]. К XII-XIII вв. относит А.Р. Шихсаидов и аналогичный котел открытого типа с арабской куфической надписью на выступе бортика[22], хранящийся в историко-этнографическом музее Дагестанского государственного университета (инв. № ИЭМ-154)[23].

Куфическая арабская надпись, относящаяся к XI-XII вв. и гласящая «владычество принадлежит Аллаху единому, всепобеждающему» выявлена в окрестностях сел. Аштыпи, в урочище Кулза[24]. Арабская куфическая надпись с формулой единобожия, датируемая XI-XII вв. исходя из особенностей ее палеографии, обнаружена в сел. Шири[25].

Тем же временем датируются арабские куфические надписи из сел. Уркарах[26]: 1) на каменных надгробиях в виде саркофагов полуцилиндрической формы, находящихся в местности *Батагъала иниц*, где ныне расположено здание районной администрации; 2) на двух каменных надмогильных плитах прямоугольной формы, вставленных в кладку северной стены уркарахской мечети. Не все из надписей на уркарахских памятниках читаются ясно. На передней торцовой стороне одного из саркафагов почерком фигурный *куфи* выбито слово «Аллах», а на верхней части другого саркофагообразного надгробия высечено «Да смилостивится над ним Аллах», на третьем – можно разобрать только *басмалу* (остальная часть надписи выветрилась).

На надмогильных плитах, находящихся в северной стене уркарахской мечети, ясно читается лишь *басмала*: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного», размещенная по краю в виде П-образной эпиграфической полосы[27]. При изучении памятников сел. Уркарах надо иметь ввиду и то обстоятельство, что в средневековых письменных источниках имеются сведения о том, что в 995 г. «народ Караха» (т.е. Уркараха) принял ислам[28].

К XI-XII вв. относит Л.И. Лавров михраб мечети сел. Калакорейш[29], отделанный штуковыми рельефами в виде орнамента и арабских надписей, хотя П.М. Дебиров и А.Р. Шихсаидов склонны датировать его XII-XIII вв.[30] К XIII в. Л.И. Лавров относит и рельефную арабскую надпись на надгробном памятнике в сел. Сулевкент[31]. Кроме текстов религиозного содержания на памятнике почерком *насх* написано: «Обладатель этого Лаказ б. Сулайман … 666 год», т.е. 1267-68 гг. Фигурным *куфи* выполнена арабская надпись на камне, вставленном в кладку жилой башни в сел. Ицари[32], она датируется XI-XII вв. и в переводе Л.И. Лаврова гласит: «О господь наш, избави нас и всех верующих от злобы шайтана и несправедливости султана! Поистине, нет божества кроме [Аллаха]».

Все вышеприведенные данные, а также сведения средневековых арабских письменных источников, в частности ал-Масуди (X в.), писавшего о том, что зирихгераны исповедуют различные религии – ислам, христианство и иудейство[33], можно полагать, что уже в XI-XII вв. ислам начал проникать в «область» или «владение» Зирихгеран, в том числе и в Кубачи, хотя эта религия в то время еще не пустила здесь еще достаточно глубокие корни и не стала еще господствующей идеологией.

Интересные данные, свидетельствующие о том, что в XII в. в Зирихгеран начал постепенно проникать ислам, можно извлечь из сочинения Абу Хамида ал-Гарнати «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» («Му'риб ан б'ад аджаиб ал-Магриб»)[34], написанной в 1155 г. В нем он сообщает о ряде народностей Дагестана, живущих «выше Дербента» (т.е. в горах – М.М.) и их языках.

«Выше Дербента, – пишет ал-Гарнати, – входил я в горы Калалат, в которых [обитает] множество народов, все они мусульмане, следующие исламу, да помилует их Аллах! Они говорят на разных языках, а число из [народов] знает только всевышний Аллах …

Я жил у одного из их эмиров, известного под именем Абу-л-Касим … Этот эмир читал под моим руководством «Удовлетворяющую книгу» ал-Махамили[35] по фикху; а он – да помилует его Аллах! – говорил на разных языках, таких, как лакзанский и табаланский, и филанский, и закаланский, и хайдакский, и гумикский, и сарирский, и аланский, и асский, и зирихкаранский, и тюркский, и арабский и персидский. У меня на занятиях присутствовали люди из этих народностей, и он объяснял [содержание этой книги] каждой народности на ее языке».

Названные в сочинении ал-Гарнати языки народностей Дагестана идентифицируются без особых затруднений: лакзанский язык – это лезгинский язык, табаланский – табасаранский, хайдакский – кайтагский диалект даргин-

ского языка, гумикский – лакский, серирский – аварский[36]. Упомянутый среди других языков зирихкаранский исследователи идентифицируют с кубачинским языком[37]. Выходит, что в XII в. в Зирихгеране были лица, которые приняли ислам и изучали восточную литературу по *фикх*у – мусульманскому правоведению, включающему кроме юриспруденции также вопросы религиозной обрядности.

Конечно, в состав средневекового Зирихгерана не входило селение Калакорейш, являвшееся с VIII в. н.э. первоначальной резиденцией феодальных правителей Кайтага – *уцми*ев. Но находясь в непосредственной близости от Кубачи (в 15-16 км северо-восточнее от него), оно служило оплотом распространения мусульманской религии во всем Кубачино-даргинском нагорье. По этому поводу Е.М. Шиллинг отмечает, что селение Калакорейш, занимающее на редкость удачное в стратегическом отношении место, было в числе оплотов распространения в нагорьях Южного Дагестана мусульманства[38]. Немало столкновений на религиозной почве происходило между кубачинцами и калакорейшцами, нашедших свое отражение в разного рода легендах и преданиях[39].

Не входил в состав Зирихгерана и Уркарах, один из древнейших аулов, упоминаемых в восточных письменных источниках начиная с X в.[40] и игравшего активную роль в политической жизни Дагестана периода средневековья[41]. В начале XIII в. резиденция кайтагского уцмия из Калакорейша была перенесена в Уркарах[42], который одновременно стал одним из центров распространения мусульманской религии[43] на Кубачино-даргинском нагорье. В составе Кайтага находилось в XI-XII вв. и сел. Ицари.

Вместе с тем, если жители окружающих Кубачи селений стали мусульманами в XI-XIII вв., то кубачинцы не могли долго оставаться в изоляции и продолжать исповедовать доисламские верования или зороастризм.

Все имеющиеся данные, а также некоторые общие соображения исторического порядка позволяют говорить о том, что исламизация селений Кубачино-даргинского нагорья происходила в целом в одни и те же хронологические рамки. Сел. Кубачи в экономическом отношении и своей производственной деятельностью было тесно связано и с окружающими аулами, и с городом Дербентом – крупным торгово-ремесленным и культурным центром, превратившимся еще в VIII в. «в крупнейший на Кавказе исламский религиозный центр, опорный пункт для распространения в горных районах Дагестана и на всем Северном Кавказе идей ислама и арабо-мусульманской культуры»[44]. Как сообщают Абу Хамид ал-Гарнати и Закарийа ал-Казвини, в начале XII в. эмир Дербента Сейф уд-дин ас-Сулами, а в середине XIII в. «могущественный царь» Ширвана Ахситан II неоднократно организовывали походы на Зирихгеран. Это были походы предводителей *гази*ев – борцов за мусульманскую веру – против «неверных» зирихгеранов, еще не принявших ислам. Однако походы эти закончились полным провалом.

В XIII-XIV вв. в Дербенте купцам и другим торговцам, принявшим мусульманство, предоставлялись особые привилегии[45], а это было выгодно кубачинцам, занятым сбытом изделий своего ремесла. В то же время нельзя от-

рицать и того, что исторические предания и легенды говорят о несколько позднем, чем жители соседних селений, принятии кубачинцами ислама.

Некоторые исследователи на основе изучения памятных записей на полях рукописных книг, касающихся времени исламизации Кубачи[46], считают, что кубачинцы окончательно приняли ислам в 705 г. хиджры / 1305-06 гг.[47] Но исламизация Кубачи, как и близлежащих к нему селений, не могла быть одновременным актом. Процесс этот был сложным и охватывал, вероятно, довольно большой отрезок времени. Даже в самом сел. Кубачи исламизация населения протекала в упорной борьбе со старыми доисламскими верованиями. Существует легенда о том, что жители верхнего квартала приняли ислам намного позднее жителей нижнего квартала[48].

В конце XIV – начале XV в. в Кубачи ислам утвердился настолько прочно, что в то время здесь уже функционировало семь мечетей – шесть квартальных и соборная Джума-мечеть (*Хала-мишит* – «Большая мечеть»). При ней в 807 г.х. / 1404-05 гг. было открыто *медресе*[49], где обучались *мутаалим*ы (учащиеся) как из этого селения, так и из других населенных пунктов. Медресе являлось высшей ступенью местного мусульманского образования, где работали высокообразованные для того времени преподаватели – *мударрис*ы. Начальное образование мутаалимы получали в примечетских школах-*мактаб*ах. Желающие продолжить свое образование после окончания медресе учились самостоятельно или у известных дагестанских *алим*ов, а иные ездили в крупные центры арабо-мусульманской культуры – в Каир, Багдад, Дамаск, Стамбул и т.д., где совершенствовали свои знания под руководством признанных ученых. Многие из ученых-арабистов, выходцев из сел. Кубачи, были известны не только за пределами этого селения, но и Дагестана в целом.

При Большой мечети находилась библиотека, где были сосредоточены рукописные книги по арабскому языку и грамматике, лексикографии[50], логике, риторике, мусульманскому праву (*фикх*), географии и другим отраслям знаний, а также Коран и комментарии к нему (*тафсир*ы[51]), *хадис*ы[52].

В 881 г.х. / 1476-77 гг. было построено новое капитальное здание Джума-мечети (*Хала мишит*). На его месте раньше находилось старое здание Джума-мечети, построенное в 1430-31 гг. Во внутренней кладке западной стены мечети, построенной в 1476-77 гг., имеется фигурный каменный рельеф с арабской надписью (рис. 47), гласящей (в переводе Л.И. Лаврова[53]): «Восемьсот тридцать четвертый год от хиджры пророка, да благословит его Аллах и приветствует». 834 г.х. соответствует 19.IX.1430 – IX.1431 г. нашего летосчисления.

При строительстве нового капитального здания Джума-мечети рельеф из старого здания был перенесен в новое здание. До 1430-31 гг. на месте Джума-мечети было еще первое здание мечети, построенное, вероятно, в конце XIV в. В начале XV в. (1404-05 гг.) при нем было открыто медресе. Второе здание Джума-мечети, построенное в 1430-1431 гг., за время, охватывающее без малого полвека, пришло, вероятно, в ветхость, а в 1476-77 гг. вместо него построили новое, довольно внушительных размеров, здание.

Представляет интерес то, что на полях рукописи сочинения Абдаррахма-

на Джами «Ал-Фавид Дийаийа» (о ней см. ниже), переписанной в Дагестане в 1731-32 гг. и хранящейся ныне в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, сделана запись: «Дата [строительства] зирихгеранской соборной мечети – восемьсот тридцать четвертый год»[54] (1430-31 гг.). Дата эта совпадает с датой на каменном рельефе в западной стене Большой мечети.

Рис.47. Каменный рельеф во внутренней кладке западной стены Джума-мечети в нижнем квартале сел. Кубачи с арабской надписью с датой 834 г.х. / 1430-31 гг. Высота медальона с надписью 29,5 см, наибольшая ширина 20,5 см.

Здание Джума-мечети (рис. 40-42), построенное 881 г.х. (1476-77 гг.) было, прекрасно отделано каменными рельефами с узорно-эпиграфическими композициями. Украшены были резными камнями также здания квартальных мечетей и медресе. Здание Джума-мечети – памятник средневековой мусульманской архитектуры – в полуразрушенном виде сохранилось до сих пор и нуждается в реставрации.

В 897 г.х. / 1492 г. был изготовлен мастером Мухаммадом, сыном Хусейна великолепный деревянный *мимбар* для Джума-мечети, превосходно украшенный тонкой и богатой орнаментальной резьбой (рис. 48), арабскими надписями, а также инкрустацией из небольших, различных по форме кусков орехового дерева и слоновой кости. Частично сохранившийся мимбар ныне находится в музее Кубачинского художественного комбината.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, касающееся мусульманских культовых зданий Кубачи. Ни Джума-мечеть, ни квартальные мечети в Кубачи не имели минаретов. В этом селении их никогда не строили.

А

Б

Рис.48. Резные деревянные детали мимбара (кафедры) Джума-мечети в сел. Кубачи. XV в. Размеры каждой из них - 23×23 см. Музей Кубачинского художественного комбината.

instituteofhistory.ru

А.Р. Шихсаидов отмечает, что «в первые века ислама в дагестанских селениях строительство минарета не практиковалось, да и само здание подчинялось местным строительным канонам, не выделяясь среди обычных жилых домов»[55]. В ряде случаев, – как пишет тот же исследователь, – и позднее минарет вообще не строился[56].

В XIV-XVI вв. и позднее в Кубачи работали профессиональные *катибы* – переписчики рукописных книг, которые создавали новые рукописные копии наиболее популярных, имевших широкое хождение трактатов и учебников, знаменитых трудов восточных ученых, богословов, поэтов и мыслителей, поступавших в Дагестан из Сирии, Египта, Ирака, Иемена, Ирана, Турции и других стран Ближнего Востока. Эти копии книг служат определенным показателем развития общей культуры и степени распространения грамотности среди населения, так как книги переписывались местными учеными, хорошо владевшими арабским языком и достигшими высокого профессионального мастерства в искусстве письма – каллиграфии. Как отмечает А.Р. Шихсаидов, «книги переписывались в подарок или на продажу, по заказу или по собственной воле, их передавали в наследство, в вакуф. Арабская рукописная книга стала в Дагестане выдающимся культурным явлением»[57].

В конце XIV – начале XV в. сложилась зирихгеранская школа высокопрофессиональных каллиграфов-переписчиков арабских рукописей не только для личного пользования или на заказ, но и на рынок – настолько велик был в то время спрос на рукописные книги (тиражировать их тогда можно было только одним способом – переписыванием от руки)[58].

Несколько позднее в сел. Кубачи не только переписывались рукописные книги, но и переводилась на кубачинский язык литература по основам вероучения ислама, восточной медицине, мусульманскому праву, истории («Дербенд-наме», «Хроника по истории средневекового Кайтага» и др.), а также художественная литература – «Лейла и Меджнун» азербайджанского поэта Ильяса Юсиф оглы Низами Гянджеви (1141-1209 гг.), «Тахир и Зухра» и др.

Чтобы иметь представление о переписанных рукописях книг, перечислим некоторые из них, находящихся в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН[59].

В 842 г. хиджры / 1438-39 гг. Абу-Бакром, сыном Мухадая ал-Джабали аз-Зерехгерани было переписано сочинение по праву «Шарх ал-Иджаз»[60].

В 872 г.х. / 1467-68 гг. Йусуф ал-Кубаши[61] закончил переписку знаменитого трактата одного из крупнейших мыслителей мусульманского средневековья Абу Хамида ал-Газали (1059-1111 гг.) «Ихйа улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере»), оказавшего огромное влияние на развитие средневековой арабомусульманской культуры. Кстати, у ал-Газали училось немало дагестанских ученых-арабистов и среди них шафиитский *факих* Хаким сын Ибрахима ал-Лакзи ал-Хунлики ад-Дербенди, изучавший мусульманское право в Багдаде, а впоследствии живший в Бухаре и скончавшийся там 538 г.х. / 1144 г.[62]

В фонде восточных рукописей хранится широко распространенное в средние века в странах мусульманского мира учебное пособие по основам синтаксиса арабского языка «ал-Кафия» («Достаточная книга») Ибн ал-

Хаджиба (ум. в 1248 г.), переписанное в 896 г.х. / 1490-91 гг. Абдурахманом аз-Зерехгерани.

В 905 г.х. / в апреле 1500 г. Али, сын Мухаммада «из селения Зерехгерани» завершил переписку сборной рукописи, включающей «Китаб ал-Арбаун» (собрание хадисов) ан-Навави (?) и «Вафк ал-мурад» (трактат по этике) Ахмада б. Ибрахима б. Мухаммада ал-Хасайни аш-Шафии ал-Йамани, долгое время жившего в Кумухе и умершего там в 854 г.х. / 1450 г.

Тот же Али, сын Мухаммада «из селения Зерехгерани» в 906 г.х. / 1501-02 гг. сделал копию широко известного на Ближнем Востоке толкового словаря арабского языка «Ас-сахих» («Достоверный») выдающегося лексикографа Абу Насра Исмаила б. Хаммада ал-Джаухари (ум. в 1007 г.). Этот же словарь, пользовавшийся большим спросом в Зирихгеране и во всем Дагестане в 910 г.х. / 1505 г. переписал зерехгеранец Мухаммад, сын Аббаса[63]. Копию упомянутого выше трактата ал-Газали «Воскрешение наук о вере» в 916 г.х. / 1510-11 гг. снял Айди, сын Мухаммада аз-Зерехгерани.

В XV-XVI вв. Кубачи выступает как один из центров, где определенная часть грамотных лиц специализировалась на переписке арабских рукописей, создавая произведения высокого каллиграфического искусства[64]. Рукописные книги переписывались и в соседних с Кубачи селениях. В 899 г.х. / 1494 г. рукопись Корана была переписана Харуном, сыном Ахмада в сел. Амузги[65]. В сел Шири в 990 г.х. / 1592 г. Харуном, сыном Ахмада аш-Ширини было переписано отмеченное выше сочинение ал-Газали «Воскрешение наук о вере». Копии сочинений по этике, мусульманскому праву, лексикографии были выполнены в XV-XVI вв. Харуном, сыном Али аш-Ширини, а также Ахмадом аш-Ширини[66].

В 905 г.х. / 1499-1500 гг. в сел Аштьі Мухаммадом сыном Абдурахмана аз-Зерехгерани была завершена переписка сборника различных тематических словарей арабского языка и поэтических текстов, включающего такие сочинения как «Китаб ал-куттаб» («Книга для секретарей») ал-Иаздави (XI в.), «Китаб алфаз ал-куттаб» (фразеологический словарь с персидскими эквивалентами) ал-Хамадани, «Сирр ал-адаб фи маджари калам ал-араб» («Тайны литературы о путях употребления арабской речи») ас-Саалиби (961-1038 гг.)[67] и другие. В 1024 г.х. / 1613 г. сочинение «Маалим ат-Танзил» было переписано Мухаммадом, сыном Мамма «в медресе Хаджжи Мухаммада-кади в сел. Аштьі»[68].

В раджабе 1061 г.х. / июне-июле 1651 г. копию с рукописи Корана снял Али, сын Касима ал-Ашды аз-Зерехгерани. Этот же переписчик Али, сын Касима аз-Зерехгерани поздним вечером в сел. Зерехгерани 28 числа месяца зул-када 1077 г.х., т.е. 22 мая 1667 г., закончил переписку названного выше толкового словаря арабского языка «Ас-Сахих» Абу Насра ал-Джаухари[69].

В XVII в. в сел. Ицари Ахмедом сыном Али были переписаны шесть рукописей книг по лексикографии и другим отраслям знаний[70]. В 1180 г.х. / 1766-67 гг. Ахмад сын Адама ал-Урцаки переписал грамматический труд у «устада Умара аз-Зерехгерани».

Наряду с селением Кубачи в XV-XVI вв. одним из центров, где была со-

средоточена работа по созданию копий рукописных книг выступает сел. Аштыы. Между этими двумя селениями с этнически близкими друг другу жителями, существовали тесные экономические и культурные связи, хотя в разные исторические периоды селения Аштыы, Кунки, Худуц находились в политической зависимости от Казикумухского шамхальства[71].

Использование *нисбы Зирихгерани* переписчиками рукописных книг из сел. Аштыы позволяет предполагать, что многие из них учились в медресе сел. Кубачи (в XVII в. медресе функционировало и в сел. Аштыы), а сами аштинцы могли работать в этом же медресе и переписчиками книг и *мударрис*ами-преподавателями. Кроме того, можно полагать, что эта нисба считалась, вероятно, почетной и как бы служила свидетельством общности происхождения, этнического и культурно-исторического единства, уходящего в далекое прошлое, когда существовало сильное и развитое в экономическом отношении государственное образование Зирихгеран. Сказывалась, несомненно, и культурная ориентация сел. Аштыы не на граничащее с ним Казикумухское шамхальство, а на сел. Кубачи – крупный, экономически развитый, культурный и ремесленный центр.

Другим центром размножения рукописных книг было сел. Шири, где работали высоко профессиональные *катиб*ы Ахмад аш-Ширини (XV в.) и его сын Харун аш-Ширини (конец XV – нач. XVI в.). Деятельность последнего – «одного из самых плодотворных катибов Дагестана … продолжалась самое меньшее 35 лет»[72].

Нисбой *аз-Зирихгерани* продолжали пользоваться переписчики рукописных книг в XVII и даже в XVIII в. Так, в шабане 1048 г.х. / декабре 1638 г. Али ал-Азири (Ицари?), сын Ахмада в сел. Зирихгеран переписал широко известный теологический труд ал-Газали «Минхадж ал-абидин» («Путь поклоняющихся»)[73], хранящийся теперь в Фонде восточных рукописей Института ИАЭ ДНЦ РАН. Хранящееся там же сочинение Абдаррахмана Джами «Ал-Фаваид ад-Дийаийа», представляющее собой комментарий на книгу Ибн ал-Хаджиба «Кафийа» (широко известное на средневековом Ближнем Востоке и в Дагестане учебное пособие по основам синтаксиса арабского языка) было переписано «в медресе имама, известного искусного ученого Мухаммада-Эфенди, сына Махач ал-Кади аз-Зирихгерани[74], родом из Нахки … рукой Али, сына Асхаба, сына Исхака, сына КІ.н цІ…, дата – тысяча сто сорок четвертый год», т.е. 1731-32 гг. Как было отмечено выше, на полях этой рукописи, имеется запись о строительстве в 834 г.х. / 1430-31 гг. зирихгеранской соборной мечети.

Находящаяся в мечети сел. Калкни Дахадаевского района рукопись популярного на Ближнем Востоке юридического трактата «Тухфат ал-Мухтаджли Шарх ал-Минхадж» знаменитого арабского ученого Ибн Хаджара ал-Хайтами (1371-1449 гг.) переписана Ахмадом ал-Ираги, сыном Хусайна в «медресе Зирихгерана»[75] в 1145 г.х. / 1732-33 гг.

В XIV-XVI вв. в Кубачи работали не только профессиональные переписчики рукописных книг по разным отраслям знаний, но и специалисты-каллиграфы, выполнявшие с большим мастерством художественно трактo-

ванными буквами арабские надписи на резных камнях – надмогильных памятниках и на различных деталях архитектурного декора, дошедших до нас в большом количестве и представляющих собой ценнейшие памятники истории и культуры сел. Кубачи. Как и на мусульманском Востоке, «искусные писцы пользовались таким почетом и уважением, что это зачастую ставило их выше архитекторов, музыкантов, поэтов и художников»[76].

Представляет большой интерес сообщение арабского географа и космографа Закарийа ал-Казвини (1203-1283 гг.) о том, что зирихгеранцы «любят чужеземцев, особенно тех, кто разбирается в науке или каллиграфии, и тех, кто знает какое-нибудь ремесло»[77]. Об этом же пишет и азербайджанский ученый-географ, выходец из Баку Абд ар-Рашид ал-Бакуви (вторая пол. XIV – нач. XV в.) в своем компилятивном труде «Сокращение книги о «Памятниках» и чудеса царя могучего» («Китаб талхис ал-асар ва аджа`иб ал-малик алкаххар»): жители Зирихгерана … «любят чужеземцев, особенно тех, которые знают какую-либо науку или каллиграфию»[78]. Турецкий историк XVII в. Кятиб Челеби, известный у европейцев под именем Хаджи Хальфа, в работе «Джиган-нума» в 1648 г. отмечал, что Кубачи – «большой образованный и знаменитый город, в котором [имеется] множество улемов (ученых) и благочестивых людей; здесь больше почести оказываются улемам»[79].

Переписывание и художественное оформление книг, как и в странах Востока[80], являлось весьма почетной профессией, которая требовала длительной и основательной подготовки, хорошего знания арабского языка. Этой деятельности, требовавшей огромного труда, терпения и усидчивости, а также хорошего знания арабского языка, многие *алимы* (ученые) посвящали всю свою жизнь. Весьма вероятно, что специальность каллиграфа передавалась по наследству.

Во многих дагестанских селениях – в Акуша, Кубачи, Кумухе, Хунзахе, Согратле, Ихреке, Башлы, Эндери и других в средние века работали профессиональные переписчики книг – *катибы*, достигшие высокого мастерства в арабской каллиграфии[81].

Начиная с XIV в. и в последующее время в сел. Кубачи распространяется арабский язык, о чем свидетельствуют имеющиеся здесь многочисленные памятники арабской эпиграфики, а также рассмотренные выше переписанные местными катибами рукописи книг. В то время в этом селении жили лица, владеющие, наряду с арабским, также персидским и тюркским языками. Характерно, что среди эпиграфических памятников Кубачи XIV-XV вв. (рис. 52) представлены и персидские надписи[82]. Как и во всем Дагестане, в сел. Кубачи арабский язык становится языком богослужения, науки, поэзии, делопроизводства и общения (частной и официальной переписки), активного обмена практическими знаниями и художественным опытом в области различных ремесел.

В рассматриваемое время в Кубачи, как и в других населенных пунктах Дагестана, учеными-арабистами делается попытка приспособить арабский алфавит к фонетическим особенностям местного языка, используя для этого дополнительные над- и подстрочные знаки. Такие попытки нашли отражение

в эпиграфических памятниках XIV-XV вв., а также в арабских рукописях[83]. А.А. Иванов, изучая средневековые надмогильные памятники с арабскими и персидскими надписями сел. Кубачи, обратил внимание на то, что «на могильных камнях, которые можно относить к первой половине XIV в. надписи крупными буквами являются подражанием арабским надписям, а правильно вырезаны на них по-арабски только формулы с именами покойных, причем очень многие собственные имена написаны арабскими буквами, но образованы не от арабских корней и этимология их непонятна по сей день»[84].

Подводя итоги сказанному выше, следует отметить, что все имеющиеся к настоящему времени данные – сведения восточных авторов о Зирихгеране, памятники искусства и эпиграфики Кубачи и окружающих его населенных пунктов – свидетельствуют о том, что в сел. Кубачи ислам закрепился прочно в конце XIII в. А в XIV-XV вв. мусульманство в этом селении уже настолько упрочилось, что Кубачи становится одним из крупных и известных центров исламской культуры и искусства. Здесь развертывается строительство мусульманских культовых архитектурных сооружений – квартальных и соборной (пятничной) мечетей, открываются исламские учебные заведения – мактабы и медресе. В огромном количестве создаются копии рукописных книг по самым различным отраслям знаний, формируется особая категория профессиональных каллиграфов – переписчиков книг и мастеров архитектурно-декоративных работ, а также специалистов, выполнявших узорно-эпиграфические композиции на мемориальных памятниках (надмогильных стелах).

В XIV-XV вв. в Кубачи необычайно высокой степени развития и совершенства достигло исламское искусство. Невиданного ранее расцвета переживает орнаментальное творчество. Созданные в то время памятники эпиграфики, рукописные книги на арабском языке, а также выдающиеся произведения искусства резьбы по камню и дереву, художественного бронзового литья и т.д. вошли в сокровищницу национального культурного наследия всего Дагестана.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969. С. 124-125.

[2] *Шихсаидов А.Р.* Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. С. 6.

[3] Тимпан этот с 1928 г. хранится в ДГОМ, он издавался неоднократно, последнее воспроизведение: *Маммаев М.М.* Исламское искусство Дагестана: Формирование и характерные черты // Ислам и исламская культура в Дагестане. М, 2001. С. 99.

[4] *Dorn B.* Die jetzigen Kubätschi // Bulletin de l`Academie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. T. XVIII. SPb., 1873. S. 321 (= Mêlanges Asiatiques. T. VI. Livr.6. SPb., 1873. S. 717-718).

[5] *Dorn B.A.* Auszüge aus vierrehn morgenländischen Schriftstellern betreffend das Kaspische Meer und angränzende länder // Bulletin de l`Academie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. SPb., 1874. T. XIX. S. 307 (=Mêlanges Asiatiques. T. VII. Livr 1. SPb., 1874. S. 74).

[6] *Erckert R.* Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887. C. 194-195.

[7] *Генко А.Н.* Арабский язык и кавказоведение // Труды Института востоковедения. Вып. XXXVI. М.-Л., 1941. С. 99.

[8] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л., 1949. С. 12.

[9] *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 272. В работе «Даргинцы в дагестанском историческом процессе» (Т. I. Махачкала, 1999. С. 109-110, 148) Р.М. Магомедов пишет о том, что в 1305 г. жители Зирихгерана окончательно приняли ислам.

[10] *Шихсаидов А.Р.* Когда и как насаждался в Дагестане ислам. Махачкала, 1962. С. 26.

[11] *Лавров Л.И.* Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе // СМАЭ. Т. XXI. 1963.С. 284-285. Рис. 19; *Он же.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X-XVII вв. М., 1966. С. 129.

[12] *Гюзальян Л.Т.* Две строительные надписи из Кубачи // ЭВ. Т. XVI. 1963. С. 82. Рис. 1.

[13] *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 190-194.

[14] Там же. С. 198.

[15] *Иванов А.А.* О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Л., 1976. С. 174.

[16] Там же.

[17] *Айтберов Т.М.* К вопросу об исламизации Зирихгерана // Тез. докл. научной сессии «Перестройка и гуманитарные науки в Дагестане». Махачкала, 1988. С. 59-61.

[18] Там же. С. 61.

[19] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 7.

[20] *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа… Ч. I. С. 77-78.

[21] *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X-XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975. С. 52; *Он же.* Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М., 1984. С. 429-430.

[22] *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X-XIV вв. С. 52; *Он же.* Эпиграфические памятники Дагестана. С. 429-430.

[23] Указанный котел доставлен в музей в 1965 г. Г.О. Магомедовым из сел. Гента Советского района.

[24] *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане... С. 196; Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 3. Надписи X-XX вв. Новые находки. М., 1980. С. 28.

[25] *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 196; Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа… Ч. 3. С. 27.

[26] *Шихсаидов А.Р.* Ислам … С. 196; *Он же.* Новые эпиграфические памятники Дагестана // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974. С. 123-129; *Он же.* Эпиграфические памятники Дагестана... С. 127-128, 132-134; *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа… Ч. 3. С. 27-28.

[27] *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана... С. 132-134.

[28] См.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М., 1963. С. 69, 203; *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. С. 76-77, 87.

[29] *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа… Ч. 1. С. 76-77.

[30] *Дебиров П.М.* Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966. С. 27; Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана... С. 138-145.

[31] *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа… Ч.1. С. 84-85.

[32] *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа… Ч. 3. С. 29.

[33] См.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда… С. 203 (Приложение Ш. Масуди о Кавказе).

[34] См.: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати … С. 26.

[35] Абу-л-Хасан Ахмад ибн Мухаммад ал-Махамили ад-Дабби (978-1024 гг.) – арабский богослов из Багдада.

[36] *Шихсаидов А.Р.* К вопросу о локализации Филани // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 83-84.

[37] См.: Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати … С. 93-94 (исторический комментарий А.Л. Монгайта); *Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 84.

[38] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 8.

[39] Там же. С. 7-8.

[40] *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 139-140, 203.

[41] История Дагестана в 4-х томах. Т. 1. М., 1967. С. 126.

[42] *Магомедов М.Г.*, Шихсаидов А.Р. Калакорейш. Махачкала, 2000. С. 72.

[43] *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 84.

[44] *Шихсаидов А.Р.* Распространение ислама в Дагестане. С. 9.

[45] *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 151.

[46] Из дагестанских памятных записей. Комментированные переводы А.Р. Шихсаидова и *Т.М. Айтберова* // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 117.

[47] *Иванов А.А.* Персидские надписи из Кубачи // Rivista Studi Orientali. Vol. LIX. Fasc. I-IV. Roma, 1987. С. 215.

[48] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 171.

[49] Медресе просуществовало до нач. XX в. Место, где оно находилось, кубачинцы и ныне называют *мадраса*.

[50] Лексикография – совокупность словарей общего или специального типа; словарная литература.

[51] Тафсиры («толкования») содержат филологические, исторические и богословские комментарии ко всему тексту Корана.

[52] Хадисы – рассказы о высказываниях и поступках пророка Мухаммада, о его решениях по различным вопросам религии и устройства жизни общины. Существуют шесть сборников хадисов, одобренных крупнейшими богословами. Они считаются авторитетными источниками права после Корана. Наиболее известны сборники «Ас-Сахих аль-Бухари», «Ас-Сахих аль-Муслим» и др. См.: Ислам: Краткий справочник. М., 1983. С. 101, 112; Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 262.

[53] *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа… Ч. 3. С. 45. № 734.

[54] *Шихсаидов А.Р.* Археографическая работа в Дагестане // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988. С. 17.

[55] *Шихсаидов А.Р.* Распространение ислама в Дагестане. С. 26.

[56] Там же.

[57] *Шихсаидов А.Р.* Судьба древних рукописей // Дагестанская правда. 1989. 5 апр. С. 3. *Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х.* Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001. С. 52.

[58] *Шихсаидов А.Р.* Судьба древних рукописей. С. 3.

[59] См.: Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Под ред. *М.-С. Саидова.* Вып. 1. М., 1977; *Шихсаидов А., Саидов М.-С., Айтберов Т., Исаев А., Оразаев Г., Мирзамагомедов Г.* Итоги археографической экспедиции // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978-1979 гг. (Тез. докл.). Махачкала, 1980. С. 40-42; *Гамзатов Г.Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р.* Сокровищница памятников письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Вып. IX. Тбилиси, 1982. С. 203-223. *Гамзатов Г.Г.* Дагестан: Историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии. Махачкала, 1990. С. 211-246.

[60] *Гамзатов Г.Г.* Дагестан: Историко-литературный процесс … С. 221, 225; *Тагирова Н.А.* Из истории арабоязычной рукописной традиции в Дагестане в XIX в. // Изучение истории и культуры Дагестана: Археографический аспект. Махачкала, 1988. С. 82-83; *Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х.* Указ. соч. С. 48.

[61] В этой рукописи Зирихгеран впервые упомянут в форме Кубаши. См.: Шихсаидов А.Р. , Саидов М.-С. и др. Указ. соч. С. 41.

[62] *Гамзатов Г.Г.* Дагестан: Историко-литературный процесс... С. 224.

[63] *Гамзатов Г.Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 205.

[64] *Гамзатов Г.Г.* Дагестан: Историко-литературный процесс... С. 224.

[65] *Айтберов Т.М., Абдулкеримов М.М.* Обзор некоторых рукописных собраний Дагестана // Изучение истории и культуры Дагестана: Археографический аспект. Махачкала, 1988. С. 54. Коран хранится в библиотеке жителя сел. Калкни Дахадаевского района И. Магомедова.

[66] *Шихсаидов А., Саидов М.-С., Айтберов Т., Исаев А.* и др. Указ. соч. С. 41; *Алиев Б.Г.* Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988. С. 96.

[67] *Гамзатов Г.Г.* Указ. соч. С. 225-226.

[68] Там же. С. 226; *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана. С. 346.

[69] *Гамзатов Г.Г.* Указ. соч. С. 226.

[70] *Омаров Х.А.* Арабские рукописи из сел. Ицари // Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1984-1985 гг. Махачкала, 1986. С. 39.

[71] *Лавров Л.И.* Новое о Зирих-Геране и Казикумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Сб. научных трудов. Махачкала, 1976. С. 216-219; *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана... С. 373-377.

[72] *Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х.* Указ. соч. С. 54.

[73] *Шихсаидов А.Р.* Археографическая работа в Дагестане. С. 13.

[74] Там же. С. 17.

[75] *Айтберов Т.М., Абдулкеримов М.М.* Обзор некоторых рукописных собраний... С. 54.

[76] Мусульманский календарь на 2001 г. 4 ноября.

[77] См.: *Шихсаидов А.Р.* Закарийа ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 108.

[78] *Абд ар-Рашид ал-Бакуви.* Китаб талхис ал-асар ва-л-аджа'иб ал-малик ал-каххар. Изд. текста, пер., предисл., примеч. и прилож. З.М. Буниятова М., 1971. С. 107.

[79] См.: *Френ Х.Д.* О народе кавказском Кубечи // ЖМНП. 1840. № 8. С. 88, 91; Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи. Предисл. П. [Услара] // ССКГ. Вып. V. Тифлис, 1871. С. 10; *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 210-211.

[80] Очерки истории арабской культуры V-XV вв. Материалы и исследования. М., 1982. С. 264.

[81] *Гамзатов Г.Г.* Дагестан. Историко-литературный процесс. С. 226.

[82] *Иванов А.А.* Персидские надписи из Кубачи. С. 213-224. Илл. 1-8.

[83] *Исаев А.А.* Материалы о приспособлении арабского алфавита к фонетическим особенностям дагестанских языков (новые находки XIII-XV вв.) // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978-1979 гг. (Тез. докл.). Махачкала, 1980. С. 46-48; *Он же.* К вопросу о датировке даргинских записей на полях арабоязычных рукописей XV в. // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: Принципы и методы изучения, оценки и использования. Махачкала, 1991. С. 85-89.

[84] *Иванов А.А.* Указ. соч. С. 217.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ГЛАВА VI

ИСЛАМ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО ЗИРИХГЕРАНА-КУБАЧИ

Проникновение и утверждение ислама в Кубачи оказало большое влияние на его последующее культурно-историческое развитие, на все сферы духовной жизни его жителей, в том числе и на традиционное народное изобразительное творчество. Без учета этого обстоятельства нельзя в полной мере понять и осмыслить особенности многовекового развития кубачинского искусства от эпохи средневековья до современности. Кроме того, выяснить характерные черты средневекового декоративно-прикладного искусства сел. Кубачи и окружающих его аулов, проследить процесс его развития от изобразительности к орнаментализму невозможно без выяснения вопросов, касающихся влияния ислама на изобразительное искусство Кубачино-даргинского нагорья.

Вместе с активным проникновением в горный край арабо-мусульманской культуры одновременно с ней начали распространяться и специфические формы искусства, присущие художественной культуре мусульманских стран Востока. Запреты ортодоксального ислама изображать живые существа, жесткие рамки религиозных канонов и правил направили творчество дагестанских мастеров на разработку орнамента, который еще в эпоху средневековья становится художественно совершенным, необычайно богатым по своим видам и многообразным по композиционным решениям.

В это же время развернулось строительство зданий мусульманской культовой архитектуры – мечетей, минаретов, мавзолеев, а также исламских учебных заведений-медресе, которые возводились лучшими зодчими. Детали этих сооружений – порталы, двери, окна, карнизы, михрабы и мимбары украшали великолепной орнаментальной резьбой и декоративными арабскими надписями знаменитые резчики по камню, дереву, штуку[1] и другие мастера.

Богатой и выразительной отделке подвергались не только культовые сооружения, но и здания гражданской архитектуры – общественные дома дворцового типа в сел. Кубачи, так называемые *Хала хъулбе* («Большие дома»), представлявшие собой особые сооружения для органов местного самоуправления, отличавшиеся совершенством архитектурных форм и богатством декоративного убранства каменными рельефами[2]. Сооружения эти являли собой

яркий пример умения мастеров того времени объединять в единое гармоничное целое архитектуру и рельефный пластический декор.

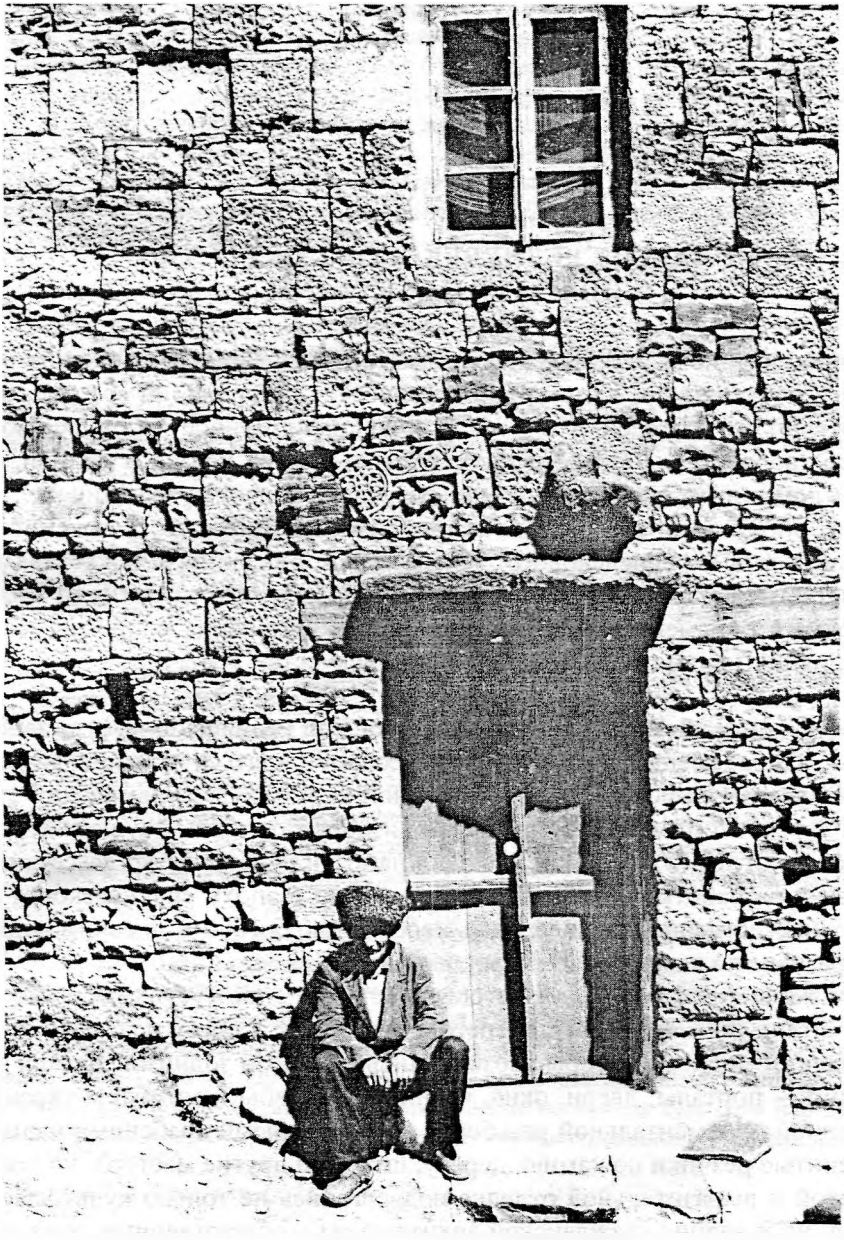

Рис.49. Жилой дом Зенаб Чамсутиновой в нижнем квартале сел. Кубачи. Западный фасад с каменными рельефами. XV в.

Изучение кубачинских каменных рельефов, украшавших различные культовые и общественные сооружения, а также жилые дома позволяет сде-

лать вывод о том, что в XIV-XV вв. в Кубачи формируется оригинальная система архитектурного пластического декора, для которой был характерен синтез рельефной фасадной скульптуры с формами архитектурных сооружений, в которых воплотились лучшие достижения местных зодчих и мастеров архитектурно-декоративных работ.

В системе декоративного убранства жилых, общественных и культовых построек, а также в декоре литых бронзовых котлов существенное место занимали изображения различных реальных и фантастических животных и птиц – львов, барсов, драконов, единорогов, грифонов, сирен (сиринов), орлов и т.д. (рис. 21, 22, 31, 33, 38, 45, 46, 49-51), которые органично входили в репертуар «звериного стиля» средневековья. Образы эти, получившие распространение в очень широком ареале и ставшие популярными в разных видах искусства стран Ближнего Востока, Закавказья, Средней Азии, Крыма и Древней Руси, в кубачинском средневековом искусстве нашли оригинальную местную художественно-стилистическую трактовку, композиционное воплощение и идейное осмысление.

Наряду с реальными и фантастическими животными на кубачинских каменных рельефах с большим мастерством воспроизведены сцены единоборства, охоты, состязания, борьбы животных, звериного гона и т.д. (рис. 52, 53).

Рис.50. Каменный рельеф XV в. с изображением животного в обрамлении растительного орнамента в кладке стены 1-го этажа западного фасада дома З. Чамсутиновой в нижнем квартале сел. Кубачи.

Характерной особенностью трактовки изображений различных животных и птиц на рельефах и бронзовых котлах XIV-XV вв. является сочетание реа-

листических приемов их передачи со своеобразной стилизацией – орнаментально-декоративной трактовкой изображения, подчеркивание гривы, плеч, лопаток, крупа, крыла и других частей животного и птицы орнаментальными элементами. Изобразительные и орнаментальные начала органично слиты воедино. На многих рельефах изображения животных и птиц в единичных и многофигурных композициях даны на фоне плетения растительного орнамента или же в узорном обрамлении. Сами изображения людей, животных и птиц мастерски «вписаны» в заранее данную форму архитектурной детали – тимпана, архивольта, столба, арочки, квадра или крупного орнаментального медальона (рис. 33, 38, 45, 46, 49-53, 58).

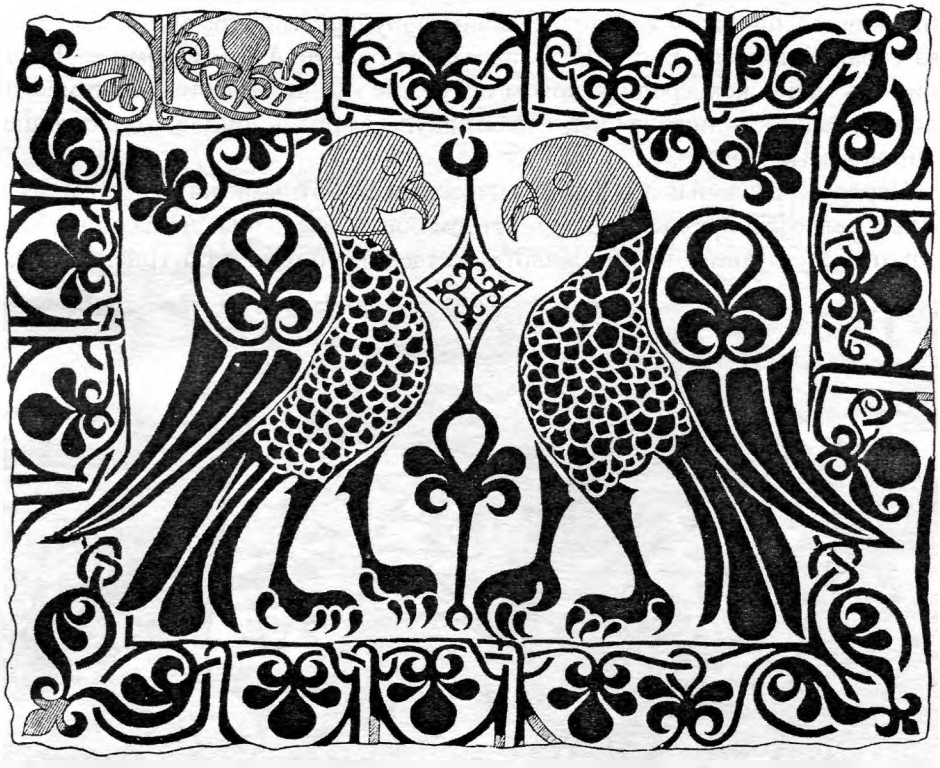

Рис.51. Каменный рельеф из сел. Кубачи с изображением птиц в обрамлении растительного орнамента. Начало XV в. 48,5×60 см. ГЭ. Прорисовка.

Весьма важным и существенным элементом системы средневекового архитектурного декора Кубачи выступает растительный, эпиграфический, ленточный и другие виды орнамента, отличающиеся многообразием и выразительностью мотивов и композиционных решений. Вместе с изобразительными сюжетами орнамент придавал архитектурным сооружениям выразительность и художественное совершенство.

В архитектурном декоре – на резных камнях сел. Кубачи XIV-XV вв., особенно на тимпанах двухпролетных окон, как и в средневековом декоративном

искусстве стран Ближнего Востока, наблюдается органическое соединение в единой композиции изобразительного сюжета, орнамента и каллиграфии – декоративно трактованного арабского письма (рис. 38, 39, 52, 58), что было выражением эстетических представлений населения того времени, сходных во многих отношениях и по своей сути с такими же представлениями народов Востока, нашедших свое отражение в специальных «Трактатах» XV-XVI вв., посвященных каллиграфии, художникам и их искусству. Авторы их Султан-Али Мешхеди, Дуст-Мухаммад, Кази-Ахмад Мир-мунши аль-Хусайни, Садик-бек Афшар, различая каллиграфию, орнамент и изображения, как особые виды творчества, вместе с тем постоянно указывают, что тот или иной крупный художник владел всеми тремя или хотя бы двумя из этих специальностей[3].

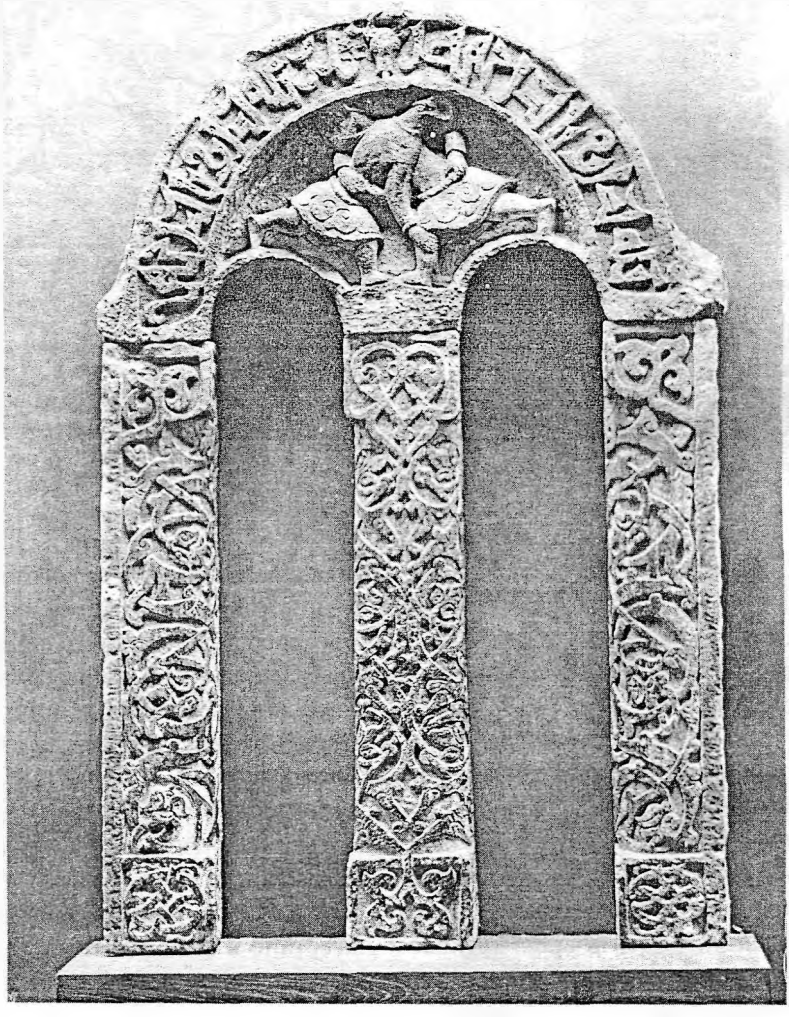

Рис.52. Тимпан и колонки двухпролетного окна из сел. Кубачи. Середина XIV в. В полукруге тимпана персидская надпись: «Да будет покровителем творец мира, да будет покровителем ...». ДМИИ.

В средневековом Дагестане, как и в странах Ближнего и Среднего Востока, арабская каллиграфия становится одним из распространенных видов художественного творчества. Исследователи средневекового искусства Востока справедливо отмечают, что «высокоразвитая каллиграфия, которая была письмом не только религии, но и поэзии, философии, науки, расценивалась как искусство, занимая среди других его видов почетное место. Достигнув необычайной тонкости и изящества в применении различных усложненных почерков, каллиграфия превратилась в одну из форм орнамента, игравшего значительную роль в искусстве мусульманского средневековья»[4].

Рис.53. Каменный рельеф из сел. Кубачи со сценой охоты. XIV-XV вв. 24,5×47,5 см. ГЭ. Прорисовка.

Афоризмы, изречения из Корана, благопожелания, имена мастеров или владельцев тех или иных предметов, надписи исторического содержания, эпиграфический орнамент, с большим мастерством исполненные декоративно трактованными арабскими буквами, украшали различные произведения прикладного искусства Дагестана – керамику, изделия из металла, резного дерева, камня и кости, художественные ткани и ковры, оружие, а также культовые и гражданские архитектурные сооружения. Очень широко использовались надписи из затейливой вязи арабских букв, обычно вплетенные в орнаментальные композиции, для художественной отделки мемориальных (надмогильных) памятников в виде вертикально поставленных каменных плит (рис. 54-56).

Изысканная художественная отделка характерна и для рукописных книг, которые скапливались в средневековом Дагестане в виде частных и общественных коллекций[5]. Книжная орнаментика составляла особую область прикладного искусства.

Творчество мастеров средневековья не было безымянным. До нас дошли имена некоторых из них: 1) литейщики бронзовых котлов – Ахмед, сын Али

Рис.54. Надмогильный памятник 783 г.х. / 1381-82 гг. Сел. Кубачи. Кладбище Бидахъ хуппе. Высота орнаментированной части 118 см, ширина вверху 77 см, внизу 65 см, толщина 6 см. Прорисовка.

(XIII в.), Абу Бакр, сын Ахмеда (XIII в.), Махмуд, сын Абу Бакра, Ахмед, сын Махмуда (XIII-XIV вв.); 2) резчики по камню – Абу Бакр (первая пол. XV в.), Рамазан, Чаъман (сер. XV в.), Джарак (XV в.), Ахмад (XV в.); 3) резчик по дереву Мухаммад, сын Хусейна (кон. XV в.); 4) переписчики рукописных книг, которые создавали произведения высокого каллиграфического искусства – Абу Бакр, сын Мухадая аз-Зирихгерани (сер. XIV в.), Юсуф ал-Кубаши (сер. XV в.), Абдурахман аз-Зирихгерани (кон. XV в.), Али, сын Мухаммада аз-Зирихгерани (нач. XVI в.), Айди, сын Мухаммада аз-Зирихгерани (нач. XVI в.).

Рис.55. Надмогильный памятник 783 г.х. = 1381/82 гг. Сел. Кубачи. Кладбище Бидахъ хуппе. Высота 106 см, ширина вверху 80 см, внизу 69 см, толщина 6 см.

Исламское искусство Кубачи и всего Дагестана периода средневековья нельзя считать привнесенным извне вместе с проникновением в «Страну гор»

арабо-мусульманской культуры. Искусство это формировалось на основе синтеза арабо-мусульманского искусства и богатых традиций доисламского декоративно-прикладного искусства, народной архитектуры и словесного художественного творчества дагестанцев.

Рис.56. Надмогильный памятник 783 г.х. = 1381/82 гг. Сел. Калакорейш. Высота орнаментированной части по центру 78 см, наибольшая ширина вверху 55 см, внизу 49 см, толщина 10 см.

Еще до проникновения ислама в горный край и утверждения его как официальной идеологии здесь развивались различные виды декоративно-прикладного искусства – художественная обработка металла, ковроделие, керамическое производство, резьба по камню и дереву, обработка кости и т.д., имеющие развитые традиции, базирующиеся на многовековом опыте[6].

На столь же древних традициях основывались строительное дело и архитектура. В средние века и позднее мусульманские культовые сооружения – мечети и минареты обычно возводились с учетом сложившихся в Дагестане в доисламское время архитектурно-художественных традиций, хотя, надо отметить, на формы и декор этих сооружений оказали влияние особенности мусульманской культовой архитектуры Востока.

Проникновение в сел. Кубачи вместе с исламом арабо-мусульманской культуры существенно обогатило его традиционное искусство, дало новый толчок для его дальнейшего совершенствования и определило на многие века путь исторического развития искусства Кубачи в общем русле развития художественной культуры и искусства стран мусульманского Востока.

С проникновением этой культуры в средневековом искусстве сел. Кубачи складывается новый стиль. Использование в декоративных целях арабских надписей необычайно расширило художественно-выразительные средства в отделке произведений декоративно-прикладного искусства и различных по своему функциональному назначению архитектурных сооружений и в первую очередь культовых построек.

В исламском искусстве Кубачи периода средневековья, как и в искусстве мусульманских стран Закавказья, Ближнего и Среднего Востока очень большое место занимал орнамент. В эпоху развитого средневековья, в XIV-XV вв. он достигает невиданного ранее расцвета.

Орнамент относится к той области художественного творчества, в которой в яркой форме проявляются эстетические вкусы народа, художественные способности и талант. В нем отразилась многовековая мудрость народа, его художественно-эстетический опыт и даже определенные черты мировоззрения. Характерная для искусства стран Востока периода средневековья ярко выраженная декоративность нашла свое воплощение в орнаментальном искусстве, которое отражало мир действительности, хотя и условно, «по-своему воплощая его богатство, и заключало подчас довольно сложный символический, аллегорический и ассоциативный смысл, перекликающийся с образами поэзии»[7]. Будучи важным и относительно устойчивым элементом художественной культуры[8], орнамент выступал как один из характерных признаков своеобразия средневекового исламского искусства Зирихгерана–Кубачи и всего Дагестана, а также в определенной степени этнического своеобразия декоративно-прикладного искусства дагестанских народов – аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, лакцев, табасаранцев и др.

Нельзя согласиться с теми исследователями (А.Ф. Гольдштейн и др.), которые считают растительный орнамент не характерным для Дагестана и рассматривают его как узор, привнесенный извне в готовом виде[9]. Отрывать растительный орнамент от дагестанской почвы, относить его к «азиатскому сти-

лю» в корне неверно. Растительный орнамент, как важный составной элемент художественной культуры, столь же органически присущ исламскому искусству Кубачи и Дагестана, сколь он характерен для искусства народов Ближнего и Среднего Востока. В разработку орнаментальных мотивов растительного стиля, как и, впрочем, эпиграфического, ленточного, геометрического и других типов узора, дагестанские мастера внесли свой вклад. На протяжении многих столетий этот вид орнамента совершенствовался, обогащался и оттачивался многими поколениями мастеров. Орнамент при этом приобретал присущий для той или иной исторической эпохи «почерк», т.е. особенности стиля и этнического своеобразия. За многие века сложились местные локальные особенности растительного орнамента – кубачинского, лакского, аварского и т.д. Растительный орнамент во всем его неисчерпаемом многообразии мотивов и композиционных построений находил и ныне находит широкое применение в самых различных видах декоративно-прикладного и монументально-декоративного искусства Дагестана.

Растительный орнамент, как проявление нового стиля, нового направления в декоративном искусстве эпохи средневековья, формируется и получает развитие в Зирихгеране–Кубачи одновременно с формированием и развитием его в Закавказье, Средней Азии и мусульманских странах Ближнего Востока. Имея немало сходных черт, средневековый растительный орнамент в каждом из отмеченных регионов отличался специфическими особенностями, которые проявлялись в типах и мотивах, композиционных решениях и колорите, художественном стиле и т.д.

Причины быстрого распространения и усвоения многими народами этого вида орнамента кроются в сходстве процессов развития социально-экономических отношений, которые сопровождались подъемом художественной культуры, развитием строительного дела и архитектуры, художественных ремесел и монументально-декоративного искусства.

Многие исследователи справедливо указывают на то, что растительный орнамент нельзя считать порождением идеологии ислама. По верной оценке известного искусствоведа, проф. Б.В. Веймарна «искусные мастера восточного орнамента достигли виртуозности, создавая изумляющие взор и волнующие чувства композиции, которыми они украшали и огромные архитектурные плоскости и разнообразные бытовые предметы и листы рукописных книг. Широкое распространение искусства орнамента, чрезвычайно многогранно вошедшего в жизнь людей и тесно связанного с народными художественными традициями, было одним из специфических выражений декоративности, характерной для средневековой художественной культуры вообще»[10].

В средневековом Кубачи в художественном оформлении различных по своему назначению архитектурных сооружений и мемориальных (надмогильных) памятников, а также изделий прикладного искусства особое значение придавалось декоративным арабским надписям, составляющим эпиграфический орнамент. Он представлен в виде различных панно, окантовок, обрамляющих полос, заполнений различных форм медальонов, розеток, квадратов, прямоугольников и т.д. Почерком надписей большей частью служил поздний

куфи, являвшийся одним из основных видов декоративного почерка. Встречаются также надписи, выполненные почерком *сульс*. С конца XV в. и в последующее время стал широко использоваться почерк *насх*, особенно хорошо сочетающийся по характеру написания букв с растительным орнаментом.

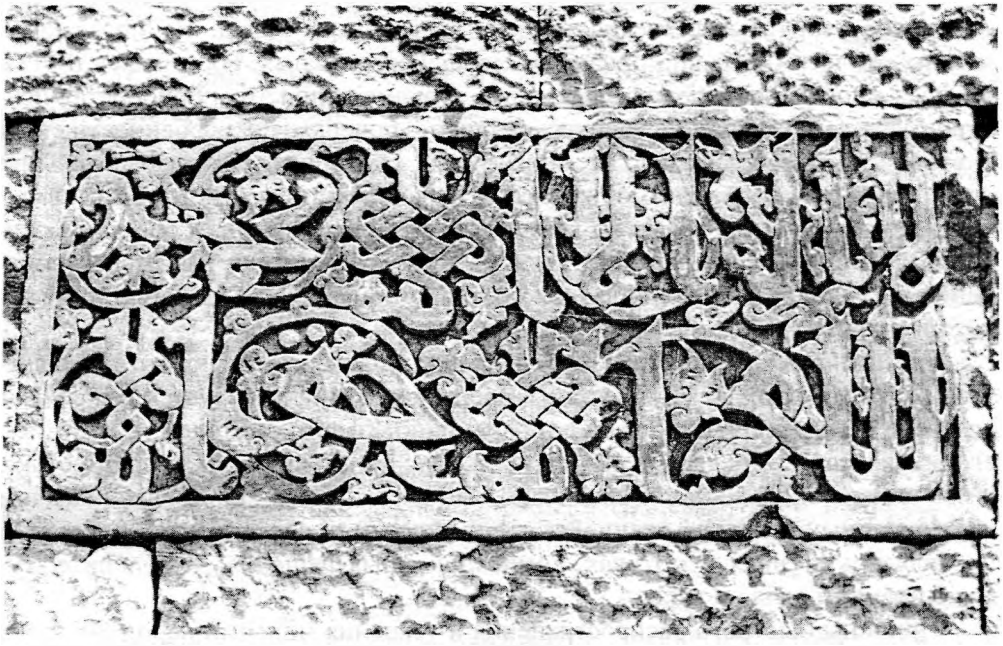

Рис.57. Каменный рельеф с арабской надписью в кладке аркады (южная сторона) Джума-мечети в нижнем квартале сел. Кубачи. 19×40,5 см.

Эти три типа средневекового арабского письма в архитектурной эпиграфике и в декоре мемориальных памятников имеют несколько разновидностей начертания и художественной трактовки. Иногда одни и те же буквенные формулы или надписи, с незаурядным мастерством подвергнутые многообразной художественной отделке, приобретали замысловатость и яркую декоративность, когда в них включались плетенки в виде так называемых «узлов счастья» или «узлов благоденствия», соединенных с буквенными стволами и образующих сплетения в виде сердечек, петель, колец и т.д. (рис. 57). Из декоративных арабских надписей составлялись самые разнообразные усложненные и оригинальные композиции в виде медальонов, розеток, стилизованных изображений птиц и т.д. Такие надписи предназначались для длительного и внимательного рассматривания.

Эпиграфический орнамент выполняли каллиграфы, достигшие высокого совершенства в своем искусстве – красоты, изящества и художественной выразительности письма. Они являлись и превосходными орнаменталистами, умеющими составлять не только буквенный узор, но и сложные композиции, в которых гармонично сочетались растительный, эпиграфический и другие виды орнамента.

Мастера Зирихгерана–Кубачи, творившие в средневековую эпоху, в соответствии с эстетическими канонами ислама, выработали свои приемы и устоявшиеся правила декоративной отделки надмогильных памятников (рис. 54-56), основанные на принципе гармоничных пропорций: декор наносили, придерживаясь определенных соотношений между размером памятника, ширины эпиграфической полосы, размеров букв декоративных надписей и орнамента, а также соотношения центрального поля и узорно-эпиграфической полосы. Хотя общие принципы гармоничного сочетания узора и эпиграфики устойчиво сохранялись в Зирихгеране–Кубачи и Дагестане веками, сама форма надмогильных памятников и узорно-эпиграфические композиции эволюционировали и в разных частях Дагестана имели свои локальные отличия.

Мастера прикладного искусства, направляя свои творческие усилия на совершенствование сложившихся, широко распространенных, порой канонизированных узорно-эпиграфических композиций и на поиски новой оригинальной их интерпретации, значительно обогащали декор памятников, делали его богаче по форме и разнообразней по композиционному решению.

Нередко в декор надмогильных памятников включались и доисламские, очень долго бытовавшие в народном художественном творчестве языческие символы – различного рода солярные знаки, вихревые розетки, крестообразные фигуры и пр. Доисламские символы включались и в резьбу каменных и деревянных архитектурных деталей культовых и светских построек.

В художественном наследии Дагестана богатое и оригинальное орнаментальное искусство, созданное за многие века мастерами Зирихгерана–Кубачи и отличающееся национально-этническим своеобразием, занимает одно из почетных мест.

При наличии ряда общих черт с искусством мусульманских стран Востока, исламское искусство Зирихгерана–Кубачи XIII-XV вв. обладало ярко выраженной спецификой и локальным своеобразием, связанным с местной художественной традицией и творческими устремлениями народа. В многовековой истории искусства Дагестана оно составило один из важных и значительных этапов его поступательного развития.

* * *

В связи с исследуемой проблемой необходимо кратко остановиться на вопросе, касающемся термина «исламское искусство», так как отдельные авторы считают, что этот термин изжил себя, и что «реальной исторической действительности соответствует понятие «искусство мусульманских стран»[11].

Это мнение Л.С. Бретаницкого, изложенное в начале 1970-х гг., обосновывается следующими аргументами: «ислам способствовал сложению нового искусства, являясь его идеологической основой, но не создал ни стилистически единого мусульманского искусства, ни единых норм эстетических представлений, ни тем более, единых для всего мусульманского мира архитектурно-художественных образов»[12].

На первый взгляд все это кажется убедительным, но при углубленном

рассмотрении вопроса выясняется, что это не совсем так. Да, ислам не создал единых для всего мусульманского мира архитектурно-художественных образов. А разве не в этом одна из специфических особенностей единого в своем многообразии исламского искусства? Кроме того, если взять культовую архитектуру мусульманских стран, а не вообще архитектуру в целом, разве она не обладает ярко выраженными для всего «мусульманского мира» специфическими особенностями, отличающими ее от культовой архитектуры народов, исповедующих христианство, буддизм или другую религию? Ведь стали же характерной составной частью мусульманской архитектуры такие типы сооружений, как мечеть, минарет, мавзолей, медресе.

Относительно того тезиса, что ислам не создал сколько-нибудь единых норм эстетических представлений, надо отметить, что строго канонизированных, единых эстетических представлений на обширной территории мусульманского мира не могло быть. У каждого народа эстетические представления основываются на их многовековых художественных традициях. В то же время, при всех локальных (типологических) различиях, эстетические представления каждого из исповедующих ислам народов имеют и общие для всех них принципы, отличающиеся от эстетических принципов народов, придерживающихся других религиозных систем. Это ярко выраженная декоративность, основанная на своеобразии восточного художественного мышления, условность художественного языка, широкое использование в декоративных целях орнамента и эпиграфики – арабских надписей. Как отмечает Б.В. Веймарн, «ни один алфавит мира не получил такого эстетического значения и столь богатой художественной разработки, как арабский, распространенный в средние века во всех странах «мусульманского мира»[13]. Об этом же пишет и В.Л. Воронина: «ни в одной архитектуре мира эпиграфика не получила такого значения, как на Востоке»[14]. И далее, «при исламе эпиграфика принимает на себя всю смысловую нагрузку, которую другие религии возлагают на живопись и скульптуру»[15].

Сложению черт общности в искусстве стран мусульманского средневековья способствовали «сходство форм развития феодализма, тесные торговые и культурные связи и сам факт подчинения разных народов одному языку, одной религии, единым правовым и социальным установлениям»[16].

Сама постановка вопроса о стилистически едином мусульманском искусстве (как и стилистически едином христианском искусстве) представляется неверной, так как искусство разных по географическому положению, историческим судьбам и культуре народов мусульманских стран развивалось в целом в рамках национальных художественных школ и национальных художественных традиций.

Как отмечают Т.П. Каптерова и Н.А. Виноградова, «после того как земли Сирии, Палестины, Ирана, Египта, Ирака, Афганистана, Средней Азии и Северной Африки вошли в состав Халифата, их культура, не утратив ярко выраженных местных особенностей, стала развиваться в ином направлении, приобретая новые черты. В каждой из арабских стран искусство обладало самобытностью, что отличало памятники Сирии от памятников Ирака, произведе-

ния средневекового Египта от того, что было создано в Северной Африке и мусульманской Испании»[17].

Даже в такой относительно небольшой историко-географической области, как Дагестан, искусство периода средневековья не представляло в стилистическом отношении единое целое. Исламское искусство Зирихгерана–Кубачи XIV-XV вв. отличалось стилистически от исламского искусства того же времени другого крупного художественного центра – Кази-Кумуха. С принятием дагестанскими народами ислама их традиционная культура не утратила черты этнического своеобразия, проявлявшиеся в вековых традициях зодчества и народного художественного творчества, в жизненном укладе, местных обычаях, обрядах и т.д. Но при всех имеющихся местных стилистических различиях, ярко выраженных особенностях искусство Зирихгерана–Кубачи и Кази-Кумуха объединяли черты общности, основанные на общеисламских художественных канонах, позволяющие относить его именно к исламскому искусству.

Исследователи, в особенности зарубежные[18], пользуются термином «исламское искусство», или «мусульманское искусство», для того, чтобы отличить его (но не противопоставить) от искусства народов, исповедующих христианство, буддизм и другие религии, с целью показать его художественно-эстетические особенности, пути его формирования и развития, а также сложения локальных особенностей, национальных художественных школ и т.д.

Термин «искусство мусульманских стран» приемлем, когда речь идет об искусстве этих стран в целом. Но когда исследуется искусство отдельной, конкретной страны, области, региона, входящих в огромный мусульманский мир, то обозначить это искусство данным термином невозможно. В этом случае приемлем термин «исламское искусство» (исламское искусство Зирихгерана–Кубачи XIV-XV вв., исламское искусство Кази-Кумуха XV-XVII вв. и т.д.). Поэтому рассмотренные выше оба термина – «искусство мусульманских стран» и «исламское искусство» («мусульманское искусство») могут быть использованы в необходимых случаях в равной мире.

* * *

В сложении и развитии исламского искусства Дагестана, и в особенности Зирихгерана–Кубачи, большую роль сыграли произведения средневекового художественного ремесла стран Востока, которые доставлялись в Кубачи и другие населенные пункты разными торговыми путями. Испано-арабский путешественник Абу Хамид Андалуси ал-Гарнати (XII в.) в сочинении «Подарок умам и выборки диковинок» (1162 г.) после перечисления изготовляемых зирихгеранами различных предметов воинского снаряжения и медных изделий, добавляет, что «хотя нет у них (т.е. у зирихгеранов – М.М.) пашен и садов, добра и денег у них больше, чем у других, потому что со всех сторон привозят к ним люди всякие блага»[19]. Среди этих «всяких благ» были, надо полагать, и высокохудожественные произведения прикладного искусства Востока, которые служили кубачинским мастерам образцами при изготовлении ими раз-

личных изделий. Мастера художественной обработки металла, резьбы по камню и дереву и другие усваивали характерные для искусства мусульманского Востока изобразительные сюжеты и орнаментальные композиции металлической посуды, керамики, высокохудожественных текстильных изделий и различных украшений.

Касаясь вопросов искусства и художественной культуры сел. Кубачи и Дагестана в целом И.А. Орбели и К.В. Тревер считают не случайным тот факт, что вся так называемая «сасанидская бронза» эрмитажной коллекции, за единичными исключениями, происходит из Дагестана[20], где с очень глубокой древности на высоком для своего времени уровне развития находилась металлообработка. «И вполне естественно, – пишут И.А. Орбели и К.В. Тревер, – должен был постоянно направляться по различным руслам ввоз бронзовых изделий, одних – в качестве металла для переработки, других, особенно же высокого качества – то ли как образцов, то ли как произведений искусства, радующих глаз мастера-ценителя»[21].

В другой работе И.А. Орбели отмечает, что кубачинские домашние «музеи», хранившие в течение веков, не в витринах, а в условиях бытового использования, и сасанидскую бронзу, и рейскую керамику XII-XIII вв., и великолепную парчу XIII в., и сотнями те расписанные кобальтом фаянсовые блюда, напоминающие китайский фарфор, которыми Персия Шаха Аббаса I в конце XVI в. соблазнила голландских купцов и в значительной степени отвлекла их от закупки на Дальнем Востоке китайского фарфора, – обогатили все крупнейшие музеи мира лучшими образцами и восточного металла и восточной керамики. Обогатили эти кубачинские «музеи» и русских собирателей, а затем наши музеи, и керамикой и бронзой»[22].

Примечательно, что за высокохудожественной керамикой (фарфоровая, фаянсовая и люстровая посуда) ближневосточных ремесленных центров – Багдада, Рея, Кашана, Кермана, Тебриза и других, в огромном количестве хранящейся в кубачинском быту, веками, передаваясь из рода в род, а также находящейся в собраниях крупнейших отечественных и зарубежных музеев и коллекционеров, устойчиво закрепилось название «керамика Кубачи»[23], хотя в этом селении она никогда не изготовлялась.

В средние века кубачинские ремесленники, оружейных дел мастера и торговцы-*савдагары* совершали дальние поездки в различные страны Востока – в Хорасан (Северо-Восточный Иран), Шам (Сирия), Миср (Египет), Рум (Византия), не говоря уже о таких более близко расположенных к Дагестану странах, как Азербайджан, Армения, и Грузия. Работая в странах Закавказья и Ближнего Востока, мастера усваивали достижения в сфере прикладного искусства и художественной культуры восточных стран, совершенствовали свои профессиональные навыки, а затем все это переносили на родную землю. И потому не удивительно, что в искусстве Зирихгерана–Кубачи XIV-XV вв. представлены изобразительные сюжеты и орнаментальные композиции, встречающиеся в средневековом искусстве различных стран и народов.

Широкому распространению иконографически сходных композиций способствовали также произведения художественного текстиля – восточные тка-

ни, которые привозились из Закавказья, Средней Азии и стран Ближнего Востока в крупный торгово-ремесленный центр на Северо-Восточном Кавказе – в город Дербент, а оттуда расходились по всему Дагестану.

Полихромные ткани – ближневосточные, среднеазиатские, византийские шелка, парча, атлас и другие, богато отделанные различными орнаментальными мотивами, а также изображениями животных и птиц, в средние века высоко ценились на мировом рынке, являлись самым ходовым и желанным товаром, своего рода международной валютой. Ими уплачивали подати и государственные долги, награждали и одаривали царей и иностранных послов, выплачивали жалованье наемникам[24]. Исследователи не без основания считают, что «именно персидские, арабские и среднеазиатские шелка были вообще основным источником как сюжетов, так и образов европейской орнаментики X-XIII веков»[25].

Высокохудожественные восточные ткани известны были в Дагестане еще в раннем средневековье. Арабский историк и филолог Хамза ал-Исфахани (X в.) сообщает, что шах Ирана Хосров Ануширван (531-579 гг.) построил Дербент, а в соседние области назначил своих «предводителей» и каждого из них одарил почетными одеждами, сшитыми искусными мастерами. По рисунку на одежде получали свои титулы и правители: *баграншах* («царь кабанов»), *филаншах* («царь слонов»), *ширваншах* («царь львов»)[26].

Автор XII в. Абу Хамид ал-Гарнати пишет о «золотой румийской парче»[27], используемой зирихгеранами в своих зороастрийских погребальных обрядах[28].

В XIII в. в Дербенте было налажено изготовление шелковых тканей и парчи. А в XIV-XV вв. этот город становится одним из крупных на Северном Кавказе центров производства шелка и шелковых тканей, а также атласа, которые в большом количестве вывозились в самые различные области и страны, вплоть до Западной Европы[29].

По торговым путям, наиболее кратчайшим вьючным тропам через горные перевалы кубачинские мастера и торговцы добирались до крупных торгово-ремесленных и культурных центров Ирана и Закавказья – в города Тебриз, Исфахан, Нуха, Шемаха, Гянджа, Баку, Тифлис, Эриван, что нашло своеобразное отражение в кубачинском фольклоре. В устно-поэтическом творчестве нередко встречаются названия упомянутых городов[30], воспеваются шелковые ткани Нухи, Шемахи, а также Хорасана, парча из Тбилиси[31].

Широкие торговые связи (прямые или опосредствованные) с ближневосточными странами отразились и в кубачинской терминологии художественных тканей восточного происхождения – *калхана* (от перс. *кархана* – крупная ремесленная мастерская в Иране, Азербайджане), *забраб* (от перс. *зербафт* – парчовая ткань), *хIялале* (от араб. *хIярирун* – шелк), а также драгоценных камней *ляйлуллла шумиш* («рубиновая бусина», от перс. *лал* – рубин), *юсрулла шумиш* («янтарная бусина», от араб. *юсру* – янтарь)[32], *пируза* (бирюза, от перс. *фероз* – победа). В терминологии кубачинских мастеров представлено немало названий и турецкого (тюркского) происхождения[33]. Рубин, изумруд, красный

и зеленый шелк, парча, золото и серебро являются постоянными эпитетами устно-поэтического творчества кубачинцев.

Название головного убора кубачинских женщин *кIаз* в виде белого полотенцеобразного покрывала происходит от названия *газ* – тонкой льняной ткани из Газы (Палестина)[34].

Непосредственными связями кубачинских мастеров со странами Закавказья и Ближнего Востока в средние века можно объяснить наличие у жителей сел. Кубачи родовых фамилий иноземного происхождения, таких как *Ганжахъалла*, *Шамхъалла*, *Тушехъалла* (*Тусехъалла*), *Мисриханхъалла*, *ХартIумхъалла*. Корневые части в этих фамилиях являются названиями городов или стран, а суффикс *-хъалла* обозначает, как уже отмечалось, принадлежность к конкретному роду, тухуму.

К этому перечню фамилий иноземного происхождения можно добавить еще *Пагъливанхъалла* (от перс. *пехлеван* – богатырь), *Булгъархъалла* – от названия г. Булгар (Болгар), столицы Волжско-Камской Болгарии – государственного образования народов Среднего Поволжья и Прикамья, сыгравшего значительную роль в средневековой истории Восточной Европы. В Булгары (Болгары) – крупный торгово-ремесленный центр Поволжья, съезжались купцы из многих областей и стран, в том числе с Кавказа[35]. Между Поволжьем и Дагестаном издавна, еще с эпохи бронзы, существовали тесные торговые и культурные связи, которые продолжались и в эпоху средневековья[36]. А в конце I тыс. н.э. были налажены еще и этнические связи. Этим объясняется наличие общих элементов в материальной и духовной культуре чувашей и народов Северного Кавказа[37].

В средние века иноземные фамилии мастера получали из-за их долгого или многократного пребывания в тех или иных городах или странах, потом эти фамилии становились родовыми.

Кроме того, наличие у кубачинцев фамилий иноземного происхождения можно объяснить еще тем, что в средние века в сел. Кубачи наряду с местными мастерами работали пришлые мастера из других областей и стран. Об этом свидетельствуют приведенные выше (гл. V) сообщения Закарийи ал-Казвини и Рашид ад-дина ал-Бакуви о том, что «зирихгеранцы любят чужеземцев, особенно тех, кто разбирается в науке или каллиграфии, и тех, кто знает какое-нибудь ремесло». Часть пришлых мастеров, выходцев из восточных стран, вероятно, оседала в Кубачи.

Своеобразным отражением многовековых контактов кубачинских мастеров с Ираном является наличие в терминологии кубачинского орнамента таких названий орнаментальных композиций, как *къажар*, *испаган*, *иран*[38]. Контакты со сторонами Закавказья, Ближнего и Среднего Востока отразились и в таких кубачинских названиях орнамента, как *гурже-накьиш* («грузинский орнамент»), *армани-накьиш* («армянский орнамент»), *ириван-лум* («ереванская кайма»), *истамбул бикI* («стамбульская головка» – элемент узора), *бухаре-накьиш* («бухарский орнамент»)[39].

Примечательно и то, что у кубачинцев имеются устойчивые названия произведений восточного художественного ремесла – керамики и металличе-

ской посуды, ставших составной частью культуры и быта жителей сел. Кубачи. Произведения эти высоко ценились, передавались веками из поколения в поколение, и многие из них, относящихся к XIV-XV вв. сохранились в быту поныне. Это *багъдагъла хатlа* – «багдадская (т.е. из Багдада) тарелка», *синалла хатlа* – «китайская (Син//Чин – Китай) тарелка, блюдо» и т.д.

Следует отметить, что в средние века между Дагестаном и такой географически удаленной от него страной, как Китай, существовали связи, не прямые, а опосредствованные через Северный Кавказ, Закавказье и страны Ближнего и Среднего Востока. В Дагестан из Чина (ал-Сина) попадали не только славившиеся в средние века во всем мире изделия китайского шелка, но и другие изделия художественного ремесла, в том числе отличающиеся высокими декоративными качествами посуда из фарфора и фаянса (кубач. *синалла хутlне* – «китайские тарелки»), а также предметы из резной кости. Все это проникало в самые отдаленные высокогорные аулы Дагестана и хранилось как драгоценные реликвии и передавалось по наследству. В быту кубачинцев и ныне можно встретить немало образцов китайской керамики XVII-XIX вв., попавшей сюда разными торговыми путями. Можно достаточно уверенно предполагать, что в прошлом китайские купцы доходили до Дагестана, где на базарах Дербента, Эндерея и других населенных пунктов сбывали изделия восточного художественного ремесла.

Известно, что декоративно-прикладное искусство Китая оказало свое влияние на искусство многих стран и народов. Некоторые черты китайского искусства прослеживаются и в декоративно-прикладном искусстве Дагестана XIV-XV вв. В орнаменте кубачинских каменных рельефов – деталей архитектурного декора и в резьбе деревянного *мимбар*а XV в. Джума-мечети в сел. Кубачи прослеживаются элементы орнамента Китая (китайский лотос). А в трактовке изображений грифонов, запечатленных на литых бронзовых котлах так называемого закрытого типа также можно увидеть приемы стилизации, характерные для изображений реальных и фантастических существ в китайском искусстве.

Не без влияния китайской иконографии сложился образ дракона в средневековом искусстве Дагестана, который наиболее яркое воплощение получил в архитектурном декоре XIV-XV вв. сел. Кубачи[40]. Как известно, дракон – не только один из самых популярных и распространенных образов в различных видах китайского искусства, но и входил в эмблему государственного герба Китая. В особенностях этого причудливого образа в каменной фасадной рельефной скульптуре сел. Кубачи можно уловить элементы, присущие для иконографии китайского дракона.

Связи между Дагестаном и Китаем, существовавшие со времен функционирования «Великого шелкового пути» из Центральной Азии, через Северный Кавказ в Закавказье и Византию, не прерывались и в последующие эпохи.

Художественные металлические сосуды крупных ремесленных центров Ирана, Сирии, Ирака и других стран послужили прототипами изготовляемых еще с эпохи средневековья кубачинскими мастерами медных и бронзовых сосудов *ашак* (литой бронзовый котел), *хъутхъа* (малый водоносный сосуд),

нукьнус (ритуальный сосуд в виде ведерка), *чибсатагаран* (ритуальный сосуд в виде профилированной глубокой чаши, закрывающейся крышкой). А на основе форм этой посуды местного производства были разработаны во второй пол. XX в. кубачинскими мастерами-златокузнецами Р. Алихановым, А. Абдурахмановым, Г.-Б. Магомедовым, Г.-Г. Чабкаевым высокохудожественные изделия из серебра, отделанные традиционным орнаментом и стилизованными, декоративно трактованными изображениями животных и птиц, навеянными сюжетами средневековых каменных рельефов и бронзовых котлов.

Кубачинские мастера издавна выполняли заказы на сторону, работая, смотря по спросу, в собственном стиле и в стиле «иноземном»[41]. Нередко те или иные произведения художественного ремесла, изготовленные в Кубачи, получали названия той области, страны или района, где они находили широкий спрос. Так, название *ширван-ашак* («ширванский котел») происходит не от того, что бронзовые котлы под таким названием изготовлялись в Ширване[42], а от того, что в средние века они отливались в сел. Кубачи, а затем в большом количестве вывозились в Ширван для сбыта.

И в позднейшее время кубачинские мастера, как и лакские и аварские мастера, работали в городах Ирана, Ирака, Сирии, Турции, Египта и других стран Востока[43] ювелирами и оружейных дел мастерами, что способствовало обогащению дагестанского искусства достижениями в сфере декоративно-прикладного искусства этих стран.

Таким образом, средневековые закавказско-ближневосточные художественные традиции оказали значительное влияние на развитие и обогащение исламского искусства XIII-XV вв. Кубачи и Дагестана в целом. Развиваясь в широких взаимосвязях с искусством многих стран и народов, искусство Зирихгерана–Кубачи периода средневековья усвоило многое из художественных культур Закавказья, Ближнего и Среднего Востока и создало яркую и своеобразную культуру, вошедшую составной частью в национальное культурное наследие дагестанских народов.

* * *

При изучении исламского искусства неизбежно возникает вопрос об отношении мусульманской религии к изобразительному искусству. Благодаря трудам В.Л. Ворониной[44], О.Г. Большакова[45], Т.Е. Еникеевой[46], Б.В. Веймарна[47] и других исследователей эта тема получила довольно обстоятельное освещение. Однако применительно к отдельным областям, странам, тем или иным регионам вопрос об отношении ислама к изобразительному искусству требует конкретизации, дополнения и уточнения путем разработки его различных аспектов на основе анализа местного фактического материала, с учетом особенностей культурно-исторического развития исследуемого региона и т.д.

Следует отметить, что вопрос о влиянии ислама на средневековое изобразительное искусство Дагестана уже затрагивался в трудах отдельных исследователей, изучавших художественную культуру сел. Кубачи и окружающих его аулов. Так, Н.Б. Бакланов, следуя довольно распространенным в 20-х гг. XX в.

среди зарубежных и некоторых отечественных ученых (Ф. Зарре, Э. Кюнель, Э. Диц и др.) взглядам, изобразительность в средневековом искусстве Кубачи связывал с распространением здесь шиитского толка ислама. По этому поводу он писал: «первоначально, пока Кубачи, подобно персам, принадлежали к мусульманам-шиитам, они (т.е. кубачинские мастера – М.М.) не чуждались изображений животных и человека …, [а когда] возобладали суннитские тенденции не только прекратилось изображение живых существ, но на всех уже существующих изображениях старательно были отбиты и уничтожены главные признаки одухотворенности: головы или хотя бы лица или морды»[48].

Рис.58. Каменный тимпан из сел. Кубачи с изображением льва, напавшего на кабана и эпиграфическим орнаментом (псевдонадписью) в полукруге. XIV в. Высота 85 см, ширина внизу 156 см. ГЭ.

Акад. И.А. Орбели, исследуя средневековые каменные рельефы и бронзовые котлы из сел. Кубачи, также затронул вопрос о воздействии ислама на средневековое изобразительное творчество кубачинцев[49]. Он отмечал, что «и котлы и рельефы сделаны были в среде, исповедовавшей либо шиитство, либо христианскую религию и лишь впоследствии воспринявшей суннитство. Но как ни либеральны в этом отношении шиитские положения, изображения «нечистых», с точки зрения ислама, животных недопустимы и невероятны и в шиитской среде. Таким образом, – заключает И.А. Орбели, – мы должны полагать, что такие памятники возникли в среде не мусульманской, хотя и пользовавшейся арабским письмом»[50]. При этом он указывал в качестве примера на кубачинский каменный тимпан XIV в. эрмитажного собрания со сценой нападения льва на кабана, в обрамляющем (тимпан) полукруге которого представлена псевдонадпись, выполненная арабскими буквами (рис. 58).

Известный исследователь дагестанского искусства, проф. А.С. Башкиров, хотя много занимался изучением средневековых памятников с изобразитель-

ными сюжетами из селений Кубачи, Калакорейш, Амузги и Ицари, все же конкретно не ставил вопрос о влиянии ислама на средневековое искусство этих селений. Но он считал, что памятники эти созданы в мусульманской среде, и приводил им широкие, порою не всегда убедительные аналогии как из областей, где была распространена христианская религия, так и из стран мусульманского Востока[51].

Довольно обстоятельно рассматривала вопрос о воздействии ислама на средневековое искусство Кубачи Э.В. Кильчевская в работе «От изобразительности к орнаменту»[52]. В ней она пишет, что «определение основных этапов и закономерностей исторического процесса развития искусства народов Ближнего Востока умышленно дается … через раскрытие процесса становления орнаментального стиля в искусстве дагестанского аула Кубачи, который был в эпоху средневековья одним из ярчайших локальных центров художественной культуры мусульманского мира»[53].

Не соглашаясь с довольно устоявшимися взглядами таких зарубежных исследователей, как Ф. Зарре, Э. Диц, Э. Херцфельд, А. Пооп и других, на причины развития орнаментального стиля в искусстве народов Ближнего и Среднего Востока вследствие запрета мусульманской религии изображать живые существа, Э.В. Кильчевская полагает, что в основе этого явления лежат более глубокие социально-исторические процессы, которые во многом обусловлены всем ходом развития культуры народов Востока в предшествующие периоды[54].

Однако, сформулировав общие принципы, касающиеся влияния ислама на изобразительное искусство стран Востока, Э.В. Кильчевская не раскрывает эти принципы на примере анализа конкретных произведений искусства. Но самим названием своей работы она подчеркивает, что процесс вытеснения изобразительных сюжетов и развитие орнаментального стиля в искусстве Кубачи непосредственным образом связан с распространением и дальнейшим упрочением идеологии ислама в этом селении и негативным воздействием ее на местную художественную культуру.

Рассматриваемый вопрос вскользь затрагивается и в альбоме, посвященном искусству Кубачи[55]. В нем, в частности, А.А. Иванов отмечает, что затухание изобразительной традиции в кубачинском искусстве эпохи средневековья происходило не без влияния ислама.

Таким образом, вопрос о влиянии ислама на средневековое народное изобразительное творчество сел. Кубачи в той или иной степени затронут в ряде научных трудов. Однако он не разработан с необходимой полнотой. Имеющийся к настоящему времени значительный фактический материал позволяет глубже и основательнее, чем прежде, осветить этот вопрос.

Следует, прежде всего, отметить, что священная книга мусульман Коран не содержит категорического запрета изображать человека и животных. В нем имеется лишь призыв к отказу от употребления вина и от доисламских культовых предметов: «О вы, которые уверовали! Вино, майсир, жертвенники, стрелы – мерзость из деяния сатаны. Сторонитесь же этого, – может быть, вы окажетесь счастливыми!»[56].

Вообще запрет на изображение живых существ, родившийся в борьбе с проявлениями идолопоклонства, не относится к числу важнейших положений ислама[57]. Наиболее отчетливо он был сформулирован в начале IX в. в составленных мусульманскими богословами канонических сборниках хадисов (т.е. в преданиях о высказываниях, поступках или деяниях пророка Мухаммада), где говорится: «Несчастье тому, кто будет изображать живое существо! В день Последнего суда лица, которые художник представил, сойдут с картин и придут к нему с требованием дать им душу. Тогда этот человек, не могущий дать своим созданиям душу, будет сожжен в вечном пламени»[58]. Хадисы прямо предлагали писать «только деревья, цветы и неодушевленные предметы». Они предупреждали, что художники «хуже всех людей будут наказаны в день Страшного суда», так как изображая людей и животных, они «подражают творению Аллаха»[59], в то время как творцом всего сущего может быть только один Всевышний Аллах. Особенному порицанию подверглись объемные изображения, «отбрасывающие тень», то есть памятники скульптуры.

Хотя ислам, начиная с того периода, когда был сформулирован запрет на изображения живых существ (IX в.), в значительной степени повлиял на развитие изобразительного искусства в мусульманских странах, тем не менее в средневековой художественной культуре стран Ближнего и Среднего Востока эта область художественного творчества никогда не исчезала полностью. Изобразительные сюжеты выполнялись на стенах дворцов и общественных зданий, на страницах рукописных книг рисовались чудесные миниатюры; изображения людей, животных и птиц украшали ткани, ковры, разнообразные металлические и керамические сосуды[60]. В народном художественном творчестве фольклорные образы продолжали бытовать веками.

Для выяснения вопроса о влиянии ислама на средневековое народное изобразительное творчество Зирихгерана–Кубачи особенно ценным и важным источником служат каменные рельефы XIV-XV вв. – детали архитектурного декора, украшавшие культовые и гражданские постройки в сел. Кубачи, а также связанные с рельефами общностью изобразительных сюжетов и орнаментальных мотивов кубачинские литые бронзовые котлы того же времени. Наряду с ними важны и памятники резьбы по камню и дереву селений Калакорейш, Амузги. Ицари и ряда других художественно-ремесленных центров средневекового Дагестана.

Следует отметить, что средневековый Дагестан, как и вообще средневековый Восток, не знал станковой живописи и обособленной, т.е. объемной, скульптуры – монументальное изобразительное искусство здесь, как правило, было связано с архитектурой.

Созданные в пору высокого экономического и культурного подъема селения Кубачи, средневековые каменные рельефы с изображениями людей, различных животных, птиц, сцен охоты, состязаний, единоборства, жертвоприношений, орнаментальных и эпиграфических мотивов и т.д., хранящиеся в крупнейших музеях России (Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге, Дагестанский государственный объединенный исторический и архитектурный музей и Дагестанский музей изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой в

Махачкале) и зарубежных стран (Лувр в Париже, Метрополитен-музей в Нью-Йорке, Национальная галерея искусств в Вашингтоне), а также сохранившиеся в самом сел. Кубачи не раз служили поводом для споров и рассуждений об отрицательном влиянии ислама на развитие изобразительного искусства. Их обычно относили к домусульманскому периоду, а некоторые исследователи даже считали созданными в христианской среде. И сейчас нередко высказывается мнение о домусульманском происхождении кубачинских резных камней с изображениями людей, животных и птиц, поскольку де ислам вообще не допускал никаких изображений живых существ и будто бы со времени проникновения ислама в Дагестан здесь утверждается отвлеченный орнаментализм и совершенно исчезают изобразительные сюжеты. Между тем многочисленные произведения средневекового декоративно-прикладного искусства XIV-XV вв. не только Кубачи, но и других селений – памятники резьбы по камню и дереву, художественного бронзового литья с изобразительными сюжетами, нередко в сочетании с разнообразными орнаментальными композициями и эпиграфикой – созданы именно в мусульманской среде, поскольку ислам в Кубачи и соседних селениях как официальная идеология закрепился довольно основательно в конце XIII – самом начале XIV в.[61] Следовательно, многочисленные памятники искусства резьбы по камню и дереву, художественного бронзового литья с изобразительной тематикой, относящиеся к XIV-XV вв., созданы в мусульманской среде. Поэтому можно полагать, что до конца XV – начала XVI в. ислам не оказал сколько-нибудь заметного негативного влияния на развитие народного изобразительного искусства сел. Кубачи, да и всего горного Дагестана в целом. Даже на кубачинском каменном тимпане 1404 г. (рис. 39), хранящемся ныне в Дагестанском объединенном историческом и архитектурном музее, а первоначально находившимся над входом в здание медресе наряду с арабской надписью, содержащей дату его строительства в 807 г.х. (1404-05 гг.), имеются рельефные профильные изображения двух львов (головы их были позднее отбиты).

Можно предположить, что изображения эти вырезали или вопреки запрету ислама, или, что более вероятно, такой запрет понимался не буквально. Во всяком случае, представляется несомненным то обстоятельство, что основная масса памятников средневекового камнерезного искусства Кубачи с изображениями живых существ испорчены позднее XV в. – у животных, людей и птиц преднамеренно отбиты головы: согласно предписаниям ислама, наиболее отчетливо сформулированным крупнейшим мусульманским богословом Абу Хамидом Мухаммадом ал-Газали (1058-1111 гг.) и другими ведущими мусульманскими законоведами, чтобы избавиться от изображения живого существа достаточно испортить его лицо[62].

Начиная с XVI в., в искусстве Кубачи и Дагестана в целом наблюдается вытеснение изобразительных сюжетов и усиление орнаментализма. Этот процесс был, вероятно, связан с основательным упрочением и дальнейшим углублением позиции ислама как официальной религии и негативным воздействием его на изобразительное творчество дагестанских народов.

Исследованиями дагестанских ученых установлено, что в конце XVI- на-

чале XVII вв. наблюдается новый этап интенсивного проникновения в Дагестан классической арабо-мусульманской культуры и ее освоения. Этап этот акад. И.Ю. Крачковский не без основания охарактеризовал как своеобразный «ренессанс средневековой арабской культуры»[63].

Характерно, что именно с этого времени Дагестан становится в известном смысле религиозным авторитетом, а целая плеяда дагестанских ученых-арабистов приобретает широкое признание в вопросах теологии, права, грамматики, логики, естественных наук (математики, астрономии, медицины и т.д.) не только на Кавказе, но и на всем мусульманском Востоке[64]. Следует иметь ввиду и то обстоятельство, что, проходя длительный путь исторического развития, мусульманская идеология изменялась вместе с историей ислама и политической историей исповедовавших его народов[65].

Среди кубачинских каменных рельефов XIV-XV вв. – памятников исламского искусства представлено не мало таких, на которых высечены изображения живых существ – животных, людей или птиц вместе с арабскими надписями (или подражаниями им) и растительным орнаментом (рис. 17, 38, 52, 58). При этом идейным центром всей композиции и главным сюжетом выступает изобразительный мотив. Таким памятником является, например, хранящийся ныне в Государственном Эрмитаже тимпан двухпролетного окна XIV в. с изображением льва, напавшего на кабана[66] (рис. 58). В обрамляющий полукруг тимпана помещен эпиграфический орнамент – подражание арабской надписи. Тимпан изготовлен, конечно, в мусульманской среде, но, что парадоксально, изображение, помещенное рядом с арабскими буквами, не согласуется с мусульманским вероучением, так как свинья (кабан) считалась нечистым животным (*харам*) и прикосновение к ней, а тем более употребление в пищу свинины рассматривались как осквернение верующего.

Помимо тимпана с изображением льва, напавшего на кабана и арабской псевдонадписью, имеются еще резные камни-тимпаны с борцами, оленем, всадником, а также фризы и другие детали архитектурного декора, на которых мастерски высечены орнаментально трактованные изображения людей, животных и птиц в обрамлении узорных и эпиграфических мотивов, образующие сложные многочастные и органически единые композиции. Эти памятники также созданы в мусульманской среде и относятся к исламскому искусству, а изобразительная тематика их находит аналогии в сюжетах, представленных на литых бронзовых котлах XIV-XV вв. так называемого закрытого типа, происходящих из сел. Кубачи и хранящихся ныне в Государственном Эрмитаже, в Музее Виктории и Альберта в Лондоне и в других музеях[67]. Художественное убранство этих котлов также указывает на известное свободомыслие и отступление от предписаний ортодоксального ислама относительно изображений живых существ.

Другим не менее выразительным и наглядным примером явного отхода от официальных предписаний ислама относительно изобразительного искусства служит каменное надгробие в виде полуцилиндрического или «сундукообразного» саркофага XIII в. с различными изобразительными сюжетами из сел. Калакорейш (рис. 59,60)[68] – один из ярких памятников средневекового

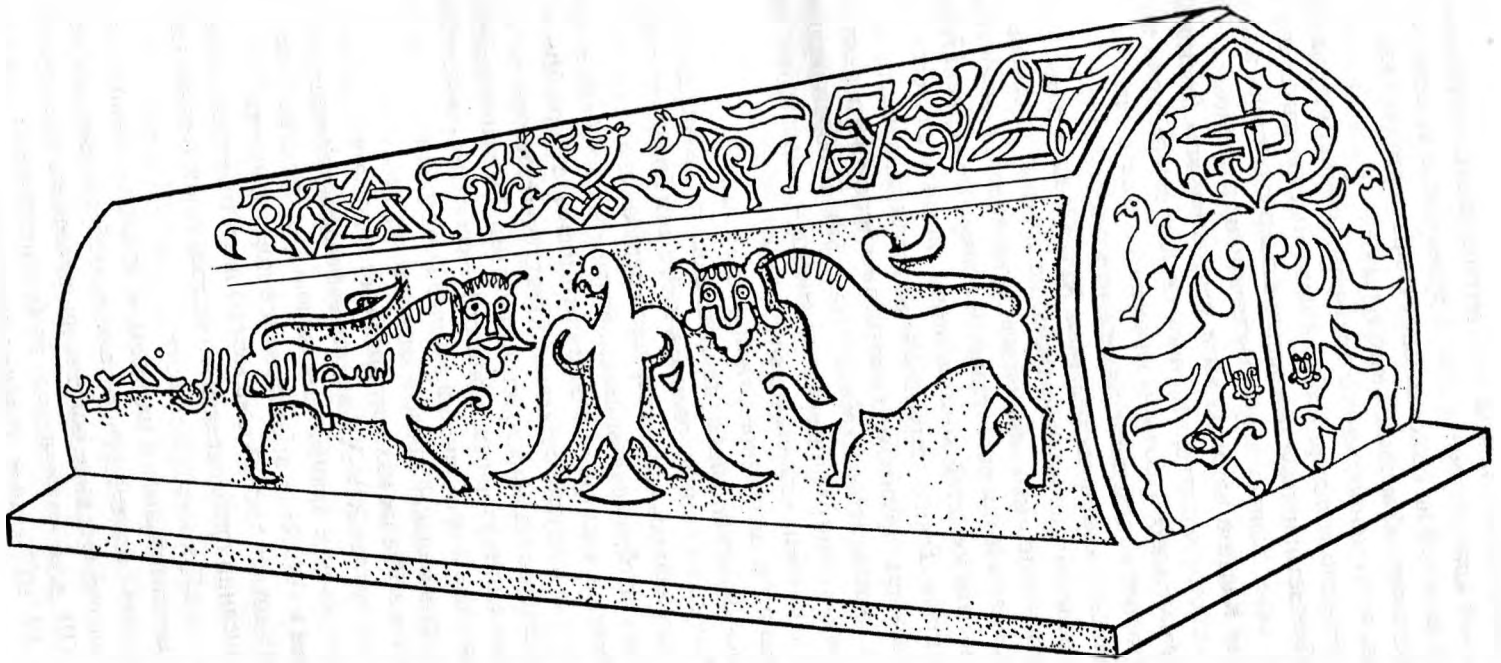

Рис.59. Каменный саркофаг-надгробие из сел. Калакорейш. Длина 200 см, высота 58 см, длина основания 210 см, ширина 72 см. XIII в.

исламского искусства Дагестана. Саркофаг этот украшен с трех сторон. На одной из продольных сторон (юго-западной) высечены в профиль рельефные изображения львов, стоящих по сторонам геральдически трактованного орла с симметрично распростертыми крыльями.

Выше композиции со львами, по кромке саркофага, располагается фризообразная многочастная композиция, в центре которой находится изображение двух геральдически размещенных зверей, вероятно, также львов. Между ними помещено изображение двух сплетенных телами ушастых змей или драконов с раскрытыми пастями. По сторонам львов, справа и слева, высечен узор линейно-геометрического характера.

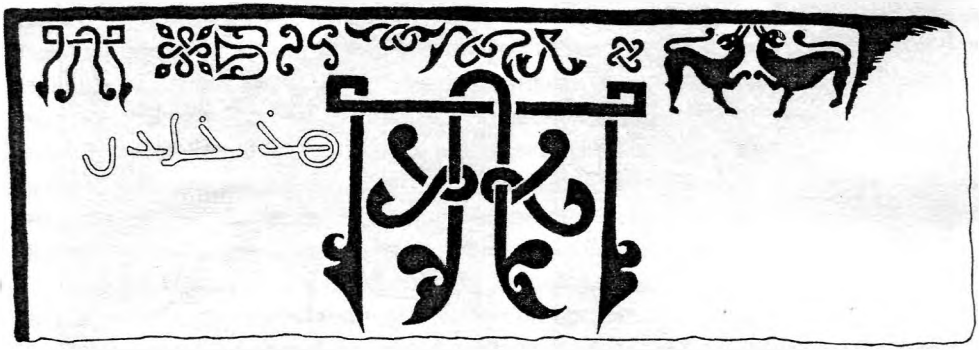

Рис.60. Изображения, высеченные на северо-восточной стороне каменного саркофага XIII в. из сел. Калакорейш.

Другая продольная сторона саркофага (северо-восточная) декорирована помещенным в центре рельефным изображением в виде своеобразной монограммы, навеянной арабскими буквами (рис. 60). По кромке саркофага, выше монограммы, располагается фризообразная многочастная композиция, составленная из разнообразных фигур-плетенок геометрического и растительного характера, а также изображений двух обращенных друг к другу животных (вероятно, львов) с повернутыми назад головами.

На передней торцовой стороне саркофага высечены рельефные изображения двух львов, стоящих по сторонам условно трактованного дерева и обращенных мордами к зрителю, с закинутыми на спины хвостами. У орнаментально переданной кроны дерева изображены в профиль фигуры летящих птиц.

На продольных сторонах саркофага помещена также арабская куфическая надпись с именем погребенного, причем, что весьма любопытно и важно, надпись эта выполнена одновременно с изображениями животных, птиц и орнамента, композиции которых построены по принципу написания арабского письма – справа налево. В переводе Л.И. Лаврова арабская надпись на саркофаге гласит: «Во имя Аллаха, милостивого, ми[лосердного]. Это Хасан сын (?)»[69]. А.Р. Шихсаидов, основательно изучив саркофаг и надпись на нем, считает, что «имени Хасан на памятнике нет, это скорее всего Хайдар или Хайдан»[70].

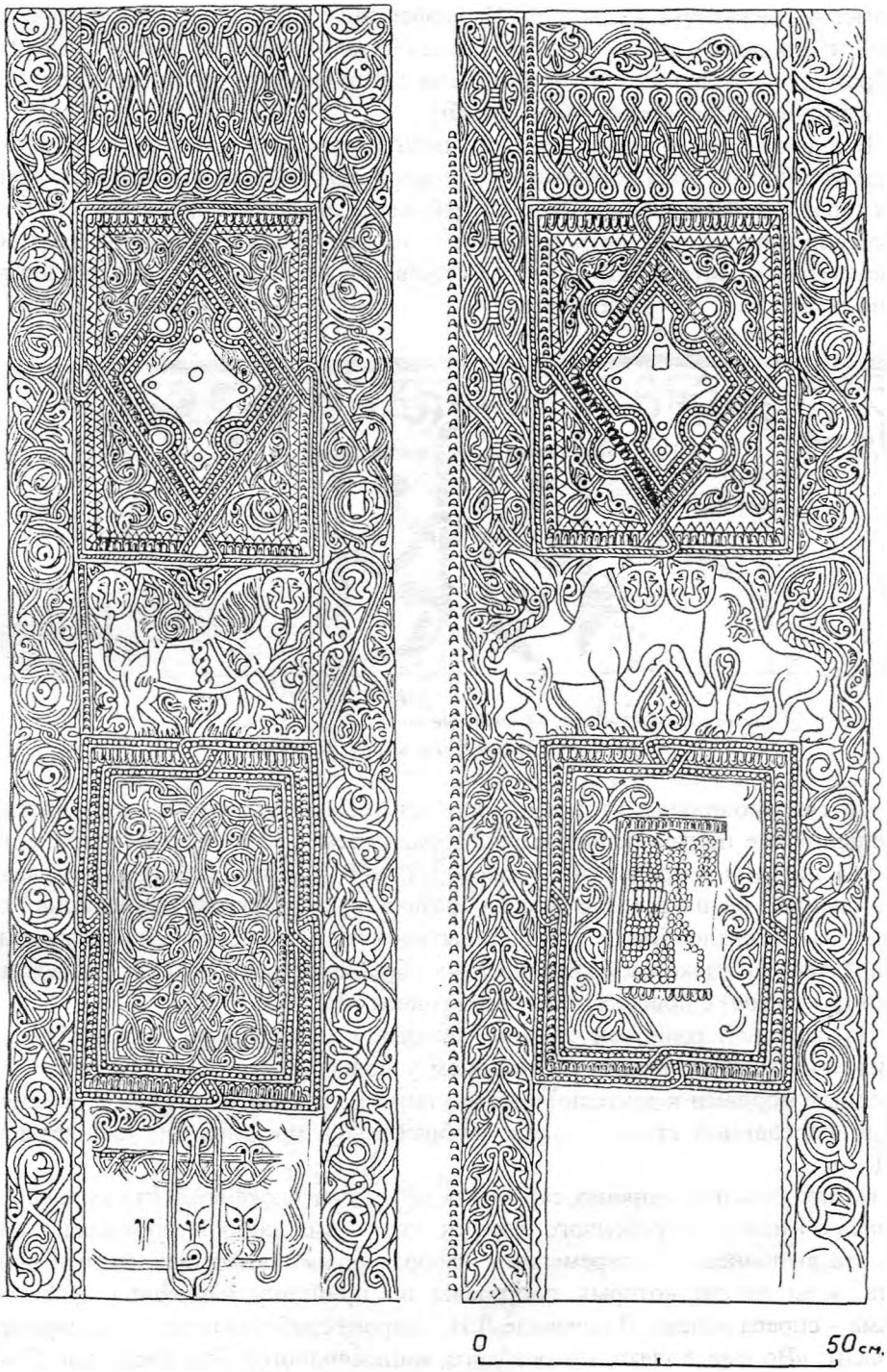

Рис.61. Деревянные двери соборной мечети сел. Калакорейш. XII-XIII вв. Прорисовка. По П.М. Дебирову.

Каменный саркофаг из Калакорейша является памятником мусульманского культового искусства – надгробием, на котором довольно богато представлены изображения живых существ. Это еще одно убедительное подтверждение того, что в средневековую эпоху мастера-резчики по камню даже на мусульманских культовых памятниках изображали животных и птиц.

Рельефные изображения животных (львов) и птиц, вплетенные в орнаментальные композиции, имеются и на резных деревянных дверях XII-XIII вв. калакорейшской Джума-мечети [71] (рис. 61), хранящихся ныне в Дагестанском объединенном историческом и архитектурном музее. На восточных двустворчатых дверях на левой створке, воспроизведены размещенные крест-накрест и обращенные головами в противоположные стороны, обобщенно трактованные львы с элементами растительного орнамента между ними. На правой створке имеется более крупное изображение двух декоративно трактованных львов в геральдической композиции с обращенными к зрителю головами. Остальные участки створок дверей отделаны орнаментальной резьбой в основном растительного характера и различных композиционных схем, образующих вместе с изображениями животных единую и взаимосвязанную декоративную систему. Фигуры львов выступают композиционным центром всего декора дверей, внимание при первом же взгляде акцентируется именно на них.

Геральдические изображения двух сильно стилизованных птиц, показанных в профиль и размещенных по сторонам сплетенных узлов, образующих так называемые «узлы счастья», имеются и на дверях западного входа мечети. Подвергнутые орнаментально-декоративной стилизации, иконографически однотипные фигуры птиц умело и мастерски включены в сетчатую орнаментальную композицию растительного стиля, сплошь покрывающую всю лицевую поверхность обеих створок дверей.

Двери мечети Калакорейша наряду с каменным саркофагом с изображениями животных, птиц и орнамента наглядно показывают, что на многих произведениях средневекового исламского искусства Дагестана, даже на тех, которые непосредственно связаны с культовыми зданиями (мечети, медресе, мавзолеи) довольно часто воспроизводили изображения живых существ.

Большинство средневековых каменных рельефов с изобразительными сюжетами из Кубачи подвергнуто умышленной порче – у изображений людей, животных, птиц и фантастических существ (грифон, дракон, сфинкс и пр.) умышленно сбиты головы, а в некоторых случаях испорчено все изображение. Калакорейшские памятники с изобразительной тематикой сохранились относительно лучше. Чем объяснить, что в первоначальной столице Кайтагского уцмийства, являвшейся своего рода оплотом мусульманской религии не только в Кайтаге, но и в какой-то мере и в Зирихгеране (в Кубачи и ряде близлежащих селений) длительное время сохранились памятники культового искусства с изображениями живых существ, что не одобрялось и даже отрицалось исламом? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратить внимание на некоторые детали изображений, выполненных на упомянутых выше деревянных дверях калакорейшской мечети и на каменном саркофаге. Мусульмане не видели, очевидно, в этих изображениях прямых отступлений от предписаний

ислама. Детали эти, на первый взгляд не столь и существенны, но весьма важны: у изображений львов, вырезанных на деревянных дверях и высеченных на каменном саркофаге, шеи отсечены от голов поперечной чертой. По мнению ряда мусульманских религиозных авторитетов, изображения различных животных и птиц, у которых «перерезаны» шеи (ввиду чего они не могут стать одушевленными), считались вполне допустимыми.

Некоторые допущения изображать живые существа основывались и на таком принципе, как степень реалистичности: изображение живого существа, у которого отсутствует какая-нибудь часть тела, не запрещалось. Так, изображение птицы с одним глазом (т.е. в профиль) допускалось даже на молитвенном коврике[72]. Именно в профиль изображены птицы на калакорейшском саркофаге, на деревянных дверях калакорейшской мечети, на каменных рельефах из Кубачи. Без изображения отдельных деталей или частей тела изображены на саркофаге и львы.

Таким образом, несмотря на шариатские запреты, неодобрения и ограничения ислама в изображении живых существ, в средневековом Дагестане, как и в других исламских странах, служители культа, богословы и признанные религиозные авторитеты с определенными оговорками, при соблюдении определенных правил и предписаний, считали возможным художественный показ «творений Всевышнего».

Упомянутый выше крупнейший исламский богослов имам ал-Газали (у которого, кстати, учились многие дагестанцы, а его религиозно-философское учение оказало значительное влияние на развитие общественной и религиозно-философской мысли в Дагестане)[73], писал: «А что касается изображений [людей и животных] на подушках и ковриках, которые кладут для сидения, то это не осуждаемо; то же касается изображений на тарелках и чашках, исключая сосуды, изготовленные в виде фигуры (т.е. в виде изображения какого-либо живого существа – М.М). Так, верх некоторых курильниц бывает в виде птицы – это запрещено (*харам*), следует сломать ту часть, где изображение»[74].

Среди самих богословов различных толков существовали разногласия в оценке отношения ислама к изобразительному искусству. Если ал-Газали допускал изображения живых существ на подушках и коврах, которые кладут для сидения, то арабский биограф и законовед ан-Навави (1233-1277 гг.), автор широко известного в средневековом Дагестане трактата по мусульманскому праву «Минхадж ат-талибин», писал, что «всякое изображение животных запрещено строжайшим образом, это один из тягчайших грехов»[75].

Сохранившиеся до наших дней в большом количестве памятники резьбы по камню и дереву, художественного бронзового литья XIII-XV вв. с сюжетно-изобразительными композициями свидетельствуют о том, что в то время в Кубачи и Дагестане высокого уровня достигло народное изобразительное творчество, нашедшее свое яркое проявление в различных видах декоративно-прикладного искусства. Даже на мусульманских культовых зданиях (мечети), стенах духовных учебных заведений (медресе) и на памятниках культового искусства (надгробия) встречаются различные изображения живых существ, подвергнутых выразительной декоративной трактовке. Мастера, творившие в

средние века, включали изображения людей, животных, птиц и фантастических существ в узорно-эпиграфические композиции, которые строились с учетом форм тех или иных изделий или же архитектурной детали и выполнялись с большим искусством. Орнаментализм сюжетно-изобразительных форм был особенно характерен для монументально-декоративного искусства, связанного с архитектурой. В средневековой художественной культуре Зирихгерана–Кубачи, как и в мусульманских странах Востока, изобразительное и орнаментальное искусство развивалось в сложном взаимопроникновении. Начиная с XVI в. под влиянием идеологии ислама развитие искусства Зирихгерана–Кубачи и всего Дагестана шло по линии усиления орнаментализма и постепенного вытеснения изобразительных сюжетов.

Таким образом, исламское искусство Зирихгерана–Кубачи периода средневековья не представляло собой нечто раз и навсегда застывшее. Оно развивалось и обогащалось в тесном взаимодействии с искусством сопредельных с Дагестаном областей, а также мусульманских стран Востока.

Талантливыми зодчими, мастерами декоративно-прикладного искусства, поэтами, безымянными певцами и сказателями в средние века было создано немало выдающихся произведений исламского искусства, материальной и духовной культуры, многие из которых сохранились до наших дней и органически вошли в состав бесценного национального художественного наследия дагестанских народов и в сокровищницу мирового искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Штук представляет собой штукатурную массу – смесь алебастра и гипса. В Дагестане резной штук назывался *ганч* или *гадж*. О резном штуке в Дагестане см.: *Дебиров П.М.* Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966. С. 14-57.

[2] *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала, 1989. С. 100.

[3] См.: *Веймарн Б.В.* Искусство арабских стран и Ирана VII-XVII веков. М.. 1974. С. 19, 24.

[4] *Каптерева Т.П., Виноградова Н.А.* Искусство средневекового Востока. М., 1989. С. 14.

[5] *Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х.* Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001. С. 36-76.

[6] *Маммаев М.М.* Указ. соч. С. 18-130.

[7] *Веймарн Б.В.* Указ. соч. С.25.

[8] *Некрасова М.А.* Народное искусство как часть культуры. М., 1983. С. 105-106.

[9] *Гольдштейн А.Ф.* О стиле архитектурного орнамента Дагестана // Сообщения ГМИНВ. Вып. VI. М., 1972. С. 26-32.

[10] *Веймарн Б.В.* Указ. соч. С.25.

[11] *Бретаницкий Л.С.* К истории искусства мусульманских стран // Сообщения ГМИНВ. Вып. VI. М., 1972. С. 10-18.

[12] Там же. С. 17.

[13] *Веймарн Б.В.* Указ. соч. С.25.

[14] *Воронина В.Л.* Архитектурный орнамент Средней Азии (Вопросы классификации) // Архитектурное наследство. № 28. М., 1980. С. 118.

[15] Там же. С. 189.

[16] История зарубежного искусства. Под ред. *М.Т. Кузьминой и Н.Л. Мальцевой.* М., 1984. С. 107-108.

[17] *Каптерова Т.П., Виноградова Н.А.* Указ. соч. С. 13.

[18] *Brend Barbara.* Islamic Art. London: British Museum Press, 1995. Там же приведена библиография (с. 233-234); *Melikian-Chirvani A.S.* Islamic Metalwork from the Iranian World. 8-18-th centuries. London, 1982; *Rice D.T.* Islamic Art. London, 1989; *Rogers J.M.* Islamic Art and Design. 1500-1700. London, 1983; *Safadi Y.H.* Islamic Calligraphy. London, 1978.

[19] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153). Публикация *О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта.* М., 1971. С. 50.

[20] *Орбели И.А., Тревер К.В.* Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.-Л., 1935. С. XVI.

[21] Там же.

[22] *Орбели И.А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы XII-XIII вв. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 301-306. Публикация этой же работы см.: *Орбели И.А.* Избранные труды. Ереван, 1963. С. 347-361.

[23] *Кверфельдт Э.В.* Керамика Ближнего Востока. Л, 1947. С. 124-132. Табл. XXVIII-XXXII; *Кильчевская Э.В.* К вопросу о так называемой керамике Кубачи // Сборник трудов НИИХП. Вып. I. М., 1962. С. 36-49; *Веймарн Б.В.* Указ. соч. С. 149-150; *Brend Barbara.* Islamic Art. P. 156-159.

[24] *Дьяконова Н.В.* «Сасанидские» ткани // Труды ГЭ. Т. X. Л., 1969. С. 86; *Иерусалимская А.А.* «Челябинская» ткань (к вопросу о постсасанидских шелках) // Труды ГЭ. Т.X. Л., 1969. С. 99-109; *Она же.* К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л., 1972. С. 5-35; *Пугаченкова Г.А.* Искусство Туркменистана. М., 1967. С. 144-146.

[25] *Лелеков Л.А.* Искусство Древней Руси и Восток. М., 1978. С. 56.

[26] См.: История Дагестана в 4-х томах. Т. 1. М., 1967. С. 161; *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до XV в. Махачкала, 1996. С. 177.

[27] Румийская парча – византийская узорчатая шелковая ткань высокохудожественной выделки с переплетающимися золотыми или серебряными нитями.

[28] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати...С. 51.

[29] *Кудрявцев А.А.* Феодальный Дербент. М., 1993. С. 160, 167.

[30] См.: *Абакарова Ф.О.* Кубачинский фольклор. Махачкала, 1996. С. 82, 84-85, 90, 100, 129; *Аккутта Н.* Жемчужный клад кубачинских песен. Махачкала, 1998. С. 9-10, 122, 128 (На кубач. яз.).

[31] *Абакарова Ф.О.* Указ. соч. С. 82, 100, 129; *Аккутта Н.* Указ. соч. С. 112, 117, 149.

[32] *Магомедов А. Дж.* Названия женских украшений, драгоценных камней и художественных тканей у кубачинцев // Отраслевая лексика дагестанских языков. Материалы и исследования. Махачкала, 1984. С. 128-134; *Он же.* «Город» златокузнецов. Из истории художественных и общественных традиций с. Кубачи. Махачкала, 1988. С. 131-132.

[33] *Магометов А.А.* Терминология кубачинских златокузнецов // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1975. Вып. II. С. 233-245.

[34] См.: *Матар Н.И.* Знакомьтесь: Ислам. /Пер. с англ. София, 1997. С. 121.

[35] *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М., 1951. С. 3; Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976. С. 118.

[36] *Смирнов А.П.* О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 130-135.

[37] *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965. С. 257.

[38] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л., 1949. С. 111.

[39] Там же.

[40] *Маммаев М.М.* Дракон в средневековом искусстве Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 151-164.

[41] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 111.

[42] *Эфенди Расим.* Декоративно-прикладное искусство Азербайджана (средние века). Баку, 1976. Илл. 44-47. В этой работе автор ошибочно относит бронзовый котел закрытого типа, а также котел типа *хач-ашак* к Ширвану. Точно также Л.С. Бретаницкий ошибочно относит котел закрытого типа к Ширвану. См.: *Бретаницкий Л.С.* Искусство Азербайджана // История искусства народов СССР в 9-ти томах. Т.2. Искусство IV-XIII веков. М., 1973. С. 295. Илл. 284-285. В работе И.А. Орбели «Албанские рельефы и бронзовые котлы (Избранные труды. Ереван, 1963. С. 350) «ширванским котлом» назван котел открытого типа, «полусферический, с отходящим бортом и вертикально поднимающимся верхним краем, с двумя вертикальными же ручками, снабженный тремя отлитыми вместе с котлом ножками». Котлы типа *ширван-ашак* см.: Искусство Кубачи. Альбом. Автор-сост. *А. Иванов.* Л., 1976. Илл. 39-40.

[43] *Алиханов Р.* Кубачинские очерки. Записки мастера // Искусство Кубачи. Альбом. Автор-сост. А. Иванов. Л., 1976. С. 52-59.

[44] *Воронина В.Л.* Ислам и изобразительное искусство // Народы Азии и Африки. 1995. № 5. С. 121-126.

[45] *Большаков О.Г.* Ислам и изобразительное искусство // ТГЭ. Т.Х. 1969. С. 142-156.

[46] *Еникеева Т.Х.* К вопросу о влиянии ислама на изобразительное искусство средневекового Ирана // Сообщения ГМИНВ. Вып. II. М., 1969. С. 3-22.

[47] *Веймарн Б.В.* Проблема изобразительности в искусстве феодального Востока // Искусство. 1968. № 5. С. 61-67; *Он же.* Искусство арабских стран и Ирана. С. 9-31.

[48] *Бакланов Н.Б.* Златокузнецы Дагестана. М., 1926. С. 59-60.

[49] *Орбели И.А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы // Избранные труды. Ереван, 1963. С. 347-361.

[50] Там же. С. 355-356.

[51] *Башкиров А.С.* Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш // Труды САИАИ РАНИОН. Вып. I. М., 1926. С. 54-63; *Он же.* Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш // Труды ОАИАИ РАНИОН. Вып. II. М., 1928. С. 118-130; *Он же.* Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931. С. 25-37, 78-79.

[52] *Кильчевская Э.В.* От изобразительности к орнаменту. М., 1968. С. 7-10, 26-27.

[53] Там же. С. 11.

[54] Там же. С. 7.

[55] Искусство Кубачи. С. 174, 182-183.

[56] Коран. Пер. и коммент. *И.Ю. Крачковского.* М., 1963. Сура 5. С. 101. Стих 92 (90); Коран. Пер. и коммент. *М.-Н.О. Османова.* М., 1995. Сура 5. С. 79. Стих 90.

[57] *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 281.

[58] См.: *Веймарн Б., Каптерева Т., Подольский А.* Искусство арабских народов. М., 1960. С. 11; Веймарн Б.В. Искусство арабских стран и Ирана... С. 11.

[59] См.: *Большаков О.Г.* Ислам запрещает // Наука и религия. 1967. № 5. С. 31; *Керимов Г.* Как ислам относится к искусству // Наука и религия. 1980. № 4. С. 41-42.

[60] *Веймарн Б.В.* Проблема изобразительности в искусстве... С. 61.

[61] *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969. С. 190-194, 198; Искусство Кубачи. С. 174.

[62] См.: *Большаков О.Г.* Ислам и изобразительное искусство. С. 149; *Шукуров Ш.* Искусство средневекового Ирана (формирование принципов изобразительности). М., 1989. С. 191-192.

[63] *Крачковский И.Ю.* Арабская литература на Северном Кавказе // Изб. соч. Т.VI. М.; Л., 1960. С. 612.

[64] *Гамзатов Г.Г.* Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978. С. 119-120.

[65] *Каптерева Т.П.* О некоторых проблемах средневекового искусства арабо-мусульманских народов // Советское искусствознание – 80. Вып. 1. М., 1981. С. 181.

[66] См.: *Башкиров А.С.* Искусство Дагестана. Табл. 71; *Орбели И.А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы. С. 356. Табл. LV; *Кильчевская Э.В.* Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962. С. 28-29. Табл. III, 7; *Она же.* От изобразительности к орнаменту. Рис.49; История искусства народов СССР в 9-ти томах. Т.2. М., 1973. Илл. 300; *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи X-XVII вв. М., 1966. С. 127. Табл. XXIV. № 336-б; Искусство Кубачи. С. 169. Илл. 124.

[67] *Кильчевская Э.В.* Декоративное искусство аула Кубачи. Табл. IV, 1-4; Табл. V, 8-11; *Она же.* От изобразительности к орнаменту. С. 106-110. Рис.56-60; Искусство Кубачи. Илл. 47-50; *Rice D.T.* Islamic Art. P. 54-55. Fig. 48.

[68] *Башкиров А.С.* Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш. С. 54-63. Табл. VII-VIII; *Он же.* Искусство Дагестана. Табл. 32, 39, 40; *Кильчевская Э.В.* Декоративное искусство аула Кубачи. С. 21-24. Табл. II, 7-9; *Она же.* От изобразительности к орнаменту. С. 53-62. Рис.21-23; *Шихсаидов А.Р.* Новые эпиграфические памятники Дагестана // Вопросы истории Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 123-126; Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. С. 103-105. Рис.176-179.

[69] *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа… Ч. I. С. 77.

[70] *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М., 1984. С. 129.

[71] *Башкиров А.С.* Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш. С. 118-130. Табл. X-XII; *Дебиров П.М.* Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982. С. 40-41. Рис.52-55.; *Маммаев М.М.* Указ. соч. С. 114-118. Рис.189-195.

[72] *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 150.

[73] *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 162; Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли Дагестана. Махачкала, 1993. С. 164-167.

[74] См.: *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 149.

[75] Там же.

ГЛАВА VII

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА КУБАЧИНЦЕВ И ИСТОКОВ ИХ ИСКУССТВА

§ 1. О происхождении названия *Кубачи*, этимологии кубачинского названия селения *Угъубаже* и самоназвания кубачинцев *угъбуг//гIугъбуг*

Для решения вопроса этногенеза любого народа важное значение имеет выяснение происхождения общепринятого его этнонима, а также определение этимологии его самоназвания. В данном разделе делается попытка выяснить происхождение современного названия селения (поселка) Кубачи, а также определить этимологию кубачинского названия селения *Угъубаже* (*ГIугъубаже*) и самоназвания кубачинцев *угъбуг//гIугъбуг*.

Название широко известного населенного пункта Кубачи впервые упомянуто в качестве нисбы – в форме ал-Кубаши в арабской рукописи, переписанной в 872 г. хиджры / 1467-68 гг. Юсуфом (Йусуфом) ал-Кубаши[1], хранящейся ныне в Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Сама рукопись представляет собой копию знаменитого трактата крупнейшего теолога и мыслителя средневекового Востока Абу Хамида ал-Газали (1058-1111 гг.) «Йх'йа' 'улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере»), оказавшего огромное влияние на развитие средневековой мусульманской культуры.

Однако, надо отметить, что среди различных памятных записей на полях восточных рукописных книг, сделанных их владельцами или теми, кто пользовался рукописями, название Кубачи упоминается под 705 г.х. / 1305-06 гг. Как уже отмечалось (гл. IV, § 2), в одной из таких записей на полях рукописной книги из сел. Орада Чугли (Верхн. Чугли) Левашинского района отмечается: «Исламизация Кубачи и убийство Хасана Правдивого в (сел.) Ширах[2] (имели место) в семьсот пятом году»[3], т.е. в 1305-06 гг. Эта же дата вместе с названием селения приведена и в другой памятной записи об исламизации Кубачи, сделанной на полях арабской рукописи, которая принадлежит Захил Курбану из сел. Кутиша Левашинского района[4].

Аналогичные памятные записи представлены и в историческом сочинении «История Каракайтага», включенном в рукописный сборник различных произведений, который был обнаружен в 1981 г. Х.А. Омаровым в сел. Дзилебки Дахадаевского района[5]. Другой список (вариант) того же исторического сочине-

ния «История Каракайтага», содержащего рассматриваемые здесь памятные записи, обнаружен среди рукописного сборника на арабском языке, принадлежащего жителю сел. Гунакари Дахадаевского района А. Халимбекову[6]. Но приводимое в указанных записях название Кубачи исследователи считают анахронизмом[7], хотя, как будет показано ниже, это название бытовало не только в начале XIV в., но и намного раньше. А.Р. Шихсаидов полагает, что «после XIV в. Зирихгеран получает тюркское название Кубачи»[8]. Общепринятым же наименованием селения тюркское название *Кубачи* (Кубечи, Кюбечи, Гюбечи, Гюбеджи, Губеши), равнозначное по смыслу древнему персидскому названию *Зирихгеран*, становится с XVI в. В дагестанской исторической хронике «Дербенд-наме», составленной на рубеже XVI-XVII вв. Мухаммадом Аваби Акташи, дается разъяснение того, что Зирихгеран и Кубачи – слова однозначные[9].

Вместе с тем, по установившейся традиции селение Кубачи еще довольно долгое время, порой вплоть до XVIII в. продолжали называть то Зирихгераном, то Кубачи, Губечи, Гюбеши или другим близким им по звучанию наименованием. А ученые-арабисты, переписчики книг – *катиб*ы, являвшиеся выходцами не только из сел. Кубачи, но и из сел. Аштынекоторые к своему имени обычно добавляли нисбу *аз-Зирихгерани*[10], подобно тому, как многие ученые-*алим*ы, выходцы из ряда лакских селений пользовались нисбой ал-Гумики (шейх Сулейман ал-Гумики; шейх Хаджи Умар ал-Гумики; Али Хаджи ал-Гумики, XIV-XVI вв.[11]), а позднее Кази-Кумухский (Хаджи Атил Кази-Кумухский, родом из сел. Цуша; Абдуллах Кази-Кумухский, родом из сел. Кая[12] и др.)

Большинство исследователей, касавшихся в какой-то мере истории и культуры сел. Кубачи, не задавалось целью выяснить происхождение названия *Кубачи* и ограничивалось констатацией того, что тюркское слово *Кубачи* имеет тот же смысл, что и древнее персидское название *Зирихгеран* – «кольчугоделатели (панцироделатели, бронники)». Эти ойконимы рассматриваются ими как семантические эквиваленты.

Востоковед Г.М. Оразаев в комментариях к изданной в 1992 г. исторической хронике «Дербенд-наме» Мухаммада Аваби Акташи в переводе с тюркского на русский язык отмечает, что топоним *Кубачи* представляет собой тюркскую кальку персидского наименования *Зирихгеран*. «Появление названия Кубачи, – пишет он далее, – возможно, связано еще с ойконимом Кубасанила – названием одного из семи небольших аулов, жители которых в свое время образовали одно большое село – Кубачи (здесь Г.М. Оразаев ссылается на работы: Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.-Л., 1949. С. 7; Магометов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963. С. 1; Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала. 1979. Вып. 2. С. 24). По всей вероятности, жители упомянутого аула Кубасанила и являлись, собственно профессиональными кольчужниками: *куба* (в тюркском произношении *кюбе*, *гюбе*) – «кольчуга, броня, панцирь»[13].

Такое объяснение происхождения названия *Кубачи* представляется неточным, так как оно основано на созвучии этого названия с топонимом *Кубасанила*, представляющим собой кубачинское название урочища, а в древности – родового поселка *Кьубасанила*, переданное в русской транскрипции.

Насколько точен вывод о том, что жители Кьубасанила «являлись, собственно, профессиональными кольчужниками» не представляется возможным установить, так как в урочище Кьубасанила археологические работы еще не проводились. Хотя, надо сказать, у кубачинцев существует предание о том, что в древности в Кьубасанила, находящейся в 2-3 км к востоку от сел. Кубачи, на юго-западном склоне горы *Хъайдешла муда* («гора Кайдеш») работали кольчужных дел мастера[14]. Поэтому название *Кьубасанила* или его первую часть *Кьуба* нельзя рассматривать как тюркский топоним и сводить к понятию *куба*, а последнее возводить к тюркскому *кюбе*, означающем «кольчуга, броня, панцирь». *Кьуба* или *Кьубас* – это редкое мужское имя, которое, кстати, встречается и в средневековых памятниках эпиграфики Зирихгерана[15]. Вторая часть рассматриваемого названия *санила* (*санала*) означает «южный склон; покатость, обращенная на юг».

Такого рода топонимы, названия урочищ или частновладельческих земель, образованные от мужских имен Ахъай, Барка, Багъин, ХIяжиме (Гаджибрагим) в Кубачи не редкость. К ним относятся *Ахъайла санала*, *Баркала санала, Багъинна санала. Кьуба санала* (*Кьубассанала*) тоже относится к этой категории топонимов.

В историко-этнографической литературе XVII-XX вв. для обозначения селения Кубачи приводятся самые разнообразные, порою неточные, нередко и искаженные названия. В такой же мере неточно или неверно приводится и самоназвание кубачинцев.

Рассмотрим некоторые, наиболее характерные из этих названий и самоназваний и их толкования. В исторической хронике «Дербенд-наме» Мухаммада Аваби Акташи, созданной, как было отмечено, на рубеже XVI-XVII вв., отмечается: «Верхней частью Кайтага является Зерехгеран или Гюбечи»[16]. Видный турецкий географ и путешественник XVII в. Эвлия Челеби, возможно, побывавший проездом в Кубачи, называет это селение «благоустроенной крепостью Кюбечли», а по другому списку его труда – «Кюбеджили»[17]. А.И. Лопухин, оставивший ценные сведения о природе, истории и этнографии Дагестана, в 1718 г. сообщал из Дербента (где он находился около месяца, возвращаясь из дипломатической поездки в Иран): «В горах на полтора дня езды [из Дербента] есть один город, именуется Кубеши…»[18]. В 1725-1727 гг. служивший в Дагестане полковник Я.А. Маркович в своем дневнике писал, что «особливая великая деревня называется Кубиче…, в которой многие ремесленники…»[19]. Современник Я.А. Марковича по военной службе в Дагестане артиллерийский офицер И.Г. Гербер в 1728 г. писал: «Сия Кубаша состоит в одной токмо великой деревни…»[20]. М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг, описывая в 1831 г. «общество кубечинское» отмечают, что оно «состоит только из города Кубечи, лежащего почти в середине Каракайдакского округа»[21].

В 1838 г. академик Х.Д. Френ о сел. Кубачи писал, что оно «называется Кубеджи, Кувечи, Кубичи (кубачинцы), Кубачи, Кубеши (кубешинцы), Кувеши, Губеши и еще иначе по разным произношениям»[22]. Названия *Кубеша*, *Губеши*, *Кубачи*, *Кубечи*, *Кобечи* приводятся у многих авторов XVIII-XIX вв. – И.А. Гильденштедта, П.С. Палласа, С.М. Броневского, И.О. Потоцкого,

И.Н. Березина и других, которые именуют это селение то городом, то деревней, то округом, то республикой, то областью.

Побывавший в мае 1861 г. в сел. Кубачи вместе с акад. Б.А. Дорном поручик П. Петухов в опубликованной в 1866 г. работе «Кубачинское племя»[23] писал, что аул Кубачи вместе с тремя аулами – Сулелькала, Азмуги и Шира составляет кубачинское племя. Он отмечал также, что кубачинцы называют себя *Аугвуган*, а соседи называют их *Арбукан*, *Ургбуган* и *Арбикан*. Он же указывал, что в арабских летописях упоминается Зеркеран в значении Кубачи.

Акад. Б.А. Дорн в статье «Теперешние Кубачи»[24], написанной на немецком языке, переизложив содержание работы П. Петухова, писал, что кубачинцы называют себя *Аугвуган*, соседи называют их *Арбукан*, *Ургбуган* и *Арбикан*, что местность *Кубачи* называют также *Огбуг'*, поэтому жители называются *Огбуг'ан*, *Аугваган*. Отметив трудность произношения самоназвания кубачинцев, Б.А. Дорн добавляет: едва ли можно решить, как это, собственно, произносится. Окружающие аулы, которые тоже не умеют произнести это слово, говорят *Арбук*, по П. Услару, *АрбачIи*.

В 1869 г. А.В. Комаров писал о Кубачи, что «селение это называется еще также Гувечи, Арбачи, Ухбук, Кубачи...»[25]. Эти же названия с новыми дополнениями приводит в 1875 г. акад. Б.А. Дорн в работе «Каспий»: «сами они называют себя Ухбукан или Аугвуган; другие зовут их Арбучи, Арбукан, Ургабука»[26].

В своем отчете о научной поездке в Дагестан в 1882 г. акад. Д.Н. Анучин писал: «селение и народ Кубачи (Кубечи, Кюбержи) стали известны русским, а затем и всей Европе с 20-х годов прошлого столетия… Название «Кубечи» или «Кюбеджи» на татарском языке означает «делатель кольчуг», «оружейник» (от «кюбе» – кольчуга)… Сами себя они называют Аугвуган (Аугваган, Огбухан – трудно решить, что вернее); соседи же их, которые не могут выговорить этого слова, называют их Арбукан или Арбук…»[27].

Касаясь кубачинцев, в 1887 г. Р.Ф. Эркерт указывал, что Кубачи – название татарское (т.е. тюркское – М.М.), и далее отмечал, что соседи называют кубачинцев *арбукан*, *арбукI*, а сами они называют себя *аугвуган*, *аугваган*, *огбухан*[28].

В 1888 г. Е. Вейденбаум констатировал: «Кубачи или Гувечи происходит от тюркского слова «кубе» – кольчуга, панцирь… Персияне (называют кубачинцев) «зирехгеран» – делающие кольчуги. Такое же значение имеют и все названия, которые они сами себе дают (ухбукан, аугвуган) или получают от своих соседей»[29]. А в 1895 г. Е.И. Козубский отмечал: «Кубачи – от тюркского «кубе» – кольчуга. Акушинцы называют Арбучи, Арбукан, кубачинское (название селения) – Ухбукан, Аугвуган; персидское Сиргеран имеет то же значение – делающие кольчуги (персидский сир – кольчуга)»[30].

В дагестанской исторической хронике «Тарихи Дербенд-наме» в издании 1898 г., редактор (М. Алиханов-Аварский) к упоминанию автора хроники о сел. Кубачи дает обширный комментарий. Термин *копачи – кубачи* он ошибочно сближает с названием генуэзского поселения Копа в Кубанской области. Ошибочным является и приводимое М. Алихановым-Аварским толкова-

ние самоназвания кубачинцев из аварского языка: «называют они себя *Оибо* (*ои* – понимающий, *бо* – общество, войско; в ед. числе о*ибокан* – огбоканец)». Далее отмечается, что «соседи, казикумухи, называют их Орг'о, а аварцы – Ориабакъи, Уриабакъ (бакъ – место). Кубечи – тюркское название этого племени, Дергкарани – персидское и Зарахкеран – арабское. Значение всех этих трех названий – панцироделатели»[31], – заключает автор комментария.

Изучавший в самом начале XX в. названия кавказских народов А.М. Дирр приводит не совсем точные даргинские и кубачинские названия селения Кубачи и его жителей: «жители аула Кубачи – гIярбукIан (Кубачи – ГIярбукIила ши)… Кубачинцы сами себя называют аугвуган, аугваган, огбух (подробнее: 'уг'бук; кубачинский язык – 'уг'буг'ан к'уб). Соседи коверкают это название и говорят арбукан, что может быть, имеет отношение к местечку Харбук, лежащему к северо-западу от Кубачей и где занимаются исключительно изделием оружия». Далее автор пишет: «Кубачи происходит от турецкого «Кубеджи» – делающие кольчуги; у персов они назывались «Зирахкар», что имеет почти то же самое значение. Агульцы называют их «арг'авекшуй», табасаранцы «зарбак», арчинцы «ург'аштув» от названия аула «Ург'а» – Кубачи»[32].

Проф. Л.И. Жирков, побывавший в 1924 г. в сел. Кубачи в составе научной экспедиции с целью изучения кубачинского языка, в опубликованном в 1930 г. лингвистическом очерке «Язык аула Кубачи» указывает, что кубачинцы называют свой аул *Урбуг*[33]. Он приводит еще не совсем точные, записанные им (латиницей) в сел. Кубачи, как он пишет, «племенные названия» (в скобках – формы мн. числа), т.е. самоназвание кубачинцев, названия народностей или этнографических групп даргинцев, топонимы, ойконимы, а также названия жителей соседних селений на кубачинском языке: *урбуган (-анте)* – кубачинец, *дарккван (-анте)* – даргинец, *муган (-анте)* – муйринец (аул Уркарах и др.), *ссахIан (-анте)* – сюргинец (аул Урари и др.), *хайдакьан (-анте)* – кайтахец; … *амудган* – амузгинец, *щан* – ширинец, *сулейкан* – сулевкентец, *уцIмоцан* – калакорейшец»[34]. В конце работы Л.И. Жирков приводит адвербиальные формы названия Кубачи: *Ургъабажиб* – в ауле Кубачи, *Ургъубаже* – в аул Кубачи, *Ургъубажил* – из аула Кубачи[35]. Названия эти можно было считать правильными, если бы в них отсутствовал согласный *р*. Точное название селения Кубачи на кубачинском языке представлено в фольклорных текстах – кубачинских песнях, записанных Л.И. Жирковым в этом селении: *Кьул – гамишла мукачне ПIугъабажид хя дихай* («Буйволиц рогов в Кубачах много бывает»)[36].

Известный исследователь истории и культуры кубачинцев этнограф-кавказовед Е.М. Шиллинг в небольшой книжке «Кубачи» (1937 г.), пишет: по-кубачински Кубачи будет *Урбуг*, кубачинец – *урбуган*[37]. То же самое повторено и в другой книге Е.М. Шиллинга «Кубачинцы и их культура», где он отмечает, что *Урбуг* – собственно название селения; кубачинец – *урбуган*, мн. число *урбуганте*[38]. В упомянутых работах Е.М. Шиллинга названия селения Кубачи и жителя этого же селения даны неточно, вернее даны так, как они звучат на даргинском языке, а не на кубачинском языке. Неточность эта допуще-

на, очевидно, при фиксации рассматриваемых названий от местных информаторов.

А.И. Алиев и З.И. Никольская в небольшом научно-популярном очерке о даргинцах пишут, что «… самоназвание кубачинцев – *урбуганте* (ед. число – *урбуган*), а наименование их единственного селения – Кубачи (на кубачинском языке – *Урбуг*). Арабские средневековые авторы употребляли для наименования кубачинцев, издавна известных своими металлическими изделиями, персидский термин «зирехгеран» (буквально «кольчужники»). Наиболее распространенным до нашего времени в качестве названия и селения и его обитателей является известный с XVII века термин «кубачинцы» или «Кубачи». Термин этот, заимствованный из турецкого языка, равнозначен по смыслу вышеприведенному персидскому»[39].

Л.И. Лавров называет жителей сел. Кубачи *гIурбукI*, относя их к «особой группе даргинцев»[40]. В указателе географических и этнических названий к работе «Эпиграфические памятники Северного Кавказа» тем же автором даны еще такие названия: Кубачи (Кубеши, ГIурбукI, Зирих-Гаран, Кубечи), кубачинцы (гIугъбуган)[41].

Проф. Р.М. Магомедов указывает, что «у соседей зирихгеранцы были известны под именем «ухбук». Это означает люди, производящие оружие»[42]. В книжке «Легенды и факты о Дагестане»[43] он же отмечает, что «сами себя кубачинцы называют угбук. В переводе угбук означает «оружейник». В другой работе Р.М. Магомедов пишет, что «сами себя кубачинцы называли *оибо* (*ои* – понимающий, *бо* – общество, войско), *отбукан* (*арбукан*). Лакцы называют их *орго*, аварцы – *онабик*; слово Кубачи тюркское, в переводе означает панцирь. Персам они известны под именем *дергекаранцы*, а арабам – *зирехгеране*, то есть панцироделатели, кольчужники»[44]. Эти не совсем точные данные, приводимые Р.М. Магомедовым в работе «Дагестан: Исторические этюды», почерпнуты, очевидно, из упомянутой выше хроники «Тарихи Дербенд-наме» под редакцией М. Алиханова-Аварского.

Процитируем еще две работы Р.М. Магомедова, для того чтобы показать, какие разные названия, даваемые кубачинцам их соседями, и какие разные, неточные и противоречивые самоназвания кубачинцев приводятся даже у одного и того же исследователя. «Кубачи у акушинцев именуется Арбучи, – пишет Р.М. Магомедов в книге «По аулам Дагестана», – сиргинцы называют кубачинцев ургабука. Сами кубачинцы называют себя угбуг («губители народа»). Это древнее прозвище (? – М.М.) кубачинцев появилось еще в те времена, когда предки их специализировались на изготовлении оружия, кольчуг и шлемов и снабжали им все окрестные земли. Соседи называют их по-другому: «пранг», «пранг-капур», т.е. франки, имея в виду отходничество кубачинцев в государства Запада и Востока»[45].

В книге «Даргинцы в дагестанском историческом процессе» Р.М. Магомедов пишет, что кубачинцы называли себя «угъбуг» (происхождение этого слова неясно, однако по «народной этимологии» оно толкуется как «губители народа» – здесь намек на то, что продукция кубачинцев – оружие, несущее смерть). …встречается и другое написание их названия: «сирайкаран»[46].

Смысловое значение самоназвания кубачинцев в упомянутых работах истолковано, как будет показано ниже, неверно. Кроме того, этноним *угбуг* нельзя рассматривать как «древнее прозвище», потому, что это не совсем точно зафиксированное самоназвание кубачинцев. Прозвищем же кубачинцев, употребляемым их соседями – даргинцами в ругательном или оскорбительном смысле (во время их стычек по разным причинам[47]) на самом деле служило слово *паранг* (а не *пранг*)[48]. Использовалось это слово для указанных целей в сочетании *гIярбукIан-паранг*.

Термин *паранг* происходит от слова *франк*. На Ближнем и Среднем Востоке франками называли крестоносцев, а впоследствии всех европейцев. В отношении кубачинцев *паранг* стали употреблять в связи с тем, что, начиная с XVIII в. в историко-географических трудах сначала русских и западноевропейских, а затем других, в том числе и местных авторов, а также среди различных народов, включая окружающих сел. Кубачи даргинцев, получили распространение разные версии о французском и вообще о европейском происхождении кубачинцев[49]. Слово *паранг* употреблялось соседями кубачинцев в смысле «не свой, чужеземный, не своей веры человек (т.е. не мусульманин)», а *паранг-капур* в смысле «христианин». А в ряде стран Востока в средние века сказать мусульманину «Ты – иудей!» или «Ты – христианин!» каралось по суду как оскорбление[50]. Подобные обращения к мусульманину и в Дагестане считались оскорблением.

В академическом издании «История Дагестана» автор раздела «Зирихгеран» А.Р. Шихсаидов отмечает, что «на каком бы языке ни передавалось название главного аула «страны» – нынешних Кубачей, – на персидском ли – «Зирихгеран», тюркских – «Кубачи», оно передается словом «панцироделатели». Соседи называют аул – Арбуки, Ургабука, Зарбак, Урги»[51]. То же самое указано А.Р. Шихсаидовым и в работе «Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.)»[52]. Искусствовед Э.В. Кильчевская, касаясь смыслового значения названия сел. Кубачи, отмечает, что «сами кубачинцы и жители окрестных селений называют селение «УгIбуг». Этимология этого термина учеными-лингвистами до сих пор не расшифрована окончательно. Кубачинцы переводят значение этого названия аула как «истребители народов», связывая его основу «Буг» с глаголом «бугий» – «уничтожать», «разорять»[53]. Будучи уроженцем Кубачи и достаточно хорошо владея кубачинским языком, хотел бы отметить, что кубачинцы не переводят, как пишет исследовательница, значение этнонима *Угъбуг* как «истребители народов». Эта чья-то выдумка, за которую ухватилась Э.В. Кильчевская, считая ее правдоподобной. К сожалению, она не приводит имена своих информаторов по данному вопросу.

Различные наименования селения Кубачи и его жителей, данные персами, тюркоязычными народами, даргинцами и другими народностями, а также не точно зафиксированное от информаторов самоназвание кубачинцев, перекочевывали из одних сочинений в другие, иногда с таким исказжением этих наименований, что вне контекста не всегда можно определить, о ком идет речь.

Ныне окружающие народности – даргинцы называют кубачинцев *гIурбукI, гIярбукI, гIярбукIанти, кубачиланти*; жители СирхIя кубачинцев на-

зывают *гIурбуг*; в единственном числе – *гIурбуган*, *гIярбукIан* – «кубачинец»; *ГIярбучI[кI]ила щи* – буквально «кубачинцев селение», т.е. Кубачи. Аварцы называют кубачинцев *къубачиял*, *кубачиссел*, лезгины – *кIубечIияр*, табасаранцы – *кюгияр*, лакцы – *оргъ*[54], *гIургъ*. Кабардинцы называют кубачинцев *гуэбэшы*, а осетины – *губец*[55].

Точное самоназвание кубачинцев дано у языковеда, доктора филологических наук, проф. А.А. Магометова в книге «Кубачинский язык», в которой он пишет: «Собственное название кубачинцев: «гIугъбуган» – кубачинец, «гIугъбуг» – кубачинцы; «гIугъбугла ще» – аул кубачинцев. Даргинцы называют кубачинцев «гIярбукI»; «гIярбукIан» – кубачинец»[56]. В другом месте он пишет, что «названия аула Кубачи и других аулов употребляются (кубачинцами, – М.М.) в наречных формах: ГIугъаба-же «в Кубачи» (направление), ГIугъаба-жи-б «в Кубачи» (нахождение), ГIугъуба-жи-л «из Кубачи»[57]. Для этого исследователя кубачинская речь является родной и в точности передачи звучания приводимых им названия сел. Кубачи и самоназвания его жителей не приходится сомневаться.

Для обозначения названия селения Кубачи сами кубачинцы употребляют термин *Угъубаже* (*ГIугъубаже*; некоторые кубачинцы это слово произносят и так: *ГIугъабаже*. Нам представляется наиболее правильным название именно *ГIугъубаже*). Как звучит это название на кубачинском языке можно хорошо проиллюстрировать на следующих примерах разговорной речи:

1. *АлхIят бе ду Угъубаже (ГIугъубаже) вякьид* («В воскресенье я ездил в Кубачи»).

2. *Ччавал ду Угъубаже (ГIугъубаже) гIукьунда* («Завтра я еду в Кубачи»).

3. *Сса ду Угъубаже (ГIугъубаже) дибвидигад* («Вчера я позвонил в Кубачи»).

4. *Угъубаже (ГIугъубаже) гьаттагъи 20 километр гьасиб хьуне чIибал* («До Кубачи осталось еще около 20 км дороги»).

5. *Угъубажиб (ГIугъубажиб) хвалле духIе бакьиб саб, букIай* («В Кубачи большой снег выпал, говорят»).

6. *Угъубажил (ГIугъубажил) АцIмаце, Сулече, ГIамудже ду чумжиная хъвале вякъунзивда* («Из Кубачи в Калакорейш, Сулевкент, Амузги я не раз ходил пешком»).

7. *Угъбугла (ГIугъбугла) ще гьакал цумал бакьибзиб саб* («Кубачинцев селение (сел. Кубачи) имеет очень плотную застройку»).

Подобных примеров можно привести множество.

Таким образом, *угъбуг* (*гIугъбуг*) – это этноним, это самоназвание кубачинцев, а не название самого селения Кубачи, как об этом пишут в своих трудах некоторые исследователи; *угъбуган* (*гIугъбуган*) – тоже этноним, означающий «кубачинец» в единственном числе. *Угъубаже* (*ГIугъубаже*) – это топоним или ойконим, понятие географическое, это название самого селения Кубачи на кубачинском языке. Для обозначения этого селения, как сказано выше, кубачинцы применяют еще название *ГIугъбугла* (*Угъбугла*) *ще* – буквально «кубачинцев селение» (ср.: *Сулекала ще* – «сулевкентцев селение», но

Сулече – Сулевкент; *ГIямудгала ще* – «амузгинцев селение», но *ГIямудже* – Амузги; *Хъыбугла ще* – «харбукцев селение», но *Хъыбаже* – Харбук).

Селение Кубачи вместе с непосредственно прилегающими к нему угодьями, приусадебными участками, склонами, водными источниками, дорогами и т.д. на кубачинском языке носит название *Угъубажила* (*ГIугъубажила* или *ГIугъабажила*). Это тоже топоним. Интересно также сравнить топоним *Угъубажила* (*ГIугъабажила*) с названиями родовых поселков, располагавшихся вблизи *Угъубаже*, а в XII-XIV вв. объединившихся с ним: *ГIянчибачIила* (*АнчибачIила*), *Къубасанила*, *Дешижила*, *Муглила*, *ДацIамажила* (с Кубачи она объединилась позднее). Кубачинские названия этих топонимов являются одним из свидетельств того, что в древности в этих родовых поселках проживало единое в этническом отношении население *угъбуг* (*гIугъбуг*).

После точного определения кубачинского названия селения Кубачи и самоназвания кубачинцев можно выяснить и вопрос о происхождении названия *Угъубаже* (*ГIугъубаже*) и определить его смысловое значение, а также выяснить этимологию самоназвания *угъбуг* (*гIугъбуг*). Собственно название *Угъубаже* (*ГIугъубаже*) не поддается этимологизации из кубачинского языка ввиду того, что оно является значительно измененным в течение длительного времени в соответствии с фонетическими особенностями кубачинского языка и при бесчисленном повторении в разговорной речи тюркским названием Губеши – Гюбеши – Гёбеши – Гюбежи – Губечи – Кюбечи – Кубачи. Кубачинский диалект, как отмечает А.А. Магометов, подобно другим даргинским диалектам, избегает стечения согласных и в заимствованных словах разъединяет их присоединением гласного в начале слова или вставкой гласного: *истикан* – стакан, *ушкула*–школа, *устIул* – стол[58]. К этим примерам добавим еще такие: *истаршина* (*истарчин*) – старшина, *искалад* – склад, *Истамбул* – Стамбул, *гIурус* – рус (русский), *ГIярасай* – Россия.

Подобное же присоединение гласного в начале слова произошло и в кубачинском названии *Гъубаже* – *Угъубаже*, восходящем к тюркскому Губеши – Гюбеши – Гюбежи – Губаши – Гюбечи – Гёбечи – Гюбеджи – Кюбежи – Кубеши – Кёбечи – Кубечи – Кубачи. Ясно, что и самоназвания *угъбуг* (*гIугъбуг*) и *угъбуган* (*гIугъбуган*) являются производными от названия селения *Угъубаже* (*ГIугъубаже*).

От самоназвания кубачинцев *угъбуг* (*гIугъбуг*) и от кубачинского названия селения *Угъубаже* (*ГIгъубаже*) происходят и разные варианты даргинских названий сел. Кубачи и его жителей (в соответствии с фонетическими особенностями диалектов или говоров даргинского языка): *ГIярбачIи*, *ГIурбачIи*, *гIярбучI(кI)ила щи*; *гIурбуг* (*урбуг*), *гIурбуган*, *гIурбукIан*; *гIярбук*, *гIярбукIан*, *гIярбукIанти* и т.д. Фонетическая близость названий *угъбуг* (*гIугъбуг*) – *гIурбуг*, *гIурбукI*, *гIярбукI*, *угъбуган* (*гIугъбуган*) – *гIурбуган*, *гIярбукIан* достаточно очевидна с учетом взаимопереходов звуков *р* и *гъ*, *у* и *я*. От самоназвания *угъубуг* (*гIугъбуг*) происходит также лакское название кубачинцев *ургъ* (*гIургъ*, *оьргъ*, *гIоргъ*)[59], арчинское название *ургъаштув* и т.д.

В свете сказанного представляется верным мнение А.А. Магометова о том, что нельзя объяснить значение самоназвания кубачинцев *угъбуган*

(*гIугъбуган*) исходя из народной этимологии как «уничтожатель людей» (мол, кубачинцы, будучи оружейниками, были сильнее жителей окружающих аулов, превосходя их оружием и побеждали их)[60].

В книге «Искусство Кубачи» самоназвание *угъбуган* (*гIугъбуган*) переведено как «губители людей»[61]. Это повторено и в опубликованной в Италии статье А.А. Иванова «Персидские надписи из Кубачи»[62] со ссылкой на книгу Е.М. Шиллинга «Кубачинцы и их культура», хотя в этой книге такое толкование смысла этнонима *угъбуган* отсутствует[63]. *Угбук* – «губители народа» – так истолковано, как уже отмечали, проф. Р.М. Магомедовым (основываясь при этом, вероятно, на публикации по этому вопросу других авторов) смысловое значение самоназвания кубачинцев[64].

Неточное и ненаучное толкование смысла самоназвания *угъбуган* (исходя из народной этимологии) как «губители людей» основано всего лишь на предположениях и домыслах. Ведь первая часть слова *угъ* (*гIугъ*) по-кубачински не означает «людей». Для их обозначения применяется слово *уй* – «люди» или *шанте* – «сельчане», а вторая часть *буг-ан* не означает «губитель» или «уничтожатель». Для обозначения понятия «губитель» должно употребляться слово *булган*, от слова *буги* – «погубить, уничтожить». В этом случае «уничтожатель людей» по-кубачински должно звучать как *уйбулган*, а не *угъбуган* (*гIугъбуган*). Ср.: *хъыбуган* – харбукец, житель сел. Харбук Дахадаевского района; *хъыбуг* – харабукцы, *Хъыбаже* – селение Харбук (известный центр кузнечного дела). Е.М. Шиллинг этимологию самоназвания кубачинцев не раскрывает; очевидно, он не рискнул сделать этого, будучи не уверенным в точности народной этимологии приведенного им термина *урбуган* (*угъбуган*), хотя весьма вероятно, что он располагал информацией с подобным толкованием данного этнонима.

Следует отметить, что для обозначения самоназвания кубачинцев в специальной литературе приводится и такой не совсем точный термин – *урбуганте*[65] (по-кубачински должно быть *угъбуганте* или *гIугъбуганте*), которому соответствуют термины *гIярбукIанти*, *кубачиланти* (ср.: *даргинти*), употребляемые в современном литературном даргинском языке. Вторая часть понятия *угъбуганте* (*гIугъбуганте*), если выяснять ее смысловое значение по тому же принципу народной этимологии, что и этноним *угъбуг* (*гIугъбуг*), то слово *буганте* никак не может быть связано со смыслом «уничтожить, погубить». Напротив, оно означает «спокойный, мирный, уживчивый (народ, жители селения)», что вполне согласуется с тем, что многие исследователи характеризуют кубачинцев как народ добронравный, спокойный и мирный[66]. Е.М. Шиллинг отмечает, что «кубачинцы воздерживались от агрессий и грабежей, а при стычках соседей друг с другом, как правило, уклонялись от всяких вмешательств, чем создали себе своеобразную репутацию и авторитет»[67].

Многие исследователи – Р.Ф. Эркерт[68], И.А. Орбели[69], Л.И. Жирков[70], К.В. Тревер[71] и другие в самоназвании кубачинцев усматривали древнее название страны Албании. Это мнение подвергнуто справедливой критике А.А. Магометовым, который отмечает, что указанные исследователи, «находя в самоназвании кубачинцев термин «албан», неточно приводят само слово

«гIугъбуган» – «кубачинец». В этих терминах, быть может, и можно усмотреть некоторое звуковое сходство, но фонетически эти термины не сводятся один к другому»[72].

С учетом того, что самоназвание *угъбуг* (*гIугбуг*) является производным от кубачинского названия селения *Угъубаже* (*ГIугъубаже*), восходящего, в свою очередь, к тюркскому названию этого населенного пункта Гюбеши – Гёбеши – Гюбежи – Гюбеджи – Губеши – Кюбечи – Кубачи, можно заключить, что понятие (самоназвание) *угъбуг* (*гIугъбуг*) имеет в целом то же смысловое значение, что и древнее персидское название *Зирихгеран* и равнозначное ему по смыслу тюркское название *Кюбечи – Кубачи* – «кольчужники, кольчугоделатели (панцироделатели)». Здесь произошла не только фонетическая, но и семантическая адаптация: смысловое значение названия *Угъубаже* (*ГIугъубаже*) оказалось соответствующим тюркского происхождения ойкониму *Кубачи*.

Однако это название можно интерпретировать и по-другому – его можно истолковать как «крепкое селение», «недоступное селение» (ср.: название *Дибгалик* – «крепкое (в смысле недоступное) селение»[73]; тот же смысл имеет и другое название – *Дибгаши*[74]). Это вполне согласуется с тем обстоятельством, что в XII-XIV вв., когда небольшие родовые поселки, окружающие сел. Угъубаже (Кубачи), объединяются с ним, возводятся мощные оборонительные сооружения – крепостные стены и круглые башни, частично сохранившиеся доныне, а Кубачи становится действительно «крепким селением», недоступным для неприятеля крепостью. О недоступности этого селения писали многие ученые и путешественники. Недоступность селения, наряду с другими факторами, способствовали сохранению его независимости: Кубачи, как отмечали многие авторы, никогда никем не были покорены[75].

Хотя для такой интерпретации первоначального смысла названия *Угъубаже* (*ГIугъубаже*) имеются некоторые основания, все же более правильным является, очевидно, другое его толкование, а именно как «кольчугоделатели, панцироделатели, бронники», имея в виду тот факт, что с глубокой древности кубачинцы (*гIугъбуг*) были известны как кольчужных дел мастера, из-за чего персы назвали их *зирихгеран*ами и это наименование закрепилось за ними на многие века, а тюркоязычные народы назвали селение Губеши – Гёбеши – Гюбечи – Гёбечи – Кюбечи тоже исходя из основного рода занятий его жителей в древности – изготовление кольчуг, панцирей.

Из сказанного выше становится ясным вопрос о происхождении названия *Кубачи*. В том, что кубачинское название селения *Угъубаже* (*ГIугъубаже*) восходит к тюркскому Губеши – Гюбечи – Гёбечи – Губежи – Кюбечи – Кубачи нет ничего удивительного, хотя на первый взгляд кажется и неожиданным, так как известно, что «во многих случаях название племени или народа усваивалось соседское, иноязычное»[76], что «обычно менее распространенным бывает самоназвание народа и более – этнические названия, сложившиеся в среде соседнего населения»[77].

В кубачинском языке имеются достаточно много тюркизмов (среди них и термины, связанные с работой златокузнецов[78]), как, впрочем, и в других да-

гестанских языках, свидетельствующих о длительном дагестано-тюркских языковых и иных контактах, восходящих к глубокой древности – к первым векам н.э.[79] Кроме того, распространение тюркского названия *Кубачи* в его различных вариантах вместо персидского названия *Зирихгеран* по времени совпадает с процессом распространения и упрочения мусульманства среди кубачинцев. А в исламизации сел. Кубачи, как и многих других населенных пунктов Дагестана, значительную роль сыграл тюркский элемент[80]. Тюрки-кипчаки и сельджуки, прочно обосновавшиеся в средние века в Дербенте, не только способствовали распространению и упрочению ислама в предгорной и горной части Дагестана, но и принимали активное участие в военных акциях. В состав войска дербентского правителя Сейф уд-дина ас-Сулами, организовавшего в 1126 г. поход против жителей Зирихгерана, еще не принявших ислам, входили и тюрки[81].

Не случайным является и тот факт, что в предметах вооружения и костюмах людей, изображенных на средневековых (XIII-XV вв.) кубачинских каменных рельефах – деталях архитектурного декора заметно сильное тюркское влияние[82]. Характерно и то, что среди кубачинских литых бронзовых котлов XII-XIII вв. так называемого открытого типа представлены котлы с арабскими куфическими надписями на одном из четырех горизонтальных выступов бортика с именами изготовивших котлы мастеров с нисбой ал-Марвази («сделал Абу Бакр б. Ахмад Марвази», или «сделал Ахмад б. Махмуд ал-Марвази»)[83], т.е. Мервский – родом из города Мерва. В XI – первой пол. XII в. Мерв был столицей государства Великих сельджуков, а со второй пол. XII – начала XIII в. являлся крупным культурным и торгово-ремесленным центром Хорасана, а затем государства Хорезмшахов[84].

С отмеченными двумя важными обстоятельствами – распространением тюркского названия селения *Кубачи* вместо персидского *Зирихгеран* и исламизацией его жителей – совпадает по времени еще и другое важное событие, а именно процесс образования крупного населенного пункта (*ши*) путем объединения нескольких небольших родовых (тухумных) поселков зирихгеранов (*ПIянчибачIе*, *Къубасанила*, *Муглила*, *Дешижила* и др.), расположенных вокруг Кубачи в радиусе 3-10 км. После их объединения, в XIV-XV вв. сел. Кубачи становится одним из крупных центров мусульманской культуры, где развертывается строительство мусульманских культовых сооружений – квартальных и главной (пятничной) мечетей, открываются исламские учебные заведения – мактабы и медресе. В огромном количестве создаются копии рукописных книг по различным отраслям знаний, которые поступали в Дагестан и в Кубачи из различных стран Ближнего Востока. Высокой степени совершенства достигло искусство арабской каллиграфии. Необычно высокого уровня достигли в своем развитии и различные отрасли художественного ремесла – резьба по камню и дереву, художественное бронзовое литье, производство оружия, вероятно и ювелирное дело.

В указанное время в Кубачи наряду с арабским и персидским языками значительное распространение получил и тюркский язык, который служил языком общения кубачинцев – ремесленников и торговцев – с жителями насе-

ленных пунктов равнинной и предгорной зоны Дагестана, а также городов и поселков Азербайджана, с которыми они имели регулярные торгово-экономические связи. Ни арабский, ни персидский языки не могли выполнять в то время такую роль. О распространении же в средневековом сел. Кубачи тюркского языка свидетельствуют некоторые фактические данные. Как пишет Г.М.-Р. Оразаев, «на одном из листов рукописи «Синтаксис арабского языка», переписанной Абдар-Рахманом, сыном Мухаммада аз-Зирехкарани (т.е. даргинского аула Кубачи) в 1491 году, написана в стихотворной форме, на кумыкском языке, легенда о том, как однажды на арабов напал дракон (аждаха). На полях между строк «Толкового словаря арабского языка», переписанного в 1499 году тем же Абдар-Рахманом, обнаружены лакские и кумыкские слова, выражения, предложения, примечания, комментирующие текст, по которым с той или иной достоверностью можно судить о времени проникновения терминов, степени распространения иного языка, или отдельных заимствований и т.д.»[85].

Тюркское название *Кюбечи* (*Гюбечи – Гюбеджи – Губеши* и другие варианты), а также восходящее к нему кубачинское название *Угъубаже* (*ПIугъубаже*) для обозначения населенного пункта, находящегося на месте нынешнего расположения самой старой части пос. Кубачи, бытовали, вероятно, наряду с персидским названием Зирихгеран, с эпохи раннего средневековья (может быть и раньше). Но эти названия оставались очень долгое время наименованиями, употребляемыми в бытовой, разговорной (устной) речи, а литературным, книжным названием служило широко распространенное в Дагестане и за его пределами с эпохи раннего средневековья персидское название Зирихгеран[86]. До XV в. (возможно, до XIV в.) тюркское название *Губеши – Гюбечи – Гёбечи – Кюбечи – Кёбечи – Кубачи* оказалось письменно не зафиксированным, а кубачинское название *Угъубаже* (*ПIугъубаже*) было зафиксировано в фольклорных произведениях, записанных исследователями-языковедами (Н.Ф. Яковлевым, Л.И. Жирковым) лишь в начале XX в. Поэтому в средневековых арабских и персидских письменных источниках и местных, т.е. дагестанских исторических хрониках, арабских рукописных книгах и памятниках эпиграфики (относящихся к периоду до XIV-XV вв.) названия *Кубачи* и *Угъубаже* (*ПIугъубаже*) не встречаются. Но это обстоятельство – явление не исключительное. Так было, например, и с распространенным в средневековых письменных источниках, а в более позднее время в различных историко-географических трудах арабским названием *Кала-Корейш* (*Кала-Курейш*) – первоначальной резиденции правителей Кайтага-уцмиев. Самоназванием этого населенного пункта и названием, употребляемым даргинцами в разговорной (устной) речи со дня его основания, являлся и ныне является *УрцIмуц*[87] (по-кубачински – *АцIмаце*; житель селения – *уцIмуцан*, мн. ч. – *уцIмуц*. Кайтагцы называют это селение *УркIмуц*. Известны и другие, близкие отмеченным, названия[88]). Точно также широко распространенным в средневековых письменных источниках и более поздних историко-географических сочинениях названием известного населенного пункта является персидское название *Дербенд* (*Дарбанд*), впервые упомянутое в письменных источниках в

VII в. н.э.[89] Однако на протяжении многих веков этот город в разговорной речи даргинцы называли и ныне называют более древним, чем термин *Дербенд*, названием *Чулли*[90], а кубачинцы называют его *Чуле*.

В заключение отметим, что рассмотренные выше вопросы, касающиеся происхождения названия *Кубачи*, этимологии кубачинского названия селения *Угъубаже* (*Пугъубаже*) и самоназвания кубачинцев *угъбуг* (*гIугъбуг*) являются одним из аспектов довольно сложной, привлекавшей к себе пристальное внимание многих отечественных и зарубежных ученых XVIII-XX вв. проблемы происхождения кубачинцев, до сих пор дискутируемой, мало исследованной, и потому требующей глубокой научной разработки с позиции современных достижений разных научных дисциплин.

§ 2. Вопросы происхождения кубачинцев и истоков их искусства в историко-этнографической литературе XVIII-XX вв.

О происхождении кубачинцев в отечественной и зарубежной, особенно в западноевропейской историко-этнографической литературе XVIII-XX вв. написано намного больше, чем о других народах Дагестана вместе взятых. Начиная с XVIII в. кубачинцы стали привлекать к себе особое внимание многих русских и западноевропейских ученых и путешественников, которые высказывали самые различные предположения относительно их происхождения и истоков их художественной культуры. Вплоть до наших дней ученые разных специальностей продолжают строить всякого рода догадки о происхождении жителей сел. Кубачи и истоков их искусства.

Причины столь пристального внимания различных исследователей и путешественников к вопросам происхождения кубачинцев кроются в своеобразии их материальной и духовной культуры, традиционного быта, высокоразвитого декоративно-прикладного искусства, в особенностях языка и т.д.

Отсутствие письменных источников и археологических данных, неизученность истории и культуры, высокий уровень развития искусства, немыслимый с точки зрения ряда авторов XVIII-XIX вв. в таком «диком», «отсталом» горном крае, как Дагестан, открывали широкий простор разнообразным домыслам и предположениям о происхождении жителей сел. Кубачи.

Впервые вопрос о происхождении кубачинцев рассматривался полковником И.Г. Гербером (ум. в 1734 г.), участником Персидского похода Петра I, долгое время – с 1722 г. по 1729 г. служившим в Прикаспийских областях Кавказа. В работе «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и об их состоянии в 1728 году»[91], написанной по заданию российского правительства на основе личных наблюдений и материалов, собранных автором во время пребывания в Дагестане, приводится предание о европейском, точнее, генуэзском происхождении кубачинцев. Он пишет, что кубачинцы сами называют себя франками и считают, что их предки по каким-то обстоятельствам много столетий тому назад переселились на нынешнее их местоположение – в сел. Кубачи. До это-

го они занимались торговлей на Каспийском море. Во время бури они были выброшены на берег и, не имея возможности вернуться на родину, обосновались на Кавказе. Далее И.Г. Гербер приводит легенды о том, что несколько столетий тому назад генуэзцы и греки, кроме торговли на Черном и Каспийском морях, имели в горах серебряные, медные и железные рудники, а около них – «фабрики» мастеровых людей, производивших прекрасные изделия; мастера якобы обучали производству местных жителей. Затем, вследствие нашествий арабов, османов (турок), Чингис-хана, Батыя и других «фабрики» и рудники были разрушены, мастера же остались и образовали нечто вроде «республики»[92].

Касаясь этих высказываний Е.М. Шиллинг пишет, что домыслы о европейском происхождении кубачинцев, изложенные самим И.Г. Гербером в довольно осторожной форме, рядом последующих авторов были подхвачены решительно[93].

Вместе с И.Г. Гербером о европейском происхождении кубачинцев писал и его сослуживец подполковник фон Лукей. Находясь в г. Дербенте И.Г. Гербер (в чине майора) и фон Лукей сняли копию с карты Ширванской провинции, на которой обозначили феодальные владения, а также размещение некоторых дагестанских народностей. Как пишет Л.А. Гольденберг, – в нижней рамке карты приклеен лист «для примечаний», где приведено описание Дагестана географического и этнографического характера[94]. В этом описании после перечисления ряда феодальных владений и их правителей затрагиваются вопросы, касающиеся сел. Кубачи и происхождения его жителей: «Кубеша деревня же большая в горах и они между собой выбирают, что год, старшину, и была оная прежде под протекцию шамхальскую, токмо ныне сами собою живут и никово не слушают и, сказывают тамошние жители, что прадеды их в старинные времена выехали из немецких краев. И они же делают пушки и всякое ружье, и панцири, и латы»[95].

Одновременно с И.Г. Гербером об иноземном происхождении кубачинцев писал и Я.А. Маркович (1696-1770 гг.), находившийся на военной службе в Дагестане в чине полковника с 1725 г. по 1727 г. В период своей службы он вел дневник[96]. Находясь в г. Дербенте, Я.А. Маркович в своем дневнике очень кратко записал легенду о происхождении жителей «особливой великой деревни Кубиче». «Тамошние жители считают себя иноземцами, – пишет он. – По их древнему преданию, некий властелин [южной части Дагестана] выписал колонию франкских оружейников и поселил их [в Дербенте. Впоследствии они ушли в горы и обосновались на месте нынешнего сел. Кубачи]»[97]. Ходячая в то время легенда о происхождении кубачинцев приведена не полностью, по всему видно, что записи в дневнике сделаны в спешке.

Среди исследователей были и такие, которые считали кубачинцев евреями. Так, Ф.Д. Штраленберг в 1730 г. писал: «Недалеко от Дербента в горах живет народ, который принимают за иудеев, и которые, видимо, и до сих пор исповедуют иудейскую религию, однако они не знают, когда они сюда прибыли… Наделили ли их этим именем [Kubatzin] другие или они сами себе дали, я не знаю»[98], – заключает он.

Осторожно высказывался о происхождении кубачинцев И.Я. Лерх (1703-1780 гг.), врач по специальности, находившийся на русской государственной службе и совершивший в 1740-х гг. поездку в Персию. Свое путешествие он описал в работе «Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 до 1747 года», в которой на основе сведений, собранных в 1734 г. майором русской службы в прикаспийской зоне Кавказа И. Вольфом приводятся некоторые географические и этнографические сведения о Дагестане. Относительно сел. Кубачи И.Я. Лерх пишет, что «наилучшие сабли и ружья делаются… в Кубеше. Деревня сия большая; жители называются френгами, т.е. франками. Однако не знают своего происхождения. Они также искусные серебряные мастера»[99].

По свидетельству акад. Х.Д. Френа[100], Дегинь (Deguignes), автор труда «Histoire des Huns»[101], предполагал в кубачинцах именно тех генуэзцев, которые при покорении турками Кафы и Манкуба (1475 г.) были принуждены бежать.

Во второй пол. XVIII в. молва о европейском происхождении кубачинцев получила довольно широкое распространение. Она дошла и до моравских (чешских) братьев[102] (членов религиозной общины), поселенных императрицей Екатериной II в Сарептской колонии Саратовской губернии. Чтобы выяснить, не являются ли кубачинцы их соотечественниками христианами-моравскими братьями, оказавшимися, согласно догадкам акад. И.А. Гильденштедта, в кавказских горах вследствие постоянных гонений властей против них за религиозные и политические убеждения, а затем разгрома общин чешских братьев и изгнания из Чехии и Моравии их членов, из Сарепты в сел. Кубачи была снаряжена специальная миссия в составе двух братьев – Грабша и Груля[103]. Первый из них хорошо знал тюркский язык и мог свободно общаться с кубачинцами и другими жителями Дагестана, владеющими кумыкским или азербайджанским языками.

В конце ноября 1781 г. Грабш и Груль выехали из Сарепты и 7 марта 1782 г. через Кизляр прибыли в сел. Берикей, где они встретили случайно оказавшегося там уцмия Кайтагского Устар-хана. Уцмий взял их в свою резиденцию в сел. Башлы и оттуда с проводником направил в сел. Кубачи к своему кунаку Махмуду, который принял их с должным гостеприимством. Оба миссионера на месте убедились, что кубачинцы являются мусульманами, а не христианами. О своем происхождении жители села не смогли сообщить им каких-либо удовлетворительных сведений; утверждали только, что предки их были христиане, но уже прошло более 300 лет, как они приняли ислам. Собрав некоторые сведения о происхождении кубачинцев, об их обычаях, языке и архитектурных сооружениях, после шестидневного пребывания Грабш и Груль покинули сел. Кубачи и через Дербент, Шемаху, Тифлис вернулись в Сарепту летом 1782 г.

В письме (вернее, выписках из сарептского архива) М. Виганда от 5 мая 1805 г. о поездке в сел. Кубачи Грабша и Груля, доставленном С.М. Броневскому из Сарепты через саратовского губернатора П.У. Беликова, отмечается:

«являются ли кубачинцы греческого, грузинского, генуэзского или готского происхождения по имеющимся в Сарепте известиям решить невозможно»[104].

Акад. Г.Ф. Миллер (1705-1783 гг.), историк и археограф, в кубачинцах, говорящих, как он полагал, «совсем особенным языком», видел потомков древних алан[105]. Этой точки зрения придерживался и выдающийся историк, автор двенадцатитомного сочинения «История государства Российского» Н.М. Карамзин (1766-1826 гг.)[106].

Акад. И.А. Гильденштедт (1741-1781 гг.), врач и естествоиспытатель, участник экспедиции Российской Академии наук в 1768-1774 гг. по обследованию юго-восточных областей европейской России и Кавказа, в 1770 г. будучи в Дагестане, собрал некоторые сведения о дагестанских народах, в том числе и о кубачинцах. В третьей главе своего труда, озаглавленного «О кавказских народах», И.А. Гильденштедт писал следующее: «Кавказские горы заключают в себе премножество меньших и больших народных остатков и отдельных обществ, кои либо еще издревле в них обитали, или во время переселений народов и шествий их в Европу, могли остаться там отделившимися толпами, а потом по разным причинам перейти сюда и из Европы. В пример такого переселения возьмем генуэзцев, обладавших в XII веке берегами Черного моря, от коего остальная часть сего народа, по мнению историков, пошла к Кубеши и там поселилась»[107]. Он же отмечает, что в сел. Акуша и Кубачи говорят на одинаковом наречии, отличном от других «лезгинских» (т.е. дагестанских) наречий. Эти последние наблюдения Е.М. Шиллинг рассматривает как «первый и весьма ценный вывод о языке кубачинцев как языке чисто местном, родственном даргинскому, основанный на наблюдениях И.А. Гильденштедта, почерпнутых из непосредственного общения с кубачинцами (правда, не в самом ауле Кубачи)»[108].

Участник двух научных экспедиций на Кавказ в 1768-1774 гг. и в 1793-1794 гг. акад. П.С. Паллас (1741-1811 гг.), врач и естествоиспытатель, собравший ценные данные о северокавказских народах, в том числе и о кубачинцах и их языке, подверг сомнению широко бытовавшее в то время мнение о европейском происхождении жителей Кубачи. Он сообщает, что в бытность его на Кавказе ему рассказывали, будто бы незадолго до этого (т.е. в конце XVIII в. – М.М.) один кубачинец по дороге в Мекку встретил в Константинополе венецианцев, с которыми он легко мог объясняться. «Предполагалось, – пишет П.С. Паллас, – что жители города Кубеша происходят от франков (может быть от генуэзцев и венецианцев). Однако я сам встретил одного кубачинца и записал от него некоторое количество слов на кубачинском языке. Из этих слов ясно, что кубачинский язык имеет общность с языками акушинцев (т.е. даргинцев – М.М.) и отчасти казикумухцев»[109], – ошибочно добавляет он в конце. П.С. Паллас, таким образом, конкретным лингвистическим материалом подтвердил вывод о близости кубачинского языка к даргинскому, сделанный до него акад. И.А. Гильденштедтом.

Ценные сведения о сел. Кубачи и его жителях приводит Якоб Рейнеггс (1744-1793 гг.), врач по специальности, в 1779-1783 гг. служивший на Кавказе – сначала у грузинского царя Ираклия II, затем у известного русского госу-

дарственного и военного деятеля, князя Г.А. Потемкина. В опубликованной после его смерти работе, посвященной историко-топографическому описанию Кавказа[110], отмечается, что кубачинцы «причисляются к древнейшим кавказским жителям»[111]. Древнее персидское название кубачинцев «зирихгераны» передано им в искаженной форме – *Соркуван* (*Зеркуван*). Говоря о существовании мнения о европейском происхождении кубачинцев, Я. Рейнеггс указывает, что кубачинский язык не имеет никакого сходства с языками народов Европы, что этот язык «прочим народам Кавказа также неизвестен»[112]. Касаясь своеобразия и особенностей культуры Кубачи, автор пишет, что у кубачинцев «дома отчасти выстроены по европейскому вкусу и состоят из деревянных переплетов вышиною в 2 этажа, в горницах и внутри дома соблюдают они величайшую чистоту, сверх того и тем еще отличаются от всех кавказских народов, что по европейскому обыкновению имеют стулья, столы и постели, едят с ножами и вилками, и ведут жизнь весьма благополучно. Бо́льшая часть жителей, – продолжает Я. Рейнеггс, – занимается торговлею, а прочие делают ружья, сабли, пистолеты и ножи, и мастерством своим всем известны. Золотая и серебряная их работа подобна карлсбадской или аугсбургской...»[113].

Свою точку зрения по вопросу о происхождении кубачинцев высказал и Ян (Иван Осипович) Потоцкий (1761-1815 гг.), историк, почетный член Российской Академии наук, польский граф. В 1798 г. он совершил путешествие по Кавказу, которое описано в книге[114], изданнной посмертно другом Я. Потоцкого, немецким языковедом-ориенталистом Ю. Клапротом. В работе Я. Потоцкого значительное место занимают общее описание сел. Кубачи, вопросы происхождения его жителей, краткое описание их языка. В ней приведены сведения о поездке в сел. Кубачи моравских (чешских) братьев Грабша и Груля в 1781 г., которые основаны на письме (архивных выписках) М. Виганда от 5 мая 1805 г., доставленном ему из Сарепты[115].

Я. Потоцкий сообщает, что брат его хозяина, некий Павел Калустов, был в сел. Кубачи, и со слов этого осведомителя приводит некоторые сведения о кубачинцах: они считают себя происходящими от «франков», но остаются загадочными и весьма неохотно говорят о себе. Далее автор высказывает собственное мнение о происхождении кубачинцев и полагает, что кубачинцы – народ не чуждый Кавказу. По языку он считает их лезгинами, т.е. дагестанцами. А что касается художественного ремесла кубачинцев, то он допускает, что оно было занесено пришлыми генуэзцами[116].

Полковник А.И. Ахвердов (род. в 1762 г.), в 1801-1804 гг. состоявший комендантом Кизлярской крепости и командиром Кизлярского гарнизонного полка в 1804 г. о сел. Кубачи писал следующее: «Из сего уцмейского владения деревня, называемая Кубечи, в горах лежащая, есть любопытнейшая по причине того, что, как сказывают, жители оной, предки их были франки, жившие на плоскости, и во время нашествия на Аварские владение Чингиз-хана сии франки убежали в нынешнее место. Быв христианского закона, по многим притеснениям им соседними народами, оставили совсем закон христианский и, жив несколько лет в неверии, наконец приняли магометанский закон, кото-

рый со всякою чистотою и ныне содержат. Но язык их от всех магометанских отличный, в выговоре и некоторых словах с немецким сходный, называют особым горским языком»[117]. Нетрудно заметить, что А.И. Ахвердов повторяет известные до него вымыслы о европейском происхождении кубачинцев, а в их языке он находит сходство с немецким языком.

Чиновник Министерства иностранных дел России Засс в своей работе[118], опубликованной на французском языке, дает краткую, но, как отмечает Е.В. Сказин[119], интересную характеристику дагестанцев, сообщает о службе их во французской армии в начале XIX в. В примечании 34 к стр. 55 русского перевода работы Засса рассказывается о кубачинцах: «В Кубесхах, находящемся в Лесгистане, где обитает народ, именующийся франками, почитаемый произшедшим из Генуи, находятся фабрики и рукоделия различных видов».

Давая краткий обзор дагестанских языков и касаясь языка жителей сел. Кубачи, И. Аделунг в 1806 г. писал, что кубачинцы претендуют на происхождение от европейцев и потому называют себя «франки». «Говорят, что они потомки тех греческих и генуэзских фабрикантов, которые обрабатывали добычу от здешних горных разработок. Между тем их язык не сохранил ничего европейского, а скорее имеет общее с языком Акуша и отчасти казикумухским»[120], – заключает И. Аделунг.

Неизвестный автор начала XIX в. в работе «Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским»[121] в разделе, озаглавленном «Лезгины», на стр. 37 упоминает «Кубеша», а в примечании к ней подробно излагает содержание работы И.Г. Гербера «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах» о франкском (европейском) происхождении кубачинцев со своими незначительными дополнениями. Рассказ о происхождении кубачинцев приведен как бы со слов лиц, хорошо знающих историю «сего народа: греки и генуэзцы имели в течение многих веков знатную торговлю не только по Черному, но и по Каспийскому морям и верно знали содержащиеся в сих горах рудники, из которых получали, способом своей с жителями торговли, великое количество серебра, меди и других металлов. Для разработки оных на самом месте послали туда работников, кои построили заводы и научили жителей всему, что до сего ремесла относится. Нашествия арабов, турков и монголов, во время которых рудники завалены и мануфактуры брошены, препятствовали оным иностранцам возвратиться в свое отечество. Так, что они остались жить в сей стране и составили республику». Затем автор добавляет от себя, что рассказ И.Г. Гербера о генуэзском происхождении жителей сел. Кубачи делает вероятнейшим то, что кубачинцы «и теперь очень искусные художники и выделывают прекрасное огнестрельное оружие, гладкое или граненное, сабли, панцири и многие золотые и серебряные вещи для вывоза за границу. Также для защищения своего имеют небольшие пушки, медные трехфунтового калибра, кои отливают сами. Чеканят монету серебряную турецкую и персидскую, и даже рубли, кои обращаются в коммерции, потому что полновестны и имеют надлежащую добрату…». Эти и другие сведения, приводимые в рассматриваемой работе о сел. Кубачи, занятии его жителей, их общественном

строе и пр., заимствованы из литературных источников. Наряду с достоверными материалами работа содержит и популярные в то время домыслы (о генуэзском происхождении кубачинцев, о литье пушек и др.).

Адьюнкт Российской Академии наук Ю. Клапрот в 1807-1808 гг. по поручению Академии совершил путешествие на Кавказ с лингвистической целью. В своей работе «Описание русских областей между Каспийским и Черным морями»[122], изданной на немецком языке, он объединил материалы, собранные им самим в Дагестане, с материалами, почерпнутыми из литературных источников (из работ Я. Рейнеггса, Я. Потоцкого и др.). Касаясь кубачинцев и их языка, автор рассказывает о поездке в сел. Кубачи в 1781 г. моравских братьев Грабша и Груля. Как и Ян Потоцкий, он полагал, что кубачинцы – народ кавказский; то, что арабский автор X в. Масуди упоминает об этом племени, делает сомнительным европейское происхождение кубачинцев, – отмечал он. Кубачинский язык Ю. Клапрот считал близким к языку сел. Акуша, но в нем он находил много слов, общих с казикумухским, т.е. лакским языком. Что касается ремесла кубачинцев, то Ю. Клапрот допускал возможность его занесения генуэзцами.

Мнения ученых и путешественников о франкском происхождении кубачинцев подверг критике С.М. Броневский (1763-1830 гг.), офицер, участник второго Персидского похода 1796 г., состоявший на военной службе в Тифлисе. Один из разделов его работы[123] назван «Исследование о городе Кубечи»[124], в котором он рассматривает версии о европейском происхождении кубачинцев, приводит полный текст справки (выписок из сарептского архива) М. Виганда о поездке в конце XVIII в. в сел. Кубачи Грабша и Груля. В этот же раздел включены литературные данные (И. Гербера, И. Гильденштедта) и лично им собранные краткие сведения о занятиях, постройках и религии кубачинцев.

Касаясь вопроса происхождения кубачинцев С.М. Броневский отмечал, что «между кавказскими народами действительно есть предание, которое пронеслось и к российским жителям, что предки кубачинцев были франки, жили прежде в долинах. Но во время нашествия Чингис-хана на Аварское владение, убежали в горы, в нынешнее их местопребывание, где … из-за претерпенных ими гонений от мусульман, принуждены оставить христианский закон, и пребывши несколько лет в неверии, напоследок решились принять магометанскую веру…. Многие до сих пор думают, – продолжает С.М. Броневский, – будто-бы известия эти основаны на собственных показаниях кубачинцев. Чтобы прояснить вопрос, необходимо удостовериться, на самом деле признают ли кубачинцы свое происхождение от франков»[125].

С.М. Броневский пишет, что нельзя считать кубачинцев выходцами из Европы лишь на том основании, что их предки были христианами. Он считает, что разного рода вымыслы и догадки, заимствованные из необоснованных слухов, охотно поддерживаемые и раздуваемые путешественниками и учеными, рассчитаны на читателей, проявляющих повышенный интерес ко всякого рода странному и чудесному. А все это наносит вред дальнейшему научному познанию[126].

Служивший в Дагестане дивизионным квартирмейстером (с 1846 г. генерал-майор) М.К. Ковалевский (ум. в 1847 г.) и служивший в 1830-1831 гг. по линии Генерального штаба И.Ф. Бларамберг (1803-1878 гг.), описывая в 1831 г. «город Кубечи» и занятия его жителей, указывают, что «изделия их носят отпечаток какой-то высшей образованности, и в сем последнем роде они особенно отличаются работою различных украшений, насекаемых на оружии из золота и серебра… Подобные преимущества их в искусствах, – продолжают они, – самый образ жизни кубечинцев и их язык, имеющий некоторые отличительности, возбуждали всегда справедливые догадки о принадлежности сего народа к нынешным племенам европейским, оставшимся здесь во время всеобщего переселения из Азии или заведенным на Кавказ, впоследствии предприятиями крестовых походов»[127]. Как видно, «вкладом» отмеченных авторов в вымыслы о происхождении кубачинцев явилось то, что они связывают переселение предков кубачинцев с крестовыми походами[128], имевшими место в XI-XIII вв.

Известный русский естествоиспытатель, проф. Э.И. Эйхвальд (1795-1876 гг.), объездивший восточное побережье Каспийского моря и Кавказ, считал, что кубачинцы происходят от греков[129].

П. Зубов, офицер, историк и поэт, долго живший в Закавказье, при составлении своего труда «Картина Кавказского края» имел, как он пишет, «собственные местные наблюдения и сведения» и пользовался «всеми источниками при помощи здравой критики». В разделе «Особые достопримечательности» автор отмечал, что «кубечинцы считаются за народ трудолюбивый, тихий и добронравный, что подкрепляет мнение о европейском их происхождении, особенно при внимательном рассмотрении развалин христианских церквей, и доселе сохранившихся, хотя кубечинцы давно уже исповедуют магометанскую веру»[130]. А в другом месте работы П. Зубов замечает, что … «в городе Кубечи (во владениях Уцмия) [имеются] двух и трехэтажные дома смешанной европейско-азиатской постройки»[131].

Те черты национального характера кубачинцев, о которых писал П. Зубов, не могут служить подтверждением его мнения об их европейском происхождении. Что касается упоминаемых им остатков трех церквей, то это тоже, конечно, не является аргументом для подтверждения высказанного автором мнения о европейском происхождении кубачинцев. Кроме того, сведения об остатках трех церквей, якобы увиденных в бытность свою в Кубачи посланцами моравских братьев Грабшем и Грулем, нельзя признать достоверными. Оценка же архитектурных построек в сел. Кубачи как «дома смешанной европейско-азиатской постройки» основана на ложном убеждении автора о европейском происхождении кубачинцев.

Свою лепту в необоснованную версию о европейских, возможно, германских корнях кубачинцев, внес подполковник Г. Бракель, служивший в первой пол. XIX в. в Дагестане, а затем состоявший комендантом г. Нухи. В статье, специально посвященной кубачинцам[132], автор приводит сведения об их происхождении, нравах, обычаях, языке, обычном праве (адат), торговле, общественном строе и т.д. Сведения эти были получены Г. Бракелем, как об этом

пишет он сам, от его друга, проживающего в Грузии и будто бы хорошо сведущего в затрагиваемых в статье вопросах.

Повторяя приписываемую кубачинцам легенду об их европейском происхождении, Г. Бракель заявляет, что происхождение этой легенды якобы «подтверждено тридцать лет тому назад (т.е. в начале XIX в. – М.М.) двум иностранцам самими кубачинцами».

Далее автор (со слов этих двух иностранцев) излагает следующую историю. Несколько кубачинцев (точное количество их не указано) по пути в Мекку для совершения хаджа, в г. Джаффа (Jaffa)[133] сели на судно, где они встретили двух иностранцев, которые полностью понимали их язык и обстоятельно рассказали о своих делах. Потом они объяснили своим новым европейским друзьям, какие у них были первые сельчане и что родиной их был вроде бы Ванедик (Wanedic) и что 17 столетий тому назад их семьи переселились и до сих пор в Кубачи живут эти переселившиеся жители. При этом упомянутые европейцы предложили кубачинцам поехать к своему господину, который был князем в Европе, и конечно же они будут хорошо приняты и щедро одарены подарками. Хотя кубачинцы были польщены этим приглашением, тем не менее, они продолжили свой путь в Мекку. А после возвращения они очень много рассказывали о приятной встрече и любезном общении обеих сторон. Но вопрос, какое из европейских государств они назвали Ванедиком, остался спорным[134].

Эта легенда, изложенная Г. Бракелем, является расширенным вариантом нелепого вымысла, рассказанного кем-то еще П.С. Палласу в бытность его на Кавказе. Уже Х.Д. Френ назвал эту легенду ничтожной сказкой[135]. Еще один вариант этой легенды со ссылкой на П.С. Палласа приводит Е.Г. Вейденбаум: «Один кубачинец, отправившийся на богомолье (хадж – М.М.) в Мекку, встретился случайно в Константинополе (современный Стамбул – М.М.) с венецианским матросом и мог свободно говорить с ним на своем итальяно-кубачинском языке»[136].

Работа Г. Бракеля содержит немало ошибок. Он путает сел. Кубачи с Капуча (Кобуча) – местом обитания дидойцев (цезов), относящихся к аварской группе народностей. Неверно также его утверждение о том, что язык кубачинцев не понятен жителям селений Сулевкент, Шири и Амузги, составляющих вместе с селением Кубачи, как пишет Г. Бракель, маленькую республику Кубачи. Имеются и другие неверные утверждения.

Акад. Х.Д. Френ (1782-1851 гг.), известный востоковед, филолог-арабист, историк и нумизмат, составивший первый ценный научный свод сведений письменных источников и литературных данных о сел. Кубачи и его жителях[137], считает справедливым предположение путешественников о европейском происхождении кубачинцев, полагая при этом, что переселение их на Кавказ совершилось в весьма древние времена, так как письменные источники упоминают о них в связи с историческими событиями VI в. н.э.[138] «Это же обстоятельство не позволяет думать о генуэзском или венецианском происхождении кубачинцев, – пишет Х.Д. Френ, – и тем более сказкой или вымыслом можно считать то, что лет 40 тому назад (в конце XVIII в. – М.М.) расска-

зывали П.С. Палласу на Кавказе, будто бы незадолго до этого один кубачинец по дороге в Мекку в г. Константинополе встретил венецианцев, с которыми он легко мог объясняться»[139].

«Решению любопытной задачи – выяснению вопроса о происхождении кубачинцев могли бы способствовать, – продолжает Х.Д. Френ, – древние надписи на камнях, сохранившиеся в сел. Кубачи и о которых писали посланцы из Сарепты Грабш и Груль, затем Ю. Клапрот, С. Броневский, Э. Эйхвальд, но остались без внимания, хотя можно было добыть верные снимки с тех надписей. Рано или поздно время истребит и эти памятники, если они и были пощажены огнем и оружием, и когда-нибудь придется отвечать за нашу беспечность и равнодушие»[140], – заключает Х.Д. Френ.

Широко распространенной версии европейского, а именно греческого и генуэзского происхождения кубачинцев придерживался и выдающийся азербайджанский историк, поэт и философ Аббас-Кули-ага (Кудси) Бакиханов (1794-1847 гг.). В книге «Гюлистан-Ирам» («Райский Цветник»), написанной в первой пол. XIX в. на персидском языке, а затем переведенной в 1844 г. самим автором на русский язык (книга была издана в Баку лишь в 1926 г.), он отмечает, что «жители Кобечи, по словам их предков, были греческие и генуэзские торговцы, основавшие здесь свои фабрики; они впоследствии составляли особенное ремесленное общество»[141]. Затем он добавляет, что «деревня же Кобачи говорит совершенно отдельным языком»[142].

В своих комментариях к этой части работы Е.М. Шиллинг точно заметил, что сам А.-К. Бакиханов в сел. Кубачи не был, вышеупомянутая легенда о происхождении кубачинцев от греков и генуэзцев взята не из первоисточника, а повторяет литературные версии XVIII века[143].

Под влиянием миграционной теории в вопросе о происхождении кубачинцев оказался и выдающийся востоковед, профессор сначала Казанского, затем Петербургского университетов И.Н. Березин (1818-1895 гг.), который во время своего путешествия в 1842-1845 гг. по Кавказу и странам Ближнего Востока посетил Дагестан. В 1842 г. он побывал в г. Дербенте. В книге «Путешествие по Дагестану и Закавказью»[144] он затрагивает вопросы, касающиеся занятий и происхождения кубачинцев. «В горах выделывается очень много всякого рода оружия, но преимущественно кинжалов; горская работа подделывается под венецианскую, и даже большею частью выставляется венецианское клеймо, потому, что Кубачи – лучшие оружейные мастера в горах, принадлежат к генуэзским поселенцам», – утверждал И.Н. Березин.

В середине XIX в. германское происхождение кубачинцев отстаивал служивший на Кавказе В. Швецов[145]. Он утверждал, что «этот немногочисленный народ, по сохранившимся преданиям, признает себя выходцами из Германии». В подтверждение этого он приводил такие доводы: кубачинцы «удержали в образе жизни своей прежний порядок и мастерство, отличающее их от прочих горцев; строение домов их более имеет сходство с европейским, внутреннее убранство мало отличается от немецких колонистов, они имеют столы, стулья, столовые приборы, и кровати с занавесями и тюфяками, всегда опрятно прибранными, вместо покрывал у них употребляются ночные легкие

перины, набитые перьями или пухом, смотря по состоянию; одна одежда у обоего пола туземная с некоторыми изменениями, приноровленными к собственному их вкусу»[146]. Далее, после краткого описания занятий кубачинцев, В. Швецов добавляет: «в разговоре этого племени сохранились еще некоторые немецкие слова»[147]. В списке названий племен, «населяющих кавказские горы, имеющих отдельный от другого язык», среди прочих названы «Кувечи». «По преданиям, сохранившимся между ними, они (кубачинцы – М.М.) считают себя выходцами из Аугсбурга»[148], – безапелляционно заявляет В. Швецов.

Русский востоковед, филолог, историк и этнограф, акад. Б.А. Дорн (1805-1881 гг.) во время своего путешествия по Восточному Кавказу в 1861 г. посетил Кубачи с целью изучения арабских надписей и каменных рельефов. В своем «Отчете об ученом путешествии» он отмечал, что «до сих пор оставался загадкою для ученых замечательный народ Кубечи, который производит себя от френгов, т.е. европейцев. Подробности об этом можно найти в Френовых (т.е. акад. Х.Д. Френа – М.М.) исследованиях»[149]. Б.А. Дорн в работе «Die jetzigen Kubätschi. Eine Erläuterung zu Abu Hamid el-Andalusy's Nachrichten über diesen Volksstamm»[150], представляющей собой свободный перевод на немецкий язык статьи П.С. Петухова «Кубачинское племя», затронул[151] вопрос о происхождении кубачинцев и привел широко распространенную в то время легенду: один из правителей Южного Дагестана еще до прихода сюда арабов выписал себе из Рума (Греции, вообще Западной Европы) колонию оружейных мастеров и поселил ее возле Дербента. Однажды у колонистов пропал бык. Они нашли его в горах, на месте нынешнего расположения сел. Кубачи и привели домой. На второй и третий день исчезновение и водворение быка обратно повторилось, причем каждый раз упомянутое животное было находимо все на том же месте, где ныне находится Кубачи. Это было воспринято за небесное предзнаменование и колонисты переселились на место нахождения быка[152]. Эту легенду с разницей в некоторых деталях и со ссылкой на Б.А. Дорна приводят также, как будет показано ниже, акад. Д.Н. Анучин, археолог, граф А.С. Уваров, медик П.Ф. Свидерский и другие.

В работе «Каспий» Б.А. Дорн, касаясь исследованных им кубачинских надписей на резных камнях, указывал, что «некоторые надписи у Кубачей, изображенные в атласе к моему путешествию[153] и оказавшиеся все арабскими, сами Кубечи называли руми, т.е. франкскими»[154]. Следует отметить, что понятие Рум (Руми) Б.А. Дорном и многими другими русскими и европейскими учеными и путешественниками неточно переводят то как Рим, то как Греция, то воспринимают как Западную Европу. На Востоке, в том числе и в Дагестане и Кубачи под Румом подразумевалась Византия. Страна Рум – обычное у средневековых арабских авторов наименование Византии (империя римлян – по-гречески – ромеев).

Сопровождавший в поездке акад. Б.А. Дорна в 1861 г. в сел. Кубачи поручик П. Петухов – помощник кайтаго-табасаранского окружного начальника – написал краткий, но содержательный очерк о кубачинцах[155], основанный на непосредственных личных наблюдениях. П. Петухов пишет, что кубачинцы – не коренное дагестанское племя. Он приводит легенду о том, что «до появле-

ния арабов в Дагестане один из южнодагестанских правителей выписал колонию оружейных мастеров из Рума (Греции или Западной Европы) и поселил их вблизи г. Дербента. Но исторические потрясения, которые происходили в этой области, вынудили кубачинцев направиться в вольные горы Кайтага, где они основали город Кубечи. Во время поселения на теперешних своих местах они застали в горах население, от которого и получили, для оседлости, неприглядные высоты, занимаемые ими поныне. Они имели свой оригинальный язык, который почти что затерялся от наплыва кайтагских слов». По мнению Петухова, «аул Кубачи вместе с тремя аулами – Сулелькала, Амузги и Шира составляет кубачинское племя». Автор заключает, что «племя аугвуган, обитающее ныне в горном Кайтаге, составляет частицу какого-нибудь просвещенного народа»[156].

Генерал А.В. Комаров (1823-1904 гг.), член Русского Географического общества, собравший значительный этнографический материал во время административной службы на Кавказе, дает толкование того, почему кубачинцев именуют франками. «Кубачинцы сами себя называют иногда франками на следующем основании: по преданию, один из персидских шахов, владевших Кайтагом, выписал 500 человек франкских оружейных мастеровых и поселил их в Дербенте, откуда они за что-то были выгнаны и за ними заперли ворота; обдумав свое положение, они решились поселиться в Кайтаге и выбрали для этого место в горах. Но на этом месте их постоянно преследовало несчастье, так что они должны были перейти на настоящее место, указанное красным быком, принадлежащим обществу. Бык этот пропадал каждую ночь и его находили все на одном и том же месте, на высокой горе. Когда кубачинцы основали здесь селение, счастье повезло им и селение пришло в цветущее состояние. Кубачинцы говорят особым, никому, кроме их, непонятным языком», – указывает он. Затем, перечислив селения Сулевкент, Амузги и Шири, отмечает, что «эти три селения подчинялись управлению сел. Кубачи, с которыми имеют общие земли. Жители, подобно кубачинцам, занимаются выделкою оружия и все знают кубачинский язык»[157].

Предания и легенды о происхождении кубачинцев в XIX в. обрастали новыми деталями и подробностями, вносимыми теми или иными учеными или путешественниками, фиксировавшими эти предания и легенды то ли от самих жителей сел. Кубачи, то ли от их соседей, или же в процессе заимствования из географической или историко-этнографической литературы. Примером такого рода дополнений уже известных легенд и преданий о происхождении кубачинцев служит работа А.В. Комарова «Народонаселение Дагестанской области», вышедшей в 1873 г. – через четыре года после издания цитированной выше его статьи. Для сравнения приведем выдержку из этой работы: «О происхождении жителей сел. Кубачи, называющих себя франками, было много исследований и толков, не решивших однако доселе положительно этого вопроса. У самих кубачинцев об их происхождении есть несколько легенд, которые все сводятся к следующему рассказу. Один из персидских шахов, еще задолго до появления арабов в Дагестане, вывел из Рума (Греции) несколько оружейников и золотых дел мастеров с семействами и поселил их в Дербенте.

Через несколько времени дербентцы, недовольные ими за что-то, выгнали их из города. После долгих бедствий и странствий по горам, они поселились на настоящем месте, укрепили его башнями и занялись выделкой кольчуг и отделкой оружия. Скоро селение увеличилось значительно и кубачинцы приобрели общую известность как искусные мастера»[158]. Далее автор приводит разные названия сел. Кубачи, а затем он пишет, что «в селении сохранились две башни старинной постройки и несколько больших камней с барельефами, а также особой формы домашняя утварь. Женщины повязывают платки на головы совершенно особым способом, нигде более не встречающимся в Дагестане. Все это может быть принято за доказательство особенности племенного происхождения кубачинцев»[159]. А.В. Комаров замечает еще, что кубачинский язык пока считается особым.

Акад. Д.Н. Анучин (1843-1923 гг.), известный географ, археолог и этнограф, посетивший в 1882 г. сел. Кубачи и собравший здесь важные сведения о его жителях, их быте, происхождении, занятии и т.д., в своей работе «Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года»[160] после обзора мнений разных авторов – Г. Байера, И. Гильденштедта, Дегина, Э. Эйхвальда, Г. Миллера, П. Палласа, Г. Бракеля, А. Комарова и других о происхождении кубачинцев, приводит, основываясь на данных Б. Дорна, распространенное в XIX в. предание: «Относительно происхождения Кубачей существует предание, что один повелитель южной части Дагестана вызвал из Рума (т.е. Греции, вообще Западной Европы) колонию оружейников и поселил ее в Дербенте (или подле Дербента). Впоследствии какие-то несогласия заставили их уйти в Кайтагские горы, где они и построили аул Кубачи»[161].

Эти и другие, известные по литературным данным, сведения о происхождении кубачинцев Д.Н. Анучин проверял на месте, в сел. Кубачи. Здесь он с помощью сопровождавших его переводчиков записал, со слов, как он пишет, «отца помощника старшины..., заслуженного старика...» легенду о европейском происхождении кубачинцев. «О своем происхождении кубачинцы рассказывают следующее: Шамхал тарковский обратился однажды к французскому королю с просьбой прислать ему сорок оружейных мастеров. Тот прислал. Они жили сперва у шамхала, а затем поселились в Дербенте. Но они были народ неуживчивый, ссорились с жителями и потому должны были покинуть город. Когда они вышли, жители заперли за ними ворота, чтобы не впускать более. Из Дербента кубачинцы пришли сперва в нынешний Даргинский округ и поселились в нынешнем Сургинском наибстве, почти на границе Казикумухского округа. Это поселение их называлось Кар-Арбук. На нынешнем месте они поселились уже потом, отняв горы Лямцла-бай, принадлежащие аулам: Кала-Гуреши и Сулейкан. Кубачинцы отогнали табун у калакурейшцев, и те убили за то сорок человек; наконец, заключили мир, по которому кубачинцы получили принадлежащие им и ныне горы»[162].

Д.Н. Анучин считал весьма желательным исследовать, «не сохранилось ли в языке кубачинцев следов греческого языка, а также нельзя ли допустить, что народ этот образовался из смешения различных выходцев ремесленников с туземцами»[163].

Следует отметить, что в изложении акад. Д.Н. Анучина распространенная легенда о европейском происхождении кубачинцев переплетена с разными, общеизвестными и популярными среди жителей сел. Кубачи преданиями (о шейхе из сел. Шири, воевавшем с кубачинцами, о времени принятия кубачинцами ислама, об их стычках с жителями сел. Калакорейш и т.д.), которые позднее более полно и достоверно были зафиксированы Е.М. Шиллингом[164].

Известный русский археолог, граф А.С. Уваров (1825-1884 гг.) в связи с выяснением вопроса, связанного с интерпретацией обряда погребения раскопанных близ г. Дербента древних курганов, приводит легенду о происхождении кубачинцев. «О своем происхождении, до пришествия арабов, – пишет А.С. Уваров, – Кубачи (т.е. кубачинцы – М.М.) рассказывают, что они вызваны были из Рума как опытные оружейники каким-то владетелем южной приморский части Дагестана и поселены были близ самого Дербента. Однажды потерялся бык, которого потом нашли на том месте, где теперь стоит их аул. Так как подобная находка быка повторилась трижды, то Кубачи поняли это как указание, сделанное им с неба и переселились на предназначенное место»[165]. Остановившись на вопросах, касающихся зороастрийского обряда погребений у кубачинцев, далее А.С. Уваров отмечает, что «происхождение кубачинского общества совершенно загадочно. Судя по их этнографическим особенностям, некоторые писатели считали их генуэзцами, греками, евреями, потомками аланов или даже германцами, но ни в коем случае не племенами лезгинскими»[166].

Версию о кавказско-албанском происхождении кубачинцев выдвинул побывавший в 80-х годах XIX в. в сел. Кубачи генерал Р.Ф. Эркерт (1830-1900 гг.), командир одной из пехотных дивизий на Кавказе. Самоназвание кубачинцев *аугваган* он считал термином, указывающим на происхождение их от древних кавказских албанцев. «С этим согласуется, – отмечает он, – их «арменоидный тип», а также предание о переселении из прикаспийской полосы»[167]. Р.Ф. Эркерт приводит также разные мнения о происхождении жителей сел. Кубачи: некоторые считают кубачинцев потомками европейцев («франков»), попавших в качестве оружейных мастеров в Турцию и оттуда по разным причинам переселившихся в Дагестан, другие возводят их происхождение к генуэзцам, византийцам, аланам и т.д. По его словам, академик Х.Д. Френ показал, что «кубачинцы весьма древние жители Кавказа, так как о них есть сведения, восходящие к событиям VI в.»[168]. Р.Ф. Эркерт приводит также легенду о том, что жители сел. Ашты являются потомками переселившихся из Кубачи жителей[169].

Е.Г. Вейденбаум (1845-1918 гг.), служивший на Кавказе с 1877 г., а с 1904 г. являвшийся председателем Кавказской археографической комиссии, более объективно и осторожно, чем некоторые его предшественники, подошел к рассмотрению вопроса о происхождении кубачинцев[170]. Кратко изложив историю вопроса об их франкском происхождении, он констатирует, что теперь трудно установить время и причину возникновения этой легенды. «Некоторые исследователи, – пишет Е.Г. Вейденбаум, – заслуживающие доверия, утверждают, что сами кубачинцы производят себя от франков и что таковыми счи-

тают их и соседние народы. Если они, как это нередко случается, не заимствовали от нас же легенду о своих франкских предках, то источник этого предания кроется, быть может, в двойственном значении самого слова «франк». Далее Е.Г. Вейденбаум дает разъяснение значения этого понятия. Он считает, что «на Востоке, в том числе и всюду на Кавказе франками называются не европейцы вообще, а только одни католики. Поэтому, – пишет автор, – легенда о франкских предках кубачинцев может быть истолкована в том смысле, что они некогда исповедовали католическую веру. Хотя прямых доказательств для этого нет, но существование в XV в. католиков среди населения западного берега Каспия подтверждается назначением из Рима епископов в Прикаспийский край и неоднократным упоминанием в папских буллах и пропаганде христианства среди хайдаков. И. Барбаро, бывший с 1471 до 1479 г. венецианским послом при персидском властителе Узун-Гасане, рассказывает в своем описании путешествия в Персию, что среди кайтагов встречается много христиан греческого, армянского и католического исповеданий. Ввиду этих сведений, высказанные выше предположения о значении названия «франки», прилагаемого к предкам нынешних кубачинцев, заслуживают некоторого вероятия»[171], – делает заключение Е.Г. Вейденбаум.

М. Алиханов-Аварский (1846-1907 гг.), сын одного из наибов имама Шамиля, ставший затем офицером русской армии, в комментариях к исторической хронике «Тарихи Дербенд-наме», изданной в 1898 г., также затронул вопрос происхождения кубачинцев. Он упоминает «превосходные барельефы, изображающие разные охотничьи и бытовые сцены..., изваяния из камня львов, собак, свиней и других животных... Совершенство некоторых изваяний положительно говорит о древнегреческом искусстве», – утверждает автор. Как он далее пишет, «на то же намекает и местное предание: «Наши предки, – рассказывают кубачинцы, – в числе около полутораста мастеров-френгов, были из Рума взяты Искандером Зулькарнейн (Александром Македонским) с собою в поход для выделки оружия. Сами же они отделились от войска или были оставлены почему-либо, – неизвестно; но очутившись вблизи моря, они были водворены тогдашним властелином Дербендского побережья в местности Кемах (теперь табасаранский аул в 10 верстах на запад от Дербенда), где они занимаются выделкой панциря. Но климат Кемаха, а равно и Дарша (тоже деревня около Маджалиса), куда они были переселены через год, оказался для них пагубным; поэтому, они удалились в горы и избрали настоящее место нашего аула, где во все времена, как и теперь, все были мастерами... Поселившись здесь, предки наши взяли жен из соседних обществ, утратили первоначальный язык свой и прославились как лучшие в Дагестане мастера...»[172]. Автор при этом не указывает, откуда взяты эти сведения.

М. Алиханов-Аварский кубачинский язык ошибочно считал особым языком, совершенно непонятным остальным дагестанцам. Он приводит неправильно записанное самоназвание кубачинцев – «*оібо* (*оі* – понимающий, *бо* – общество, войско; в ед. числе – *оібокан* – огбоканец)».

Сохранившиеся в быту кубачинцев «многие медные и бронзовые блюда с изображениями бытовых сцен и с латинскими надписями» автор рассматри-

вал как изделия итальянского происхождения. «Отчасти поэтому, – пишет он,– некоторые ученые считают кубечинцев потомками генуэзских выходцев…». В подтверждение этого он приводит данные о родословной грузинских князей Чолокашвили, якобы происходивших от генуэзцев, переселившихся в Дагестан. «Предположение это кажется тем более вероятным, – опять-таки рассуждает комментатор, – что на языке самих кубачинцев (*чи* – человек, люди) копачи значит люди из Копа»[173]. Термин *Копачи – Кубачи* автор ошибочно связывает с названием генуэзского поселения Копа в Кубанской области, признавая, однако, что вопрос о происхождении кубачинцев еще не решен.

Следует отметить, что интерес к вопросам происхождения кубачинцев возбуждали и памятники средневекового искусства сел. Кубачи – знаменитые каменные рельефы, ставшие известными с конца XVIII в. многим ученым и путешественникам. Им казалось, что рельефы эти с изображениями сцен охоты, борьбы животных, конных состязаний, единоборства, звериного гона, различных реальных и фантастических животных и птиц, с арабскими надписями не имеют ничего общего с традиционным орнаментальным искусством кубачинцев, широко известным по их оружейному делу. Убеждали в этом путешественников-исследователей, посетивших аул в XVIII-XIX вв., и остальные виды искусства и вся жилая обстановка кубачинцев. Их утварь, большое количество орнаментального резного камня и дерева, особенно резных каменных надгробий, поздних архитектурных декоративных рельефов, резных опорных деревянных столбов и многое другое говорило об ином облике их художественной культуры. Такая разнохарактерность памятников кубачинского искусства вызывала самые разнообразные суждения и толкования как об их происхождении, так и о прошлом самого народа «страны зирихгеранов»[174].

Выдающийся востоковед, акад. В.В. Бартольд (1869-1930 гг.), касаясь сообщений средневековых авторов Абу Хамида ал-Гарнати и Закарийа ал-Казвини о зороастрийском погребальном обряде зирихгеранов, замечал, что «народ зирихгеран может быть иранского происхождения…, потомками которых считают кубачей, живущих в южной части Дагестана, в Дербентском уезде»[175].

П.Ф. Свидерский (род. в 1859 г.), окружной врач Кайтаго-Табасаранского округа (с 1895 г.), а в начале 1900-х гг. – помощник областного врача Дагестанской области, он же антрополог, побывавший в конце XIX в. в сел. Кубачи, был убежден, что кубачинцы действительно являются выходцами из Западной Европы[176]. «Кубачинцы считают себя «ференгами» (франками) и утверждают, что они выходцы из Рима, т.е. надо думать, из Западной Европы вообще, ибо то и другое прежде было почти синонимами», – пишет П.Ф. Свидерский. Он приводит, со ссылкой на акад. Б.А. Дорна, легенду о переселении кубачинцев, приводимую еще в 1887 г. графом А.С. Уваровым для доказательства наличия в прошлом у кубачинцев зороастрийской религии[178].

Считая версию о франкском происхождении кубачинцев «темной легендой, достоверность которой отнюдь не доказана», автор отмечает, что хотя

многие ученые занимались кубачинским языком, все они не смогли решить вопрос о том, являются кубачинцы «ференгами» или нет. Поэтому, считает он, проблему эту может решить антропология.

Приводя антропологические данные – «цифровые показатели 20 индивидуумов», П.Ф. Свидерский сравнивает кубачинцев с французами[179], оговаривая при этом, что для точного определения происхождения какого-либо народа необходимы исследования по крайней мере 100 индивидуумов. Тем не менее, автор на основе второстепенных, ненадежных антропологических признаков считал, что «старые кубачинки очень похожи на старых итальянок …, по росту кубачинцы очень близки к жителям высоких Альпов[180], цветом кожи и волос они близки к южным европейцам, что кубачинцы имеют показатель носа вполне идентичный с показателем парижан… Даргинцы по некоторым антропологическим признакам походят на кельтов». Каракайтагцев же он считал потомками либо древних римлян, либо арабов[181].

П.Ф. Свидерский был убежден в том, что и в тех антропологических данных, которые он собрал в Кубачи, «можно найти несколько красноречивых данных в пользу мнения о происхождении этой народности из великой семьи европейских народов, а именно из романской ее ветви»[182]. В подтверждение этого автор ссылается на древнюю культуру кубачинцев, «борьбу с арабами за независимость, гуманное отношение к женщине, любовь к индустрии и, наконец, подвижный деятельный характер. Ввиду всего этого кубачинцы не без основания могут считать себя франками», – заключает П.Ф. Свидерский.

Совершенно очевидно, что ни эти последние обстоятельства, ни приводимые данные антропологии, полученные на основе несовершенных методов исследования, не могут служить основанием для вывода о принадлежности кубачинцев к «франкам» или к «романской ветви европейских народов». В выяснении вопроса о происхождении кубачинцев П.Ф. Свидерский опирался лишь на антропологические данные (к тому же выполненные методологически на низком уровне), без учета данных других наук.

Работу П.Ф. Свидерского подверг острой критике немецкий языковед и этнограф, исследователь кавказских языков А.М. Дирр (1867-1930 гг.)[183], посетивший в начале XX в. сел. Кубачи. «Один врач, – писал он, имея ввиду П. Свидерского, – в языке кубачинев нашел много сходного с французским. Так как француз и франк означают здесь одно и то же, то лица, никогда в жизни не видевшие настоящего француза, находили у кубачинцев общие характерные черты с обитателями древней Галлии»[184].

Собрав материалы по кубачинскому языку, описав кратко сел. Кубачи, его постройки, домашнюю обстановку, внешний вид и образ жизни кубачинцев, А.М. Дирр установил, что в их языке «нет ни малейших признаков европейского происхождения, по типу они такие же франки, как все почти кавказцы»[185]. Язык кубачинцев он рассматривал как даргинское наречие. Во внешних чертах, в физическом облике кубачинцев А.М. Дирр нашел много общего с другими народами Дагестана, в особенности даргинцев. В отношении женщин-кубачинок он писал, что у них «бывают еврейские черты в лице, и они гораздо худее женщин из окружающих аулов»[186].

Выясняя вопрос о том, почему кубачинцев называют франками, А.М. Дирр объясняет, что на «Востоке слово «франк» или «ференги» имеет двоякое значение, а иногда даже троякое. Прежде всего оно означает европейца, затем католика и также изобретательного и бывалого человека вообще. Не подлежит никакому сомнению, что в средние века на Кавказе были католики. В XV в. Рим назначает епископа для земель, лежащих к западу от Каспийского моря, и это обстоятельство вполне может объяснить, почему в Кубачах есть церковь с рельефными изображениями животных…». Легенду о франкском происхождении кубачинцев он считал «простым недоразумением, неправильным толкованием слова [франк], имеющего несколько значений»[187].

В работе «Современные названия кавказских племен»[188] А.М. Дирр придерживался мнения Р. Эркерта[189], усмотревшего в самоназвании кубачинцев древнее название страны Албании.

С.М. Долинский, автор небольшой статьи «Интересный аул в Дагестане»[190], написанной в начале XX в., во многих кубачинских словах находил «сходство со старофранцузским… Эти кубачинцы, думалось мне, – замечает автор, – не остатки ли франков (френгов) времен крестоносцев, застрявших почему-либо в Дагестане? Нужно сказать, что в существующей по вопросу о происхождении кубачинцев литературе общепризнано, что они составляют совершенно особый народец. Некоторые считают их генуэзцами, греками, евреями, аланами и даже германцами». Далее он пересказывает легенды о происхождении кубачинцев, известные по работам А.С. Уварова, А.В. Комарова и других.

Видный дагестанский ученый и поэт Гасан-Эфенди Алкадари (1834-1910 гг.) в широко известной книге «Асари-Дагестан»[191], написанной в 1891-1892 гг. на азербайджанском языке и изданной на русском языке в 1929 г. в переводе его сына Али Гасанова, отмечал: «некоторые историки пишут, что кубачинцы – народ, пришедший из Франции…». Не соглашаясь с этим мнением, он высказывается в том смысле, что кубачинцы являются поселившимися здесь «группами неизвестного происхождения». Продолжая далее, он пишет, что «…доказательством их нефранцузского происхождения служит то, что, если бы они действительно были народом, пришедшим из Европы, то там не могли бы не найтись их корни или признаков, а также приезжавшие сюда из французских и русских ученых и исследователей не могли бы до сих пор обнаружить этого, а обнаружив, сочли бы для себя приобретением огласить подобное удивительное явление».

Останавливаясь на мастерстве кубачинцев, он указывал, что «когда-то персы, нуждаясь в кубачинцах, заказывали им оружие, седла, кольчуги и пр. На персидском языке кубачинцы получили имя «Зирихгеран». В общем, – делает заключение автор, – у нас если кто-либо усовершенствуется в производстве, то про него говорят, что он настоящий француз. В этом смысле про кубачинцев можно сказать, что они французы».

Известный советский языковед, проф. Л.И. Жирков (1885-1963 гг.), побывав в 1924 г. в сел. Кубачи в составе этнолого-лингвистической экспедиции под руководством проф. Н.Ф. Яковлева и ознакомившись на месте с кубачин-

ской речью, пришел к выводу о том, что «окончательно падают все легенды о какой-то ни было связи или сходстве кубачинского языка с французским, латинским и т.п. Наоборот – твердо установлена полнейшая аналогия строя и словаря этого языка с окружающими даргинскими наречиями»[192]. В специальном очерке, посвященном исследованию кубачинского языка, Л.И. Жирков допускал возможным сблизить самоназвание кубачинцев *угъбуг* с племенным названием *албан*[193]. Кубачинский язык он считал особым самостоятельным языком[194].

Выдающийся востоковед, акад. И.А. Орбели (1887-1961 гг.), рассматривая средневековые каменные рельефы и бронзовые котлы из сел. Кубачи, в 1938 г. указывал, что «в северных горных областях Албании, в настоящее время составляющих Южный Дагестан, находили себе пристанище и переселенцы, вытесняемые из более доступных и более влекущих к себе захватчиков частей страны, из таких изобиловавших благами областей, как широкая полоса между Араксом и Курой… В числе этих ушедших в горы албанцев, к каким бы древним албанским племенам они ни принадлежали, были и предки нынешних кубачинцев, одной из разновидностей албанских племен, сохранившей в своем племенном наименовании, несомненно, древнее название своей страны Албании»[195].

Историк, член-корр. АН СССР, проф. К.В. Тревер (1892-1974 гг.), разделяя эту точку зрения И.А. Орбели, предполагала, что не только в самоназвании кубачинцев сохранился термин *албан* в местном его произношении, но и своеобразный язык жителей аула Кубачи восходит к албанскому языку[196].

В подлинно научное решение вопроса о происхождении кубачинцев большой вклад внес выдающийся этнограф-кавказовед Евгений Михайлович Шиллинг (1892-1953 гг.). Еще в 1937 г. в книжке «Кубачи» он писал, что мнение о европейском происхождении кубачинцев не подтверждается[197].

Вымыслы о кубачинцах как о пришлом народе были развеяны Е.М. Шиллингом в его весьма содержательной и основополагающей книге «Кубачинцы и их культура», в которой он на основе глубокого изучения материальной и духовной культуры, быта и общественного строя и т.д. установил, что «кубачинцы представляют собой по-существу группу или часть крупного дагестанского народа даргинцев»[198].

Е.М. Шиллинг считал, что «предки кубачинцев – древние зирихгераны, местные аборигены…, родственные соседним даргинцам и кайтакам…». Он полагал, что под названием «Зирихгеран», упоминаемым в средневековых восточных источниках, подразумевалось не только собственно сел. Кубачи, но значительно более широкая территория, а сами зирихгераны в древности не были, может быть, этнически однородной массой. «Если это так, – отмечал он, – то нынешние кубачинцы – один из наиболее сильных «зирихгеранских» племен, ибо Кавказская Албания северной частью захватывала данную область Дагестана. Легенды самих кубачинцев и их соседей и домыслы Гербера, Бракеля, а вслед за ними и многих других о «франкском» (европейском) происхождении кубачинцев реальных оснований за собой не имеют»[199].

Так четко и ясно на строго научной основе был решен Е.М. Шиллингом

дискутировавшийся с начала XVIII в. и основательно запутанный вопрос о происхождении кубачинцев. Это имело большое значение в деле дальнейшего изучения истории, культуры и искусства кубачинцев, а также в углубленном исследовании вопроса их этногенеза.

Ценным вкладом не только в кавказское языкознание, но и в определенной мере в освещение проблемы происхождения кубачинцев является крупная монография проф. А.А. Магометова «Кубачинский язык»[200]. В ней исследователь привел исторические сведения о кубачинцах и их языке, важные в плане рассматриваемых нами вопросов.

Основательно изучив кубачинский диалект даргинского языка (заглавие монографии говорит о «кубачинском языке», следуя утвердившейся в науке традиции) А.А. Магометов приходит к обоснованному выводу о том, что «лингвистические данные не позволяют отрывать кубачинцев от других даргинцев. Кубачинцы по языку – это даргинцы (но никак не «франки» или генуэзцы) и вместе с ними составляют одну народность в общей семье генетически родственных дагестанских народностей»[201]. В книге убедительно показана неверность распространенного в прошлом мнения, будто кубачинский язык представляет собой особый, самостоятельный одноаульный язык. Кубачинский язык рассматривается как один из диалектов даргинского языка, отдалившийся от других даргинских диалектов благодаря определенным фонетическим изменениям в течение длительного периода истории. Автор верно отмечает, что «особенности в быту и культуре свойственны кубачинцам так же, как они свойственны и представителям других даргинских диалектов. Кубачинцы и в этом отношении отличаются от других даргинцев больше, чем носители других даргинских диалектов между собой (например, хайдакцы и цудахарцы, акушинцы и урахинцы). Этнографические особенности кубачинцев, должно быть, связаны с родом занятий кубачинцев: ремесло, уходящее своими корнями далеко вглубь истории, по-видимому и породило эти специфические особенности в быту и культуре кубачинцев, отличающие их от других даргинцев»[202].

Востоковед А.А. Иванов, занимающийся изучением средневековых кубачинских каменных рельефов и бронзовых котлов, склонен считать, как было отмечено выше, что сел. Кубачи было основано в конце XIII в. на месте его нынешнего расположения[203]. Исследуя средневековые персидские надписи из сел. Кубачи и отмечая малочисленность их находок, А.А. Иванов замечает, что «казалось бы, учитывая предания кубачинцев об уходе их предков в горы из района Дербента, персидских надписей могло быть и больше. Однако мы этого не наблюдаем»[204]. Как видно из приведенной цитаты, автор ее признает реальность событий, изложенных в распространенных среди самих кубачинцев преданиях (записанных исследователями еще в XVIII в.) о том, что «предки кубачинцев пришли в этот район (т.е. в район нынешнего расположения сел. Кубачи – М.М.) из Дербента, куда они были приглашены из Рума (Малой Азии) каким-то местным правителем для работы как оружейники. Когда они переселились в горы – осталось не ясным»[205], – добавляет он.

Растительный орнамент кубачинских каменных рельефов и бронзовых

котлов А.А. Иванов связывает с малоазийскими памятниками XIII-XIV вв. периода существования Румского (Сельжукского) султаната[206]. Он считает вероятным приход в сел. Кубачи вместе с газиями[207] из Малой Азии или Северного Ирака «группы мастеров, которые и создали рельефы и могильные камни XIV – начала XV вв.»[208]. Высказывания эти носят предположительный характер. Тем не менее, представляется более чем маловероятным, что все средневековые памятники камнерезного искусства сел. Кубачи были созданы пришлыми мастерами.

Существенный вклад в освещение проблемы происхождения кубачинцев и всех народов Дагестана в целом внес проф. Р.М. Магомедов, первым из исследователей поставивший эту проблему на строго научную основу. Вопросы этногенеза дагестанских народов исследуются им в ряде работ[209] с привлечением данных разных научных дисциплин. В этих работах подчеркивается, что этногенез народов Дагестана нельзя рассматривать в отрыве от тех этногенетических процессов, которые происходили на всем Кавказе. Строго научный подход в решении вопросов этногенеза требует комплексного использования данных разных научных дисциплин – археологии, этнографии, антропологии, письменных источников, фольклора, лингвистики и т.д.

Весомый вклад в разработку разных аспектов этногенеза дагестанских народов внесли и другие дагестанские ученые – археологи, антропологи, этнографы, историки, языковеды и представители других наук[210]. Сама проблема происхождения дагестанских народов относится к числу самых сложных и в силу этого слабо разработанных проблем истории Дагестана. Окончательное решение ее потребует глубокой и всесторонней разработки усилиями многих ученых самых разных специальностей.

Всякого рода легенды и вымыслы о европейском происхождении кубачинцев не выдержали испытания временем. Ныне становится совершенно очевидным, что кубачинцы – не пришлые откуда-то, а коренные, автохтонные жители Дагестана. Данные археологии, антропологии, этнографии, истории, языкознания и других отраслей науки свидетельствуют о том, что этногенез кубачинцев тесно и непосредственно связан с происхождением даргинцев и других народов Дагестана, сложившихся в результате очень длительного исторического становления и развития, благодаря сложным этническим, экономическим и, возможно, каким-то миграционным процессам, культурным и хозяйственным взаимосвязям и т.д.

Формирование кубачинцев как самостоятельной этнической группы, как малой народности, или «народности одного аула» со своим языком, этнотерриторией, особенностями материальной и духовной культуры происходило в течение длительного времени, начиная с эпохи раннего средневековья. Процесс этот завершился, вероятно, в XII-XIII вв. в результате объединения небольших родовых поселков Анчибачила, Кубасанила, Дешижила, Муглила и других с сел. Кубачи и консолидацией этнически близких между собой обитателей этих поселков, расположенных вокруг сел. Кубачи в радиусе 3-10 км, с народом *угъбуг*. Жители сел. Ашты, Селевкент, Амузги, Шири при общности их языка (т.е. говоров) с кубачинским языком, не консолидировались с куба-

чинцами и не образовали вместе с ними одну народность. В их материальной и духовной культуре, общественном и бытовом укладе, хозяйственной деятельности длительное время сохранялись и ныне сохраняются значительные различия.

После работ этнографа Е.М. Шиллинга, лингвиста А.А. Магометова, историка Р.М. Магомедова, антрополога А.Г. Гаджиева и других исследователей вроде казалось бы, что проблема происхождения кубачинцев поставлена на научную основу и миграционные теории канули в прошлое. Но это оказалось не совсем так. В вышедшей недавно работе историка И.Г. Семенова «История стран и народов Западного Прикаспия»[211] выдвинута новая версия о гуннском происхождении кубачинцев.

И.Г. Семенов пишет, что «согласно дагестанскому преданию, кузнецы сел. Кубачи, которые, как принято считать, и являются наследниками Зирех-Герана, жили когда-то не в гористой местности, где до сих пор стоит селение Кубачи, а на равнине… Город или отдельный квартал, в котором жили древние зирех-геранцы, находился вблизи или в самом городе Варачане». Он отмечает, что в VII в. столицей дагестанских гуннов был город Варачан, отождествляемый с Урцекским городищем (расположенном южнее сел. Уллубийаул Карабудахкентского района).

Продолжая далее, И.Г. Семенов сообщает, что «археологические разведки в районе городища Урцеки выявили целый комплекс других городищ, которые окружают развалины древнего Варачана, и показали, что эта часть дагестанского приморья была населена в VII в. особенно плотно… Среди существовавших вокруг Варачана городов и селений и находилось поселение кузнечного общества», т.е. предков современных кубачинцев. После арабских завоеваний и прекращения существования города Варачана в конце VIII в. зирихгеранцы, по мнению И.Г. Семенова, «переселились из приморья в неприступную гористую местность на месте современного сел. Кубачи».

Версия И.Г. Семенова сама по себе не нова. Она представляет собой модернизацию старой, известной с XVIII в. легенды о переселении предков кубачинцев из района г. Дербента в нынешнее место расположения сел. Кубачи. Для утверждения о том, что «среди существовавших вокруг Варачана городов и селений и находилось поселение кузнечного общества», т.е. зирихгеранов, на самом деле нет никаких оснований. В исследовании урцекского комплекса древностей – крупного раннесредневекового городища и могильников – мы принимали непосредственное участие, работая в составе ДАЭ в течении всех лет раскопок этих объектов (1960-1964 гг.) сначала студентом-практикантом, а затем научным сотрудником Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (ныне – Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН). По материалам раскопок Урцекского городища и могильников нами написана кандидатская диссертация, посвященная ремесленному производству[212]. Поэтому, имея достаточно полное представление об Урецекском городище, как об одном из крупных бытовых раннесредневековых памятников, исследованных Дагестанской археологической экспедицией, мы можем сказать, что гипотеза И.Г. Семенова – это даже не догадка, а один из

очередных домыслов о происхождении кубачинцев, получивших распространение в трудах многих ученых и путешественников, начиная с XVIII в.

Подлинно научная разработка вопросов происхождения кубачинцев и других народов Дагестана приобретает особую остроту и актуальность в современных условиях, когда имеет место вульгаризация и фальсификация проблем этнической истории северокавказских, в том числе и дагестанских народов, выразившиеся в появлении и широком распространении всякого рода псевдонаучных теорий и «открытий», направленных на чрезмерное приукрашивание и преувеличение исторической роли предков своих народов, их родства с прославленными народами древности (шумерами, египтянами, скифами, древними иранцами и т.д.), на «доказательство» превосходства своего народа над другими, высокого уровня развития его культуры и цивилизованности[213].

Этногенетические мифы, созданные в наши дни людьми, далекими от профессиональной науки, не владеющими методикой исторических исследований и этногенетических реконструкций, да и отдельными «остепененными» учеными, проникают даже в учебные школьные и вузовские курсы. Нередко они используются и национальными лидерами для оправдания тех или иных политических акций. Негативные процессы в изучении проблем этнической истории наносят большой вред не только исторической науке, призванной правдиво и объективно освещать прошлое того или иного народа, но и межэтническим взаимоотношениям в таком сложном полиэтническом регионе России как Северный Кавказ и в особенности же Республика Дагестан.

§ 3. О формировании этнической специфики искусства кубачинцев в процессе их этногенеза

Вопросы, касающиеся формирования этнического своеобразия искусства малых этносов в процессе их этногенеза относятся к числу мало разработанных тем в науке. Известным историком и этнологом Л.Н. Гумилевым более 30 лет тому назад были высказаны оригинальные идеи о взаимосвязи процесса этногенеза конкретного этноса и формирования этнической специфики его искусства, а также роли природной среды и различных социально-экономических факторов в сложении этой специфики[214]. Идеи эти служат исследователям важным ориентиром в изучении вопросов этнического (национального) своеобразия искусства любого народа. Глубоко верная мысль Льва Николаевича о том, что «декоративное искусство, архитектура, орнаментика, каллиграфия являются индикаторами исторических процессов этногенеза, а линии этногенеза – скелет большой системы, непременным членом которой является искусство»[215], помогает правильно осветить не только этногенетические проблемы, но и прояснить важные вопросы теории и истории искусства.

В данном параграфе кратко освещаются некоторые вопросы, касающиеся формирования этнической специфики искусства в историческом процессе этногенеза малого этноса на примере искусства одной из малых дагестанских

народностей – жителей поселка Кубачи Дахадаевского района. Одни исследователи считают кубачинцев отдельным малым этносом со своим самостоятельным языком, этнопсихологией, образом жизни, производственной деятельностью, своеобразной материальной и духовной культурой. Другие рассматривают их в качестве этнической группыы даргинцев – одного из коренных дагестанских народов, а их язык – как один из диалектов даргинского языка[216].

Этническое многообразие Дагестана обусловило необычайное богатство языкового и культурного наследия этого горного края. Расположенный на стыке двух крупнейших историко-культурных зон – Юго-Восточной Европы и Передней Азии – он издавна служил ареной передвижения древних и раннесредневековых этнических групп, взаимодействия культур, столкновения идеологий и сложных военно-политических событий. Свои следы в местной материальной и духовной культуре оставили такие разноэтнические кочевые и полукочевые племена, как сарматы, аланы, гунны, савиры, булгары, авары, тюрки, хазары, которые проникли в Дагестан в начале и середине I тыс. н.э.[217], принося с собой характерные черты, присущие культурам Евразийских степей.

В раннем средневековье Северо-Восточный Дагестан становится колыбелью Хазарского каганата, переросшего к VII в. в одну из крупных раннефеодальных империй Юго-Восточной Европы[218] с присущим для его культуры синкретизмом – слиянием традиций различных степных культур – кочевников и оседлых цивилизованных народов.

На многие века определили политическую и культурную ориентацию горного края арабские завоевания в Дагестане, начавшиеся в середине VII в., затянувшиеся надолго и повлекшие за собой существенные изменения в идеологии и культуре дагестанских народов[219]. Проникшая вместе с исламом арабо-мусульманская культура оказала огромное влияние на процесс развития средневековой художественной культуры Дагестана[220].

Вместе с тем специфика природных условий горных районов Дагестана, определенная их изоляция, относительная удаленность от культурных центров предопределили здесь возможность длительного автохтонного развития малых этносов и сохранения древних культурных традиций и языков.

Все отмеченные события и обстоятельства оказали свое влияние на общий процесс этнокультурного развития дагестанских народов.

Формирование коренных народов и этнических групп Дагестана происходило в течение многих столетий. Процесс этот завершился, вероятно, в XII-XIV вв. сложением характерных для каждой народности и этнических групп особенностей материальной и духовной культуры – жилища, одежды, украшений, языка, фольклора, обрядов, ритуалов, традиций и т.д. Но при всем этом они имели и немало общих черт, обусловленных единством их происхождения и исторических судеб, культурными, этническими и хозяйственными связями, сходством социально-экономического и духовного развития, природно-географических условий. Вместе с формированием коренных народов и этнических групп Дагестана происходил активный процесс закрепления спе-

цифических художественных особенностей их искусства, которые сохранились до настоящего времени.

Л.Н. Гумилев совершенно справедливо подчеркивал, что каждый этнос оригинален и неповторим, значит и создаваемое им искусство несет черты самобытности[221]. Яркими чертами этнического своеобразия обладает и декоративно-прикладное искусство жителей Кубачи. Этнические особенности искусства кубачинцев складывались в течение длительного периода времени вместе с этническим становлением и развитием их самих как малого этноса («народности одного селения», по выражению Е.М. Шиллинга). На протяжении всей своей истории селение Кубачи являлось крупным и широко известным художественным центром, где изготовлялось изысканно отделанное холодное и огнестрельное оружие, высокой степени развития и совершенства достигли ювелирное дело, медночеканное производство, художественное бронзовое литье, резьба по камню и дереву, обработка кости, ручное узорное вязание и вышивка. Е.М. Шиллинг пишет «об известной обособленности кубачинской культуры», «о некотором выделении кубачинцев в прошлом среди соседей по уровню культуры и вооружению»[222], об эндогамных запретах[223] (кубачинцы в прошлом не смешивались браками с представителями других этносов), определенной замкнутости бытовой стороны жизни, а также навыков и особенностей мастерства[224]. Выше мы писали уже, что при определенном этническом родстве кубачинцев с жителями соседних селений Амузги, Сулевкент, Ашты и Шири, говорящих на кубачинском диалекте, при том, что между кубачинцами и жителями указанных селений существовали издавна налаженные производственные и хозяйственно-экономические связи, в этнокультурном отношении жители сел. Кубачи оставались в прошлом и ныне продолжают оставаться в значительной мере обособленным малым этносом. Материальная и духовная культура кубачинцев при общности ее с материальной и духовной культурой даргинцев и других народов Дагестана, обладает чертами этнического своеобразия, проявляющегося в особенностях традиционной одежды, женских украшений, жилища, бытовой утвари, доисламских верований и обрядов, фольклора, народной хореографии.

Этнические особенности четко прослеживаются в медночеканном искусстве – одном из развитых металлообрабатывающих производств сел. Кубачи[225], имеющем очень древние традиции и продолжающем активно функционировать по настоящее время. Из меди и латуни здесь изготовляют водоносные сосуды сугубо местной формы, встречающиеся только у кубачинцев. Это большой сосуд *мучал* и малый сосуд *кутка*, отделанные рельефным чеканным орнаментом[226]. Только в сел. Кубачи выделывают и ритуальные латунные сосуды *нукнусы* в форме ведерок с чеканной и весьма своеобразной орнаментацией[227]. В силу специфики быта и культуры кубачинцев, о которой писали многие исследователи, перечисленные виды медных изделий, отличающиеся не только большим своеобразием форм, но и художественной отделкой, изготовляются исключительно для нужд местных жителей. Наряду с разнообразной медной и бронзовой посудой, происходящей из ремесленных центров Закавказья (Азербайджан, Армения) и стран Ближнего Востока (Египет, Иран,

Ирак, Сирия), металлические сосуды местного производства – литые бронзовые котлы разной вместимости со съемными медными орнаментированными крышками, водоносные сосуды *мучал* и *кутка*, ритуальные сосуды *нукнус*, а также подносы с гравированным растительным орнаментом, в общем убранстве интерьера жилой комнаты кубачинцев[228] выполняют важную декоративную функцию. Эти же сосуды используются и при проведении ряда своеобразных кубачинских ритуальных церемоний – во время свадьбы и на следующий послесвадебный день, при торжественном вождении новобрачной по воду к источникам на окраине селения. Сосуды *мучал*, *кутка* и *нукнус* в прошлом входили и ныне входят в обязательную часть приданого дочери. Мать заранее заботится, чтобы они были готовы до ее сватовства. *Мучал*ы в прошлом использовались и в особых церемониальных обрядах членов кубачинских мужских союзов *«гулалла акь букьун»*[229].

Своеобразием форм и декоративной отделкой отличаются и серебряные украшения – массивных форм браслеты, кольца, фигурные нагрудные подвески (*тlябкья*), подбородочные цепочки (*гунапикь*), подвески-амулетницы, серебряные, изготовленные в технике филиграни и зерни бусы и т.д., которые изготовлялись в XVIII-XIX вв. (вероятно, и намного раньше, но образцы подобных украшений, изготовленных ранее XVIII в. до нас не сохранились) кубачинскими мастерами только для женщин своего селения[230]. Е.М. Шиллинг относит эти украшения, как и медночеканные изделия, к слою (пласту) кубачинского искусства замкнутого местного стиля, в отличие от «высокоразвитого и сложного искусства златокузнецов, представленного растительным орнаментом»[231].

«Если произведения искусства развитого растительного стиля кубачинцев и казикумухцев, – отмечает Е.М. Шиллинг, – сближаются с искусством народов Закавказья, Ирана, Турции и стран Аравийского полуострова, то произведения замкнутого местного стиля – медночеканные изделия, женские серебряные украшения за пределами селения не встречаются, они характерны только для искусства этого селения»[232].

Богатая, в какой-то мере пышная отделка ювелирных серебряных украшений кубачинок с обильным применением драгоценных и полудрагоценных камней (бирюзы, альмандина, сердолика и др.), зерни и скани, позолоты придает этим изделиям великолепие, парадность, торжественность, что вполне соответствует их назначению как нарядных украшений невесты, а затем молодой жены. Они как нельзя лучше соответствовали и ее необычайно яркой и нарядной одежде из восточной парчи, шелка, атласа, а также вышитого золотыми и серебряными нитями головного убора *каза*.

Весьма своеобразный стиль, характерный ювелирным женским украшениям Кубачи XVIII – начала XX вв. восходит, вероятно, к началу I тыс. н.э., когда на обширной территории Евразии, а также стран Закавказья и Ближнего Востока получили распространение ювелирные изделия, отделанные камнями-самоцветами, зернью и сканью, а в середине I тыс. н.э. так называемый «полихромный инкрустационный стиль» получил свое дальнейшее развитие. В Дагестане этот стиль нашел широкое применение в ювелирных изделиях

Предгорного и Северо-Восточного Дагестана, отделанных драгоценными и полудрагоценными камнями, цветными стеклами, а также зернью, образующей треугольные и многоугольные фигуры[233].

В процессе длительного развития полихромный стиль кубачинских ювелирных изделий (так назовем условно этот стиль) приобрел очень ярко выраженное этническое своеобразие. Были выработаны местные, канонизированные формы украшений, значительно усовершенствована сама техника ювелирного дела.

Яркими чертами этнического своеобразия обладает не только декоративно-прикладное искусство кубачинцев, но и другие виды искусства, например, хореография. Традиционное танцевальное искусство кубачинцев – это одна из развитых в прошлом и самобытных форм народного художественного творчества, отшлифованное веками и обладающее многообразием своих видов. Е.М. Шиллинг при описании кубачинского цикла союза неженатых (мужских союзов) *«гулалла акь букьун»* рассматривает исполняемые членами союза на сельской площади такие виды ритуальных танцев, как *аскайла* (танец воинов), *запайла* (смысловое значение не ясно), *кикилатла* (парный танец), *хабархасла* (смешанный танец членов мужских союзов разных возрастных групп; в нижнем квартале Кубачи этот вид танца называли *хутура*), *дерхъла* (обычный парный танец), *кIукI-дерхъла* (танец вприсядку), *хъучмалла* (танец ряженых)[234]. Каждый вид перечисленных танцев исполнялся торжественно, с особой тщательностью и в определенной последовательности, под аккомпанемент зурны и барабана. Танцевальная музыка отличалась разнообразием метра и темпа, мелодичной яркостью, остротой ритмики. «Выполняя в течение длительного времени, – пишет Е.М. Шиллинг, – ежедневно по два раза полную программу обязательных танцев, участники игры (т.е. союза неженатых – М.М.) хорошо их усваивали. Это считалось очень важным, так как ошибки влекли за собой взыскания»[235].

Помимо отмеченных выше сугубо мужских танцев, исполнявшихся членами союза неженатых, у кубачинцев существовали еще танцы, которые исполнялись на свадьбах с участием женщин, девичьи танцы, исполнявшиеся членами девичьих сообществ в месте их сборищ – в специальном девичьим доме *«юсбалла хъал»*, где девушки занимались вязанием, вышивкой, танцами под пение и хлопанье в ладоши и т.д.

Существовали и молодежные танцы, исполнявшиеся во время молодежного праздника *«улилла шинне бахьне»* – хождения по воду от сглаза (к источнику между сел. Амузги и Шири, в 15-17 км юго-западнее сел. Кубачи). Во время возвращения домой с заполненными водой кувшинами *мучал* и *кутка* (их несли только девушки) участники праздника – юноши и девушки периодически делали остановки и устраивали танцы.

Молодежные танцы устраивались с наступлением сумерек и почти до зари и в первый день кубачинской свадьбы. В танцах участвовали только молодые люди. Тон задавали при этом члены девичьих сообществ – *«юсбалла юсбе»*. Танцами сопровождались и гуляния молодежи по четвергам в окрестностях сел. Кубачи в горах[236].

Многие из названных выше танцев, исключая танцы членов союза неженатых, исполняют и в наши дни под аккомпанемент зурны и барабана или чугура, гармоники, под пение и хлопанье в ладоши, но былое совершенство танцев и высокое мастерство их исполнителей уже утрачены.

Одна из характерных черт народного искусства – это тесная взаимосвязь, взаимопереплетение его различных видов и жанров – хореографии, музыки, песен. Танцы всегда сопровождаются народной музыкой. У кубачинцев в традиционной бытовой (фольклорной) музыкальной культуре немало общего с народным музыкальным творчеством даргинцев. Но в ней имеются и определенные местные различия – в музыкальном строе, ритмике и мелодиях. Такими же чертами самобытности и своеобразия обладает песенное (вокальное) творчество кубачинцев. Народные певцы слагали и исполняли песни как на «чисто» кубачинском языке в сопровождении игры на чугуре (четырехструнный музыкальный инструмент) или на гармонике, так и на смешанном кубачино-даргинском языке, употребляя для рифмовки даргинские слова и целые предложения. Кубачинцы создали довольно богатое и самобытное песенное творчество, в котором представлены все виды жанров устно-поэтического творчества дагестанских народов.

Словесное искусство – кубачинский фольклор, типологически близкий к фольклору даргинцев, имеет свои особенности, обусловленные характером основной трудовой деятельности жителей сел. Кубачи – мастеров-оружейников и ювелиров, что нашло отчетливое отражение в кубачинских пословицах и поговорках, легендах и преданиях, в песнях и сказках. Исследователь кубачинского фольклора Ф.О. Абакарова отмечает, что «специфика фольклора аула Кубачи, как вида народной культуры, … обусловлена не только этнолингвистическим фактором, но и особенностью деятельности, психологией этого маленького народа. Что и нашло яркое отражение почти во всех жанрах фольклора кубачинцев, которые веками вместе с их искусством, обогащались и совершенствовались»[237]. Она же пишет о том, что «для кубачинского песенного фольклора характерно широкое употребление терминологии, связанной с трудовым занятием народа. Даже любовная лирика пронизана производственной лексикой. В небольшой песне «ГIяче бикьна у кижиб» – «Ты сидишь в своей мастерской» представлено восемь терминов: «матяхI» – изделия мастера, «цIубла дакьи» – монтировать, «хьацI чикабищи» – нанести чернь, «люгъий» – полировать, «дуп» – штихель (резец), «дицIий» – плавить, «хьацI» – чернь, «гIяче бикьнала» – мастерская.

Эти термины в песне не случайный набор тех или иных, известных в кубачинском быту слов. Все они подчинены художественному замыслу, раскрытию переживаний влюбленной, которой близко все, что связано с трудом возлюбленного, мастера-ювелира»[238].

Как точно подмечено Ф.О. Абакаровой, своеобразный кубачинский «ювелирный налет» прослеживается во всех жанрах фольклора кубачинцев, и это делает то или иное произведение узнаваемым, «кубачинским», с ярко выраженной идеализацией труда. Здесь находит полное отражение материальная культура, с присущей только данному народу спецификой[239].

Сошлемся еще на один пример, приводимый в работе Ф.О. Абакаровой, из любовной лирики кубачинцев, в которой «для достижения выразительности в описании внешности горянки использовано мастерство орнаментального искусства, что характерно именно для кубачинских песен. Система изобразительных средств в любовных песнях по своему изяществу часто носит «ювелирный» характер: возлюбленный – плетенный серебряной нитью узор внутри золотых часов – «мургье сахIятIла дуккид цIуб асле делкIун накьиш», серебряный кувшин, который по стройности не имеет себе равных – «дила ахтарак къунне, сал у дикьзиб либакка». А возлюбленная в поэтическом воображении мастера-златокузнеца – зеркало в серебряной оправе – «хан асла ляхIямцIала», куропатка из червонного золота – «бацI мад мутилла къахъба», тело у нее из белого серебра – «цIуб асла хамха», пальцы отточены из перламутра – «садапла тIуппе», ногти из слоновой кости – «магьилла микне», жемчужные зубы – «игъналла сулбе», язык острый как поточенный резец – «бумказиб дуп» и т.д.[240]

Мы несколько подробно остановились на кубачинском фольклоре, привлекая при этом пространные выдержки из работы Ф.О. Абакаровой, потому, что фольклор и декоративно-прикладное искусство исторически развивались параллельно, в общем русле развития всего народного искусства[241]. Они были органически и непосредственно связаны с народным бытом, хозяйственной деятельностью, семейными и трудовыми обрядами и активным досугом. В устном творчестве народа и в декоре произведений народных художественных ремесел в разных формах и в различных художественных воплощениях отражена реальная историческая действительность и идеологические представления народных масс, их понимание добра, красоты, справедливости, их светлые мечты и надежды на лучшее будущее. Являясь составными частями подлинно народной культуры, и фольклор как словесное художественное творчество, как искусство слова, и народное декоративно-прикладное искусство как творчество рукотворное, объединяют еще такие характерные черты, как коллективная природа творчества и индивидуальное начало, вариативность исполнения, традиционность, относительная устойчивость основы и подверженность ее внутренней динамике и обогащениям, яркая поэтическая образность и глубокая содержательность. И устное народное творчество и декоративно-прикладное искусство подчиняются общим закономерностям исторического развития народного искусства в целом, хотя каждому из них свойственны индивидуальные, свои неповторимые особенности, поскольку каждое из них представляет специфическую область художественной деятельности народа и обладает ярко выраженной этнической спецификой.

Одним из важнейших составных элементов традиционной культуры кубачинцев является их язык, обладающий четко выраженной этнической спецификой. Он включен в «Красную книгу языков народов России». При классификации дагестанских языков его относят к бесписьменному языку. Но бесписьменным он стал в советское время. До этого письменность среди кубачинцев начала распространяться с XIV в., когда в эпиграфических целях стали использовать арабские надписи. Как отмечалось выше, в XIV-XV вв.

Кубачи становится одним из крупных центров мусульманской культуры, где строились квартальные и соборная (пятничная – Джума) мечети, были открыты мусульманские учебные заведения – мактабы и медресе. В большом количестве создавались копии арабских рукописных книг по различным отраслям знаний. Высокой степени совершенства достигла арабская каллиграфия. Среди части населения получили распространение арабский, персидский и тюркские языки. На кубачинский язык были переведены восточные медицинские трактаты, художественная и богословская литература (основы вероучения ислама). Позднее на кубачинский язык были переведены дагестанские исторические сочинения – хроника «Дербенд-наме», составленная на рубеже XVI-XVII вв. Мухаммадом Аваби Акташи и пользовавшаяся широкой известностью в Дагестане. В XIX в. была переведена с арабского на кубачинский язык «Краткая хроника по истории Кайтага» («История Каракайтага») и другие сочинения. До 1928 г. кубачинцы, как и все народы Дагестана, пользовались так называемым аджамским письмом – арабским алфавитом, приспособленным для передачи фонетических особенностей местных языков.

Черты этнического своеобразия выявлены Е.М. Шиллингом и в народной одежде – одной из специфических форм прикладного искусства, в архитектуре жилища и других сферах материальной и духовной культуры кубачинцев, «богатой, давно сложившейся, достигшей устойчивых, твердых форм и весьма своеобразной и во многом отличающийся от культуры соседей»[242].

Искусство кубачинцев прошлого и настоящего настолько своеобразно (при несомненном наличии сходных черт с искусством других дагестанских народов – лакцев, аварцев и т.д.), что оно служит одним из этнодифференцирующих признаков при разграничении дагестанских этнических и этнографических общностей. Своеобразие материальной и духовной культуры, традиционного быта, высокоразвитого искусства, особенности языка и т.д. кубачинцев не случайно привлекали особое внимание многих русских и западноевропейских ученых и путешественников прошлого. При этом высказывались самые различные, порою фантастические предположения относительно их происхождения и истоков их искусства.

Причины особенностей культуры и искусства кубачинцев стали проясняться тем отчетливей, чем глубже стали изучать их историю во взаимосвязи с историей окружающих их народностей и всего Дагестана в целом. Не изучив историю любого этноса, невозможно в должной мере познать этническую специфику его искусства. И на эту сторону вопроса обращал внимание Л.Н. Гумилев, который писал, что «памятники [искусства] дают представление об истории народа, а уже известная, пусть в общих чертах, история помогает разобраться в значении заново открываемых или не полностью понятных памятников»[243].

Чтобы постичь своеобразие искусства любого этноса необходимо прояснить вопросы его этногенеза, социального развития, особенностей «ландшафта и эпохи» (Л.Н. Гумилев). Известно, что развитие искусства детерминировано уровнем социального развития общества. Но это не универсальная закономерность. Л.Н. Гумилев вполне обоснованно полагал, что «существующая

наряду с ним (т.е. социальным базисом искусства – М.М.) этническая обусловленность не менее реальна и наглядна. Например, в средние века феодальная формация охватывала все оседлые земли от Атлантического океана до Тихого. Но похожи ли готические соборы на китайские пагоды, шатровые церкви на индийские храмы? Как разнятся персидские миниатюры и итальянские картины, хотя те и другие выполнялись в XV в.!»[244]

Искусство кубачинцев издревле развивалось в широких взаимосвязях с искусством многих стран и народов. Оно вобрало многое из художественных культур Востока, сохранив при этом свою этническую специфику. Феномен кубачинского искусства – искусства малого этноса состоит в том, что оно в ходе своего многовекового развития не только обогащалось за счет элементов декоративно-прикладного искусства других народов (азербайджанцев, армян, грузин, русских, иранцев, осетин, черкесов и т.д.), но и оказало определенное влияние на развитие ювелирного дела и производства художественно отделанного оружия более крупных этносов Северного Кавказа, Закавказья, Ирана и т.д., где кубачинские мастера в XIX-XX вв. работали, как уже отмечали, отходниками – оружейных дел мастерами и ювелирами[245].

Этническое своеобразие – проявление ярких черт самобытности в искусстве кубачинцев стало достаточно отчетливо проявляться еще с эпохи средневековья, особенно с XIII-XV вв., когда искусство сел. Кубачи достигло необычайно высокого уровня развития и совершенства. Здесь в то время были созданы выдающиеся произведения художественного бронзового литья, камнерезного искусства и резьбы по дереву, оружейного дела, которые вошли в сокровищницу мировой художественной культуры. Многие из этих произведений – литые бронзовые котлы с превосходной декоративной отделкой, каменные рельефы-детали архитектурного пластического декора и художественно отделанное оружие, вывезенные в разное время из Кубачи, ныне хранятся в таких крупнейших отечественных и зарубежных музеях, как Государственный Эрмитаж, Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге, Оружейная палата Московского Кремля, Лувр в Париже, Музей Виктории и Альберта в Лондоне, Метрополитен-музей в Нью-Йорке и ряде других. Значительное количество их находится в республиканских музеях – Дагестанском государственном объединенном историческом и архитектурном музее и Дагестанском государственном музее изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой в Махачкале.

Высокохудожественное ремесло и оружейное дело являлись основой существенного экономического и культурного подъема сел. Кубачи в XIII-XV вв. (названного в средневековых восточных письменных источниках городом), сделавшим его крупнейшим не только в Дагестане, но и на всем Восточном Кавказе художественным центром, средоточием мусульманской духовности и образованности.

Достигшее блестящего для своего времени расцвета искусство Кубачи периода XIII-XV вв. предопределило его будущее развитие и этническую специфику. Оно оставило яркий и глубокий след не только в истории искусства Дагестана, но и в многоликой общечеловеческой художественной культуре

средневековья. Искусство дагестанского селения Кубачи – один из ярких примеров взаимообусловленности этногенеза малого этноса и формирования в ходе этого процесса этнической специфики его искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Шихсаидов А.Р., Саидов М.-С., Айтберов Т.М., Исаев А.А., Оразаев Г.М.-Р., Мирзамагомедов Г.М.* Итоги археографической экспедиции // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978-1979 гг. (тез. докл.). Махачкала, 1980. С. 40-41; *Гамзатов Г.Г.* Дагестан: Историко-литературный процесс. Махачкала, 1990. С. 225.

[2] Селение Шири Дахадаевского района Республики Дагестан.

[3] Из дагестанских памятных записей. Комментированные переводы *А.Р. Шихсаидова и Т.М. Айтберова* // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 117. О событиях, о которых идет речь в процитированной памятной записи см.: *Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИРГО. Т. XX. Вып. 4. СПб., 1884. С. 410.

[4] Из дагестанских памятных записей. С. 119.

[5] *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 150-151.

[6] Там же. С. 151-152.

[7] *Оразаев Г.М.-Р.* Примечания и комментарии к переводу «Дербенд-наме» // Акташи Мухаммед Аваби. Дербенд-наме. /Пер. с тюрк. и араб., предисл. и библиогр. *Г.М.-Р. Оразаева и А.Р. Шихсаидова.* Махачкала, 1992. С. 100-101.

[8] *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969. С. 198.

[9] См.: *Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р.* «Дербенд-наме» (К вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 29; *Акташи Мухаммед Аваби.* Дербенд-наме. Пер. с тюркск. и араб., предисл. и библиогр. *Г.М. Оразаева* и *А.Р. Шихсаидова.* Махачкала, 1992. С. 45, 100-101, 142; *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.*. Указ. соч. С. 21, 49.

[10] См.: *Гамзатов Г.Г.* Указ. соч. С. 226.

[11] *Абдуллаев М.А.* Из истории научной и педагогической мысли досоветского Дагестана. Махачкала, 1986. С. 16.

[12] См.: *Шарафеддин Эрел.* Дагестан и дагестанцы. Пер. с турец. *Р. Ризванова* // Дагестанская правда. 1993. 3 февраля.

[13] *Акташи Мухаммед Аваби.* Дербенд-наме. С. 100. См. еще: Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Указ. соч. С. 49-50.

[14] Искусство Кубачи. Альбом. автор-сост. *А. Иванов.* Л., 1976. С. 27.

[15] См.: *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М., 1984. С. 85.

[16] *Акташи Мухаммед Аваби.* Указ. соч. С. 45; См. еще: *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Указ. соч. С. 21.

[17] *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 118.

[18] *Лопухин А.И.* Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 30, 50.

[19] См.: Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв./ Сост., введ., вступ. статья и примечания *В.Г. Гаджиева.* Махачкала, 1992. С. 186.

[20] *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 // ИГЭД. С. 75, 83. См. еще: *Гаджиев В.Г.* Сочинение И.Гербера «Описание стран и

народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. С. 128.

[21] *Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф.* Описание Дагестана. 1831 г.//ИГЭД. С. 310.

[22] *Френ Х.Д.* О народе кавказском Кубечи // ЖМНП, 1840. № 8. С. 90 (Русский перевод с немецкого из «Bulletin Scientifique». 1838. № 75 и № 76).

[23] *Петухов П.* Кубачинское племя // Газета «Кавказ». Тифлис, 1866. № 86-87.

[24] *Dorn B.A.* Die jetzigen Kubätschi. Eine Erläuterung zu Abu Hamid el-Andalusy's Nachrichten über diesen Volksstamm // Bulletin de L'Academie imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. T. XVIII. № 3, feuilles 16-21, 1873. С. 321-336 (эта же работа опубликована в: Mélanges Asiatiques tires du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St. - Petersbourg. T. VI, Iivraison 6, St.- Petersbourg, 1873. С. 717-740). Русский перевод этой работы: Теперешние Кубачи.- 9с. Пер. *З. Кидаловой* // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 149.

[25] *Комаров А.В.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. 1. Сост. и редакция Н.И. Воронова. Тифлис, 1869. С. 85; *Он же.* Народонаселение Дагестанской области, с этнографической картой // ЗКОРГО. 1873. Т. 8. С. 18.

[26] *Дорн Б.А.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан... СПб., 1875. С. 491, 494.

[27] *Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. С. 401-402, 405.

[28] *Erckert R.* Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887. С. 193-194.

[29] *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис. 1888. С. 114.

[30] Памятная книжка Дагестанской области. Сост. *Е.И. Козубский.* Темир-хан-шура, 1895. С. 327.

[31] Тарихи Дербенд-наме (с 9-ю приложениями). Пер. с языков: тюрк., араб., перс. и франц. Под ред. *М. Алиханова-Аварского.* Тифлис, 1898. С. 59-60.

[32] *Дирр А.М.* Современные названия кавказских народов //СМОМПК. Вып. 40. Тифлис, 1909. Отд. III. С. 16-17.

[33] *Жирков Л.И.* Язык аула Кубачи // Уч. зап. Института этнических и национальных культур народов Востока. Вып. 1. М., 1930. С. 256.

[34] Там же. С. 278, 280.

[35] Там же. С. 280. Эти названия правильно даны в: Магометов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963. С. 117.

[36] *Жирков Л.И.* Указ. соч. С. 266. Перевод текста дан не вполне точный. По смыслу более правильным будет: Коров и буйволиц рога и в Кубачи премного.

[37] *Шиллинг Е.М.* Кубачи. Пятигорск, 1937. С. 13.

[38] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л., 1949. С. 5.

[39] *Алиев А.И., Никольская З.А.* Даргинцы // Народы Дагестана. Сб. статей. М., 1955. С. 68-69; см. еще: *Алиев А.И., Никольская З.А. Шиллинг Е.М.* Даргинцы // Народы Кавказа. Т. 1. Под ред. *М.О. Косвена, Л.И. Лаврова* и др. М., 1960. С. 467.

[40] *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X-XVII вв. М., 1966. С. 194.

[41] Там же. С. 257.

[42] *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 55.

[43] *Магомедов Р.М.* Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. Махачкала, 1969. С. 34.

[44] *Магомедов Р.М.* Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 121-122.

[45] *Магомедов Р.М.* По аулам Дагестана. Вып. II. Махачкала, 1979. С. 23.

[46] *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. 1. Махачкала, 1999. С. 71.

[47] О стычках кубачинцев в прошлом с соседями на почве притязаний на пастбищные угодья, лесные участки и т.д. см.: *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 7-12.

[48] См.: *Магометов А.А.* Даргинские этнонимы // Мацнэ. № 4. Серия языка и литературы. Тбилиси, 1991. С. 153. В этой работе отмечается, что на кубачинском языке слово *паранг* означает «француз».

[49] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 14-15, 210-215; *Магометов А.А.* Исторические сведения о кубачинцах и их языке //Уч. зап. ИИЯЛ. Т. XI. Серия филолог. Махачкала, 1962. С. 87-100; *Магомедов Р.М.* Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии // Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 119-122. О значении слова *франк* применительно к предкам нынешних кубачинцев см.: *Вейденбаум Е.* Петеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 113-114; *Дирр А.М.* Очерки по этнографии Дагестана. I. В Табасаранском округе. II. Кубачи. Тифлис, 1903. С. 12; *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 93.

[50] *Мец Адам.* Мусульманский Ренессанс. Изд. 2-е. М., 1973. С. 45.

[51] История Дагестана в 4-х томах. Т. 1. М., 1967. С. 126.

[52] *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 34.

[53] *Кильчевская Э.В.* От изобразительности к орнаменту. М., 1968. С. 13-14. Примеч. 19.

[54] *Абдуллаев И.Х.* Опыт анализа лакской этнонимии // Сборник статей по вопросам дагестанского и вайнахского языкознания. Махачкала, 1972. С. 186; Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов»... С. 129.

[55] *Волкова Н.Г.* Из северо-кавказской этнонимии // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 182.

[56] *Магометов А.А.* Кубачинский язык. С. 1. Этнические названия на кубачинском языке см.: Там же. С. 90.

[57] Там же. С. 117.

[58] Там же. С. 58.

[59] *Абдуллаев И.Х.* Указ. соч. С. 186.

[60] *Магометов А.А.* Указ. соч. С. 1-2.

[61] Искусство Кубачи. С. 10.

[62] *Иванов А.А.* Персидские надписи из Кубачи // Rivista degli studi orientali. Vol. LIX. Fasc. I-IV. Roma, 1987. С. 213.

[63] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 5.

[64] *Магомедов Р.М.* По аулам Дагестана. Вып. II. С. 23.

[65] *Жирков Л.И.* Указ. соч. С. 280; *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 5.

[66] См.: *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М., 1823. С. 328; *Ковалевский М.К.* и *Бларамберг И.Ф.* Указ. соч. С. 310.

[67] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 196.

[68] *Ercket R.* Der Kaukasus und seine Völker. С. 194.

[69] *Орбели И.А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы // Изб. труды. Ереван, 1963. С. 349.

[70] *Жирков Л.И.* Указ. соч. С. 256.

[71] *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959. С. 333-334; *Она же.* К вопросу о культуре Кавказской Албании. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960. С. 8-9.

[72] *Магометов А.А.* Кубачинский язык. С. 2; *Он же.* Даргинские этнонимы. С. 141-142.

[73] *Османов М.О.* Некоторые вопросы даргинской топонимики (Материалы по названиям селений) // Уч. зап. ИИЯЛ. Т. XIV. Серия истор. Махачкала, 1965. С. 287.

[74] Там же. С. 294.

[75] *Гербер И.Г.* Указ. соч. С. 75; Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье // Военный журнал. 1848. № 1. Отд. издание: СПб., 1849. С. 14-15; См. еще: *Магометов А.А.* Кубачинский язык. С. 325; *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 193.

[76] *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 67.

instituteofhistory.ru

[77] *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 3. Напомним, что не местным и даже не дагестанским по происхождению наименованием одного из народностей Дагестана является этноним *авар*, *аварцы* (См.: *Агларов М.А.* Аварцы: Ранние формы самоуправления // Возрождение. 1995. № 2. С. 14-15). Использование термина *лак* в качестве самоназвания – явление вторичное. В раннесредневековых арабских источниках лакцы и их страна названы по главному аулу лакцев Кумух (*Гъумук*). Название *лезги* (рус. *лезгин*) не было в прошлом самоназванием отдельной дагестанской народности. Оно первоначально не употреблялось в самих дагестанских языках, но было распространено в языке азербайджанцев – ближайших соседей народностей Южного Дагестана. Использование его в значении названия (и самоназвания) одного из дагестанских народов – тоже явление вторичное и недавнего прошлого. См.: *Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш.* К истории дагестанских этнонимов ЛЕЗГ и ЛАК // Этнография имен. М. 1871. С. 17-18, 21-22.

[78] *Магометов А.А.* Терминология кубачинских златокузнецов // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1975. Вып. II. С. 241.

[79] *Джидалаев Н.С.* Тюркско-дагестанские языковые контакты. Общая характеристика // Тюркско-дагестанские языковые контакты (Исследования и материалы). Сб. статей. Махачкала, 1982. С. 3, 7-18; см. еще статьи в кн.: Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Сб. статей. Махачкала, 1985; *Он же.* Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М., 1990. С. 3.

[80] История Дагестана. Т. 1. С. 196; *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. С. 148-150.

[81] *Шихсаидов А.Р.* Указ. соч. С. 191-192.

[82] *Salmony A.* Daghestan sculptures // Ars islamica. Ann Arbor. 1943. v. X. P. 153-163.

[83] *Гюзальян Л.Т.* О дагестанских (кубачинских) котлах открытого типа // Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1961 год. Л., 1962. С. 25-26; *Иванов А.А.* О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Альбом. Автор-сост. *А. Иванов.* Л., 1976. С. 169, 180-182; *Он же.* Кубачинский бронзовый котел XIV в. // СГЭ. 1977. Вып. XLII. С. 54-56; *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X-XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975. С. 52; *Он же.* Эпиграфические памятники Дагестана. С. 429-430; *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала, 1989. С. 48-49.

[84] См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966. С. 363.

[85] *Оразаев Г.М.-Р.* Из истории даргинско-тюркских контактов (по материалам XVIII в.) // Тюркско-дагестанские языковые контакты (Исследования и материалы). Сб. статей. Махачкала, 1982. С. 63.

[86] Название *Зирихгеран* впервые упоминается арабским историком ал-Белазури (IX в.) в связи с событиями, относящимися к VI в.н.э. См.: *Баладзори.* Книга завоевания стран. Текст и пер. с араб. проф. *П.К. Жузе.* (Материалы по истории Азербайджана. Вып. III). Баку, 1927. С. 7, 18.

[87] Современным даргинским литературным названием селение стало *Кьара-Кьурейш*, восходящее к названию *Кала-Курейш*. В историко-этнографических трудах XIX – начала XX вв. встречается неправильное название *Кара-Курейш* (*кара* – «черный», вместо *кала* – «крепость»). В средневековых дагестанских исторических сочинениях это селение фигурирует под названием *Кала-Курейш*, *Каракорейш* и т.д. См. по указателю географических, топографических и этнических названий в кн.: *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Указ. соч. С. 273.

[88] См.: *Анучин Д.Н.* Указ. соч. С. 409; *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М., 1963. С. 129; *Алиев Б.Г.* Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988. С. 75.

[89] *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. С. 276.

[90] История Дагестана. Т. 1. С. 122.

[91] *Гербер И.Г.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и об их состоянии в 1728 году. Изд., предисл. и коммент. *Г.Ф. Миллера* // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. СПб., 1760. Ч. XII. Июль-октябрь. Отрывок из этой работы И. Гребера о сел. Кубачи и кубачинцах с предисловием редактора Г.Ф. Миллера был опубликован в 1736 г. на немецком языке: *Gärber I.G.* Von dem Dorffe Kubeschah auf dem Caucasischen Gebürgen gelegen // Sammlung Russischer Geschichte. Bd. II, liv 1. St.-Pb., 1736. S. 1-5. В этом же журнале вслед за отрывком работы И. Гербера, на стр. 6-22 помещена статья историка, акад. Г.З. Байера (1694-1738 гг.) «Anmerkungen über den Ursprung der Kubeschaner und über den Handel der Genueser auf dem Schwartzen Meer», в которой поддерживается мнение И. Гербера о генуэзском происхождении кубачинцев, хотя конкретных материалов по этому вопросу не приводится. Выдержки из работы И.Г. Гербера «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря» опубликованы в книге: История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. Под ред. *М.О. Косвена и Х.О. Хашаева.* М., 1958. С. 60-120. О сел. Кубачи – с. 75-76. См. еще: Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера... С. 128-136.

[92] *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. С. 76. См. еще: Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. С. 212.

[93] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 213.

[94] *Гольденберг Л.А.* Рукописные карты и планы XVIII века как источник по истории города Дербента // Археографический ежегодник за 1963 год. Под ред. акад. *М.Н. Тихомирова.* М., 1964. С. 118-119.

[95] Там же. С. 119.

[96] См.: *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. Вып. 1. М., 1955. С. 276-277.

[97] См.: Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. С. 188.

[98] *Strahlenberg Ph.J.* Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. S. 390. Русский перевод этой работы: Штраленберг Ф. Историческое и географическое описание полуновосточной части Европы и Азии. Вятка, 1797 (Сведения взяты из книги: *Сказин Е.В.* Литература о Дагестане на западноевропейских языках. Махачкала, 1964. С. 66). Книги эти были нам недоступны из-за отсутствия их в библиотеках РД. Цит. по: *Френ Х.Д.* О народе кавказском Кубечи // ЖМНП. 1840. № 8. Август. С. 94, 103 (Немецкое издание этой работы: Ch.-M. Fraehn. Über ein merkwürdiges Volk des Kaukasus, die Kubetschi // Bulletin scientifique publie par L'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. 1839. T. IV. № 3. Col. 33-45; № 49. Col. 49-53); *Магометов А.А.* Даргинские этнонимы. С. 139.

[99] Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 до 1747 года // Новые ежемесячные сочинения. Ч. XII. Месяц август. СПб., 1791. С. 59. Цит. по: *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 211.

[100] *Френ Х.Д.* Указ. соч. С. 103.

[101] Deguignes. Histoire des Huns. Paris, 1756. S. 411, 508.

[102] Моравские братья (чешские, или богемские братья) – члены религиозной секты, образовавшейся в середине XV в. в Чехии. Общины (секты) моравских братьев подверглись разгрому в 1620 г.; сами члены общин были изгнаны из Чехии и Моравии и расселились по разным странам. В 1765 г. выходцами из Богемии – моравскими братьями, или гернгутерами, как их еще называли, в Сарепте бывшей Саратовской губернии Царицынского уезда (недалеко от современного города Волгограда) была основана немецкая колония. См.: Сарепта // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVIII. СПб., 1900. С. 433; Чешские братья // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М., 1974. С. 102.

[103] Поездка моравских братьев Грабша и Груля в сел. Кубачи описана в работах: *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М., 1823.

С. 318-325; *Potocki J.* Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Ouvrages publiés et accompragnes de notes et de tables par Klaproth. Tome second. Paris, 1829. С. 111-113. Изложение содержания работы Я. Потоцкого см.: *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 217-218. Не совсем точные данные о поездке моравских братьев в сел. Кубачи приведены побывавшим в 1820 г. в Дагестане французским консулом в Тифлисе Гамбой (*Gamba C.* Voyage dans la Russie méridionale et particulierement dans les provinces situees au dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824 par chevalier Gamba, consul du roi a Tiflis. Avec quatre cartes geographiques. T. II. Paris, 1829. S. 369-372). О нем см.: *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 211-212. О Грабше и Груле см. также: *Полиевктов М.А.* Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. С. 206-207.

[104] *Броневский С.М.* Указ. соч. С. 325.

[105] Аланы – ираноязычные племена сарматского происхождения, известные со II в. до н.э., предки современных осетин. Аланы сыграли определенную роль в этногенезе и складывании культуры и других народов Северного Кавказа.

[106] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. СПб., 1833. В примечании № 40 на с. 17 отмечается: «Полковник Гербер описывает в горах кавказских деревню Кубеша, где всякий житель есть оружейный мастер или серебреник. Миллер (Samlung Rus. Gesch.) признает сих людей, говорящих совсем особенным языком, потомками древних алан». Новое издание этой работы: Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти томах Т. 1. М., 1989. С. 185. Прим. 40.

[107] *Güldenstedt I.A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. I-II. St.-Petersburg, 1787-1791. Изложение содержания разделов этой работы, касающиеся сел. Кубачи и его жителей см.: *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 213. Мы пользовались русским переводом работы И.А. Гильденштедта, осуществленным К. Германом. См.: *Гильденштедт И.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770-1773 годах. СПб., 1809. С. 74, 128-131. Новое издание работы И.А. Гильденштедта в переводе с нем. яз. на рус. яз. *Т.К. Шафрановской* см.: *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб., 2002. О Кубачи-с.223, 231, 251, 253.

[108] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 213.

[109] *Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthallterschaften des Russischen Reichs in den jahren 1793 und 1794. *Bd.I. Leipzig,* 1799. О Кубачи на с. 419-421. Издание на русском языке: Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786.

[110] *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Aus dessen nachgelassenen Papieren gesammelt und hera– usgegeben von F. E. Schöder. Erster Theil Gotha und St.-Petersburg, 1796. О Кубачи – с. 107-110. Изложение содержания этой работы на русском языке, а также комментарии к ней см.: *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 218-219. Русское издание труда Я. Рейнеггса по рукописи, хранящейся в Государственной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, см.: Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. С. 249-288. О сел. Кубачи – с. 278. Однако в последнем издании работы *Я. Рейнеггса* сведений о кубачинцах приводится значительно меньше, чем в немецком издании труда 1796 г.

[111] См.: Дагестан в известиях… С. 278.

[112] Там же.

[113] Там же. Карлсбад (Karlsbad) – немецкое название города-курорта Карлови-Вари в Чехии. Аугсбург (Augsburg) – город в Германии, близ г. Мюнхена. Оба города – Карлсбад и Аугсбург – старинные торгово-ремесленные центры.

[114] *Potocki J.* Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Ouvrages publies et accompragné de notes et de tables par Klaproth. Tome second. Paris, 1829. О Кубачи – с. 106-113, 116-117. Изложение содержания книги Я. Потоцкого см.: *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 217-218. Отдельные страницы перевода этой работы с французского см.:

Клапрот Ю. Путешествие в Астраханские степи и на Кавказ (Путевые очерки графа Яна Потоцкого 1796 г.). Париж, 1829. Т. 1 // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 492. О Кубачи – с. 2-7.

[115] Как уже отмечали (см. выше, примеч. 103), выписки из сарептского архива, изложенные в письме М. Виганда от 5 мая 1805 г.. опубликованы в указанной работе Я. Потоцкого на французском языке и С. Броневского (Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Т. II. М., 1823. С. 318-325) на русском языке.

[116] См.: *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 217.

[117] *Ахвердов А.И.* Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 216.

[118] *Zass.* Description du Caucase avec le précis historique et statistique de la Georgie. St.-Petersbourg. 1804. Русский перевод этой работы, которой мы пользовались: Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии. Пер. с франц. *Я. Лангена.* СПб., 1805 (автор книги в русском переводе не указан). С. 55. Примеч. 34.

[119] *Сказин Е.В.* Литература о Дагестане на западноевропейских языках. Махачкала, 1964. С. 73-74.

[120] *Adelung J.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Sprachpobe. Bd. I. Berlin, 1806. S. 449. Цитир. по: *Магометов А.А.* Кубачинский язык. С. 6.

[121] [Неизвестный автор.] Voyages historique et géographiques dans les pays situés entre la mer Noire et la mer Caspienne... Paris, 1798. Русский перевод этой работы, которым мы пользовались: Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским. Пер. с франц. *Ф. Шишкевича.* СПб., 1810. С. 37-38.

[122] *Klaproth J.* Beschriebung der Russischen provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meere. Berlin, 1814. О кубачинцах – с. 126-134; ibid. Historique, geographique, ethnographique et politique du Caucase de provinces Limitrophes entre. La Russie et la Perse par J. Klaproth. Paris-Leipzig, 1827. Перевод с французского выдержек из последней работы, касающихся народов Дагестана, в том числе кубачинцев, см.: РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76.

[123] *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М., 1823.

[124] Там же. С. 318-328.

[125] Там же. С. 319.

[126] Там же. С. 326.

[127] *Ковалевский М.К.* и *Бларамберг И.Ф.* Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 310.

[128] Крестовые походы – захватнические войны западноевропейских феодалов, проводившиеся в 1096-1270 гг. по почину католической церкви под лозунгом освобождения христианских святынь в Палестине из-под власти мусульман. Участники крестовых походов – крестоносцы – обычно нашивали на одежду знак креста из красной материи, символизировавший их благочестивые намерения (отсюда и название самих войн «крестовые походы»).

[129] *Eichwald E.* Reise auf dem Caspischen Meere und in dem Caucasus. Unternommen in den jahren 1825-1826. Stuttgart und Tübingen, 1834. Bd. 1. S. 139-142.

[130] *Зубов П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. III. СПб., 1835. С. 254-255.

[131] Там же. С. 246.

[132] *Brackel H.* Zu näherer Kenntniss der Kabuschaner oder Kubatschiner, eines. Kaukasischen Bergvolker Wahrscheinlich Germanischen Ursprungs // Dorpater jahrbücher für litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Riga und Dorpat. 1834. II. S. 159-165. Русский перевод этой работы: Бракель Г. Детальные сведения о кобучанцах или кубачинцах, горцах Кавказа, как вероятном происхождении от германцев. Рига и Дорпат, 1834. II. С. 159-165. Пер. с нем. *М.И. Магомедовой* (машинопись) // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526.- 8 с.

[133] Каффа – вероятно, современная Феодосия.

[134] *Бракель Г.* Детальные сведения о кобучанцах или кубачинцах... С. 1-2.

[135] *Френ Х.Д.* Указ. соч. С 103.

[136] *Вейденбаум Е.Г.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 112.

[137] *Френ Х.Д.* Указ. соч. С. 87-107.

[138] Там же. С. 102.

[139] Там же. С. 104. Этот рассказ более подробно и с разницей в деталях изложен, как отмечает Х. Френ, в сочинении Г. Бракеля «Zu näherer Kenntniss der Kabuschaner oder Kubatschiner, eines Kaukasischen Berg-volker wahrscheinlich Germanischen Ursprungs» (см. выше, прим. 132).

[140] *Френ Х.Д.* Указ. соч. С. 106.

[141] *Бакиханов А.-К.* Гюлистан-Ирам. (Труды Общества обследования и изучения Азербайджана. Вып. 4). Баку, 1926. С. 13.

[142] Там же. С. 17.

[143] Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. С. 210.

[144] *Березин И.Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. I-II. Изд. 2-е. Казань, 1850. С. 101-102. См. еще с. 51, где автор пишет о кубачинцах как о потомках генуэзцов. В первом издании этой работы (1849) сведения о кубачинцах приведены значительно больше. См.: Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 210-211.

[145] *Швецов В.* Очерк о кавказских горских племенах // Москвитянин. №№ 23-24. Кн. 1-2. Декабрь. 1855. О сел. Кубачи, происхождении, занятиях, наружности и языке кубачинцев – с. 9-10, 17. Отдельное издание этой работы, которой мы пользовались: Швецов В. Очерк о кавказских горских племенах с их обрядами и обычаями… М., 1856.

[146] Там же (изд. 1856 г.). С. 9-10.

[147] Там же. С. 10.

[148] Там же. С. 69.

[149] *Dorn B.* Berichtüber eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres // Mélanges asiatiques. T. IV. Livr. 4. 1862. S. 429-500. Русский перевод этой работы, которой мы пользовались: *Дорн Б.А.* Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря // Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. VIII. СПб., 1864. С. 275-276.

[150] *Dorn B.* Die jetzigen Kubätschi. Eine Erläuterung zu Abu Hamid el-Andalusy's Nachrichten über diesen Volksstamm // Bulletin de L'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. T. XVIII. 1873. № 3. Col. 321-336. То же: Mélanges asiatiques tires du Bulletin de L'Academie des sciences de St.-Petersbourg. T. VI. Livr. 6. 1873. P. 717-740. Русский перевод этой работы: *Дорн Б.* Теперешние Кубачи. Пояснения к повествованию Абу Хамида аль-Андалузи о новостях по поводу этого народа. Пер. с нем. *З. Кидаловой* (машинопись) // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 149.

[151] *Петухов П.* Кубачинское племя // Газета «Кавказ» (Тбилиси). 1866. № 86-87.

[152] Эта же легенда со слов местного информатора Г.-Р. Ирганова была записана Е.М. Шиллингом в сел. Кубачи в 1940 г. См.: *Е.М. Шиллинг.* Указ. соч. С. 11. Вариант этой легенды, в которой вместо красного быка фигурирует белый верблюд см.: *Абакарова Ф.О.* Кубачинский фольклор. Махачкала, 1996. С. 149-150.

[153] Имеется ввиду работа «Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря», напечатанная в 1871 г. на немецком языке (Ansichten, inschriften und Abbildungen zu Dorn's Reise in dem Kaukasus und Südlichen Küstenländern des Kaspischen Meers. St.-Petersburg, 1871). В 1895 г., после смерти Б.А. Дорна было осуществлено второе издание «Атласа» на русском языке с более полной публикацией кубачинских каменных рельефов.

[154] *Дорн Б.А.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан … С. 476-477.

[155] *Петухов П.* Кубачинское племя // Газета «Кавказ». 1866. №№ 86-87.

[156] Цит. по: *Магометов А.А.* Даргинские этнонимы. С. 141.

[157] *Комаров А.В.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. 1. Сост. и ред. *Н.И. Воронова.* Тифлис, 1869. С. 85-86.

[158] *Комаров А.В.* Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой)

// ЗКОРГО. Т. VIII. Тифлис, 1873. О кубачинцах – с. 18-19. Отзыв об этой работе с некоторыми извлечениями из нее см.: Н.В. [Воронов]. Состав населения Дагестанской области // ССКГ. Вып. VIII. Тифлис, 1875. отдел III. О кубачинцах – с. 8-9.

[159] *Комаров А.В.* Указ. соч. С. 19. Известия ИРГО. Т. XX. Вы. 4. 1884.

[160] *Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. С. 401-427.

[161] Там же. С. 406.

[162] Там же. С. 409. Эта легенда о происхождении кубачинцев, как наиболее распространенная до начала XX в., приведена и в работе: *Магомедов Р.М.* Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. Махачкала, 1969. С. 33-34.

[163] *Анучин Д.Н.* Указ. соч. С. 424.

[164] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 7-12.

[165] *Уваров А.С.* Курганы с расчленением близ г. Дербента // Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887. С. 72.

[166] Там же. С. 74. Под «лезгинскими племенами» здесь подразумеваются дагестанские племена.

[167] *Erckert R.* Der Kaukasus und seine Völker. С. 194.

[168] Там же. С. 194-195.

[169] Там же. С. 202-203.

[170] *Вейнденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. С. 111-114.

[171] Там же. С. 113. О попытках внедрения христианства в Кайтаге в XIV-XV вв. католическими миссионерами см.: Richard J. Les missionnaires latins chez les Kaitak du Daghestan (XIV-XV-e siécles) // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9-16 августа 1960 г. Т. III. М., 1963. С. 606-612.

[172] Тарихи Дербенд-наме. С. 57-60. Выдержки из этой работы о происхождении кубачинцев см.: *Магомедов Р.М.* Легенды и факты о Дагестане. С. 32-33.

[173] Там же. С. 60.

[174] *Кильчевская Э.В.* От изобразительности к орнаменту. М., 1968. С. 14-15.

[175] *Бартольд В.В.* Еще о самаркандских оссуариях // Соч. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966. С. 120.

[176] *Свидерский П.Ф.* В горах Дагестана. Путевые впечатления, случайности и антропологические заметки. Петровск, 1903. С. 53-76. Эта же работа опубликована в газете «Кавказ» (Тбилиси). 1903. №№ 15, 19, 31.

[177] Там же (издание петровское). С. 53.

[178] *Уваров А.С.* Курганы с расчленением… С. 72.

[179] Там же. С. 75. Свидерский П.Ф. в 1898 г. провел антропологическое исследование кайтагцев и кубачинцев, результаты которого изложены в статье: К антропологии кайтагцев и кубачинцев // Труды Антропологического общества при Военно-медицинской академии за 1898-1899 гг. Вып. V. СПб., 1901. С. 131-153.

[180] Альпы – горная система в Западной Европе на территории Италии, Франции, Германии, Австрии и Швейцарии.

[181] *Свидерский П.Ф.* В горах Дагестана. С. 52, 68, 73, 75.

[182] Там же. С. 75.

[183] *Дирр А.М.* Экскурсия по Дагестану. Кубачи // Газета «Кавказ». Тбилиси, 1903. № 187. Второе издание работы: Очерки по этнографии Дагестана. I. В Табасаранском округе. II. Кубачи. Тифлис, 1903. О сел. Кубачи – с. 7-12.

[184] Там же. (изд. 2-е). С. 7.

[185] Там же. С. 11.

[186] Там же. С. 10.

[187] Там же. С. 12.

[188] *Дирр А.М.* Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Вып. 40. Тифлис, 1909. Отд. III. С. 17.

[189] *Erckert R.* Der Kaukasus und seine Völker. С. 194.

[190] *Долинский С.М.* Интересный аул в Дагестане. Без указ. места и года изд. - 4 с. Оттиск статьи имеется в библиотеке ИИАЭ ДНЦ РАН.

[191] Алкадари Гасан-Эфенди. Асари-Дагестан (Исторические сведения о Дагестане). Пер. и примеч. А.Г. Гасанова (Алкадари). Махачкала, 1929. С. 14-16. Новое издание этой работы: *Алкадари Гасан-Эфенди.* Асари Дагестан. Вступ. статья, коммент., примеч. и общая ред. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994. С. 39-40.

[192] См.: *Яковлев Н.Ф., Жирков Л.И.* Изучение даргинского и кубачинского языков // Дагестанский сборник. Вып. III. Махачкала, 1927. С. 232.

[193] *Жирков Л.И.* Язык аула Кубачи // Уч. зап. Института этнических и национальных культур народов Востока. Вып. I., М., 1930. С. 256.

[194] Там же. С. 225.

[195] *Орбели И.А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 304. См. еще: *Орбели И.А.* Избранные труды. Ереван, 1963. С. 348-349.

[196] *Тревер К.В.* К вопросу о культуре Кавказской Албании. С. 8.

[197] *Шиллинг Е.М.* Кубачи. Пятигорск. 1937. С. 15.

[198] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 3.

[199] Там же. С. 14.

[200] *Магометов А.А.* Кубачинский язык. Тбилиси, 1963. см. также: *Магометов А.А.* Исторические сведения о кубачинцах и их языке. С. 87-100.

[201] *Магометов А.А.* Кубачинский язык. С. 14.

[202] Там же. С. 14.

[203] *Иванов А.А.* Новое чтение надписи на тимпане с борцами из селения Кубачи // Эпиграфика Востока. Вып. XXII. 1984. с. 59.

[204] *Иванов А.* Персидские надписи из Кубачи. С. 223.

[205] Там же. С. 214.

[206] Там же. С. 223; *Он же.* О происхождении искусства селения Кубачи // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. III Всесоюзная конференция. Тез. докл. М., 1979. С. 34-35.

[207] *Газии* – борцы за мусульманскую веру («воители за веру»).

[208] *Иванов А.А.* Персидские надписи из Кубачи. С. 223.

[209] *Магомедов Р.М.* Проблема происхождения народов Дагестана в дореволюционной историографии // Уч. зап. Даггосуниверситета. Т. VI. Махачкала, 1960. С. 37-56; *Он же.* История Дагестана с древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1961. С. 14-16. 56-58; 2-е изд. этой работы – Махачкала, 1968. С. 12-14, 46-48; *Магомедов Р.М., Дзагурова В. П.* Народы советского Дагестана. Махачкала, 1967. С. 8-26; Магомедов Р.М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 3-6, 102-126; *Магомедов Р.М., Магомедов А.Р.* История Дагестана. Махачкала, 1994. С. 15-20.

[210] Литература по проблеме этногенеза дагестанских народов приведена в работе: *Гасанов М.Р.* Палеокавказская этническая общность и проблема происхождения народов Дагестана. Махачкала, 1994. С. 3-28.

[211] *Семенов И.Г.* История стран и народов Западного Прикаспия (1-е тысячелетие новой эры). Казань, 1994. С. 148-152.

[212] *Маммаев М.М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени (по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960-1964 гг.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1970.

[213] См.: *Марковин В.И.* Археология Северного Кавказа и современность //Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). Москва, апрель 1996 г. Тез. докл. М., 1996. С. 111-113; *Чеченов И.М.* Основные формы и методы вульгаризации ранней этнической истории Северного Кавказа // Там же. С. 157-159; *Шнирельман В.А.* Чей род древнее, или в погоне за призраком. К дискуссии о происхождении народов Северного Кавказа // Там же. С. 162-164; *Гаджиев М.С.* Форум археологов-кавказоведов // Дагестанская правда. 1996. 15 мая.

[214] *Гумилев Л.Н.* Искусство и этнос // Декоративное искусство СССР. 1972. № 1. С. 36-41.

[215] Там же. С. 37.

[216] *Магометов А.А.* Кубачинский язык. С. 13.

[217] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 93-99.

[218] Там же. С. 118-122.

[219] *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969. С. 124-125.

[220] *Маммаев М.М.* Исламское искусство Дагестана: формирование и характерные черты // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. С. 87.

[221] *Гумилев Л.Н.* Указ. соч. С. 36.

[222] *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. С. 12, 24.

[223] Там же. С. 6.

[224] Там же. С. 3

[225] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 60-66. Рис. 25; *Маммаев М.М.* О медночеканном искусстве сел. Кубачи. Истоки и некоторые особенности его современного функционирования // Искусство Дагестана в контексте современной художественной культуры. Сб. статей. Махачкала, 1988. С. 134-145. Рис. 1-5.

[226] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 65. Рис. 25, 1-3; Искусство Кубачи. Илл. 67; Маммаев М.М. Указ. соч. Рис. 2,5.

[227] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. Рис. 25, 5; Маммаев М.М. Указ. соч. Рис. 3.

[228] Искусство Кубачи. Илл. 121.

[229] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 158.

[230] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 53, 143. Рис. 68; Искусство Кубачи. Илл 105-110; *Гамзатова П.Р.* Женские ювелирные украшения Дагестана (XVIII – нач. XX в.). Махачкала, 1986. С. 31-39. Рис. 18-23.

[231] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 141.

[232] Там же. С. 142.

[233] *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала, 1989. С. 32.

[234] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 154-155.

[235] Там же. С. 155.

[236] Там же. С. 188-189.

[237] *Абакарова Ф.О.* Кубачинский фольклор. Этно-локальные особенности. Махачкала, 1996. С. 16.

[238] Там же. С. 19, 50.

[239] Там же. С. 45.

[240] Там же. С. 24.

[241] *Маммаев М.М.* О взаимосвязи фольклора и декоративно-прикладного искусства Дагестана // Проблемы межжанровых взаимосвязей в фольклоре народов Дагестана. Махачкала, 1990. С. 122-132.

[242] *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 173.

[243] *Гумилев Л.Н.* Указ. соч. С. 41.

[244] Там же. С. 37.

[245] *Аствацатурян Э.Г.* Дагестанские мастера серебряного и оружейного дела в городах Северного Кавказа и Закавказья в конце XIX – начале XX в. // СЭ. 1976. № 1. С. 112-124; Искусство Кубачи. С. 52-60.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе имеющихся археологических материалов, сведений средневековых письменных источников и с использованием данных историко-этнографической литературы мы постарались осветить различные вопросы истории и культуры селения Кубачи – крупнейшего художественного, а в раннем средневековье и административно-политического центра государственного образования Зирихгеран, сыгравшего важную роль в истории Северо-Восточного Кавказа периода раннего и развитого средневековья. Археологические материалы, хотя и относительно малочисленные, позволяют сделать вывод о том, что история сел. Кубачи насчитывает не менее двух тысяч лет.

В средневековых восточных письменных источниках и дагестанских исторических сочинениях Зирихгеран фигурирует наряду с такими известными раннефеодальными государственными образованиями, как Лакз, Табасаран, Кайтаг, Гумик, Серир, Филан и Шандан. При этом под названием Зирихгеран подразумевается как столица, так и все «царство («владение») – государственное образование, включающее кроме собственно сел. Кубачи и окружающих его небольших поселков Анчибачи, Муглила, Кубасана, Дашиже, Дацамаже и еще ряд селений Кубачино-даргинского нагорья – Амузги, Шири, Сулевкент, Ашты и др.

В результате политической децентрализации единого государства Зирихгеран (как и государств Лакз, Табасаран, Серир и т.д.) в XI-XII вв. происходит его распад на отдельные самостоятельные политические единицы – Кубачи, Сирха и Буркун-Дарго. Причиной распада единого государства Зирихгеран на отдельные самостоятельные единицы (общества) послужили также их разная хозяйственно-экономическая деятельность (ремесленное производство сел. Кубачи и земледельческо-скотоводческое хозяйство Сирха и Буркун-Дарго); складывавшиеся веками культурные и этнические различия между ними; стремление сел. Кубачи самостоятельно вести свою политику в отношении уцмийства Кайтагского и шамхальства Казикумухского.

В XI-XII вв. активно протекал процесс объединения небольших родовых поселков зирихгеранов Анчибачи, Кубасана, Дешиже, Муглила, а значительно позднее и Дацамаже с сел. Кубачи и образования на этой основе крупного для того времени территориально-родового поселка ши, который завершился, вероятно, в конце XIII – начале XIV в.

С завершением процесса образования территориально-родового поселения Кубачи становится самостоятельной и сильной политической единицей –

«вольным обществом», своего рода микрогосударством со своим внутренним самоуправлением. С этого времени кубачинцы-*угъбуг* (*гIугъбуг*) становятся «народом одного селения» (Е.М. Шиллинг) и продолжают оставаться таковым вплоть до современности. Важнейшие функции общественно-политической жизни кубачинцев в средние века выполняла сельская община – *джамаат*. Кубачинским обществом управлял особый общественный орган, именуемый *Чине*, представляющий собой Совет старейшин, избираемый джамаатом на народном сходе на год или на несколько лет. *Чине* состояло из 7 членов. Число это в разные периоды истории менялось. Во главе Чине находился так называемый *Чиналла бикI* («Чинальская голова»), т.е. старшина или глава (позднее его стали называть *шамхал*ом). В состав *Чине* входили еще: помощники (заместители) старейшины, глашатай-*мангуш* и три исполнителя – *хаванте*.

Чине было органом, осуществляющим свои функции по нормам обычного права и ведавшим внутренними и «внешними» делами. Вся административная и судебная власть находилась в ведении *Чине*, который мог применять самые различные меры наказания, вплоть до высшей – разрушения дома, принадлежащего виновному, с последующим выселением его в соседний населенный пункт или даже лишения жизни.

В ведении *Чине* находилась военная организация (военная дружина) *Батирте*, состоящая из числа неженатых молодых людей. Она состояла из семи отрядов по 40 человек в каждом, управлявшихся каждый своей семеркой – три так называемых *бикI халел*, из которых один был самым главным; три *туманна халел* и один *бикIелталла халел*. Каждый из отрядов имел своей резиденцией крепостную башню в селении, в которой проходило очередное дежурство каждого из членов отрядов.

В XIV-XV вв. сел. Кубачи переживает высокий экономический и культурный подъем, превращается в крупный центр высокоразвитого художественного ремесла, оружейного дела и торговли, становится средоточием мусульманской образованности и духовности.

С проникновением в Дагестан ислама и упрочением его позиций Кубачи оказалось в сфере культурного влияния стран арабо-мусульманского Востока. Кубачинцы перешли в ислам в конце XIII – самом начале XIV в. Принятие ими ислама оказало огромное влияние на все сферы их духовной жизни и на развитие их искусства. Вместе с мусульманством в Кубачи проникла высокая и передовая в условиях средневековья арабо-мусульманская культура, впитавшая в себя важнейшие достижения в области науки, философии, медицины, художественной литературы стран Ближнего и Среднего Востока. Одновременно с этим распространились специфические формы искусства, присущие художественной культуре мусульманских стран Востока. Запреты ортодоксального ислама изображать живые существа, жесткие рамки религиозных канонов и правил направили творчество мастеров на разработку орнамента, который в эпоху средневековья становится художественно совершенным, необычайно богатым по своим видам и многообразным по композиционным решениям.

В XIII-XV вв. были возведены не сохранившиеся до нас крупные архи-

тектурные сооружения дворцового типа, принадлежавшие органам местного самоуправления, так называемые *Хала хъулбе* («Большие дома»), с превосходным мастерством отделанные многочисленными каменными рельефами, вероятно, и резным деревом. В это же время были построены крепостные стены вокруг селения и круглые в плане оборонительные башни, три из которых – *Кунакла-кала*, *Акайла-кала* и *Гаджимурадкала-кала* стоят поныне, но переделанные уже в жилые дома.

Как и в странах Ближнего и Среднего Востока, в средневековом Кубачи одним из распространенных видов художественного творчества становится арабская каллиграфия. Арабскими надписями, исполненными художественно трактованными буквами в сочетании с растительным или другим видом орнамента, отделывали различные изделия – оружие, украшения, предметы из резного дерева, камня и кости, а также культовые и гражданские постройки.

Изысканной художественной отделке подвергали и рукописные книги по различным областям знаний. В XIV-XV вв. и позднее в Кубачи, как и во многих дагестанских селениях – в Акуша, Кумухе, Хунзахе, Согратле, Ихреке, Башлы, Эндери и других, работали профессиональные переписчики рукописных книг – *катиб*ы, достигшие большого мастерства в арабской каллиграфии.

Наряду с профессиональными переписчиками книг в сел. Кубачи работали и мастера художественной каллиграфии, выполнявшие узорно-эпиграфические композиции на мемориальных памятниках, а также архитектурно-декоративные работы.

Высокохудожественное ремесло и оружейное дело являлись основой существенного экономического и культурного подъема Зирихгерана-Кубачи в XIV-XV вв., сделавшего его крупнейшим не только в Дагестане, но и на всем Северном Кавказе художественным центром. Как и во всем Дагестане, в Кубачи в средние века арабский язык становится языком богослужения, науки, поэзии, делопроизводства и общения (частной и официальной переписки), активного обмена практическими знаниями и художественным опытом в области различных ремесел. В XIV-XV вв. и позднее здесь жили лица, владеющие, наряду с арабским, также персидским и тюркским языками. Характерно, что среди эпиграфических памятников Кубачи XIV-XV вв. наряду с арабскими надписями представлены также памятники с персидскими надписями (каменные архитектурные детали и надмогильные плиты).

К числу важных, но малоисследованных проблем истории и культуры Зирихгерана-Кубачи относится проблема происхождения его жителей и истоков их художественной культуры. Составной частью этой общей проблемы являются вопросы, касающиеся названия *Кубачи*, этимологии кубачинского названия селения *Угъубаже* (*ГIугъубаже*, *ГIугъабаже*) и самоназвания кубачинцев *угъбуг*. Кубачинское название селения *Угъубаже* (*ГIугъбаже*) восходит к тюркскому названию этого селения *Губеши – Губежи – Губечи – Гюбечи – Кюбечи – Кубечи – Кубачи*, имеющему то же самое смысловое значение, что и персидское название *Зирихгеран* – «кольчужники, кольчугоделатели». Самоназвание кубачинцев *угъбуг* (*гIугъбуг*) является производным от названия селения *Угъубаже* (*ГIугъубаже*). Происхождение тюркского названия *Кубачи*

связано с основным родом занятий древних предков нынешних кубачинцев – изготовлением кольчуг.

В силу значительного своеобразия материальной и духовной культуры, традиционного быта, высокоразвитого декоративно-прикладного искусства, особенностей языка и т.д. кубачинцы в XVIII-XX вв. привлекали особое внимание многих ученых и путешественников, которые высказывали самые различные, порою фантастические предположения относительно их происхождения и истоков их художественной культуры. Всякого рода вымыслы о европейском (греческом, итальянском, французском, немецком) или восточном (иранском, турецком и т.д.) происхождении кубачинцев не выдержали испытания временем. Исследованиями историков, этнографов, языковедов, фольклористов, антропологов, археологов и искусствоведов установлено, что кубачинцы не пришлые, а коренные жители Дагестана. Этногенез кубачинцев непосредственно связан с происхождением даргинцев и других народов Дагестана, сложившихся на протяжении длительного исторического развития в результате сложных этнических процессов, культурных и хозяйственно-экономических взаимосвязей и т.д.

Формирование кубачинцев как малой народности, как «народности одного селения» со своим языком, этнотерриторией, особенностями материальной и духовной культуры происходило в течение длительного времени, начиная с эпохи раннего средневековья. Процесс этот завершился, вероятно, в XII-XIII вв. в результате объединения небольших родовых поселков Анчибачи, Кубасана, Дешиже, Муглила с сел. Кубачи и консолидации этнически близких между собой обитателей этих поселков, расположенных вокруг сел. Кубачи в радиусе 3-12 км, с народом *угъбуг*.

Жители селений Амузги, Ашты, Сулевкент, Шири при общности их языка (говоров) с кубачинским языком, не консолидировались с кубачинцами и не образовали вместе с ними одну народность. В их материальной и духовной культуре, общественном и бытовом укладе, хозяйственной деятельности длительное время сохранялись и сохраняются поныне значительные различия.

Этнические особенности искусства, а также материальной и духовной культуры кубачинцев складывались в процессе формирования последних как малого этноса. Особенности эти достаточно отчетливо прослеживаются с эпохи средневековья, особенно с XIII-XV вв. в художественном бронзовом литье, медночеканном искусстве, резьбе по камню и дереву, ювелирном деле, в архитектуре культовых, светских и оборонительных сооружений, в идеологических представлениях.

Достигшее высокого уровня развития и совершенства, искусство Кубачи XIII-XV вв. предопределило его будущее развитие и этническое своеобразие. Оно оставило яркий след не только в истории искусства Дагестана, но и в многоликой общечеловеческой художественной культуре средневековья.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН АзССР – Академия наук Азербайджанской ССР.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ДАЭ – Дагестанская археологическая экспедиция.
ДГОИАМ – Дагестанский государственный объединенный исторический и архитектурный музей.
ДМИИ – Дагестанский музей изобразительных искусств.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ЗКОРГО – Записки Кавказского отделения Русского географического общества.
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИГЭД – История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. /*Под ред. М. Косвена* и *Х. Хашаева.* М., 1958.
ИИАЭ ДНЦ РАН – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук.
ИИЯЛ ДагФАН СССР – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР.
ИРГО – Известия Русского географического общества.
ИЯЛИ ДНЦ РАН – Институт языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН.
КЭС – Кавказский этнографический сборник.
МАД – Материалы по археологии Дагестана.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
РФ ИИАЭ – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук.
РФ ИИЯЛ – Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР.
СА – Советская археология.
САИАИ РАНИОН – Секция археологии Института археологии и искусствознания Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии.
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах.
СЭ – Советская этнография.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.
ТОВЭ – Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ЭВ – Эпиграфика Востока.
ESA – Evrasia Septentrionalia Antiqua.
JPEK – Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. Leipzig.

instituteofhistory.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. **Некоторые археологические данные к истории Зирихгерана – Кубачи** 13

Глава II. **Зирихгеран – Кубачи в средневековых письменных источниках** 35

Глава III. **Образование «царства» Зирихгеран и некоторые вопросы его политической истории** 48

Глава IV. **Домусульманские верования жителей Зирихгерана – Кубачи** 103

§ 1. К вопросу о зороастризме у кубачинцев 103

§ 2. О проникновении христианства и иудаизма в Зирихгеран – Кубачи 129

Глава V. **Исламизация Зирихгерана – Кубачи** 139

Глава VI. **Ислам и средневековое искусство Зирихгерана – Кубачи** 155

Глава VII. **Проблемы этногенеза кубачинцев и истоков их искусства** 189

§ 1. О происхождении названия «Кубачи», этимологии кубачинского названия селения «Угъубаже» и самоназвания кубачинцев «угъбуг» («гIугъбуг») 189

§ 2. Вопрсы происхождения кубачинцев и истоков их художественной культуры в истрико-этнографической литературе XVIII-XX вв. 202

§ 3. О формировании этнической специфики искусства кубачинцев в процессе их этногенеза 224

Заключение 244

Список сокращений 248

Маммаев Мисрихан Маммаевич

ЗИРИХГЕРАН – КУБАЧИ:
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Технический редактор *Н.В. Эседуллаева*
Компьютерная верстка *А.А. Магомедалиева*

Сдано в набор 16.03.05. Подписано в печать 30.06.05. Формат 70х100 1/16.
Бум. офсетная № 1. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Усл. п. л. 20,3. Тираж 500. Заказ № 108.

Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН
Махачкала, ул. Ярагского 75

ГУП «Типография Дагестанского научного центра РАН»
367015, Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru